

ПОСТОРОННЕЕ

ВЛІЯНІЕ.

I.

ПОСТОРОННЕЕ ВЛІЯНІЕ

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ,

СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

Соч. князя Г. В. Кугушева

(АВТОРА «КОРНЕТА ОТЛЕТАЕВА».)

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.
Въ типогр. Вѣд. Моск. Гор. Полиціи.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюля 22 дня 1858 года.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА САЛАЕВА.

ПОСТОРОННЕЕ ВЛІЯНІЕ.

РОМАНЪ.

Кто бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
Люблю тебя . . . . . .

(*Лермантовъ.*)

I.

Наступало холодное осеннее время; косой, частый дождикъ моросилъ безпрерывно влажную землю и выбивалъ мелкую дробь на стеклахъ большаго деревяннаго дома, выходившаго на двѣ улицы и только-что нанятаго семействомъ, пріѣхавшимъ изъ провинціи. Въ передней двое домашнихъ и одинъ пріѣзжій лакей, всѣ трое, впрочемъ, чисто одѣтые, въ разнородныхъ позахъ однообразно спятъ; шашечница

съ разбросанными на ней кружками, вырѣзанными изъ пробки и означающими шашки, ясно свидѣтельствуетъ, что они еще недавно отъ одного пріятнаго занятія перешли къ пріятнѣйшему; сальная свѣчка въ мѣдномъ подсвѣчникѣ стоитъ на подоконникѣ; свѣтильня значительно нагорѣла и въ шаткомъ пламени свѣчки образуетъ подобіе краснаго грибка. Дверь въ залу отворена; небрежно зажженная лампа, повѣшанная среди обоями оклеенной стѣны, какъ странникъ, заблудившійся въ пустынѣ, горитъ какъ-то робко и вяло, едва освѣщая дюжину плетеныхъ стульевъ, скромно тѣснящихся вдоль стѣнъ другъ къ другу, да маленькое роялино, небрежно брошенное въ углу. Въ комнатахъ видѣнъ, неизбѣжный при недавнемъ водвореніи, безпорядокъ; бѣлыя гардины закрываютъ, до половины, нѣсколько оконъ. Въ гостиной слышится говоръ; она обильно заставлена мягкой мебелью, обитою шерстяною матеріей желтаго цвѣта. Мебель сама собою свидѣтельствуетъ, что взятна а-про-

катъ со Срѣтенки, откуда она въ жизнь свою переѣзжала во многія и многія мѣста, прежде нежели попала въ эту гостинную. На диванѣ передъ круглымъ столомъ, на которомъ горитъ лампа, сидитъ пожилая женщина—она вся въ черномъ. Лицо этой женщины, хотя и полное, очень блѣдно и безжизненно и носитъ на себѣ отпечатокъ упадка духа, нравственнаго безсилія. Большіе, сѣрые глаза ея смотрятъ съ любовью, но любовью безсознательной, любовью *адмиративной*, созерцательной, если можно такъ выразиться, на дочь свою, молодую дѣвушку лѣтъ двадцати, сидящую у стола на креслѣ и занимающуюся вышиваньемъ по куску батиста, нашитому на черную клеенку. Дѣвушка эта не то, чтобы хороша собой, но въ неправильныхъ чертахъ ея личика есть что-то оригинальное: большіе сѣрые глаза, вздернутый носикъ, два ряда блестящихъ и ровныхъ зубовъ, глубокія ямки на щекахъ придаютъ ея физіономіи что-то веселое, смѣющееся и игривое. Темнорусые волосы,

густо взбитые на вискахъ и тщательно причесанные, оттнѣяютъ еще болѣе прозрачную бѣлизну ея кожи. Дѣвушка стройна, одѣта въ простое сѣрое барежевое платье, слегка усыпанное малиновыми горошинами, но платье это сшито прекрасно и сидитъ на ней весьма эффектно. Дѣвушка, сознавая вполнѣ миніатюрность своей ножки, не безъ намѣренія выставила ее изъ-подъ-платья на небольшую скамеечку, стоящую у ея кресла. У стола, лицомъ къ хозяйкамъ, стоитъ другая дѣвушка въ темномъ шелковомъ платьѣ и розовой шляпкѣ. Дѣвушка эта высокаго роста и съ удивительною таліей. Густые, черные локоны, слегка взбитые, упорно выбиваются изъ-подъ крошечныхъ полей шляпки. Очаровательной маленькой ручкой, обтянутой лайковою верблюжьяго цвѣта перчаткой, она безпрестанно мнетъ и отстраняетъ отъ своихъ блѣдныхъ щечекъ упрямые локоны. Свѣтъ лампы прямо падаетъ на ея блестящіе черные глаза, осѣненные длинными рѣсницами. Дѣвушка эта,

не будучи вполнѣ красавицей, носитъ на всемъ существѣ своемъ отпечатокъ такой изящности и граціи, которая дается не многимъ въ удѣлъ капризною судьбою. Каждое движеніе дѣвушки такъ пластично, такъ идеально-прекрасно, что ею вдохновилась бы всякая кисть, застучалъ бы рѣзецъ, заскрипѣло бы перо. Въ настоящую минуту дѣвушка, облокотясь однимъ кулачкомъ на столъ и граціозно изогнувшись, подавала другую ручку хозяйкѣ. Молодой человѣкъ, бѣлокурый, завитой, одѣтый по послѣдней модѣ, сидѣлъ поодаль въ уголкѣ и курилъ папироску.

— Ну, прощайте же, Аграфена Павловна, сказала дѣвушка въ шляпкѣ, адресуясь къ хозяйкѣ:—рѣшительно прощайте. Который разъ я повторяю эту фразу и все не могу уѣхать.

— Ну, погоди еще, Вѣрочка, сказала дѣвушка, занимавшаяся шитьемъ.

— Вотъ чай сейчасъ подадутъ, вмѣшалась Аграфена Павловна.

— Merci, право не могу, отвѣчала Вѣра, слегка присѣдая барынѣ и въ тоже время протягивая ручку по направленію къ дочери: —прощай.

— Прощайте, отвѣчала она, не пожимая руки Вѣры и смотря на нее очень пристально.

— Вы стало быть рѣшительно ѣдете, Вѣра Васильевна? прибавила она шутливо строгимъ тономъ.

— Рѣшительно.

— Вы не останетесь съ нами весь вечеръ, не отошлете кареты?

— Не могу, не могу, Настенька, maman одна, настаивала Вѣра, хотя ей было очень неловко.

Настинька дѣлала видъ, что сердится.

— Какъ онѣ милы вмѣстѣ, обратилась Аграфена Павловна къ молодому человѣку: — совершенные дѣти! Любятъ другъ друга до безумія, а сойдутся — всегда поссорятся. Такія уморительныя дѣвочки!

Молодой человѣкъ, молча, улыбнулся до-

вольно язвительно и продолжалъ курить папироску.

— Ну, полно же сердиться! прощай! сказала Вѣра своей пріятельницѣ, идя къ двери.

— На васъ? все также продолжала Настя: вы не стоите моего гнѣва.

— Да оставайся, прибавила она другимъ тономъ:—какъ это глупо!

— Не могу.

— Мнѣ скучно.

— Очень жаль.

— Дѣти! совершенныя дѣти! говорила Аграфена Павловна.

Но Вѣрочка, кивнувъ молодому человѣку, вышла въ залу. Онъ быстро всталъ съ креселъ, но, по несчастью, поскользнувшись на паркетѣ, чуть-чуть-было не потерялъ ровновѣсія, папироска выпала изъ рукъ его и, ударясь о паркетъ, далеко вокругъ себя обсыпала его потухающими искрами. Это ничтожное и никѣмъ почти незамѣченное обстоятельство пока-

залось такъ смѣшно Настенькѣ, что она разразилась громкимъ смѣхомъ, а Вѣра, сдѣлавшая было два шага впередъ, вернулась, чтобы узнать въ чемъ дѣло.

— Что такое? спросила она, стоя въ дверяхъ гостинной.

Но Настенька такъ громко еще смѣялась, что не могла выговорить ни одного слова и только, вытянувъ одну руку впередъ, указывала на молодаго сконфуженнаго человѣка.

— Не ужъ-то это васъ удивляетъ? обратился онъ къ Вѣрѣ:—кузина постоянно смѣется—я бы удивился, если бы она не смѣялась.

— Я думаю, прервала его со смѣхомъ Настенька:—поскользнулся, чуть не упалъ а бѣдная папироска за все поплатилась! И какая у васъ въ эту минуту, cousin, была жалкая физіономія.

Настенька снова покатилась со-смѣху.

— Это нервный припадокъ, продолжалъ молодой человѣкъ: — истерическій хохотъ.

— Что вы это, батюшка, быстро вступилась Аграфена Павловна: — какой припадокъ? Господи помилуй! Дитя она, совершенное дитя, характеръ у ней такой веселый: а вы говорите: припадокъ.

— Не сердитесь на меня, Поль, сказала Настенька, подавая руку своему родственнику.

— Я, право, нисколько, отвѣчалъ онъ: — я привыкъ.

— Виновата ли я, что это было такъ смѣшно? сказала Настенька, продолжая смѣятся и, взявъ Вѣрочку за талію, вышла съ нею въ залу, гдѣ, отойдя въ сторону, сказала: — теперь слушай, я говорю серьозно.

И она начала что-то нашептывать Вѣрѣ.

— Хорошо, хорошо, повторяла она: — я понимаю, я сдѣлаю.

— Смотри же, продолжала пріятельница: — чтобы это было такъ, иначе я въ самомъ дѣлѣ разсержусь.

— Хорошо, хорошо, смѣясь говорила Вѣра: — и такъ до завтра?

— До завтра.

— Прощай!

— Прощай!

Вѣра ушла было въ переднюю, но едва успѣла надѣть салопъ, какъ въ залѣ послышалась:

— Вѣрочка, поди-ка сюда: я забыла тебѣ что-то сказать....

И Вѣра въ салопѣ вошла снова въ залу, а Настенька принялась снова ей что-то нашептывать. Наконецъ Вѣра опять вышла въ передню и готова уже была переступить порогъ сѣней, когда Настенька изъ зальной двери еще разъ вернула ее и опять что-то шепнула. Наконецъ дѣвушки поцѣловались нѣсколько разъ. Вѣра намѣревалась окончательно уйти, когда Настенька, догнавъ ее у самыхъ сѣней, куда дверь была отворена, протянула руку и, приставя ее къ губамъ Вѣра, сказала:

— Цалуй же.

Вѣра поцѣловала руку пріятельницы. Лакеи, перемигнувшись, улыбнулись.

— Еще цалуй, продолжала она.

Вѣра еще разъ поцѣловала руку и прибавила:—

— Однакожъ, отойди отъ двери, мой ангелъ: дуетъ, ты простудишься.

И съ этимъ словомъ она вышла въ сѣни, а Настенька, быстро перебѣжавъ залу, заняла прежнее свое мѣсто въ гостиной.

— Наша-то ихнюю въ решпектѣ держать изволитъ, замѣтилъ одинъ лакей другому, и оба, усѣвшись какъ можно покойнѣе, тотчасъ же заснули.

II.

— Скажите, пожалуйста, какъ, бишь, фамилія этой барышни? робко спросилъ молодой человѣкъ.

Настенька, вмѣсто всякаго отвѣта, громко расхохоталась.

— Опять? нѣсколько обиженнымъ тономъ воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Она дитя, дитя, вмѣшалась Аграфена Павловна: —ей все смѣшно, да и слава Богу, что смѣшно — значитъ счастлива, коли весела, значитъ горя въ жизни не испытала, да и то сказать, много ли она

живетъ на свѣтѣ? Что же она? ребенокъ сущій.

— Нѣтъ, ты представь себѣ, прервала ее Настенька:—что онъ не знаетъ фамиліи Вѣрочки.

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, вступился за себя молодой человѣкъ.

— Какъ нѣтъ ничего удивительнаго? Она прошлую зиму, какъ и теперь, бывала у насъ каждый день, больше: два, три раза въ день. Я бывало напишу только: пріѣзжай и пріѣдетъ. Наконецъ это вошло въ привычку—куда бы она ни поѣхала, откуда бы ни возвращалась, а ужъ къ намъ должна заѣхать.

— Однакожъ это ничего не доказываетъ:—вы можете знать ее коротко, а я нѣтъ. Я прошлаго года кончалъ курсъ, былъ очень занятъ, свободенъ только съ субботы на воскресенье, иногда, и то мелькомъ, видалъ эту дѣвицу у васъ, не зная кто она такая. Еще прошлой зимой удивлялся я обращенію вашему съ нею, но думалъ, вѣрно она мелкопомѣстная, со-

сѣдка по деревнѣ. Теперь вижу ее опять у васъ тотчасъ же по вашемъ возвращеніи. Опять то же обращеніе? Что это значитъ? Кто она такая? Это очень интересно.

— Зачѣмъ же мнѣ мѣнять мое съ ней обращеніе, consin? меня ничто не измѣнитъ: я всегда останусь такою же. Я, предупреждаю васъ, не легко разстаюсь съ моими жертвами. Скажите: вы меня любите? спросила она его другимъ тономъ.

— То есть какъ?

— Ну, разумѣется, не какъ претендентъ на мою руку, которой, мимоходомъ сказать, я бы вамъ и не отдала, а какъ родственникъ, какъ другъ дома.

— Ну, разумѣется, я вамъ очень преданъ, готовъ на все, да вы то этого не цѣните: за мою преданность вы платите мнѣ однѣми насмѣшками.

— Иначе я любить не умѣю. Дружба двухъ людей тогда только и крѣпка, когда одинъ уступаетъ другому.

— Кто же изъ васъ двухъ съ этой барышней кому уступаетъ?

— Не знаю, смѣясь отвѣчала Настенька.

— А прекрасная эта барышня! Какъ же ея фамилія? Скажите.

— Струйская, Струйская, вмѣшалась Аграфена Павловна:—отецъ у ней умеръ, оставивъ небольшое состояніе; мать женщина хорошая, образованная, только слабая женщина въ отношеніи къ дочери, она изъ нея дѣлаетъ все, что хочетъ — я мать не извиняю: какъ можно любить дочь такой ослѣпленной любовью, женщина совершенно безъ всякаго характера.

Аграфена Павловна и не замѣчала, что осуждала въ другой то, чего сама за собой не видала.

— Эти Струйскіе, продолжала она: — долго жили въ Петербургѣ; какъ-то, лѣтъ восемь тому назадъ, доктора предписали моей Настенькѣ морское купанье. Пріѣзжаемъ мы въ Гельзингфорсъ, наняли домикъ, живемъ себѣ преспокойно, а рядомъ-

то съ нами въ домикѣ — тамъ, знаете, все домикъ подлѣ домика на иностранный манеръ — рядомъ съ нами поселилось семейство. Палашка моя мнѣ и говоритъ, что вотъ молъ, сударыня, рядомъ съ нами баринъ живетъ съ барыней, да и съ дочкой, при дочкѣ то гувернантка, шесть сотъ цѣлковыхъ — то то у насъ деньги то дешевы! Чай тамъ во Франціи-то у себя бѣлье стирала, а къ намъ пріѣхала шесть сотъ рублей взяла, а вѣдь это, люди говорятъ, на ассигнаціи двѣ тысячи сто рублей!

Подносъ съ чаемъ прервалъ размышленія барыни.

— Да-съ, точно, гувернантки очень дороги, замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Вы у меня спросите, продолжала Аграфена Павловна, усердно принимаясь за свою чашку: — я съ ними всю жизнь возилась, батюшка. Какъ вы думаете, сколько я ихъ перемѣнила?

— Штуки три?

— Девятнадцать, батюшка, девятнад-

цать! Да нельзя было держать долго: народъ вертлявый, французскій, а покойникъ-то мой куды до вертлявыхъ былъ охотникъ, ну оно, знаете, женѣ прискорбно; а все къ лучшему: какъ девятнадцать-то ихъ перебывало, Настенька-то моя у одной одно займетъ, у другой—другое, у всѣхъ-то и много. Оттого, батюшка, и вышло, что она, глядишь, не получше ли Вѣрочки воспитана-то будетъ. Да къ чему, бишь, это я рѣчь-то клонила? Да, вспомнила! Домики-то наши рядомъ, знаете, и палисадники-то—одна рѣшетка раздѣляла ихъ и та плохенькая — вотъ выбѣжитъ моя дѣвочка въ палисадникъ поиграть и ихъ-то тоже, знаете, выбѣжитъ, ну дѣти и познакомились. Въ публичный садъ гулять пойдутъ — встрѣтятся; въ купальни пойдутъ — тоже встрѣтятся. Дальше, да больше, да и подружились дѣвочки-то: играютъ все вмѣстѣ—цѣлыя комедіи представляли, такая потѣха. Моя-то все, знаете, какую-нибудь королеву корчитъ или знатную даму, а Вѣрочку-то фрейлиной

сдѣлаетъ или тамъ служанкой какой, командуетъ ей, знаете, приказываетъ, смѣхъ, да и только. Ну, разумѣется, и мы, глядя на дѣтей-то, познакомились, да вотъ съ тѣхъ поръ и дружны. Дѣвочки-то наши и теперь все вмсѣтѣ; ну, конечно, одного общества, вездѣ вмѣстѣ бываютъ. Да и дѣвочка-то она славная! Добрая такая, ужъ такъ мою Настеньку любитъ, что я и не знаю.

— А что? спросила Настенька молодаго человѣка, желая перебить длинную рѣчь матери:—какъ вамъ кажется, кто изъ насъ двухъ прежде замужъ выйдетъ?

— Право... я не знаю... краснѣя, отвѣчалъ молодй человѣкъ.

— Ну такъ я вамъ скажу: я выйду прежде.

— Да?

— Непремѣнно.

— Но какъ вы можете это знать?

— Очень хорошо знаю: во-первыхъ; Струйскіе ведутъ какую-то странную жизнь, ограничиваютъ кругъ знакомства нѣсколь-

кими избранными, а мы, напротивъ, мы нынѣшнюю зиму будемъ жить открыто. Не правдали, maman?

— Конечно, мой дружокъ, отвѣчала Аграфена Павловна: — лишь бы средства только позволили; вотъ рожь-то ни почемъ въ провинціи, овса совсѣмъ нѣтъ...

— А что, братецъ, у васъ много знакомыхъ? продолжала спрашивать Настенька.

— Есть таки знакомые.

— Вотъ мы дадимъ на будущей недѣлѣ танцовальный вечеръ, привозите вашихъ знакомыхъ, только выбирайте такихъ, которые знакомы съ московскоймолодежью.

— Но какая вамъ отъ этого польза? Я не понимаю, возразилъ молодой человѣкъ.

— Вы очень наивны и невинны, Поль, а я ужь опытна по этой части: третью зиму выѣзжаю.

— Вторую, вторую, быстро перебила ее Аграфена Ивановна, не смотря даже на то, что становилось поздно, и что сонъ начиналъ клонить ее.

— Я давно выѣзжаю, продолжала дѣвушка, обращаясь къ своему родстенни-ку:—я очень опытна: мнѣ двадцат лѣтъ.

— Девятнадцать, девятнадцать, перебила ее Аграфена Павловна: — кому лучше знать? Я какъ теперь помню не только день, но и ночь твоего рожденья: жили мы тогда, знаете, обратилась она къ молодому человѣку:—на Плющихѣ, домъ Свинцова нанимали, холодный, сырой такой....

— Maman! перебила было ее Настенька, но старуха продолжала.

— Сидимъ мы, знаете, такъ разъ вечеромъ, мужъ играетъ въ бостонъ съ Анной Ивановной—родственница у насъ въ домѣ жила, тоже изъ вертлявыхъ, а я то....

— Ахъ, maman, перебила ее снова Настеньк:—кому же до этого какое дѣло?

— Слышите: кому какое дѣло! вскрикнула Аграфена Павловна и пустилась описывать малѣйшія подробности, сопровождавшія рожденіе Настеньки.

— Кончили вы? спросила Настенька, обращаясь къ матери.

— Кончила, а что?

— Ну теперь мы, стало быть, можемъ продолжать нашъ разговоръ. Слушайте, Поль, обратилась Настенька снова къ молодому человѣку: — я знаю по опыту, что безъ знакомства въ Москвѣ всегда останешься въ тѣни: на балахъ, если нѣтъ знакомыхъ кавалеровъ, какъ ни будь хорошо одѣта—всегда просидишь въ углу. А быть на балѣ и не танцовать—ужасно!

— Вотъ наше-то время и лучше было, вмѣшалась старушка: — бывало знакомый ли, незнакомый ли кавалеръ, такъ-то съ нимъ отплясываешь, что на-поди, а теперь всякаго надо представить. Образованіе, значитъ....

— Вотъ для этого-то вы мнѣ и нужны, перебила ее Настенька, обращаясь къ молодому человѣку: — вы должны мнѣ представить всѣхъ вашихъ знакомыхъ кавалеровъ—они всѣ должны ѣздить къ намъ, это и вамъ придастъ вѣсу въ обществѣ:

всѣ узнаютъ, что домъ Дебелиныхъ вамъ родня, а вы только кстати или некстати, всѣмъ и каждому кричите: ma tante Madame Débèline, chez ma tante M-me Débèline, ma cousine M-lle Débèline! Эти возгласы заинтересуютъ молодежь. Станутъ спрашивать: кто эти Дебелины? Что такое эти Дебелины? А ваше дѣло расписать насъ самымъ лучшимъ образомъ—я вамъ позволяю меня хвалить, сколько хотите, даже приписать нѣсколько оригинальности. Однимъ словомъ, я требую отъ васъ сближенія этихъ господъ съ нашимъ домомъ.

— Я постараюсь, кузина, молвилъ Поль:—я сдѣлаю все, что могу.

— А я буду хлопотать съ своей стороны, продолжала Настенька:—и поставлю нашъ домъ на такую ногу, что объ немъ заговорятъ. Ужъ если быть знакомыми, то съ высшимъ обществомъ, а не съ какой нибудь дрянью. Хоть и трудно этихъ аристократовъ заманить къ себѣ, но вѣдь эти аристократы—тѣ же люди, у нихъ есть

свои слабыя струны и вотъ на этихъ-то струнахъ я разъиграю свои варіаціи.

Настенька громко захохотала, а Поль подумалъ:—въ этой дѣвченкѣ есть что-то бѣсовское; нашему брату съ ней слишкомъ связываться не слѣдъ. Сама толкнетъ въ какой-нибудь омутъ, а тамъ и руки не подастъ, чтобы изъ него выкарабкаться: съ нею надо быть осторожнымъ.

— Что же вы все молчите, Поль? продолжала Настенька:—какъ вы находите мои теоріи? Впрочемъ какъ бы вы ихъ ни находили, мнѣ, извините, все равно. Вотъ что я хотѣла вамъ сказать. Разсыпаясь передъ молодежью въ похвалахъ намъ Дебелинымъ, вы можете закинуть удочки, на крючки которыхъ, вмѣсто червячковъ, прикрѣпите имена Вѣрочки Струйской и Лизаньки Холминой—можетъ быть и клюнутъ! Обожатели этихъ двухъ нимфъ, узнавъ, что онѣ бываютъ у насъ, сдѣлаютъ все на свѣтѣ, чтобы попасть къ намъ — для этихъ нимфъ, разумѣется. А тамъ, что дальше будетъ, то докажетъ время.

— Одна изъ этихъ нимфъ, робко замѣтилъ молодой человѣкъ: — вашъ искренній другъ.

— Я дружна съ обѣими.

— И такъ объ нихъ выражаетесь!

— Что-же обиднаго въ названіи: нимфа? Что граціознѣе, эфирнѣе, неземнѣе нимфы?

— Ну, Христосъ съ ними—съ нимфами! вмѣшалась только-что проснувшаяся Аграфена Павловна:—это даже и грѣшно, а на ночь такъ, право, и опасно: приснятся, пожалуй! И что это за нимфы такія? И какъ это дѣвочекъ молоденькихъ называть такимъ непристойнымъ именемъ! И имъ, и тебѣ одно опредѣленіе: дѣти, и дѣлу конецъ, самыя невинныя дѣти.

— Ну положимъ, сказала Настенька:— скажите мнѣ, братецъ, обратилась она къ нему: — знакомы вы съ Петей Волынкинымъ?

— Да, немножко.

— Ну, такъ слушайте же меня, monsieur Сермягинъ, познакомьтесь съ нимъ какъ можно короче; я этого хочу. Вы

носите прекрасное имя, Сермягинъ — хорошая фамилія. Я увѣрена, что Петя Волынкинъ, fine fleur современной молодежи, не откажется отъ ближайшаго знакомства съ вами и не отниметъ у васъ этой чести, потому что это честь, Поль, увѣряю васъ. Знаете что? сказала она наконецъ другимъ тономъ, вставая и подходя къ Полю:—если вы привезете къ намъ Волынкина, я не знаю, что я готова для васъ сдѣлать. Пожалуйста, милый Поль, привезите его. Я вамъ вышью подушку. Устройте, чтобы онъ бывалъ у насъ часто—я вамъ вышью три подушки. Я даже пожалуй, готова вамъ связать одно одѣяло и два колпака. Но если же вы этого не сдѣлаете, тогда—война, война на смерть: Постоянной насмѣшкой я отравлю ваше существованіе: я не только не вышью вамъ подушки, но, увѣряю васъ, доведу васъ до такаго состоянія, что ваша собственная подушка будетъ постоянно вертѣться подъ вашей буйной головушкой. Я доведу васъ до отчаянія, лишу аппе-

тита, сна и покоя. А маменька, посмотрите, какъ сладко спитъ.

И она указала на спящую Аграфену Павловну.

— Да, Поль, продолжала Настенька серьезно: — вы меня не знаете: я въ извѣстныя минуты могу сдѣлать много вреда человѣку, который не покорится моему желанію, не исполнитъ моихъ плановъ...

Настенька говорила это съ жаромъ и убѣжденіемъ: глаза ея блистали; кровь прилила къ щекамъ; она дышала тревожно; грудь подымалась высоко; тонкія и широкія ноздри ея вздернутаго носика сильно раздувались, налитыя розовой кровью: казалось, пламя готово было изъ нихъ брызнуть двумя огненными струями. Молодой человѣкъ невольно отодвинулся отъ нея на креслѣ, лихорадочная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу—такъ страшна и такъ прекрасна въ эту минуту была Настенька.

— Вы сдѣлаете то̀, о чемъ я прошу васъ? сказала она, подходя къ нему еще ближе и кладя обѣ руки на плеча его.

— Не знаю.... не даю слова.... врядъ ли, робко отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, Поль, я васъ прошу, не заставляйте меня приказывать.

—Я постараюсь избѣжать приказанія, говорилъ Поль,

Но Настенька сомнѣвалась.

— Вы добрый мальчикъ, славный мальчикъ, я въ васъ увѣрена, сказала она и, схватя обѣими руками по ручкѣ кресла, на которомъ сидѣлъ молодой человѣкъ, ловко изогнулась и поцѣловала его въ лобъ.

Электрической искрой пробѣжалъ этотъ поцѣлуй по всему существу молодаго человѣка: онъ закрылъ глаза и откинулъ голову на спинку креселъ. Въ это самое время Настенька, замѣтивъ, что Аграфена Павловна, давно крѣпко спавшая, просыпается, какъ змѣя, отскочила отъ молодаго человѣка въ сторону и въ два прыжка очутилась снова на своемъ мѣстѣ.

— Однакожь не пора ли спать? сказала, вставая, Аграфена Павловна: — благо

ужина-то нѣтъ. Вотъ глупая мода, подумаешь! Не даетъ мнѣ, батюшка, дочь ужинать.

— Ступай, Maman, мы тебя не задерживаемъ, ступай. Не бойся меня компрометировать, оставляя съ молодымъ человѣкомъ наединѣ: во-первыхъ, онъ мнѣ родня, а во-вторыхъ...

Она долгимъ взглядомъ взглянула на Поля и наконецъ сказала:

— Я не могу навѣрно опредѣлить его возраста.

— Такъ я пойду, грустно сказала Аграфена Павловна:—силъ моихъ нѣтъ, спать хочется. А отъ чего? Отъ изнуренія. То ли дѣло въ деревнѣ-то: какъ десять часовъ, такъ ужинъ и на боковую.

— Однако надо тебѣ отвыкать отъ этой привычки, maman! Что за срамъ въ Москвѣ ложиться такъ рано! Здѣсь въ десять часовъ вечеръ только начинается, а ты спать идешь. Я еще это терплю, пока нѣтъ никого, а какъ только станутъ къ

намъ съѣзжаться, тогда кончено дѣло—я не позволю.

Настенька говорила все это шутливымъ, веселымъ, игривымъ тономъ, такъ что значеніе словъ можно было понимать двояко.

— Ахъ ты, моя шалунья! сказала Аграфена Павловна, цѣлуя Настеньку въ лобъ: — полуночница! и съ этими словами, обратясь къ молодому человѣку, прибавила: до завтра, батюшка, кушать прибѣгайте. Смерть спать хочется....

Аграфена Павловна направилась въ другую комнату, а Сермягинъ, оправясь отъ смущенія во время ея разговора съ дочерью, взялъ шляпу, надѣлъ перчатки и стоялъ въ той позѣ, которая ясно намекала на намѣреніе его улизнуть. Какъ только дверь за Аграфеной Павловной затворилась, Сермягинъ, низко поклонясь Настенькѣ, пожелалъ ей покойной ночи и отправился было въ залу.

— Постойте, Поль, сказала Настенька:—постойте на минуту.

Молодой человѣкъ, рѣшившійся уйти, остановился однакожъ въ дверяхъ гостиной.

— Подойдите, сказала Настенька, и указала ему на кресло у стола, противуположное своему. Молодой человѣкъ, молча, подошелъ и сѣлъ на указанное ему мѣсто.

— Вы со мной не откровенны, начала Настенька: — а это не хорошо, особенно въ ваши лѣта. Напрасно вы думаете скрыть отъ меня то, что происходитъ въ душѣ вашей; вы не то, что были прошлаго года: вы были веселы, любезны, даже остры—послѣднее было рѣдко, но было— вы не блестящаго ума — никогда не должно придавать лишняго достоинства человѣку, напротивъ—но вы добрый, славный мальчикъ; такъ будьте же откровенны со мною, какъ съ докторомъ. Хотите, я васъ вылечу?

— Я васъ не понимаю, бормоталъ молодой человѣкъ: — вы мнѣ говорите такія горькія истины, а между тѣмъ во мнѣ, дуракѣ, принимаете такое участіе. Какая ваша цѣль?

— А вы поняли, что у меня есть цѣль?

— Вы, кажется, ничего не дѣлаете безъ цѣли.

—Это правда. Совѣтую и вамъ держаться того же правила. Но не въ этомъ дѣло. Я хотѣла вамъ сказать вещь, которую вы знаете, чтобы заставить васъ сказать то, чего я не знаю. Вы влюблены?

— Я? вскрикнулъ молодой человѣкъ, краснѣя до ушей; онъ еще не потерялъ этой способности.

— Да, вы влюблены, продолжала Настенька:—это очень естественно въ ваши лѣта. Пурпуръ на ланитахъ! продолжала она смѣясь:—это добрый знакъ, значитъ вы сознаетесь, что влюблены?

— То есть, возразилъ молодой человѣкъ:—я могу любить.... къ чему же тутъ пурпуръ и ланиты....

— Для красоты слога... но не въ томъ дѣло; въ кого вы влюблены, вотъ что вы мнѣ скажите?

— Да, вскрикнулъ молодой человѣкъ:—

вотъ то, чего вы не знаете, а желали бы знать.

— Это не трудно было угадать, Поль. Мнѣ нужно только ея имя.

— Ну, а если вы его не узнаете?

— Тогда берегитесь, Поль. Впрочемъ, если эта женщина только не актриса, то....

— О Боже избави! горячо вступился молодой человѣкъ.

— То я могу, продолжала Настенька:— я могу приблизительно описать вамъ ее.

— Это было бы любопытно послушать!

— Я могу ошибиться, продолжала Настенька:—только въ цвѣтѣ ея глазъ и волосъ, да въ степени роста, за то ручаюсь за остальное.

— Это удивительно!

— Ну, слушайте же и удивляйтесь. Она, по всѣмъ вѣроятіямъ, женщина лѣтъ подъ тридцать и даже за тридцать, замужняя, мужъ, старикъ со звѣздой и лы-

синой, женщина богатая, блѣдная, интересная и, надо полагать, разочарованная. Мальчики вашихъ лѣтъ иначе не влюбляются, какъ въ тридцатилѣтнихъ, замужнихъ, блѣдныхъ, богатыхъ и разочарованныхъ. Похожъ портретъ?

— Нисколько. Она дѣйствительно замужемъ.

— Ну, вотъ, видите, перебила его Настенька.

— Мужъ—сенаторъ, продолжалъ молодой человѣкъ:—вся Москва его знаетъ....

— Со звѣздой и лысиной, вмѣшалась Настенька.

— Но она собственно, продолжалъ молодой человѣкъ:—совершенный ангелъ; ея замужество — цѣлый романъ: ее выдалъ опекунъ противъ воли за богатаго старика—она страдалица.

— И она васъ любитъ? быстро спросила Настенька.

— Она? нѣтъ.... это невозможно... отвѣчалъ отрывисто молодой человѣкъ: та-

кое счастье несбыточно, стою ли я ее? И что же я такое, чтобы могъ надѣяться? Она окружена роскошью, почетомъ, а я.... что же я?

— Новичокъ, сказала Настенька:—свѣтскія женщины очень любятъ новичковъ. Чѣмъ же вы хуже другихъ, если не лучше: у васъ такое молодое смазливенькое личико — я не знаю, умна ли только ваша очаровательница, то-есть умна ли на столько, чтобы не любить мальчишекъ. Ну, признайтесь, она васъ любитъ? Да?

— Не знаю.... право.... я... не имѣлъ случая замѣтить, несвязно бормоталъ молодой человѣкъ.

— Однакожь, продолжала Настенька:— цвѣтокъ, какъ будто нечаянно уроненный, какой-нибудь лишній бантикъ, съ намѣреніемъ потерянный, лопнувшая перчатка, небрежно брошенная на туалетный столикъ, обрывокъ шелку, шерсти отъ работы—вся эта дрянь, вѣроятно, тлѣетъ на вашемъ молодомъ сердцѣ, всѣ эти неуловимые признаки начинающейся благосклон-

ности не для того ли и растрачены, чтобъ тлѣть на вашемъ сердцѣ? Какихъ же вамъ еще доказательствъ?

— Почемъ вы знаете, что все это у меня есть? горячо и необдуманно прервалъ ее Сермягинъ.

— А, а! проговорились, сказала Настенька: — но я вамъ скажу больше: всѣ эти цвѣточки, лоскуточки, тряпочки и прочее, съ такимъ усердіемъ подбираемое вами, не ускользнуло отъ вниманія мужа, которому вы годитесь въ сынки, если не во внуки, и онъ, вѣроятно, думая сдѣлать лучше, заперъ для васъ дверь своего дома и отперъ сердце жены. Не такъ ли? Препятствія усилили любовь. Вы встрѣчаетесь съ нею только гдѣ-нибудь въ театрѣ или на гуляньѣ и, молча, обмѣнявшись краснорѣчивыми взглядами, изнываете другъ по другѣ.

Настенька слегка засмѣялась, замѣчая, что ея импровизація случайно подходила къ истинѣ.

— Это чародѣйство! горячо вскрикнулъ

молодой человѣкъ: —какъ вы могли узнать все это? Кто могъ сказать вамъ?

— Это ужъ мое дѣло, смѣясь, замѣтила Настенька: — но теперь я хочу только одного: кто же эта жертва ревности старика? Назовите мнѣ ея фамилію.

— На что вамъ? съ какою цѣлью вы меня спрашиваете? Нѣтъ, я не могу сказать.

—Смотрите, Поль, если вы не скажете, я узнаю сама, тогда хуже будетъ: я употреблю всѣ, зависящіе отъ меня способы— а согласитесь, что я ихъ имѣю — чтобы узнать, кто она такая и, конечно, тогда не остановлюсь ни предъ какимъ препятствіемъ, если бы даже я могла этимъ компрометировать любимую вами женщину.

— Нѣтъ, кузина, горячо сказалъ молодой человѣкъ:—вы этого не сдѣлаете—это невозможно.

— Отъ васъ зависитъ: назовите ее сами.

— Но для чего вы хотите знать ея имя?

— Повторяю вамъ: это мое дѣло. И такъ, кто же она? Постойте, впрочемъ, вы можете мнѣ только намекнуть, я сама догадаюсь. Какъ ее зовутъ?

— Полина, робко произнесъ Поль.

— Поль и Полина, сказала Настенька: — какое сочетаніе именъ! Была даже французская пьеса подъ этимъ названіемъ. Но позвольте: Полина.... Полина....

Настенька сдѣлала видъ будто перебираетъ въ умѣ всѣхъ своихъ знакомыхъ.

— Полина, повторила она послѣ молчанія: —ея фамилія начинается на Р.

Молодой человѣкъ обнаружилъ замѣшательство.

— Она княгиня? продолжала спрашивать Настенька.

Молодой человѣкъ еще болѣе сконфузился.

— Блондинка, большіе голубые глаза?

Поль окончательно растерялся.

— Ну, я вамъ скажу, кто это, кончи-

ла Настенька: — княгиня Полина Рогож ская.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ невольно, закрывъ лицо руками, а кровь между тѣмъ приливала къ головѣ его, злость и негодованіе кипѣли въ сердцѣ.

— Ты демонъ, демонъ, думалъ молодой человѣкъ: — и я не могу задушить тебя, и я невольно поддаюсь тебѣ!

Настенька между тѣмъ торжествовала.

— Такъ вотъ это кто! продолжала она: у васъ не дурной вкусъ, cousin. Давно бы вы сказали, я ее очень хорошо знаю, мы были съ нею дружны, я была у нея на свадьбѣ. Полина бывала у насъ очень часто прошлую зиму.

— Неужели! вскрикнулъ молодой человѣкъ:—она у васъ бывала?

— И бывала одна, лукаво замѣтила Настенька.

— Странно, что я ее не встрѣтилъ ни разу.

— А теперь, сказала Настенька: — и никогда не встрѣтите.

— Отчего же?

— Оттого, что я буду избѣгать встрѣчи съ нею. Не велю принимать ее.

— За что же такая немилость? возразилъ молодой человѣкъ: — за что же вы лишите Аграфену Павловну удовольствія видѣть княгиню?

— На счетъ этого не безпокойтесь, Поль. Маменька дѣлаетъ то, что я хочу. И не одна маменька это дѣлаетъ, увѣряю васъ.

— Въ такомъ случаѣ вы это сдѣлаете собственно для того, чтобы лишить меня возможности, хоть здѣсь, на минуту, видѣть этого ангела.

— Разумѣется, сказала Настенька: — тѣмъ болѣе, что я теперь знаю, какія существуютъ между вами отношенія. Свѣтъ такъ золъ, Поль: могутъ сказать, что мы съ maman нарочно устроиваемъ свиданіе между вами: вы же намъ родственникъ, maman же такъ добра — могутъ сказать, что мы тутъ имѣемъ какіе-нибудь виды.

— Э! Боже мой! возразилъ молодой че-

ловѣкъ:—зачѣмъ вы приписываете свѣту идеи, отъ которыхъ онъ такъ далекъ? Кто можетъ подумать, чтобы вы были способны на подобные поступки? Наши встрѣчи приписали бы случаю и больше ничему.

— Это съ одной стороны справедливо, замѣтила Настенька:—но вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что можно все перетолковать въ разныя стороны.

— Однакожь, сказалъ молодой человѣкъ, вставая: — становится поздно, прощайте! Зачѣмъ вы меня удержали? Вы, какъ искусный дипломатъ, должны быть очень довольны, что выпытали у меня мою тайну, которая, я надѣюсь, останется между нами.

—Не ссорьтесь со мною, вставая въ свою очередь сказала Настенька:—вамъ же отъ этого было бы хуже.

Она подала ему руку.

— Прощайте! Богъ съ вами! сказалъ онъ, идя къ залѣ.

— Ну, что же, Поль, крикнула она ему вслѣдъ:—представите вы намъ Волынкина?

Молодой человѣкъ остановился въ дверяхъ гостиной.

— Не знаю, сестрица, сказалъ онъ, подумавши:—свѣтъ такъ золъ, къ тому же я вамъ родственникъ, а Волынкинъ такъ чрезвычайно богатъ. Могутъ подумать, что я съ намѣреніемъ устроиваю это сближеніе, имѣю тутъ какіе-нибудь виды.

— А а? Поль! сказала Настенька: — я начинаю мѣнять мое о васъ мнѣніе: вы не такой новичокъ, какимъ кажетесь сначала. Но я отвѣчаю вамъ вашими же словами: зачѣмъ вы приписываете свѣту идеи, которыхъ онъ не имѣетъ—посѣщеніе Волынкина припишутъ случаю, ничему болѣе. Но не будемъ играть словами: привезите Волынкина, и я приму княгиню.

— А! вскрикнулъ молодой человѣкъ:— такъ вотъ къ чему клонилась вся эта исповѣдь.

— А вы какъ бы думали? смѣясь, спросила Настенька:—мнѣ нужно было оружіе, которымъ я могла бы побѣдить васъ, и я нашла его, мой талисманъ — княгиня, и

вы сдѣлаете все, что я пожелаю. Не такъ ли? Прощайте, прощайте, cousin.

— Прощайте, кузина, сказалъ молодой человѣкъ, цѣлуя ея руку:—Волынкинъ будетъ у васъ.

На часахъ пробило полночь, когда Сермягинъ уѣхалъ, а Настенька ушла въ свою комнату.

III.

Струйскіе жили не далеко отъ Дебелиныхъ: ихъ раздѣлялъ одинъ только переулокъ, пройдя который и повернувъ въ улицу направо, всякій грамотный могъ прочесть на мѣдной пластинкѣ, украшавшей рѣзную дверь подъѣзда, крупнымъ шрифтомъ вырѣзанную надпись: Степанида Львовна Струйская. Широкая лѣстница, снабженная половикомъ домашней фабрикаціи, вела въ покои Степаниды Львовны. Пріемныхъ комнатъ у ней было три, то-есть: зала, гостиная и кабинетъ, слѣдо-

вавшія одна за другими въ неизбѣжномъ, вѣками принятомъ порядкѣ. Мебель въ этихъ трехъ комнатахъ была дорогая, но старинная, обитая штофомъ; окна и двери были драпированы тою же матеріею, но какъ въ разстановкѣ этой мебели, такъ и въ группировкѣ растеній по угламъ и на окнахъ виденъ былъ изящный вкусъ и поэтическое настроеніе Вѣрочки. Нельзя было не замѣтить, что длинныя вѣтки зеленаго плюща, граціозно обвивавшагося около золотой рамы зеркала или длинными прядями падавшаго изъ высокой жардиньерки, были расположены по прихотливой фантазіи молодой дѣвушки. Огромные листья банана живымъ шатромъ осѣняли какой-нибудь завѣтный уголокъ, любимый угольный диванчикъ или писменный столъ. Изобиліе и строгій выборъ растеній были единственною роскошью этихъ трехъ комнатъ и придавали имъ какой-то праздничный, нарядный видъ. Фарфоровыя и хрустальныя бездѣлки, перемѣшанныя со статуэтками изъ гипса и мрамора, пестрыми

семьями тѣснились мѣстами на этажеркахъ или одинакіе на консоляхъ висѣли по стѣнамъ. Ихъ одиначество раздѣляла иногда вѣтка плюща, случайно отдѣлившаяся отъ себѣ подобныхъ и съ любовью обнимавшая уединенную статуэтку. Но остановимся въ третьей комнатѣ, называвшейся, неизвѣстно почему, кабинетомъ Вѣрочки и служившей постоянно мѣстопребываніемъ Степаниды Львовны, всѣхъ близкихъ друзей ея дома и даже посторонниxъ посѣтителей. Такимъ образомъ Вѣрочка, имѣя свою комнату на верху, только спала въ ней и потому никогда не была у *себя*—она должна была и мыслить и страдать, если страданіе выпадало на ея долю, на *виду* у всѣхъ. Но эти страданія болѣе затаенныя, невысказываемыя и подавляемыя, не самыя ли глубокія? Но.... Степанида Львовна, женщина лѣтъ пятидесяти, огромнаго роста, худая и блѣдная, съ сѣдыми, взбитыми на вискахъ буклями, но одѣтая въ свѣтлые цвѣта съ видимой претензіей на щеголеватость, лѣ-

ниво сидѣла на небольшомъ угольномъ диванчикѣ, обставленномъ зеленью и обложенномъ шитыми подушками. Степанида Львовна — одна дома: Вѣрочка уѣхала по магазинамъ. Рядомъ съ старушкой, на высокомъ табуретѣ, сидитъ дѣвочка лѣтъ десяти, хорошенькая собой, одѣтая въ розовое шелковое платье. Дѣвочка эта, дочь нѣмца-управителя, взятая барыней на воспитаніе съ особенной готовностью сдѣлать доброе дѣло. Отпуская дѣвочку въ Москву, мать ея, бѣлокурая нѣмка, чувствительная и нѣжная по природѣ, чуть не занемогла съ печали, а отецъ ея, пасмурный Карлъ Ивановичъ, былъ до того пасмуренъ, что ни за что, ни про что наказалъ розгами трехъ мужиковъ и даже— о поношеніе германской разсудительности!—собственноручно ударилъ по щекѣ дворовую дѣвку-коверщицу, законно пришедшую къ нему за выдачею ей шерсти.

— А вотъ я тебѣ будетъ задавать шерсть, скалъ Карлъ Ивановичъ, и ни съ того, ни съ сего ударилъ дѣвку по щекѣ.

Трое мужиковъ и четвертая дѣвка ясно свидѣтельствуютъ, что Степанида Львовна ровно не дѣлала нѣмецкой четѣ никакого одолженія, отнявъ у нея единственную дочь, хотя и была убѣждена, что дѣлаетъ доброе дѣло. Дѣвочка ей нравилась, и барыня проявляла свое удовольствіе. Степанида Львовна, женщина хорошо воспитанная и добрая отъ природы, страдала припадками удивительной подозрительности въ отношеніи къ занятіямъ и нравственности своей дворни, которую держала весьма строго, преслѣдуя предполагаемой порокъ и собственноручно наставляя на путь добродѣтели. Не вмѣшиваясь ни во что касательно другихъ лицъ, ей знакомыхъ и близкихъ, и не любя сплетней вообще, она желала только проникать въ сокровеннѣйшія тайны женскихъ сердецъ ея прислуги и угадывать отношенія ихъ съ мужескими сердцами своихъ или постороннихъ лакеевъ. Для этого она употребляла всякія средства—такъ сильно желала она водворить у себя добродѣтель. Дѣвочка сидѣ-

ла передъ развернутой книгой и, склоня надъ нею голову, водила пальчикомъ по крупно напечатаннымъ строкамъ. Собиравшаяся влага, не образовавшая еще полной слезы, какъ эмалью, покрывала голубые зрачки прекрасныхъ глазъ дѣвочки. Голосенокъ ея дрожалъ, она заминалась, боясь ошибиться.

— Да, ну же, Дорхенъ, тихимъ и весьма кроткимъ голосомъ говорила Степанида Львовна: —будетъ ли этому конецъ?

Дѣвочка тонкимъ голоскомъ начала читать отъ точки.

— Не то! перебила Степанида Львовна:—совсѣмъ не то.

Дѣвочка смутилась.

— Ты не хочешь читать сегодня?

Дѣвочка подняла на нее влажные глаза свои.

— Хочу, сказала она робко.

— Отъ чего же не читаешь? Ты, вѣдь, не маленькая. Это стыдно; вѣдь я тебя не принуждаю. Я для твоей же пользы. Ну, читай!

Въ прерывающемся голоскѣ дѣвочки слышались слезы.

— Да объ чемъ же ты плачешь? кротко спросила ее Степанида Львовна: —какъ это стыдно, перестань же! Перестань!

Глаза дѣвочки подернулись, какъ туманомъ, но слезы держались еще въ глазахъ. Ей трудно давалась русская грамота.

— Ну, почитай еще немножко, гулять поѣдешь, сказала Степанида Львовна, и погладила дѣвочку по курчавой головкѣ.

Но и это не помогло: долго сдерживаемыя слезы въ три ручья оросили хорошенькое личико ребенка.

— Ты все-таки плачешь! продолжала Степанида Львовна:—ты все-таки не хочешь учиться, ты меня огорчаешь. Ступай лучше отъ меня, ступай, капризная дѣвченка.

И она отдала Дорхенъ книжку. Дѣвочка встала съ табурета и тихо вышла въ другую комнату; но не прошло пяти минутъ, какъ снова, забывъ недавнія слезы,

веселая и беззаботная, явилась съ двумя куклами подъ мышками.

— Испортили дѣвочку, сказала самой себѣ старушка:—никакъ не пріучишь къ занятію. Сожалѣю, что взяла, лѣнива ужасно, а миленькая дѣвочка. Думала добро сдѣлать: отецъ съ матерью люди бѣдные, необразованные, да не слушается, не хочетъ учиться. Надо однакоже мнѣ ее чѣмъ-нибудь наказывать, сѣчь ее, бить—не въ моихъ правилахъ и притомъ не моя дочь, не дѣвка крѣпостная, этихъ наказывать можно, должно даже, я за нихъ предъ Богомъ отвѣчаю, особенно за ихъ нравственность, на мораль надо дѣйствовать— наказывать больше, вотъ и будутъ лучше. А то безнравственность такая, что хоть изъ дому вонъ бѣги. Амуры заводятъ — страмъ, да и только.

Въ это самое время за стѣной кабинета, выходившаго въ дѣвичью, какъ нарочно, раздался шумъ и голоса.

— Что это тамъ такое? тревожно спросила Степанида Львовна: — содомъ! Поди,

Дорхенъ, въ дѣвичью, только потихоньку, чтобы тебя не видалъ никто, какъ я тебя учила, посмотри, что тамъ дѣлается, приди мнѣ все разскажи, да не потворствуй пороку — это большой грѣхъ. Ты знаешь, какъ я слѣжу за моральнымъ развитіемъ дворни. Дѣвочка, крѣпко прижавъ къ сердцу куклу, выбѣжала изъ кабинета въ корридоръ, гдѣ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановилась у дверей въ дѣвичью. Говоръ продолжалъ слышаться въ неплотно притворенную дверь, но дѣвочка изъ него ничего не понимала. Постоявъ съ минуту, она тихонько взялась за ручку двери и, отворивъ ее со всего розмаха, влетѣла, какъ молнія, въ дѣвичью, которую окинула быстрымъ взглядомъ: такъ поступала всегда и сама Степанида Львовна. Два, три лакея съ зажженными папиросами были тѣсно сгруппированы вокругъ большаго рабочаго стола съ четырмя или пятью дѣвушками, молодыми и довольно привлекательными, которыхъ угощали папиросками, свойства одуряющаго вообще,

а женскій полъ въ особенности, что въ дѣлѣ амурномъ весьма способствуетъ къ его развитію. Въ разговорахъ слышались остроты и каламбуры.

— Позвольте вашего огонька, Антонъ Иванычъ, говорила Дашенька.

— Съ нашимъ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Антонъ Иванычъ, подавая папироску: — разъ попробуете, въ вѣкъ не разстанетесь.

— Ну, это еще кто его знаетъ, отвѣчала Дашенька.

— Это справедливо, вмѣшался другой лакей:—дѣло закрытое-съ.

Одна изъ дѣвушекъ въ это время зажигала свою папироску у третьяго лакея.

— Не тѣмъ концомъ изволите, Лизавета Карповна, сказалъ онъ.

Дѣвушка захохотала и перевернула папироску.

Въ это время раздался тонкій голосокъ Дорхенъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете? крикнула она.

И въ одно мгновенье, толкая другъ дру-

га, лакеи бросились въ дверь, выходившую въ сѣни, а дѣвушки прятали, какъ могли, кто въ карманъ, кто подъ столъ, зажженныя папироски.

— Ишь, чертенокъ, сказала Дашенька:— увидала, чай, лупоглазая.

— А то и нѣтъ? возразила Лизавета Карповна:—ее, знать, сама старуха прислала, нечего ей дѣлать-то.

— Извѣстно, не отъ себя, сказала третья дѣвушка:—знамо дѣло, что ребенокъ смыслитъ: глупъ какъ есть.

— А вы ее, дѣвки, лучше приголубьте, вмѣшалась четвертая:—она старой-то шутовкѣ и совретъ что-нибудь. У меня же кстати вотъ въ карманѣ пряника съ три мятныхъ есть, прибавила она, вынимая лакомство изъ кармана: — Антонъ Иванычъ презентовалъ; отдай ты ей, Даша.

— Ну, что стоите, глазами-то хлопаете? обратилась Даша къ дѣвочкѣ:—стыдно, сударыня, вы хоть барышня и не то, что изъ благородныхъ, а все-таки не нашему бра-

ту чета. Не хорошо подсматривать, что въ дѣвичьей дѣлается.

— Я, вѣдь, Дашенька, не хотѣла, мнѣ какое дѣло, меня послала Степанида Львовна.

— Да, вѣдь, я знаю, Дарья Карповна, вы барышня добрая; вотъ, не хотите ли пряничковъ?

— Я, Дашенька, ихъ очень люблю, сказала дѣвочка: — да нельзя взять: Степанида Львовна увидитъ, она пряники дряныю называетъ, говоритъ: обѣдать не будешь, аппетитъ испортишь.

— Ну, я ихъ спрячу, сказала Даша — когда вы вечеромъ почивать станете ложиться, я ихъ вамъ подъ подушку положу.

— Спасибо, душка, сказала Дорхенъ и повисла на шею Дашеньки.

— Ну, ступайте же, продолжала она:— а то спохватится, что такъ долго здѣсь дѣлаете.

— Да смотрите, вступилась Лизавета Карповна, которая была характера не совсѣмъ-то уживчиваго:—не болтать тамъ у

меня, а то Боже вась сохрани! Вы то помните, что я и за вами хожу. За своей ходи, да и за вами тоже; своего дѣла не оберешься, а тутъ еще за чужими подмывай, не великъ человѣкъ, отъ земли не видать, а туда же одного глаженья, да стиранья въ три дни не оберешься. Я вамъ сказываю:—вы только пикните, такъ я на васъ такихъ штукъ наговорю, что и бѣда. Не все же ей однихъ васъ баловать, не все же ей насъ однихъ бить, да тиранить, и вамъ достанется. Вотъ вамъ!

— Ты не сердись, сказала Дорхенъ:— я ничего не скажу.

— То-то не скажу: знаемъ мы васъ.

— Ну, ступайте, ступайте отъ грѣха скорѣй, вмѣшалась Даша и, обнявъ дѣвочку, повела ее къ двери.

— Смотри же, не забудь мои пряники, шепнула ей Дорхенъ, выходя въ коридоръ.

— Сказано дѣло, отвѣтила ей Даша въ то время, когда она переступала порогъ кабинета Степаниды Львовны, гдѣ тревож-

но прохаживался по комнатѣ какой-то небольшаго роста старичокъ въ долгополомъ коричневомъ сюртукѣ и бѣломъ галстухѣ. Движенья старичка, не смотря на его шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, были очень быстры и развязны. Небольшое морщинистое лицо его не представляло ничего особеннаго, кромѣ очень тонкаго и остраго носа; маленькіе, сѣренькіе его глазки бѣгали во всѣ стороны и имѣли замѣчательную способность совершенно исчезать при малѣйшемъ смѣхѣ. Голова старика была совершенно лишена волосъ, только на самой вершинѣ лба, да на вискахъ уцѣлѣло какимъ-то чудомъ по клочку сѣдаго пуха, завитаго самой природой. Дорхенъ, взойдя, присѣла старичку, но онъ, не обрятя на это никакого вниманія, продолжалъ ходить по комнатѣ. Дѣвочка обратилась было къ Степанидѣ Львовнѣ, придумывая, какъ бы искуснѣе оправдать сцену въ дѣвичьей, но старуха остановила ея намѣреніе жестомъ и сказавъ: послѣ, погоди немножко, садись и играй—обратилась къ старику.

— Ну, такъ что же? сказала она ему: — коли пріѣхалъ графъ, такъ и пріѣхалъ.

— Да, таки и пріѣхалъ, перебилъ ее старикъ.

— Какое же намъ до этого дѣло? продолжала Степанида Львовна.

— Вамъ, конечно, сударыня, ни до кого дѣла нѣтъ, ишь домъ какой занимаете, пять сотъ душъ крестьянъ имѣете, шутка сказать! Вамъ, извѣстное дѣло, и чортъ не братъ.

— Тьфу! сказала Степаниди Львовна: — наше мѣсто свято: охота вамъ поминать такую дрянь.

— Я, сударыня, человѣкъ бѣдный, извѣстное дѣло, бѣдный, продолжалъ, не слушая ее, старикъ: — вотъ потому то я и узналъ, гдѣ онъ живетъ, графъ-то. Извѣстное дѣло домъ занимаетъ. Вотъ я, сударыня пошелъ, да вотъ и пришелъ.

— Зачѣмъ, смѣю спросить, ходили? Чего вамъ не достаетъ? Живете у меня въ домѣ, кажется, ни въ чемъ не нуждаетесь....

— Извѣстное дѣло, не нуждаюсь, перебилъ ее старикъ:—а все-таки, какъ бѣдному человѣку не обратиться къ вельможѣ? вельможа, извѣстное дѣло, хорошій человѣкъ.

— Я васъ не понимаю, продолжала старуха:—вы меня этимъ компрометируете.

— Это что же такое, сударыня, компру... какъ вы говорите?

— Вы были другомъ моего покойнаго мужа, его сослуживцемъ, даже сосѣдомъ, продолжала она, не слушая.

— Извѣстное дѣло, былъ сосѣдомъ, перебилъ ее старикъ: — пятьдесятъ душъ имѣлъ, шутка сказать!... да добросердечіе сгубило; нѣжность напала—извѣстное дѣло, хорошій человѣкъ—поручился съ-дуру, сударыня, за мерзавца, мерзавецъ то лопнулъ, а мое-то имѣньице, извѣстное дѣло, пошло на уплату—вотъ и сѣлъ хорошій человѣкъ, какъ ракъ на мели.

— Это несчастіе, я знаю, конечно, прервала его Степанида Львовна:—но вѣдь, дѣло сдѣлано, его не воротишь. Мой по-

койникъ открылъ вамъ двери своего дома; мужа не стало, я продолжала покоить вашу старость. Чего же вы хотите?

— Больно, сударыня, больно, имѣя свою собственность, обязываться другими.

— Я думаю, мнѣ больнѣе видѣть, что вы изъ моего дружескаго для васъ дома ходите по разнымъ вельможамъ и тревожите ихъ несбыточными просьбами.

— Это ужъ мое дѣло, сударыня, сбыточными или несбыточными. Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, сударыня. Я, извѣстное дѣло, хлопочу о своемъ: за что же, помилуйте, хорошій человѣкъ пропадаетъ? Знать, что имѣешь состояніе и не владѣть имъ!

— Ну, что у васъ есть? Ну, какъ вамъ не стыдно, прервала его старуха.

— Собственность у меня есть, извѣстное дѣло, собственность; было много—пропало, а что осталось, то мое. Я чужаго не хочу, сударыня. У меня есть три души и подайте мои три души: Егорка, Ванька

и Панфилка — это моя собственность, неотъемлемая собственность.

— Да, вѣдь, они въ бѣгахъ, возразила старуха.

— Извѣстное дѣло, въ бѣгахъ, перебилъ ее старикъ, да въ томъ то и дѣло: какъ они смѣютъ быть въ бѣгахъ? Оброку не платятъ три года, я никакого доходу не имѣю — да и нѣтъ хуже этого капитала. Такъ вотъ я и ходилъ къ графу-то....

— Ну, что же онъ вамъ?

— А вотъ, послушайте, онъ тоже должно быть изъ такихъ, какъ вы, то есть себѣ на умѣ....

— Покорно благодарю.

— Это вы послѣ, а вотъ, послушайте: прихожу я, сударыня, передняя что твой сарай, просителей — видимо-невидимо и все, чай, такъ себѣ, пустые люди, изъ пустяковъ какихъ-нибудь тревожатъ его сіятельство. Жду я, сударыня, извѣстное дѣло, безъ того нельзя: часъ, другой подождать ничего не значитъ. Выходитъ онъ: мундиръ, ну, извѣстное дѣло, все какъ

слѣдуетъ. Говоритъ съ тѣмъ, другимъ. Смотрю я на него: графъ, какъ графъ, хорошій человѣкъ извѣстное дѣло. Наконецъ сударыня, ко мнѣ обращается: вамъ что? говоритъ. Такъ-таки, извѣстное дѣло, просто говоритъ: вамъ что? вотъ какъ вы словно иногда тоже. Я, извѣстное дѣло, кланяюсь, говорю: честь имѣю представиться, говорю, ваше сіятельство, я говорю, дворянинъ, Сила Савичъ Благовонинъ, служилъ, говорю, тамъ-то и тамъ-то; изъ Костромы, говорю, а графъ-то мнѣ: «дальше!» Нѣтъ, говорю, ваше сіятельство, не дальше, изъ Костромы, а онъ все кричитъ «дальше!» говоритъ. Не смѣю спорить съ вашимъ сіятельствомъ, говорю, а я только, ей Богу, изъ Костромы. «Въ чемъ дѣло?» говоритъ. Говорю: ваше сіятельство, есть у меня три души: Егорка, Ванька и Панфилка, въ бѣгахъ, говорю, извѣстное дѣло, доходу не имѣю, защитите, говорю, дворянина. За что хорошій человѣкъ погибаетъ? Что же бы вы думали, сударыня? «Не по моей части,» го-

ворить. Засмѣялся, да и говоритъ: «обратитесь въ часть,» говоритъ, «подайте явочное прошеніе,» говоритъ, а самъ все смѣется, повернулся, да и пошелъ къ другому. Вотъ и жди тутъ правосудія!

Сила Савичъ съ большею ажитаціей заходилъ по комнатѣ, а Степанида Львовна громко засмѣялась.

— Смѣшно, сударыня, сказалъ Сила Савичъ: — ну, чтожь? вѣдь, не ваши въ бѣгахъ.

Замѣчательно, что эти два лица, жившія постоянно двадцать лѣтъ слишкомъ подъ одною кровлею, никогда не сходились и постоянно ссорились, хотя, сколько могли, любили другъ друга. Въ это самое время человѣкъ на подносѣ принесъ завтракъ и поставилъ его на столикъ передъ барыней.

— Полноте гнѣваться, Сила Савичъ, сказала она: — не хотите ли лучше закусить? Вы же моціонъ порядочный сдѣлали.

— То-то закусить!.. сказалъ онъ и, продолжая ворчать что-то себѣ подъ носъ

прошелся еще разъ по комнатѣ и сталъ наконецъ завтракать.

Дорхенъ тоже принялась за котлету.

— Да, бишь, что ты тамъ видѣла въ дѣвичьей-то? обратилась Степанида Львовна къ Дорхенъ.

— Ничего, быстро отвѣчала она, давясь кускомъ и сильно краснѣя: —я взошла.... Дуняша шила... а Лиза... гладила...

— Не правда, прервала ее Степанида Львовна: отъ чего же былъ такой шумъ? Я слышала голоса, мужскіе голоса; тамъ были лакеи?

Дорхенъ замялась и не знала что отвѣчать.

— Какъ это стыдно, продолжала старуха:— ты не хочешь быть со мною откровенна; скрытность — большой грѣхъ. Ты только то помни, что меня обмануть можно, а Бога никогда: Онъ все видитъ. Вѣдь Онъ далъ мнѣ крѣпостныхъ людей, стало быть я должна заботиться объ ихъ нравственности: иначе меня Богъ накажетъ, да и тебя накажетъ: ты скрываешъ.

порокъ—значитъ: потворствуешь пороку. Это грѣхъ—большой грѣхъ.

— Я не просила у Даши пряниковъ, быстро сказала испуганная Дорхенъ: — она сама хотѣла мнѣ ихъ дать.

— Видишь, какая она мерзавка; соблазняетъ ребенка, учитъ его скрытности; вотъ порочная дѣвка! А ты, душенька, не должна была соглашаться. Ты, вѣдь, предала меня, предала.

Дорхенъ, не понимая, вытаращила на нее большіе голубые глаза свои.

— За нѣсколько пряниковъ! продолжала Степанида Львовна: — это ужасно! Эти дѣвки Богъ знаетъ чему научатъ ребенка, всякаго грѣхопаденья насмотрится. Кто же тамъ съ ними былъ изъ лакеевъ-то? Всѣ чай? Всѣ во грѣхѣ?

— Антонъ, Василій, Егоръ, говорила Дорхенъ.

— Чай съ обольщеніемъ?

— Нѣтъ-съ, съ папиросами.

— Боже мой! И дѣвки тоже курили?

— Курили-съ...

— Ахъ, какія мерзости! вскрикнула Степанида Львовна:—вотъ народецъ! Соблюди тутъ нравственность! Кажется и ругаю и наказываю, и держу-то на замкѣ. Нѣтъ, сударь мой, никакъ не сладишь. Ну, да вотъ я имъ покажу дружбу!

Старуха встала съ дивана и вышла въ корридоръ, а Дорхенъ принялась за свою котлетку. Только-что барыня скрылась за дверью, какъ Сила Савичъ быстро обратился къ дѣвочкѣ.

— А ты, матушка, впередъ этого не дѣлай: увидишь что если—не говори, не хорошо, извѣстное дѣло.

— Она сама велитъ.

— Мало ли что!

— Говоритъ: грѣхъ.

— Это она такъ, сударка, съ сердцовъ, извѣстное дѣло. А ты понимай: когда она въ сердцахъ, тогда и молчокъ. Вотъ учись у Вѣры Васильевны. Вотъ, извѣстное дѣло, ангельская душа. А то, что это, сударка: сегодня за тебя прибьютъ человѣка, завтра ему, извѣстное дѣло, обидно. Онъ, из-

вѣстное дѣло, рабъ Божій. А ты сударка впередъ, какъ она пошлетъ тебя куда, говори: знать, молъ, не знаю, вѣдать не вѣдаю. Такъ-то, извѣстное дѣло, лучше будетъ.

— Я и сама не рада, говорила Дорхенъ:— вонъ Лизавета и такъ на меня все кричитъ; всѣ меня не любятъ, а я чѣмъ виновата. Зачѣмъ меня взяли? Господа любятъ, да люди не любятъ.... Попросите вы, чтобы меня опять къ маменькѣ съ папенькой отдали! Я такъ люблю папеньку съ маменькой!

— Ну, сударка, это опять не резонъ. Какое въ деревнѣ образованіе, а здѣсь Москва, извѣстное дѣло. А ты, вотъ, возьми куколки-то и позабавься: одна-то пусть у тебя папенька, а другая маменька, вотъ и дѣлу конецъ.

Но Дорхенъ, видно, не соглашалась въ душѣ съ Силой Савичемъ и, грусто склоня голову, вышла въ залу.

IV.

— А! Сила Савичъ, сказала только-что вернувшаяся Вѣрочка, входя въ кабинетъ:—здравствуйте, что подѣлываете?

— Питаюсь, сударыня, извѣстное дѣло, ходилъ, усталъ, вотъ и питаюсь.

— Такъ давайте вмѣстѣ питаться, я тоже очень устала.

Вѣрочка сняла шляпку, сѣла къ столику и, откинувъ назадъ свои локоны, принялась разсматривать остатки завтрака на подносѣ.

— Все простыло, сказала она: — а гдѣ маменька?

— Тоже, чай, ужъ остываетъ, отвѣтилъ Сила Савичъ.

— Какія глупыя шутки, Сила Савичъ, извините.

— Вы, сударыня, и не извиняйтесь, извѣстное дѣло, глупо сказалъ, да такъ къ слову пришлось, разгорячилась Степанида-то Львовна, да, чай, дѣвкамъ-то и задала горяченькихъ... понимаете?..

Старикъ сдѣлалъ обѣими руками по жесту, намекавшему на пощечины.

— Это удивительно, сказала дѣвушка:— безъ меня ее вѣчно разсердятъ.

— Извѣстное дѣло, безъ васъ всѣмъ плохо: сердится, никого не боится...

— Да развѣ при мнѣ маменька имѣетъ причину кого-нибудь бояться?

— Нѣтъ-съ, не то, чтобы бояться, а, извѣстное дѣло... началъ было Сила Савичъ, но былъ прерванъ шумнымъ и быстрымъ входомъ старушки, не знавшей о возвращеніи Вѣрочки.

— Вотъ такъ-то лучше, говорила она:— будутъ помнить!

Яркій румянецъ игралъ на постоянно блѣдномъ лицѣ старухи, губы тряслись отъ злости; она судорожно потирала руки и, при всемъ стараніи, не могла скрыть волненія. Вѣрочка бросила завтракать и подошла къ матери.

— Что съ тобою, maman? спросила ее Вѣрочка: — не стыдно ли тебѣ такъ тревожиться изъ какихъ-нибудь пустяковъ? Стоятъ ли того всѣ эти домашнія дрязги? Твое здоровье дороже всего этого сора. И кто только поднимаетъ весь этотъ соръ?

На послѣдней фразѣ Вѣрочка сдѣлала особое удареніе и пристально посмотрѣла на Силу Савича.

— Не я, поспѣшно вступился онъ за себя: — извѣстное дѣло, хорошему человѣку что за нужда? А ужъ вы сейчасъ: кто соръ поднимаетъ? Самъ подымается, извѣстное дѣло.

Старушка между тѣмъ мгновенно успокоилась и нѣсколько слабымъ голосомъ сказала:

— Меня разстроила Дорхенъ: пришла изъ дѣвичей и, разумѣется ребенокъ, не изъ желанья доносить или сплетничать, да къ тому же я терпѣть не могу наушничанья, у меня этого въ домѣ нѣтъ, такъ по-невинности сказала, что видѣла безпорядокъ. Признаюсь, это меня взбѣсило: какъ въ моемъ домѣ, гдѣ нравственность такъ строго соблюдается, могутъ происходить такія мерзости?

— Охота тебѣ, maman, слушать ребенка, волноваться и тревожиться.

— Я не буду больше, душа моя. Сядемъ—разскажи мнѣ, гдѣ ты была, что купила или почитай мнѣ что-нибудь, а послѣ спой, время и пройдетъ незамѣтно, а тамъ, Сила Савичъ, мы съ вами въ бостончикъ съиграемъ, не правда-ли?

Старушка говорила все это ласковымъ, привѣтливымъ тономъ, усаживаясь на диванъ и съ любовью смотря прямо въ глаза Вѣрочкѣ—такъ страстно, такъ глубоко любила она дочь свою, которой одно слово

укрощало всякіе порывы этого желчнаго характера.

Но пока Вѣрочка показываетъ матери и Силѣ Савичу только-что купленные наряды для объявленнаго вечера у Струйскихъ въ будущій четвергъ, а Дорхенъ возится съ куклами, заглянемъ въ душу молодой дѣвушки: Вѣра, не смотря на свою молодость, глубоко уже сознавала свое прошедшее, она жила уже своею внутреннею, никому невѣдомою, жизнью: въ ея душѣ случайно образовался тотъ крошечный мірокъ, которому она посвятила всѣ мысли и стремленія, которому отдала, если не всю будущую жизнь, то все, прожитое до настоящей минуты. Вѣра мечтала въ жизни, мыслила и страдала, у ней были воспоминанія, она сознавала жизнь, гдѣ, кромѣ внѣшнихъ впечатлѣній, находила и моральныя отрады, тогда какъ Настенька, очень умная, но ложно воспитанная и увлекаемая одною внѣшностью, никогда не заглядывала во внутрь себя и неясный, робкій лепетъ сердца подавляла, какъ лавиной,

всею тяжестью ума, а сердце у ней могло образоваться прекрасное при другой обстановкѣ жизни. Годъ тому назадъ Степанида Львовна, желая доставить Вѣрочкѣ новое, неиспытанное еще удовольствіе, да къ тому же и представить ее петербурскимъ роднымъ, отпустила ее съ теткою погостить у ней мѣсяца два-три, не больше. Тетка эта была родная сестра Степаниды Львовны, вдова генерала, женщина не безъ состоянія, имѣвшая въ Петербугѣ порядочныя связи. Панкратьевна, старая няня Вѣрочки, не покидавшая ее со дня рожденья, выпросила, какъ милость, позволеніе сопровождать барышню, не смотря на все свое отвращеніе къ нечистой силѣ, которую она приписывала машинѣ. Путешественницы уѣхали веселиться, сопровождаемыя неизбѣжными слезами оставшейся Степаниды Львовны.

— Пусть ѣдетъ, говорилъ Сила Савичъ:—въ добрый часъ, я съ вами остаюсь, будетъ вамъ компанія, извѣстное дѣло.

Но Вѣрочка не скучала въ Петербургѣ: родные старались доставить ей всевозможныя развлеченія: театры, опера, балы смѣняли другъ друга, и Вѣрочка переходила постоянно отъ одного впечатлѣнія къ другому. Однажды, весело и беззоботно вернулась она съ бала и въ простомъ бѣломъ тарлатановомъ платьѣ, съ свѣжей пунцовой камеліей въ волосахъ, вбѣжавъ въ свою комнату, опустилась на первое кресло. Длинные ея локоны, разбитые жаромъ, развитыми прядями скользили, какъ змѣи, по ея бѣлой шеѣ. Отжившая и умирающая въ черныхъ косахъ камелія ждала только возвращенія своей обладательницы, чтобы разсыпаться окончательно и своими красными лепестками, какъ пятнами, усыпать воздушныя складки бѣлой кисеи. Грудь дѣвушки поднималась высоко: обаяніе бала и вихрь послѣдняго вальса охватывалъ еще все молодое существо ея. Яркій румянецъ горѣлъ на ея щекахъ; утомленные глаза невольно закрывались. Она откинула головку на спинку креселъ, и въ этомъ утомлен-

номъ положенiи ждала горничную. Но тутъ случился переломъ моральнаго настроенiя дѣвушки: спокойная и беззаботная до этой минуты, Вѣрочка почувствовала какую-то тревожную дрожь, что-то болѣзненное отозвалось въ ея сердцѣ. Чистая, непочатая тетрадь жизни открылась на первой страницѣ и начало повѣсти явилось само собою. Романъ начался, не обѣщая скораго окончанiя, начался просто, безъискуственно въ предѣлахъ ея тѣсной комнатки. Но что же было съ нею, что могло быть? Она была одна, усталая, разбитая обаянiемъ недавняго бала. Эта ночь или эти минуты и были завѣтною тайною молодой дѣвушки, основанiемъ ея грезъ, мечтанiй, надеждъ и недовѣрiя. Съ этой ночи начались воспоминанiя дѣвушки, съ этой ночи Вѣрочка глубже взглянула на жизнь и приготовилась къ встрѣчѣ съ нею и со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ жизнь прекрасна и мучительна. Такою увезли вскорѣ Вѣрочку въ Москву, такою находимъ и мы молодую дѣвушку въ настоящую минуту разсказа.

V.

Ярко горѣлъ карсель въ гостиной Степаниды Львовны подъ большимъ цвѣточнымъ абажуромомъ, освѣщая только впрочемъ середину комнаты и оставляя въ тѣни ея окрайны. Степанида Львовна съ двумя дамами, изъ которыхъ одна была въ чепцѣ съ лиловами лентами, и Силой Савичемъ играла въ эралашъ. Вѣрочка съ работой сидѣла въ углу на своемъ диванчикѣ подъ сѣнью банана. Дорхенъ бѣгала по залѣ, догоняя скакавшій мячикъ.

— Что, батюшка, говорила Степанида Львовна Силѣ Савичу, когда противники брали послѣднюю взятку, а старикъ складывалъ на нее такъ-называемаго *соленаго туза:*—туза-то просолили?

— Извѣстное дѣло, просолилъ: съ вами, сударыня, и двухъ тузовъ просолишь. Сноса не смотрите; я червей прошу, а вы, знай, въ бубны ходите. Э-эхъ, сударыня!

— Отходили бы батюшка, отходили туза-то.

— Въ рукѣ не былъ, въ рукѣ не былъ, передразнилъ ее Сила Савичъ.

— Плохо вы, батюшка, играете, нечего сказать, плохо!

— Извѣстное дѣло: надо другихъ обвинять, коли сами не умѣемъ. Вамъ, сударыня, по изюменкѣ играть—и то разорительно.

— А ужъ все я своей игры на вашу не смѣняю.

— Извѣстное дѣло!

— Позвольте однакоже, обратилась дама

въ чепцѣ съ лиловыми лентами:—что вы говорите?

Степанида Львовна задумалась, продумала еще очень долго и назвала свою масть. Ее перебили, Сила Савичъ крикнулъ: «безъ пузырей!» (выраженіе, которое онъ употреблялъ всегда вмѣсто всѣми принятаго: «безъ козырей!» онъ даже иногда, при особенномъ наплывѣ счастія, позволялъ себѣ вскрикивать: «безъ волдырей,» что не нравилось Степанидѣ Львовнѣ) и игра продолжалась своимъ чередомъ, безпрерывно прерываемая ссорою хозяйки съ своимъ нахлѣбникомъ. Въ это самое время шорохъ послышался въ залѣ и Дорхенъ, вбѣжавъ въ гостиную, шепнула что-то Вѣрѣ, которая, поспѣшно вставъ, вышла съ дѣвочкой залу, куда въ то же время легко и граціозно, какъ бабочка, впорхнула Настенька въ своемъ розовомъ платьѣ, усѣянномъ длинными вѣтками бѣлой акціи.

— Ахъ, Настенька! вскрикнула Вѣра.

— Тише! тише! прервала ее Настень-

ка, отступая отъ нея шага на три: — сомнешь цвѣты, видишь, я какая!

Настенька перевернулась.

— Пышная я? спросила она чисто подѣтски и опять перевернулась.

— Куда это ты такая нарядная? спросила Вѣра.

— А хорошо платье? лепетала Настенька и все вертѣлась:—посмотри, какъ сидитъ, ни одной морщинки—и она обѣими руками взяла за талію—а каковы цвѣты? французскіе, **je vous prie de croire**. А какова ручка, прибавила она, протягивая руку, не совсѣмъ впрочемъ изящную и туго обтянутою перчаткой. А ножка! продолжала она, выставляя ножку, обутою въ розовый атласный башмачекъ. О! да я душка! Всѣмъ головы вскружу.

— Да куда ты ѣдешъ-то?

— Къ Всесвятскимъ на балъ.

— Одна.

— Какая ты глупая! Съ теткой ѣду, я

къ ней отсюда заѣду. Старухи всегда долго одѣваются. Что же ты не присѣдаешь?

— Я? зачѣмъ.

— Предо мной. Благодари, что я пріѣхала, показалась тебѣ.

Вѣра церемонно, чопорно присѣла, Настенька залилась громкимъ, наивнымъ смѣхомъ. А Дорхенъ между тѣмъ, любуясь бальнымъ платьемъ и слегка хлопая въ ладоши, прыгала вокругъ Настеньки.

— Что это ты прыгаешь? обратилась она къ ней:—вотъ дитя-то! Ты пресмѣшная дѣвочка. Ну, будь моимъ кавалеромъ, дѣвочка, давай прыгать вмѣстѣ.

И Настенька, нагнувшись къ Дорхенъ, взяла ее обѣими руками за талію и начала съ ней прыгать и скакать по залѣ, а Вѣра подбѣжала къ фортепіано и заиграла какую-то польку.

— Что вы, сударыня, говорите? обратился Сила Савичъ въ гостиной къ Степанидѣ Львовнѣ.

— Пики, говорю, отвѣчала она: — что, вы глухи, отецъ мой, что ли?

— У васъ, извѣстное дѣло, все пики, а что я глухъ, сударыня, такъ кого не оглушитъ Настасья Ивановна!

— Скажите, какія новости! ребенокъ рѣзвится, а васъ безпокоитъ. Когда же ей и рѣзвиться, какъ не теперь?

— Хорошъ, ребенокъ, сударыня! Этотъ ребенокъ насъ всѣхъ проведетъ и выведетъ, извѣстное дѣло.

— Вы все свое. Васъ хоть зарѣжь — дѣла не втолкуешь. За кого вы меня-то принимаете? Я ужь не ошибусь, вы знаете мои правила.

— Извѣстное дѣло, ваши мнѣнія только и святы, а другіе все дураки на свѣтѣ.

— Позвольте однакожь, вмѣшалась дама въ чепцѣ съ лиловыми лентами: — вы говорите: пики, а я говорю—черви.

Барыня эта не понимала, какъ можно, играя въ карты, говорить о постороннихъ предметахъ, и потому очень сердилась.

— Безъ пузырей! крикнулъ Сила Савичъ въ то самое время, какъ Настенька говорила Дорхенъ:

— Будетъ, я устала.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказала Вѣра, вставая изъ-за фортепіано:—полно дурачиться! у тебя еще цѣлый вечеръ впереди.

— Ахъ да! сказала Настенька, какъ будто вспомнивъ: — Сермягинъ тебѣ кланяется, онъ очень тобой интересуется и тебѣ сочувствуетъ, что не мѣшаетъ ему любить другую.

— Я не въ претензіи, отвѣтила Вѣра: онъ, кажется, хорошій малой.

— Да, отчасти. Ахъ, кстати, вотъ его хорошая сторона: онъ обѣщалъ привезти въ четвергъ своихъ свѣтскихъ знакомыхъ. Самъ вызвался, такой добрый; мы, конечно, не просили, но онъ привезетъ князя Дольскаго, графа Ѳермопилова, Петю Волынкина—а знаешь ты его?

— Видала, отвѣчала Вѣра: — мнѣ его показывали, какъ красавца.

— Ну и что же?

— Не дуренъ.

— Какъ ты добра! Не дуренъ! Я бы желала видѣть твой вкусъ. Кто, по твоему, красавецъ, если Петя Волынкинъ только не дуренъ.

— Я нахожу, **ma chère**, сказала Вѣра, что его пора бы называть всѣмъ именемъ а то какъ-то смѣшно, человѣка въ тридцать лѣтъ, называть Петей.

— Вопервыхъ, ему нѣтъ тридцати лѣтъ, а вовторыхъ, почему же, если ты хочешь, не быть ему Петромъ Степанычемъ?

— Петръ Степанычъ? спросила Вѣра: — его зовутъ: Петръ Степанычъ?

— Что же тутъ удивительнаго?

— Нѣтъ... ничего... такъ, бормотала Вѣра, всячески стараясь скрыть свое смущеніе: а все-таки странно, что его зовутъ Петромъ Степанычемъ, обратилась она невольно къ Настенькѣ; но она, вмѣсто всякаго отвѣта, разразилась громкимъ смѣхомъ.

— То есть, видишь, продолжала Вѣра: — я не то хотѣла сказать, я только хотѣла спросить: что онъ, поетъ?

— Не знаю, можетъ быть и поетъ. Ну да что же, если онъ и поетъ?

— Ничего.... такъ, я только спросила.

— Какая ты ныньче странная? сказала Настенька, и въ два прыжка очутилась въ гостиной.

— Вотъ и я, прибавила она, подходя къ столу въ то время, какъ смущенная Вѣрочка садилась поодаль, а Дорхенъ съ мячикомъ бѣгала по залѣ.

— Здравствуй, дитя мое, сказала Степанида Львовна: — У! да какая ты нарядная.

— Я уже давно здѣсь, наивно лепетала Настенька: —заѣхала передъ баломъ.

— Да-съ, мы васъ слышали, извѣстное дѣло, сказалъ Сила Савичъ.

— Ахъ, перебила его Настенька: — здравствуйте, любезный... Силъ... Нилъ... извините, я никакъ не могу запомнить вашего имени.

— Сила Савичъ, сударыня, Сила Савичъ.

— Ну, вотъ видите, какое мудреное имя. Такъ вы меня слышали, Сава Силычъ? немудрено: я такъ громко хохотала, Сава Силычъ.

— Сила Савичъ, сударыня, извѣстное дѣло, Сила Савичъ.

— Опять не такъ! вскрикнула Настенька:—ну, да не все ли вамъ равно, какъ бы я васъ ни звала, лишь бы любила, не правда ли? Вы, вѣдь, хорошій человѣкъ, Сила Савичъ, или Сава Силычъ?

— Сила Савичъ, извѣстное дѣло, хорошій человѣкъ.

— Позвольте однакоже, замѣтила дама въ чепцѣ съ лиловыми лентами: — тамъ говорятъ пасъ, здѣсь—трефы, я который разъ говорю бубны, вамъ что угодно?

— Безъ волдырей! крикнулъ Сила Савичъ.

— Опять? Какъ это вамъ не стыдно! я вѣдь просила васъ: не говорите такъ, сказала Степанида Львовна.

— А, вѣдь, вы меня не любите, прервала ее Настенька, обращаясь къ Силѣ Савичу:—вы не можете постичь того влеченія, которое я къ вамъ чувствую; вотъ, если я пріѣхала, для чего я пріѣхала? для васъ! А вы, человѣкъ съ мудренымъ именемъ, вы этого не понимаете. Бѣда моя, если я влюблюсь въ васъ! погубите вы меня, человѣкъ съ мудренымъ именемъ!

— Ахъ ты, шалунья! дитя! сказала, смѣясь, Степанида Львовна, замѣтя гнѣвъ на лицѣ Силы Савича.

— Э! сударыня, куда ужъ намъ, сказалъ онъ, сдавая карты:—вамъ нужно молодаго, да бойкаго, да богатаго.

— Съ вами, патетически отвѣтила Настенька, мнѣ ничего не надо: съ милымъ рай и въ шалашѣ. На что мнѣ ваше состояніе? Я знаю: у васъ есть три души, но мнѣ нужна ваша собственная душа.

— Смѣйтесь, сударыня, смѣйтесь. Что же, извѣстное дѣло, имѣю три души:

Егорку, Ваньку и Панфилку, и довольно, сударыня.

— Позвольте однако же, сказала дама въ чепцѣ съ лиловыми ментами: — кто вздавалъ? Кто что говоритъ? Я ничего не понимаю.

— Безъ пузырей, извѣстное дѣло, сказалъ Сила Савичъ.

— Однакожъ не пора ли мнѣ? спросила Настенька и, взглянувъ на часы, прибавила:

— Давно пора, тетушка, вѣрно ужь подрумянилась и пріодѣлась. Прощайте, Степанида Львовна, прощайте, человѣкъ съ мудреннымъ именемъ, прощай, Вѣра. Ахъ да, что же это я совсѣмъ забыла: моя мать велѣла вамъ сказать, что она ждетъ васъ въ четвергъ вечеромъ, такъ, маленькій вечерокъ танцовальный.

— Мы будемъ непремѣнно, сказала Степанида Львовна:—Вѣрочка себѣ и платье новое сшила нарочно для вашего бала.

— Вотъ какъ! какое же это платье?

— Розовое, простенькое.

— А? однакожъ прощайте.

И, кивнувъ всѣмъ, Настенька обняла Вѣру и выбѣжала съ нею въ залу, гдѣ, отведя ее въ уголокъ и, принявъ очень серьезную мину, сказала:

— Ну, слушай же меня, теперь я говорю серьезно: вопервыхъ, завтра или послѣ завтра, какъ хочешь, пріѣзжай ко мнѣ по утру: ты мнѣ нужна.

— Зачѣмъ?

— Нужна! повторила Настенька:—что за любопытство такое? Сказала: нужна, и дѣлайте. Сдѣлаете?

— Изволь, съ удовольствіемъ.

— Ну, хорошо, эта статья покончена; теперь вотъ что: не надѣвай розоваго платья, лучше побереги его; ну стоитъ ли того на маленькій вечеръ надѣвать новое платье? Къ тому же твое голубое такъ идетъ къ тебѣ, ты въ немъ такая душка.

— У васъ много будетъ, замѣтила Вѣра:—а оно не такъ свѣжо.

— Не все ли тебѣ равно? Развѣ ты не знаешь, что ты во всемъ одинаково прекрасна.

— Merci за комплиментъ.

— И къ тому же, съ твоимъ умомъ, стоитъ ли обращать вниманіе на эти мелочи? Притомъ, у тебя есть талантъ; ты будешь пѣть и всѣхъ очаруешь, а я, напримѣръ, я не такъ умна, какъ ты, я не пою, далеко не красавица, мнѣ простительно думать о туалетѣ и облекаться въ розовый цвѣтъ....

— Униженіе паче гордости, замѣтила Вѣра.

— Положимъ; но прошу тебя, если ты меня любишь, докажи — не надѣвай розоваго платья.

— Странныя причуды!

— Причуды, капризъ, ребячество, назови, какъ хочешь, но перемѣни туалетъ.

— Изволь, сказала Вѣра: — только, право, мнѣ это странно.

— Прости мнѣ эту странность изъ

дружбы ко мнѣ; я послѣ когда-нибудь скажу тебѣ настоящую причину.

— Ну, прощай же!

И Настенька повисла на шею Вѣрочкѣ.

— Ахъ да! кстати, вскрикнула она: скажи мнѣ, отчего ты такъ удивилась давича, что Волынкина зовутъ Петромъ Степанычемъ?

— Я... бормотала сконфуженная Вѣра: я ничего... я такъ спросила...

— О! тонко сказала Настенька: — ты со мной не откровенна: у тебя есть что-то на сердцѣ, ты смутилась при имени Петра Степаныча. Ужъ не нравится ли тебѣ какой-нибудь Петръ Степанычъ?

— Какой вздоръ! возразила Вѣра.

— Да, вѣдь, я узнаю, все равно, отвѣчала Настенька и, надѣвъ салопъ, быстро вышла въ сѣни, а Вѣра медленно и задумчиво вернулась въ гостиную.

— Что бы это значило? сказала самой себѣ Настенька, садясь въ карету, и задумалась.—Зима рѣшитъ многое, прибавила

она: — я сведу его съ ума непремѣнно. Буду такъ мила, такъ наивна, что онъ не устоитъ. Конечно, это роль, но я къ ней привыкла. Однакожъ я устала, а цѣлый вечеръ впереди. А что, я люблю Волынкина, или нѣтъ? Богатъ онъ очень и милъ.... Попробую. А если Вѣра ему понравится? Увидимъ, увидимъ.

— Что, сударыня, сказалъ Сила Савичъ вошедшей въ гостиную Вѣрѣ: —проводили друга-то своего?

— Проводила.

— Что жь не плачете, сударыня?

— Объ чемъ же? вѣдь мы не на вѣкъ разстаемся.

— Жаль, сударыня, жаль, что не на вѣкъ.

— Это старая пѣсня, Сила Савичъ, я къ ней привыкла.

— Извѣстное дѣло...

— Вы никогда ее не щадите, Богъ знаетъ за что вы ее не любите.

— И я скажу, замѣтила Степанида

Львовна:—это даже срамъ: она такой милый, веселый ребенокъ....

— Она-то? переспросилъ Сила Савичъ; въ двадцать лѣтъ дѣвка—ребенокъ! извѣстное дѣло, что у ней на умѣ, а туда же модничаетъ, вертится, кривляется, и какъ это вы не видите, что она кривляется? извѣстное дѣло, ослѣпленіе.

— Не довольно ли, Сила Савичъ? съ неудовольствіемъ замѣтила Вѣра.

— Нѣтъ-съ, недовольно, сударыня, продолжалъ онъ:—ужъ какую изъ себя смиренницу представляетъ—и онъ началъ ея голосомъ — вы говоритъ, человѣкъ съ мудренымъ именемъ, я, говоритъ, васъ люблю, у васъ три души и шалаши, и чортъ ее знаетъ, прости, Господи, что такое!

— Сила Савичъ, строго замѣтила Степанида Львовна:—опять вы поминаете эту дрянь

— Я удивляюсь, вмѣшалась Вѣрочка:— какъ мало деликатности въ вашей благородной, впрочемъ, душѣ.

— То-есть это вы, сударыня, на счетъ чорта или Настасьи Ивановны?

— На счетъ вашихъ несправедливыхъ отзывовъ о моемъ другѣ, о моемъ искреннемъ другѣ.

— Она злодѣй вашъ, а не другъ, сударыня, извѣстное дѣло. Что она мнѣ? ничего ровно, она мнѣ нуль, извѣстное дѣло, а мнѣ васъ жаль, сударыня. Вѣдь это хорошій человѣкъ, любя васъ, говоритъ: ему что?

— Позвольте однакожь, вмѣшалась дама въ чепцѣ съ лиловыми лентами:—за вами очередь. Я говорю: пасъ, вамъ что будетъ угодно?

— Да безъ пузырей, извѣстное дѣло, ужь играть, такъ играть.

Между тѣмъ становилось поздно и пока игроки доигрывали послѣдній роберъ, Вѣра незамѣтно увела Дорхенъ въ ея комнату, а сама ушла къ себѣ.

— Что? сказала дѣвочкѣ Лизавета Карповна, пришедши раздѣвать ее:—наябед-

ничали? ради небось, что изъ-за васъ невинныя страдаютъ. Эка невидаль въ самомъ дѣлѣ, что папироски пососали. Какой нынче ихъ дьяволъ не сосетъ? Старой-то это и не втолкуетъ никто. Ну, что стойте, глазами-то хлопаете? Становитесь, молитесь.

Дорхенъ стала передъ образомъ и начала читать молитву по-нѣмецки.

— Ишь нехристь поганая, думала про себя Лизавета Карповна: — и молится-то все на своемъ собачьемъ языкѣ!

Дорхенъ, прочитавши свои молитвы, всякій разъ должна была, по приказанію, молиться за своихъ родныхъ по-русски, чего дѣвочка никакъ не могла понять.

— Ну, что же вы, сказала ей Лизавета Карповна:—начинайте же по нашему-то.

— Господи помилуй папеньку, маменьку... начала было Дорхенъ и сдѣлала уже два земные поклона.

— Стойте, стойте, прервала ее горничаня:—ваши папенька съ маменькой не ве-

лики еще фигуры, подождать могутъ, а вы прежде извольте говорить: Господи помилуй благодѣтельницу мою...

— Господи, помилуй благодѣтельницу мою, повторяла Дорхенъ.

— Болярыню Степаниду, продолжала горничная.

— Барыню Степаниду, повторила дѣвочка.

— Въ землю! скомандовала горничная.

Дѣвочка положила земной поклонъ.

— Господи помилуй благодѣтельницу мою болярышню Вѣру.

— Барышню Вѣру, повторила Дорхенъ и положила земной поклонъ.

— Всѣхъ ея роственниковъ, чадъ и домочадцевъ. Господи, помилуй и горничную мою Лизавету, и за меня молиться извольте.

Дѣвочка молилась.

— Ну, а теперь валяйте папеньку съ маменькой и всѣхъ вашихъ тамъ нѣмецкихъ-то, за нихъ и стоитъ молится: нехристи вѣдь все.

Когда Дорхенъ окончила молитву и легла, а горничная вышла, то дѣвочка, сложивъ рученки и робко озираясь, молча, мысленно помолилась за отца съ матерью, и двѣ слезы быстро обогнули выпуклый овалъ ея розоваго личика.

VI.

Насталъ наконецъ и четвергъ, насталъ такъ же скромно и обыкновенно, какъ и всякій другой осенній день, день пасмурный, холодный. Первый снѣгъ мохнатыми, широкими хлопьями, какъ пухомъ, устилалъ мостовыя и тутъ же растая, оставлялъ на сухихъ камняхъ влажныя пятна. День прошелъ однообразно. Наконецъ, часу въ десятомъ, Степанида Львовна, одѣтая въ свѣтлые цвѣта, съ перьями на куафюрѣ, плавно и чопорно выплыла изъ своего кабинета въ гостиную, гдѣ только-что за-

жгли лампу и гдѣ Сила Савичъ, заложа руки за спину, прохаживался изъ угла въ уголъ. Вѣра одѣвалась еще въ своей комнатѣ.

— Ишь шумитъ, сказала Сила Савичъ, указывая на толстое муаровое платье Степаниды Львовны:—за версту слышно. Извѣстное дѣло, заплачено-то дорого, вотъ оно и шумитъ. Прифрантились вы, сударыня, прифрантились. А если такъ разсудить, всякій хорошій человѣкъ скажетъ: на кой это, молъ, она чортъ расфрантилась?

— Опять вы ко мнѣ съ этой мерзостью пристаете? вскрикнула Степанида Львовна, стоя передъ зеркаломъ, пока вошедшая вмѣстѣ съ ней Ариша прикалывала ей сзади какой-то бантикъ.

— Ай! вскрикнула барыня: колешь, бестія, колешь! О чемъ ты думаешь? Все амуры на умѣ, грѣхопаденье?

Ариша бросила на полъ булавку и, взявъ другую, начала снова прикалывать бантикъ.

— Батюшки! вскрикнула Степанида Львовна, вспыхнувъ, быстро обернулась къ Аришѣ, со всего размаха треснула ее по щекѣ и продолжала: —колешь, мерзавка, колешь. Въ кого влюблена?

Слезы брызнули изъ глазъ Ариши, но она дрожащими руками приколола бантикъ и пошла къ двери.

— Это вы для цвѣта лица что ли? спросилъ Степаниду Львовну Сила Савичъ и жестомъ намекнулъ на пощечину.

— Ахъ, отстаньте, сердито сказала Степанида Львовна.

Въ эту самую минуту Вѣра входила въ гостиную. Голубое воздушное платье, шитое соломкой и бѣлымъ шелкомъ, ловко сидѣло на стройной таліи дѣвушки. Въ густой толстой косѣ виднѣлись мѣстами бирюзовыя булавки; длинные, пышно взбитые локоны рельефно оттѣняли прозрачную блѣдность ея личика. Однакожъ голубой цвѣтъ меньше всякаго другаго шелъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Что это значитъ? вскрикнула Степанида Львовна, быстрымъ взглядомъ окинувъ туалетъ дочери: —развѣ новое платье не готово? Я такъ и ожидала: эта мерзавка Лизка никогда во-время не успѣетъ сшить платья, другимъ занята. Да вотъ, постой, я пойду и задамъ ей. Вотъ лѣнтяйка-то!

И Степанида Львовна пошла было къ двери.

— Платье готово, maman, не тревожься.

— Отчего же ты его не надѣла? Вѣрно дурно сидитъ. Такъ все равно, пойду, и задамъ, чтобъ впередъ хорошо сидѣло...

— И сидитъ прекрасно, прервала ее Вѣра: —но я раздумала, пожалѣла, и такъ хорошо, сойдетъ съ рукъ.

— Да оно хорошо-то хорошо, сказала Степанида Львовна, любуясь дочерью: — а все-таки въ томъ было бы лучше.

— Чудеса! замѣтилъ Сила Савичъ, обращаясь къ дѣвушкѣ: — двадцать лѣтъ я васъ знаю, сударына, а бережливости особенной не замѣчалъ прежде.

— Ахъ, Боже мой, сказала съ неудо-

вольствіемъ Вѣра: — можно-ли обращать столько вниманія на такія мелочи, особенно мужчинѣ.

— Извѣстное дѣло, сударыня, вонъ сосѣду все равно, ну, а вы-то—вѣдь это вещь другая. А я удивленіе изъявляю.

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, продолжала Вѣра:—и ужь если вы непремѣнно хотите знать, извольте, я вамъ скажу: меня Настенька просила надѣть это платье, оно ко мнѣ идетъ, оно ей нравится, да и мнѣ тоже, а между тѣмъ розовое-то впередъ пригодится. Поняли теперь?

— Извѣстное дѣло, сударыня; а она-то въ какомъ будетъ?

— Въ старомъ розовомъ. Какъ это скучно, нашли о чемъ говорить!

— Это въ намеднишномъ розовомъ, вотъ въ которомъ на балъ-то она ѣхала, что ли, сударыня?

— Въ этомъ самомъ! ну, довольны вы теперь?

— Въ этомъ? вскрикнулъ Сила Савичъ: — ну, сударыня, обратился онъ къ

Степанидѣ Львовнѣ: —пропадай, моя душа, не будь я хорошій человѣкъ, если это не штуки. Извѣстное дѣло, насказала нашей-то, что какъ это, дискать, и я буду въ розовомъ и ты, молъ, въ розовомъ, не хорошо молъ, извѣстное дѣло, надѣнь, молъ, другое. То-то они и шептались намедни въ залѣ. Ну, а наша-то, по добротѣ своей, извѣстное дѣло, и согласилась. Что, сударыня, не правду я говорю? обратился онъ къ Вѣрѣ, которая вспыхнула.

— Я нахожу только одно, Сила Савичъ, что вы слишкомъ много говорите. Если бы даже это было и такъ, какое вамъ до этого дѣло? Позвольте мнѣ безъ вашего позволенія располагать моимъ гардеробомъ.

— Распологайте, сударыня. Я, извѣстное дѣло, изъ участія, а впрочемъ пусть она надъ вами верхъ беретъ.

— Чудакъ вы! замѣтила Степанида Львовна: — создастъ себѣ какую-нибудь химеру и кричитъ объ ней во всеуслышаніе.

— Оставь его, maman, сказала Вѣра: — пора ѣхать, девять часовъ.

— А что, развѣ въ срокъ приказано? спросилъ Сила Савичъ.

— Вы хотите меня разсердить окончательно, отвѣчала Вѣра: — но вамъ не удастся. И съ этимъ словомъ она съ матерью вышла въ залу. Имъ подали салопы и онѣ уѣхали, а Сила Савичъ, походя нѣсколько времени по залѣ, направился въ свою комнату, гдѣ долго думалъ о средствахъ къ отысканію своихъ трехъ убѣжавшихъ душъ. Отъ скуки старикъ принялся раскладывать гранъ-пасьянсъ, но и тутъ короли и валеты принимали подобіе Егорки, Ваньки и Панфилки.

— А домъ Дебелиныхъ между тѣмъ горѣлъ сотнями огней. Нѣсколько каретъ вереницею стояло вдоль переулка, когда пріѣхали Струйскія. Внутреннее убранство комнатъ приняло совершенно другой видъ, благодаря деспотическому вліянію Настеньки на сердце и на кошелекъ матери. Желтая, прокатная мебель, обита дешевой,

по шелковой малиновой матеріею. Купленныя по случаю гардины украшали окна и двери. Когда Струйскія вошли въ залу, таперъ неистово обколачивалъ инструментъ и паръ десять-двѣнадцать танцующихъ шаркало по паркету. Настенька танцовала съ какимъ-то офицеромъ. Струйскія осторожно пробрались между танцующими и подошли къ хозяйкѣ, которая сидѣла какъ разъ за стуломъ дочери. Замѣтно было, что появленіе Вѣры произвело впечатлѣніе. Настенька была въ новомъ бѣломъ платьѣ, обильно украшенномъ зеленью, но ей было достаточно одного только взгляда для сознанія превосходства Вѣры надъ собою. Настенька закусила съ досады губы и продолжала тревожно посматривать на дверь изъ передней. Она ждала Сермягина, но не какъ гостя, а какъ посредника между ею и Волынкинымъ. Однакожъ дверь отворялась часто и каждый разъ Настенька ошибалась: входящій не былъ Сермягинъ. Но кадриль кончалась, середина залы опустѣла; только двѣ-три не

танцовавшія дѣвицы, взявъ другъ друга подъ руки, медленно прохаживались по пустому пространству, какъ бы тѣмъ самымъ напоминая о своемъ существованіи кавалерамъ, оставившимъ ихъ безъ вниманія.

— Какъ ты хороша сегодня, сказала Настенька Вѣрочкѣ: не говорила ли я тебѣ, что и въ этомъ платьѣ ты будешь прекрасна.

— А на тебѣ опять новое? замѣтила Вѣра.

— Я не хотѣла, но съ maman развѣ сладишь: сама поѣхала, купила, привезла и—нечего дѣлать, я надѣла.

Вѣра улыбнулась, но не сказала ни слова.

— Это случай, подумала она: — Сила Савичъ не можетъ, не долженъ быть правъ.

Таперъ забарабанили польку, и рѣзвыя пары запрыгали по разнымъ направленіямъ, съ разныхъ сторонъ налетая другъ на друга и искусно лавируя, чтобъ избѣжать столкновенія. Вѣра поминутно мѣняла кавалеровъ; яркій румянецъ выступилъ на блѣдныя ея щечки; локоны начинали

развиваться—она была обаятельно прекрасна. Особенно въ ту минуту, когда, кончивъ кругъ и освободясь изъ объятій полькера, она, усталая, полусадилась, полупадала на одинъ изъ тѣснившихся другъ къ другу стульевъ. Настеньку то и дѣло спрашивали: кто эта восхитительная дѣвушка? Но Настенька какъ-то не-хотя и небрежно произносила фамилію Вѣры, прибавляя вскользь, что она съ ней дружна и ей протежируетъ. А время шло между тѣмъ, но Сермягинъ не являлся. Настенька начинала терять терпѣніе.

— Гдѣ же Волынкинъ? покажи мнѣ его, сказала Вѣра.

— А тебѣ на что?

— Посмотрѣть, что за Волынкинъ, я давно его не видала, совсѣмъ забыла небесныя его черты.

— Зачѣмъ ты это сказала? Небесныя черты! Какъ это глупо—небесныя черты!

— Не сама ли ты его называла красавцемъ?

— Да ты-то зачѣмъ говоришь: небе-

сныя черты; точно ты надъ нимъ насмѣхаешься.

— А почему же мнѣ надъ нимъ и не насмѣхаться? спросила Вѣра.

— Странно, ma chère, человѣкъ такой, извѣстный во всей Москвѣ, вѣдь это не Сермягинъ какой-нибудь.

— Да ты не влюблена ли въ него, въ этого господина? шутливо спросила Вѣра.

— Въ этого господина? передразнила ее Настенька: — у этого господина есть имя и фамилія. Развѣ ты не знаешь, что его зовутъ Петромъ Степанычемъ?

— Помню, сказала Вѣра: — и никогда не осмѣлюсь забыть его имени.

— То-то, смотри! шутливо грозя пальчикомъ, сказала Настя: — питай къ нему должное уваженіе, нѣчто въ родѣ благоговѣнія, иначе я разсержусь, Вѣра Васильевна.

— Но почему же, Настасья Ивановна, за что? тѣмъ же шутливымъ тономъ спросила ее Вѣра.

— А хоть бы и потому, что я, къ концу зимы, могу быть madame de Волынкинъ.

— Значитъ, ты его любишь?

— Какъ ты глупа! Любить и выйдти замужъ двѣ вещи.

Вѣра не успѣла опомниться отъ непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на нее этими словами, не успѣла отвѣтить, какъ дверь изъ передней отворилась и въ нее вошелъ Сермягинъ. За нимъ шелъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, высокій, худой брюнетъ. Онъ былъ одѣтъ весь въ черномъ: изъисканная простота его наряда бросалась въ глаза и располагала въ пользу молодаго человѣка. Коротко остриженные волосы, пробранные сзади, нѣсколько выпукло закрывали виски; большіе черные глаза смотрѣли беззаботно сквозь круглыя стекла двойнаго лорнета. Нельзя было не замѣтить, несмотря на блѣдность, удивительной свѣжести и молодости этого лица; черный усъ молодаго человѣка, слегка покрывавшій верхнюю гу-

бу, былъ такъ тонокъ и мягокъ, что, особенно издали, казался первымъ пухомъ отрочества. Какая-то затаенная глубокая скорбь читалась въ его безпечномъ взглядѣ, даже проявлялась во всѣхъ движеніяхъ молодаго человѣка. Неопытный глазъ какого-нибудь провинціала неменуемо счелъ бы богатѣйшаго московскаго денди за весьма бѣднаго и ничтожнаго, по положенію въ свѣтѣ человѣка, такъ скромно и такъ робко держалъ онъ себя въ обществѣ, стараясь въ немъ потеряться и не быть замѣченнымъ, но это-то самое и выдвигало его на первый планъ, это самое и нравилось. Сермягинъ подвелъ молодаго человѣка къ Аграфенѣ Павловнѣ, а Настенька, крѣпко сжавъ руку Вѣры, сказала:

— Смотри, вотъ онъ.

— Хорошъ, сказала Вѣра, бѣглымъ взглядомъ окинувъ молодаго человѣка, котораго Сермягинъ, представя хозяйкѣ, подвелъ къ Настенькѣ.

Она неловко присѣдала на развязный поклонъ Волынкина, когда полька разда-

лась еще съ большей энергіей и онъ, слегка обхватя талію молодой дѣвушки, пустился съ нею по паркету. Сдѣлавъ два, три тура, Настенька, сіяющая счастіемъ и гордостью, въ изнеможеніи опустилась на первый попавшійся ей стулъ.

— Довольны-ли вы мной, кузина? спросилъ ее случившійся поблизости Сермягинъ.

— Очень, отвѣчала она, и подала ему руку:—и буду вдвое довольнѣе, если вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе и будете чаще танцовать съ Вѣрой, а то я боюсь, чтобъ ей не было скучно: она ни съ кѣмъ почти не знакома.

— Но я тоже не имѣлъ чести быть ей представленнымъ.

— Вы ее видѣли у насъ и не дальше, какъ третьяго дня, когда она цѣлое утро разстанавливала мои растенія. Она добрая дѣвочка....

— Но это не даетъ мнѣ еще права, кузина.... началъ было Сермягинъ, но На-

стенька позвала проходившую Вѣру по имени и прибавила:

— Cousin проситъ меня тебѣ его представить.

Сермягинъ поклонился.

— Мы, кажется, знакомы, просто замѣтила Вѣра, и тутъ-же, по просьбѣ молодаго человѣаа, обѣщавъ ему слѣдующую кадриль, отошла въ сторону.

— **N'allez pas le ravir a celle qu'il aime**, крикнула ей вслѣдъ Настенька, не обращая вниманія на зарево, вспыхнувшее на розовыхъ щечкахъ юноши.

— Кузина! сказалъ онъ: — сердечныя тайны должны быть священны!

— Я ничего не сказала, я не назвала княгини.

— Еще бы! вскрикнулъ онъ, краснѣя выше ушей.

— Опять пурпуръ на ланитахъ! замѣтила она: — полноте гнѣваться, танцуйте съ Вѣрой, умѣйте скучать сегодня за удовольствіе видѣть здѣсь же княгиню Рогожскую въ будущій четвергъ.

— Развѣ вы назначили дни?

— Съ вашего позволенія. Но мнѣ некогда болтать съ вами, время идетъ такъ быстро, недолго и до мазурки, а до тѣхъ поръ мнѣ многое надо сдѣлать. Не оставьте же Вѣру вашимъ покровительствомъ.

И съ этимъ словомъ Настенька подлетѣла къ Волынкину, который пристально ее осматривалъ съ ногъ до головы.

— Я боюсь, сказала она ему:—Петръ Степановичъ, что вамъ у насъ будетъ скучно.

— Помилуйте, сказалъ онъ очень учтиво:—можно-ли скучать въ вашемъ обществѣ. Я давно желалъ сближенія, тѣмъ болѣе, что мы съ вами давнишніе знакомые: помните прошлую зиму, на сколькихъ балахъ встрѣчали вы, не замѣчая, быть можетъ, мою физіономію.

— Но теперь, вступилась Настенька:—благодаря Сермягина, мы надѣемся видѣть васъ по четвергамъ.

Волынкинъ поклонился. Разговоръ не

клеился, но Настенька рѣшилась, во что бы ни стало, привлечь къ себѣ его вниманіе. Уроненный платокъ завязалъ снова оборвавшуюся было нить разговора. Волынкинъ сказалъ молодой дѣвушкѣ нѣсколько искреннихъ комплиментовъ, ему нравилась развязность дѣвушки, онъ видѣлъ въ ней наивность ребенка. Настенька торжествовала. Но блѣдное, неопредѣленное торжество это досталась ей дорого, и ей хотѣлось, въ свою очередь, помучить кого-нибудь. Она позвала проходившую Вѣру.

— **Véra! mon amie!** будь такъ добра, поищи мой вѣеръ, я его гдѣ-то забыла; здѣсь становится жарко.

— Некогда, сказала Вѣра, и пошла было дальше.

— Вѣра! нѣсколько строго остановила ее Настенька, но тотчасъ же, мѣняя интонацію, ласково прибавила:

— Ну, полно упрямиться. Поищи вѣеръ, ты же туда идешь. Что тебѣ стоитъ? Вернешься и отдашь мнѣ.

— Посмотрю, сказала Вѣра: если найду, принесу.

И съ этимъ словомъ она ушла въ гостиную. Волынкинъ не обратилъ никакаго вниманія на уходившую, что чрезвычайно польстило самолюбію Настеньки, и продолжалъ вести съ нею довольно пустой свѣтскій, но очень оживленный разговоръ. Она была и этимъ довольна: пусть только говоритъ, думала она, о чемъ хочетъ говоритъ, а другіе видятъ. И дѣйствительно, на нихъ смотрѣли. Настенька была очень довольна. Однакожь безцвѣтный разговоръ о городскихъ толкахъ перешелъ неожиданно на литературу, преимущественно французскую и наконецъ, оживляясь все болѣе и болѣе, коснулся искусствъ.

— Къ несчастію, сказала Настенька:— я не имѣю ни одного изъ тѣхъ талантовъ, **qui vous remplissent l'intérieur**, я не живописецъ, не поэтъ.

— И прекрасно! прервалъ ее Волын-

кинъ;—эти два таланта нейдутъ къ женщинѣ. Кисть въ хорошенькой ручкѣ теряетъ всякую прелесть , убиваетъ всякое къ себѣ довѣріе, перо также. Зачѣмъ марать прелестные пальчики краскою и чернилами? Не говоря, разумѣется, объ исключеніяхъ, но для этого нужно быть геніемъ. А много ли у насъ геніальныхъ женщинъ?

— Но я подразумѣвала таланты такъ называемые **les talents de société**, таланты интимные, на рабочихъ столикахъ, знакомые только тѣсному дружескому кружку, гдѣ о славѣ нѣтъ и помину. Такіе таланты боятся насмѣшки, боятся даже обожанія толпы.

— Для этой интимной жизни, о которой вы говорите, прервалъ ее Волынкинъ,—есть, кромѣ живописи и поэзіи, талантъ, болѣе доступный для женщины, болѣе сродный съ ея нѣжной организаціей и всегда прекрасный, если-бъ даже находился еще въ самомъ младенческомъ состояніи—это музыка.

— Вы навѣрное музыкантъ?

— То есть, какъ вамъ сказать? Я понимаю немножко музыку.

— И сами играете?

— И да, и нѣтъ. На столько играю, чтобы разобрать и понять идею сочиненія, не на столько, чтобъ исполнить его блистательно и красоты его передать безошибочно. Фортепіано, впрочемъ, я называю инструментомъ доступно-недоступнымъ, не говоря опять-таки объ исключеніяхъ. А вы не музыкантша?

— Къ несчастію нѣтъ. Учили—ничему не выучили. Впрочемъ, вы не думайте, я могу съиграть польку, вальсъ и прочее.

Волынкинъ засмѣялся и послѣ молчанія прибавилъ:

— Иногда и этого довольно, если не для себя, то для другаго. Сколько разъ не мнѣ одному случалось заслушиватся какой нибудь глупѣйшей польки, которая подъ хорошенькими пальчиками прелестной исполнительницы принимала

характеръ симфоніи, цѣлой поэмы безъ словъ и прочаго.

— Берегитесь! Я когда-нибудь изъ шалости, для смѣха, нарочно при васъ забарабаню польку.

— Напрасныя угрозы. Я буду слушать ее съ удовольствіемъ.

— Врядъ ли только она преобразится въ симфонію.

— Отчего же?

Настенька приготовила было отвѣтъ, но въ это время, къ крайнему ея неудоволь ствію, подбѣжала къ ней Вѣра.

— Вотъ твой вѣеръ, сказала она — видишь, какая я добрая, насилу отыскала. Возьми скорѣй, начинаютъ кадриль, я ангажирована.

— Merci, сказала Настенька, взявъ вѣеръ и отводя Вѣру всторону: — замѣчаешь ты, что Волынкинъ цѣлый вечеръ отъ меня не отходитъ.

— Разумѣется. Ну что жь? тѣмъ лучше.

— Онъ очень уменъ и любезенъ, даже слишкомъ, такія нѣжности говоритъ, что просто совѣстно.

— Напримѣръ?

— Разныя разности, всего не припомнишь.

— И прекрасно, Ionne c'ance! поспѣшно сказала Вѣра, и стала въ кадриль.

А Волынкинъ между тѣмъ, глядя на Настеньку, думалъ:

— Она немножко кокетлива, но очень не дурна. Впрочемъ кокетство идетъ къ женщинѣ, особенно къ такой наивной, какъ эта. Она совершенный ребенокъ.

— И такъ, обратился онъ снова къ Настенькѣ, когда она отошла отъ Вѣры: — вы сомнѣваетесь, что мнѣ ваша полька покажется за симфонію?

— Сомнѣваюсь. Впрочемъ, прибавила она: — я не знаю степени вашей впечатлительности. Вы, можетъ быть, легко увлекаетесь.

— Въ особенности музыкой.

— Но полька, не музыка.

— За то пѣніе — музыка. Пустѣйшій романсъ, только проникнутый насквозь чувствомъ и внутреннимъ сознаніемъ произносимыхъ словъ, уже есть музыка.

— А вы поете? спросила его Настенька.

— Пѣвалъ.

— Пѣвали? переспросила она и подумала: жаль, что Вѣра не слышитъ нашего разговора. Она такъ желала знать, поетъ ли онъ?

— Я пѣвалъ въ молодости, отвѣчалъ Волынкинъ:—это было давно.

— Въ молодости? со смѣхомъ переспросила его Настенька;—и это было давно?

— То есть въ первой моей молодости, лѣтъ... лѣтъ, не помню сколько лѣтъ тому назадъ... впрочемъ я пѣлъ еще недавно, годъ тому назадъ, пѣлъ отъ души, пѣлъ, потому что пѣлось. Я только тогда и пою, когда поется.

— А теперь не поется?

— Нѣтъ.

— Никогда, ни для кого?

— Нѣтъ, не знаю... не споется.

— Это обѣтъ? Клятва? Слѣдствіе какого-нибудь событія?

— Можетъ быть, шутя отвѣчалъ Волынкинъ.

— Въ такомъ случаѣ я не стану настаивать.

Съ этимъ ея словомъ кончилась кадриль. Офицеръ, танцовавшій съ Вѣрой, шелъ подъ руку съ нею до прежняго ея мѣста.

— Вѣра! сказала ей Настенька: — скажи, пожалуйста, кому-нибудь, чтобъ открыли форточку, жарко невыносимо!

Но Вѣра или точно не слыхала словъ дѣвушки, или не хотѣла ихъ слышать. Настенька снова и еще громче назвала Вѣру по имени. Она обернула голову.

— Ты слышала, что я тебѣ сказала? спросила Настенька Вѣру.

— Нѣтъ.

— Вели открыть форточку.

— Кому же.

— Кому-нибудь... человѣку...

— Прикажи сама, ты хозяйка.

— Мнѣ некогда. Развѣ ты здѣсь не какъ дома?

Офицеръ увлекъ Вѣру, и самъ пошелъ распорядиться на счетъ форточки.

— Кто эта дѣвица? спросилъ Волынкинъ.

Дебелину обдало холодомъ.

— Которая? переспросила она, лѣниво окидывая взглядомъ залу.

— Вотъ эта, вотъ что прошла... въ голубомъ.

— А что?

— Ничего, ровно ничего, смѣясь, отвѣтилъ Волынкинъ:—я только спросилъ: кто эта дѣвица?

— Это одна моя пріятельница... отвѣтила она, вздохнувъ свободнѣе.

— Развѣ это отвѣтъ на мой вопросъ?

— Вы хотите знать ея фамилію. Струйская.

— Какая знакомая фамилія! сказалъ Волынкинъ: — эта дѣвица ваша родственница?

— Нѣтъ. Мы дружны, то есть, росли вмѣстѣ. Не знаю, кто изъ насъ старше, можетъ быть и я. Она добрая дѣвочка и очень образована. Какъ вы ее находите?

— Право не знаю, я не видалъ, не замѣтилъ.

— Странно: она очень интересна, ее многіе находятъ даже хорошенькой. Красота, говорятъ, такъ скоро проходитъ. Отъ чего это вы ее не замѣтили? мнѣ это досадно, мнѣ досадно, что другъ мой не заслужилъ вашего вниманія...

— Это не мудрено: я былъ подлѣ васъ.

Настенькѣ стало очень весело.

— Онъ мой, подумала она и, сдѣлавъ видъ, что не слыхала послѣднихъ словъ Волынкина, быстро спросила:

— Хотите, я васъ представлю Вѣрѣ Струйской.

— Къ чему? Лишнее знакомство. Все

лишнее вредно. Впрочемъ, если вамъ непремѣнно угодно....

— Нѣтъ, зачѣмъ же, быстро прервала его Настенька: —я не люблю никого стѣснять, но, конечно, не передамъ Вѣрѣ моего намѣренія и вашего отказа.

— Это было бы жестоко только въ отношеніи меня.

— Я васъ не понимаю.

— Вашъ другъ возъимѣлъ бы обо мнѣ слишкомъ дурное мнѣніе.

— Для этого надо быть самобытной.

— А она?

— Не самобытна, кончила Настенька.

Однакожъ продолжительный и исключительный разговоръ Волынкина съ Дебелиной привлекъ окончательно всеобщее вниманіе. Многія дѣвицы смотрѣли завистливымъ окомъ на ухаживанье льва за молодой дѣвушкой и приписывали это мимолетному настроенію. Одна только Вѣра искренно радовалась успѣхамъ Настеньки, которую любила слѣпо и довѣрчиво.

— Вотъ, матушка, женихъ-то, говорила Аграфена Павловна сидѣвшей съ ней рядомъ Степанидѣ Львовнѣ, подразумѣвая Волынкина: — вотъ женихъ-то: и молодъ, и образованъ, и уменъ, а ужъ какъ богатъ, что это такое! натощакъ и не выговоришь. Ужъ какъ я рада, что его залучила и сказать вамъ не могу. Хорошо, ка-бы ему моя-то приглянулась.

— Почему-же, отвѣчала Степанида Львовна: — давай Богъ. Ужъ она и то, кажется, его за живое задѣла.

— И гдѣ ей? Глупа еще, матушка, ребенокъ сущій, развѣ она что понимаетъ, какъ бы это замужъ выйдти, или что-нибудь такое? Ничуть. Ей бы въ куклы еще играть....

— Вотъ и моя-то тоже на счетъ этого не смыслитъ, вступилась Степанида Львовна.

— Да, такія уморительныя дѣвочки! кончила Аграфена Павловна.

— А время шло между тѣмъ. Волынкинъ позвалъ Настеньку на мазурку.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтила она, но вдругъ, какъ будто спохвативш:нсь, вскрикнула и сказала:

— Ахъ! что же это я сдѣлала, я, кажется, уже обѣщала кому-то мазурку.

— Однакожъ, замѣтилъ Волынкинъ: — первое ваше слова было согласіе, и я никому не уступлю удовольствія танцовать съ вами.

— Но какъ же быть однакожь съ первымъ кавалеромъ?

— Я, право, незнаю.

— И кому я дала слово....

— Это я еще меньше знаю.

— **Donnez-moi un instant,** я все устрою. И она порхнула изъ залы въ гостиную, гдѣ, найдя Сермягина, сказала:

— Я вамъ обѣщала мазурку; танцовать съ вами, конечно, счастіе, но я должна отъ него отказаться.

— Потому что танцую съ Волынкинымъ, перебилъ ее Сермягинъ.

— Вы развертываетесь, Поль, это меня радуетъ.

— А вы увлекаетесь, кузина. Только берегитесь...

— А мазурка-то? спросила она.

— Волынкинъ ихъ танцовалъ столько...

— Только не со мною.

— Желаю вамъ успѣха.

— А вамъ желаю найти даму. Впрочемъ, Вѣра, кажется, не ангажирована. Однакожъ пора начинать. До свиданія, Поль. Я вами довольна. **Vous vous acquittez à merveille de votre role de cousin en attendant un meilleur.**

И съ этимъ словомъ она порхнула въ залу.

— Мазурка ваша, сказала Дебелина Волынкину; —я уладила дѣло. У меня съ Сермягинымъ заключено условіе танцовать мазурку всегда, когда у меня нѣтъ въ виду другаго кавалера, потому что скучать съ родственникомъ все-таки лучше, чѣмъ съ незнакомымъ человѣкомъ.

— Это очень лестно для меня, сказалъ Волынкинъ: —но не совсѣмъ выгодно для

Сермягина. Или онъ такъ вамъ преданъ, или такъ равнодушенъ ко всему, что снисходительно обрекаетъ себя на ту самую скуку, отъ которой васъ избавляетъ.

— Онъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые способны многое для меня сдѣлать.

— Кого же однакожь обречетъ судьба или капризъ кузины въ дамы бѣдному Сермягину?

— Вѣру, разумѣется.

— То есть Струйскую? Но почему же это разумѣется? А если она не захочетъ?

— Не все ли ей равно? переспросила Настенька: — она меня такъ любитъ, что не только исполняетъ всѣ мои просьбы, но даже исполняла бы всѣ мои приказанія, если бъ я была способна приказывать.

— Это счастье имѣть такого друга, замѣтилъ Волынкинъ.

— Да. Она добрая дѣвочка, очень кроткая, тихая, совершенный контрастъ со мною.

Тутъ только Волынкинъ обратилъ вниманіе на Вѣру, тѣмъ болѣе, что въ памяти его промелькнули вновь всѣ тѣ мелоч-

ныя въ сущности одолженія, которыя она такъ кротко исполняла, покорная желанію Настеньки.

— Что это такое? подумалъ онъ: —безсиліе, безхарактерность, моральное рабство или дѣйствительно дружба?

Личность Вѣры начала занимать Волынкина, какъ что-то таинственное, неразгаданное, чего, конечно, и не подозрѣвала Дебелина; но что она менѣе всего подозрѣвала, это то, что она сама, старавшаяся о совершенно противномъ, именно она и возбудила въ немъ сначала любопытство, потомъ и самое участіе къ загадочному существу, безпрекословно поддающемуся вліянію другаго, равнаго ему, вѣроятно, и по образованію и по положенію въ свѣтѣ. Поздно уѣхалъ Волынкинъ, унося съ собою твердое намѣреніе узнать короче какъ ту, такъ и другую изъ дѣвушекъ, связанныхъ между собою узами такой неразрывной дружбы, основанной на самовластіи съ одной стороны и совершенной покорности съ другой. «Жаль, думалъ онъ, засыпая,

что у этой дѣвушки, полной жизни и огня, жаль, что у этого наивнаго ребенка, нѣтъ голоса, который бы проникалъ въ душу, говорилъ сердцу, иначе въ нее можно бы было влюбиться. А та, другая, та какое-то вялое, безжизненное существо, способное только покоряться, играть всю жизнь страдательную роль. Вотъ какъ ложно понималъ Волынкинъ этихъ двухъ дѣвушекъ послѣ перваго знакомства съ ними.

VII.

Прошелъ мѣсяцъ. Зима легла и согрѣла промерзшую землю. Обнаженныя вѣтки деревьевъ подернулись инеемъ и при каждомъ движенiи стряхивали съ себя серебристую пыль. Было сухо-холодно. Скованный морозомъ снѣгъ визжалъ подъ полозьями быстро скользившихъ санокъ. Даже Ваньки, казалось, отраднѣе смотрѣли на свѣтъ Божiй, привѣтливо выставляя морозу свои привычныя къ нему лица; даже ихъ кляченки, разбитыя на всѣ ноги, почуя перемѣну пути, бодрѣе плелись вдоль

по улицамъ. Только пѣшеходы шли робче и осторожнѣе, уважая толстую корку льда, покрывавшаго троттуары, и безъ того незавидные. Первый снѣгъ, первый морозъ, зима, не утратившая еще ни своей дѣвственной чистоты, сколько въ васъ поэзіи чисто русской, самобытный поэзіи!

Четыре четверга смѣнили уже другъ друга, съ тѣхъ поръ какъ постепенно водворялась суровая гостья, каждый вечеръ Дебелиныхъ привлекалъ все болѣе и болѣе посѣтителей, таперъ былъ замѣненъ оркестромъ, скромное угощеніе—буфетомъ, а желаніе веселиться претензіей блеснуть. Аграфена Павловна сильно морщилась, выдавая деньги, но Настенька такъ логично умѣла убѣдить ее, а при случаѣ такъ строго приказать, что безхарактерная старуха поневолѣ разставалась съ своими доходами.

— Зеленя-то, пишутъ, плохи были, снѣгу нѣтъ, поля голыя, морозы, будемъ безъ хлѣба, пути нѣтъ, говорила она, денегъ не имѣемъ, бѣда, да и только! А

тутъ, что ни недѣля, балъ, что ни разъ, то пуще!

— А ты не замѣчаешь, прерывала ее дочь,—что Волынкинъ отъ меня не отходитъ.

— Какъ не замѣчать. На что же я мать, если не для того, чтобы замѣчать?

— Ну, такъ вотъ видишь. Ужъ буду за нимъ, помяни мое слово.

— Хорошо бы, душа моя, только все мнѣ сомнительно: не нашего поля ягода. Бонтонъ такой, что и, Боже мой! И богатъ-то ужъ не впроѣдъ. Даже этого и много; кажется съ этакимъ богатствомъ и не справишься.

Но Настенька не раздѣляла этого мнѣнія. Она бредила богатствомъ, роскошью, жизнью за границей, всѣмъ тѣмъ, что могло ей доставить только одно выгодное замужство.

— Вѣрочка-то, говорила Аграфена Павловна: — въ тѣни, совсѣмъ въ тѣни. Да гдѣ же ей съ тобой тягаться. Волынкинъ-то на нее и вниманія не обращаетъ.

— Нѣтъ, отъ чего же? Онъ каждый разъ, изъ вниманія ко мнѣ, интересуется Вѣрой и даже прошедшій четвергъ просилъ меня познакомить его съ нею, но я отклонила кой-какъ это намѣреніе.

— Отчего же, душа моя. Гдѣ ей до тебя?

— Вотъ, посватается, тогда познакомлю, а теперь еще рано. Но что значитъ, что Рогожская не удостоиваетъ насъ своимъ посѣщеніемъ, не смотря на наши визиты и приглашенія? Мнѣ досадно за Сермягиа.

— Ему-то что? спросила Аграфена Павловна.

— А ты развѣ не знаешь, что онъ въ нее влюбленъ?

— Въ замужнюю-то женщину? Ахъ онъ, грѣховодникъ.

Такъ разговаривали Дебелины, готовясь къ четвергу, тогда какъ у Струйскихъ дѣлались тоже спѣшныя къ нему приготовленія: Вѣрѣ шили новое платье, а Сила Савичъ очень сокрушался, что вотъ ужъ столько баловъ было тутъ и тамъ, а Вѣрѣ Васильевнѣ все Господь женишка не шлетъ.

— Да что она у меня перестарокъ что-ли какой? замѣчала Степанида Львовна: — что она мнѣ въ тягость что-ли? всегда успѣетъ еще выдти, чѣмъ позднѣе, тѣмъ лучше. Еще какой-то соколикъ навяжется. Особенной-то радости и замужемъ-то быть нѣтъ никакой.

— Ну этого вы, сударыня, не говорите, перебилъ ее Сила Савичъ:—я, извѣстное дѣло, помню, какъ вы съ покойникомъ-то съ Васильемъ Кузмичемъ въ амурахъ пребывали.

— Что жъ? мы жили дружно, дай Богъ всѣмъ такъ.

— На что дружнѣй. Даже и меня завидки брали, извѣстное дѣло, человѣкъ былъ холостой, не старый.

— Кто же вамъ мѣшалъ, батюшка? женились бы себѣ, отъ грѣха-то отходили бы.

— Не судьба, сударыня, видно. Одинакая мнѣ, видно, участь съ Вѣрой Васильевной: хорошая дѣвица, извѣстное дѣло, а вотъ не шлетъ Господь женишка.

— И не нужно. Богъ съ ними, съ нынѣшними-то: шематоны.

— Извѣстное дѣло, шематоны. Я хоть и не понимаю, что это такое, а шематоны они. И гдѣ у нихъ глаза? Не различатъ дурнаго отъ хорошаго. Казалось-бы какъ не распознать, что лицо, что изнанка. Чай за Дебелиной-то увиваются, для того, что юлитъ, а имъ и любо.... извѣстное дѣло, удальствомъ беретъ, да вертлявостью, а скромное-то обхожденіе имъ не понутру, потому что сами то, извѣстное дѣло, бонвиваны этакіе, прости, Господи.

— Нечего сказать, Настенька нравится, да и какъ не нравиться? Дитя сущее. Особенно есть тамъ одинъ у нихъ...

— Кто же, матушка? изъ пушистыхъ что ли?

— Волынкинъ какой-то.

— Что вы это, сударыня, какой-то? У насъ въ Костромѣ Волынкинъ предводителемъ былъ, а ужъ коли предводитель, извѣстное дѣло, хорошій человѣкъ. Славный человѣкъ былъ, да несчастье постиг-

ло: съ женой врозь жилъ. Ну, это кто ихъ тамъ знаетъ, кто правъ, кто виноватъ, а вотъ что дурно-то, сударыня, человѣкъ былъ горячій. Разгорячился разъ и наказалъ мужика, а мужикъ-то и умри. Несчастье, вѣдь, вотъ и нагрянули; судъ да расправа, дальше, да больше, нашли, что ужь такіе случаи-то и не въ первой, такое несчастіе бывало, какъ наказалъ человѣка, человѣкъ-то и капутъ. Что жъ бы вы думали, сударыня? Вѣдь въ опеку взяли, въ сильномъ подозрѣніи оставили: извѣстное дѣло, деньги, а то бы, глядишь, удостовѣрились,—нѣтъ, въ сильномъ подозрѣніи оставили. До сихъ поръ живъ и здоровъ, только ужъ не то: форсу посбавилъ, жалованье положено, а управлять самому, чтобы ни, ни, то есть, что называется ниже ни, ни...

— А богатый былъ человѣкъ?

— У... у... у! пропѣлъ Сила Савичъ:— ужъ бѣдный человѣкъ, извѣстное дѣло, что за предводитель?

— Этотъ тоже богатъ, говорятъ.

— Не сынишка ли его, чего добраго?

— Ужъ точно, что отъ сына такого человѣка чего добраго ожидать можно.

— Вы этого не говорите, сударыня. Я завѣрное не выдаю, а слышалъ, что у него, извѣстное дѣло, были дѣти, только съ матерью жили, а мать, извѣстное дѣло, женщина, какъ ни будь дурна, все мать.

— Все мать! съ чувствомъ повторила Струйская.

— Хоть бы вы, къ примѣру, продолжалъ Сила Савичъ: женщина съ душкомъ, извѣстное дѣло, съ характеромъ, чтобы этакъ затрещинку кому, подзатыльничекъ, а, вѣдь, сердце у васъ доброе, мать вы хорошая, на счетъ воспитанія смыслъ имѣете и все такое.

— Бочка меду, да ложка дегтю, Сила Савичъ, покорно васъ благодарю.

— Это вы когда-нибудь послѣ. Я, вѣдь, на чистоту говорю, извѣстное дѣло, что чувствую. Послушайтесь вы, сударыня,

моего глупаго совѣта: вы этого Волынкина приласкайте: женишекъ Вѣрѣ Васильевнѣ отмѣнный былъ бы.

— Онъ ухаживаетъ за Настенькой, возразила Струйская:—понимаете вы это?

— Эка невидаль ваша Настенька! Такъ, чай, отъ скуки забавляется, не раскусилъ нашей-то, а раскуситъ, вотъ ваша хваленая-то Настенька съ носомъ и отъѣдетъ. Слышалъ онъ нашу пташку-то, аль нѣтъ?

— Нѣтъ; она при немъ ни разу еще не пѣла.

— Та отводитъ, ходу не даетъ, запираетъ. Смекнула, что жаренымъ пахнетъ, извѣстное дѣло. Своя рубашка къ тѣлу ближе, вотъ она по пословицѣ и поступаетъ, сударыня.

— Зачѣмъ такъ дурно думать? зачѣмъ клеветать на бѣдную дѣвушку.

— Да ужъ такъ. И гдѣ это Вѣра Васильевна? я бы ей самой лучше понапѣлъ, какъ ей тамъ себя вести. Съ вами-то развѣ сговоришь? Пойду-ка я къ ней наверхъ.

— Что вы? что вы? крикнула ему

вслѣдъ Степанида Львовна: — она одѣвается, сейчасъ сюда придетъ. Вотъ лучше чаю спросите.

— И прекрасно, сударыня, ужъ извѣстное дѣло, на вечерахъ что за чай.

Съ этимъ словомъ Сила Савичъ побѣжалъ распорядиться на счетъ чаю и лично приказать объ немъ Панкратьевнѣ.

— Да вы скорѣе, говорилъ онъ ей: — на вечеръ ѣдетъ, нѣкогда ей васъ дожидаться.

— Ну, какъ скоро, такъ сейчасъ, что я молоденькая что ли? отвѣчала она ему: — ишь новости какія выдумали, въ гости ѣдутъ, дома чай пьютъ, все, знать, ваши сударь, затѣи.

Но Сила Савичъ, знавшій кропотливый характеръ старухи, тѣми же шагами возвратился въ гостиную, куда чрезъ нѣсколько времени впорхнула одѣвшаяся Вѣра. Прозрачная, какъ дымъ, кисея ловко обхватывала стройный станъ ея, пунцовыя ленты огненными струйками спускались съ круглыхъ плечъ дѣвушки и цѣлыми

массами терялись въ воздушныхъ складкахъ платья; пунцовая живая камелія, окруженная толстыми плотными листьями, прильнула между кружевъ корсажа. Длинныя черныя букли граціозно падали на бѣлоснѣжныя плечи. Въ изгибахъ густой широкой косы виднѣлись такія же живыя камеліи; длинная нитка коралловъ, охвативъ два раза шейку, завязалась узломъ и петлей падала на грудь. Вѣра была очень хороша въ этомъ нарядѣ.

— Ай да, барышня! вскрикнулъ Сила Савичъ, поспѣшно допивая огромную чашку чаю, чашку, которую онъ обыкновенно называлъ кадушкой: — то ли дѣло съ красненькимъ-то? видъ совсѣмъ другой. Вотъ эти балабалочки-то въ особенности очень хороши, прибавилъ онъ, указывая на нитку коралловъ.

А домъ Дебелиныхъ между тѣмъ постепенно наполнялся гостями. Ярко блещетъ зала, оркестръ гремитъ изъ маленькой сосѣдней комнатки; танцующихъ бездна. Волынкинъ танцуетъ съ Настенькой, но

нельзя не замѣтить, что въ немъ замѣтно какое-то неуловимое волненіе. Онъ нерѣдко поглядываетъ на дверь изъ передней и прерываетъ разговоръ разсѣянными взглядами, бросаемыми въ толпу дѣвицъ, пестрѣющихъ всѣми цвѣтами радуги.

— Скажите, говоритъ онъ Настенькѣ:— Струйскіе не будутъ сегодня?

— Не знаю. Вѣроятно будутъ; Вѣра такъ любитъ танцы.

— Это такъ естественно въ ея лѣта.

— Конечно. Она любитъ ихъ теперь точно такъ же, какъ и въ шестнадцать лѣтъ.

— А ей теперь, спросилъ Волынкинъ: — это нескромный вопросъ—сколько?

— Ей... право, я не знаю, ей... должно быть за двадцать.

— Неужъ-то? воскликнулъ Волынкинъ:—кто бы могъ подумать! она такъ моложава; вотъ счастливая наружность!

— Вы находите? спросила Настенька съ легкимъ оттѣнкомъ неудовольствія.

Но шестая фигура приходила къ концу и общій галопъ вѣнчалъ дѣло. Волынкинъ посадилъ Дебелину на мѣсто и, покло нясь очень низко, ушелъ въ другую комнату искать болѣе прохладной температуры. Грустный, одинокій Сермягинъ попался ему навстрѣчу; княгини не было. Сермягинъ былъ золъ на людей, на свѣтъ, на себя, на кузину и хотѣлъ, чтобы всѣ видѣли, что онъ золъ.

— Вы, кажется, скучаете? спросилъ его Волынкинъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ тономъ, который доказывалъ противное:—не то, чтобы очень.

— А есть немножко, продолжалъ Волынкинъ:—спросить у васъ: не ждете ли вы кого, будетъ нескромно. Спросить прямо: кого вы ждете? еще не скромнѣе, а угадать—нѣтъ, кажется, нескромности.

— Я никого не жду, отвѣтилъ Сермягинъ:—но предположимъ, что я жду, а вы угадываете, кого бы вы назвали?

Сермягинъ думалъ, что фраза его пропитана ядовитѣйшей желчью.

— Струйскую, сказалъ Волынкинъ.

— Вы не угадали, язвительно улыбаясь, отвѣтилъ юноша.

— Не ужъ-то она вамъ не нравится? быстро спросилъ Волынкинъ.

— Не скажу, возразилъ Сермягинъ:— я нахожу въ ней много достоинствъ, но чувствую къ ней только одно состраданіе.

Юноша мнилъ, что онъ патетиченъ.

— Состраданіе? значительно переспросилъ Волынкинъ.

— Да, сказалъ Сермягинъ:—мнѣ грустно и больно видѣть эту дѣвушку, весьма умную, чрезвычайно образованную и, къ несчастью, не имѣющую достаточно характера.

— То есть какъ же это, Сермягинъ? Я васъ не понимаю.

— Я удивляюсь, какъ такое развитое созданіе можетъ подчиняться другому, гораздо менѣе развитому.

— Кого вы подразумѣваете подъ этимъ другимъ созданіемъ?

— Позвольте мнѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ, уклончиво отвѣтилъ Сермягинъ и, взявъ порцію мороженаго, углубился въ созерцаніе виноградной лозы, которую оно изъ себя представляло. Къ чести Сермягина приписать должно, что онъ, не смотря на всю злобу свою къ Настенькѣ за неисполненное ею обѣщаніе, то есть за отсутствіе княгини Рогожской, не выдалъ свою кузину головою; но Волынкинъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять намека.

— Значитъ, подумалъ онъ: — мои догадки справедливы; но дайте срокъ, мы разгадаемъ васъ, M-elle **Nastasie**! Мы видѣли васъ съ-лица, увидимъ и съ-изнанки.

Въ то самое время пріѣхали Струйскіе. Изящный туалетъ Вѣры обратилъ на себя всеобщее вниманіе, но Настенька, окинувъ бѣглымъ взоромъ и сознавъ все его превосходство предъ своимъ лиловымъ

платьемъ, убраннымъ букетами темныхъ фіялокъ, осталась имъ очень недовольна.

— Что это ты такъ расфрантилась сегодня? спросила она Вѣру: — у насъ нынче меньше, нежели въ прошлые четверги.

— Я, право, безъ намѣренія, отвѣчала Вѣра: —и что же особеннаго ты находишь въ моемъ туалетѣ?

— Живыя камеліи теперь еще рѣдкость.

— Они разцвѣли у меня въ комнатѣ: я сама за ними ходила.

— Жаль, что этого никто не знаетъ: это придало бы имъ еще болѣе поэтичности.

Но съ этимъ словомъ полькирующія пары раздѣлили дѣвушекъ и онѣ разошлись въ разныя стороны, а Волынкинъ входилъ въ залу. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы въ толпѣ отыскать Вѣру.

— Вотъ она, подумалъ онъ, пріѣхала однакожь. Я боялся, что она не пріѣдетъ, то есть, я боялся собственно за свои на-

блюденія. Какъ она однакожь хороша сегодня; какъ идутъ къ ней эти пунцовыя камеліи, эти кораллы, какъ роскошны эти длинные черные локоны и какъ она граціозно танцуетъ—съ ней должно быть очень ловко. Удивительное дѣло, право, какъ это я раньше не замѣтилъ этой дѣвушки. Надо непремѣнно сблизиться съ нею....

— Что это вы объ чемъ мечтаете? спросила Волынкина Настенька, которую полькировавшій съ нею кавалеръ посадилъ какъ разъ подлѣ него.

— Я не мечталъ, а просто смотрѣлъ, отвѣтилъ Волынкинъ.

— Куда? Въ пространство?

— Смотрѣлъ на Струйскую.

— Гмъ! закусивъ губку, сказала Настенька:—ну и чтожь?

—И думалъ объ васъ, кончилъ Волынкинъ.

Оттѣнокъ удовольствія мелькнулъ на лицѣ дѣвушки.

— Обо мнѣ? переспросила она.

— Или точнѣе, продолжалъ Волынкинъ: —о вашей несправедливости.

— Къ кому?

— Къ вашему другу. Посмотрите, какъ она интересна сегодня.

— Вы находите, что она интересна только сегодня?

— Я говорю: сегодня, болѣе чѣмъ всегда....

— Конечно, перебила его раздосадованная Настенька: — на балѣ она точно хороша; впрочемъ на мои глаза, она всегда одинакова. Никто не носитъ такихъ длинныхъ буклей, а къ ней онѣ идутъ. Въ черныхъ волосахъ очень хороши красныя камеліи. Она всегда одѣвается прекрасно.

А Вѣра между тѣмъ, увлекаемая какимъ-то гусаромъ, порхала мимо разговаривающихъ. Широкія воздушныя складки ея бѣлаго платья при каждомъ поворотѣ вздымались, какъ волны и нескромно выдавали крошечную ножку, обутую въ черный атласный башмачекъ. Опытный взлядъ Волынкина, скользнувъ по длиннымъ локо-

намъ дѣвушки и строгимъ цѣнителемъ пройдя по всему существу ея, остановился и на ножкѣ.

— Воля ваша, вскрикнулъ онъ невольно:—она восхитительна.

— Но развѣ я говорю противное, сказала Настенька, вставая;—она точно очень интересна.

Но голосъ измѣнялъ дѣвушкѣ: она не могла скрыть негодованія и въ сильномъ волненіи вышла въ другую комнату.

— Ну, это ясно, подумалъ Волынкинъ:— даже въ самыхъ похвалахъ твоихъ проглядываетъ оскорбленное самолюбіе: ты чувствуешь, какъ моральное, такъ и физическое превосходство твоего друга надъ собой, вотъ почему и стараешься подчинить его себѣ.

Но Вѣра, перемѣнивъ кавалера, продолжала порхать по залѣ, невольно увлекая вслѣдъ, за граціозными своими движеніями, просвѣтлѣвшій взглядъ Волынкина.

— Какъ она легко танцуетъ, подумалъ онъ:—не понимаю, какъ это я цѣлый мѣ-

сяцъ лишалъ себя удовольствія танцовать съ нею.

Оркестръ, по приказанію бѣсновавшагося распорядителя, перемѣнилъ тактъ и изъ польки перешелъ въ вальсъ. Волынкинъ задумчиво приблизился къ Сермягину.

— Мнѣ ужасно хочется сдѣлать туръ вальса съ Струйской, сказалъ онъ ему: — возьмите на себя трудъ меня ей представить.

Сермягинъ значительно посмотрѣлъ на Волынкина; въ этомъ взглядѣ блеснула молнія.

— А, кузина, подумалъ онъ: — этотъ человѣкъ должно быть разгадалъ васъ, ваша звѣзда меркнетъ. Вотъ случай отплатить вамъ. Извольте, сказалъ онъ быстро Волынкину: — я съ особеннымъ удовольствіемъ исполню ваше желаніе, пойдемте.

И молодые люди, взявъ другъ друга подъ руки, пошли по направленію къ Вѣрѣ. Настеньки въ это время въ залѣ не было:

она въ другихъ комнатахъ отдавала приказанія.

— Чтобы это значило? подумала Вѣра, отвѣчая едва замѣтнымъ наклоненіемъ головки на низкій и почтительный поклонъ Волынкина.

Но онъ не далъ ей опомниться и просилъ туръ вальса. Она, молча, граціознымъ жестомъ приняла предложеніе, слегка положила ручку на плечо молодаго человѣка и они, какъ вихрь, унеслись по паркету, только длинные, начинавшіе развиваться пахучіе локоны Вѣры, летая вокругъ нея, касались лица Волынкина и обдавали его тонкимъ, едва слышнымъ благоуханіемъ. Въ это самое время Настенька входила въ залу. Если бы громъ ударилъ въ эту минуту, она была бы менѣе поражена.

— Онъ танцуетъ съ нею! невольно вырвалось у ней, и она въ изнеможеніи опустилась на первый попавшійся ей стулъ.

— Да, значительно отвѣчалъ подошед-

шій Сермягинъ:—я представилъ Волынкина Струйской.

Юноша былъ убѣжденъ, что разыгрываетъ драму.

— Это зло, сказала Настенька:—я понимаю, впрочемъ, причину.

— Я ждалъ мѣсяцъ, продолжалъ онъ.— но Полины не было.

— Полина будетъ! сильно крикнула Настенька вслѣдъ уходившему Сермягину:—но онъ не слыхалъ этой фразы.

А Волынкинъ былъ очарованъ и разстался съ Вѣрой только до пятой, обѣщанной ему кадрили. А Настенька продолжала сердиться, сама не зная за что. Бѣдная перчатка поплатилась за все и была разорвана.

— Вотъ, матушка, говорила Аграфена Павловна Степанидѣ Львовнѣ: — вы намедни сѣтовали, что Волынкинъ съ вашей Вѣрочкой не танцуетъ, пришло время, познакомились и танцуютъ.

— Я сѣтовала? возразила Степанида Львовна:—никогда! и безъ Волынкина мно-

го кавалеровъ есть; съ кѣмъ бы дѣвочкѣ ни танцовать, лишь бы танцовать.

— Ну, нѣтъ, матушка, я съ вами не согласна.

Старухи продолжали разговоръ въ томъ же родѣ, когда Волынкинъ подошелъ къ Настенькѣ.

— Что за прелестная дѣвушка эта Струйская, сказалъ онъ ей.

— **Vous allez crescendo?** сказала Настенька: — вы, я вижу, легко поддаетесь очарованію.

— Смотря, отвѣчалъ Волынкинъ.

— И часто разочаровываетесь?

— То же смотря.

— Мнѣ жаль васъ.

— За что же?

— За впечатлительность.

— Нельзя же мнѣ не отдавать должное прекрасному.

— Это похвальная черта, замѣтила Настенька: — но зачѣмъ тратить время на поклоненіе предмету, который кажется не тѣмъ, что есть. Я говорю вообще,

разумѣется. Предметъ самъ собою оцѣнится и тогда... что тогда ожидаетъ поклонника?

— Дѣйствительно, возразилъ Волынкинъ: — оцѣнка является сама собою: человѣкъ прозрѣваетъ, видитъ все въ настоящемъ, далеко не въ розовомъ цвѣтѣ, и тогда настаетъ разочарованіе, охлажденіе и наконецъ самое равнодушіе.

— Я бы не желала, чтобы все это ожидало васъ въ отношеніи къ Вѣрѣ.

— Вы, кажется, говорили вообще, замѣтилъ Волынкинъ:—но если ужъ на то пошло, мы съ вами такъ долго и такъ упорно были несправедливы. Еще недавно, танцуя съ вашимъ другомъ пятую кадриль, я удивлялся уму этой дѣвушки, сдержанности ея выраженій, прекрасному образованію...

— Удивлялись? это не похоже на панегирикъ, прервала его Настенька: —развѣ вы въ ней не ожидали найти и умъ, и образованіе, **et cetera, et cetera**....

— Vous m'aviez dérouté, но она стоитъ панегирика, и я удивляюсь, какъ вы, какъ мнѣ кажется, не раздѣляете моего мнѣнія.

— О! напротивъ! возразила Настенька: — не я ли первая говорила вамъ, что она милая, славная, добрая дѣвочка.

— Но, горячо вступился Волынкинъ: — она недосягаемо выше того, что вы говорили.

— Можетъ быть, сказала Настенька, пожавъ плечами, и обратилась съ какимъ-то привѣтствіемъ къ проходившей мимо ихъ старушкѣ.

Однакожъ оркестръ, вѣроятно, слишкомъ уставшій, умолкъ на короткое время и общество раздѣлилось на нѣсколько кружковъ: одни направились къ устроенному въ третьей комнатѣ буфету, другіе размѣстились въ гостиной, а третьи ходили по залѣ, куда въ отворенныя форточки врывался сухой зимній воздухъ и благодѣтельно освѣжалъ атмосферу. Нѣсколько испитыхъ юношей болѣзненнаго вида ок-

ружили Вѣру и громко упрашивали пѣть. Къ нимъ присоединилось еще нѣсколько голосовъ. Нѣкоторыя дамы и дѣвицы, доброжелательствующія Вѣрѣ, поддержали ихъ, и общая просьба слилась въ одно неопровержимое требованіе. Побѣжденная дѣвушка уступила общему голосу и сѣла за фортепіано, а Настенька, не раздѣлявшая общаго мнѣнія на счетъ таланта Вѣры, утѣшала себя мыслію, что мимолетное впечатлѣніе, которое она произвела на Волынкина, разлетится впрахъ, какъ только она откроетъ ротъ и затянетъ какую-нибудь арію.

— Что это? спросилъ Волынкинъ Сермягина: —въ залѣ кто-то пѣть собирается.

— Струйская.

— Она поетъ? спросилъ съ удивленіемъ Волынкинъ.

— Да и, кажется, прекрасно.

— Странно, что до сихъ поръ мы были лишены удовольствія ея слушать.

— Не случилось; можетъ быть Вѣра Васильевна была не расположена.

— Странно, сказалъ Волынкинъ: — но все таки **mieux vaut tard, que jamais**, если она такъ же хорошо поетъ, какъ хорошо танцуетъ, если ея голосъ такъ же молодъ и свѣжъ, какъ она сама...

— То что же? прервала его подходящая Настенька.

— То эта дѣвушка способна хоть кого свести съ ума.

— Хоть кого, только не васъ, замѣтила Настенька.

— Отъ чего же?

— Вы музыкантъ; вы, вѣроятно, слышали и здѣсь и за границей первѣйшихъ знаменитостей, а мы, грѣшныя, всѣ поемъ, какъ умѣемъ. Впрочемъ Вѣра очень много училась....

— Я, кажется, вамъ говорилъ когда-то, прервалъ ее Волынкинъ: — что я люблю всякое женское пѣніе, какъ бы оно слабо ни было, лишь бы было задушевно.

— А какое вы надѣетесь услышать въ эту минуту?

— Не знаю, но жду пѣнія.

— И, кажется, съ нетерпеніемъ?

— Вы угадали.

— Я удивляюсь, замѣтила Настенька: — какъ человѣкъ съ развитымъ эстетическимъ вкусомъ можетъ любить всякіе голоса, не говорю о Вѣрѣ, она поетъ точно очень хорошо.

— Я ихъ такъ много слышалъ въ жизни.

— Тѣмъ болѣе это странно! еще если бы вы сами не пѣли, я бы поняла это.

— Видите ли, началъ Волынкинъ: — есть вещи, которыя не договариваются, есть воспоминанія, которыя трудно забыть. Часто ничтожное обстоятельство, на которое въ иное время не обратилъ бы никакого вниманія, въ иныя минуты, при извѣстной обстановкѣ, глубоко взрѣзываются въ памяти, если не въ сердцѣ. Я приписываю это настроенію духа, расположенію къ мечтательности. Бываютъ мгновенья, когда самый испорченный человѣкъ способенъ на многое прекрасное. Жаль, что

эти мгновенья кратки, легко переживаются, еще легче забываются.

— Вы впадаете въ идиллію, вы нынче особенно настроены на сантиментальный тонъ, смѣясь, замѣтила Настенька: —я это читывала въ романахъ.

— И въ жизни бываютъ романическія минуты, что-то такое, едва начавшееся и прерванное, что-то безъ начала и конца, даже безъ содержанія.

— Жалкое что-то, замѣтила Настенька: что за ощущеніе, если не можешь ни опредѣлить его, ни дать себѣ въ немъ отчета.

— Мечта, сонъ, звукъ, вотъ тѣ неуловимыя ощущенія, которымъ нѣтъ названія. Иногда они проходятъ незамѣченными, даже часто, но случается, что оставляютъ слѣдъ по себѣ не ясный, но пріятный, и наоборотъ.

— Не чувствуете ли и вы въ себѣ слѣда какого-нибудь неуловимаго ощущенія?

— Можетъ быть.

— Шаткое же это было ощущеніе, замѣтила Настенька.

Но въ это самое время Вѣра, случайно попавшая на аккомпаниментъ особенно любимой своей аріи, бросила нѣсколько речитативныхъ нотъ и перешла въ плавное и задушевное анданте. Невольная дрожь пробѣжала по всему тѣлу Волынкина.

— Что съ вами? спросила его Настенька.

— Со мною? переспросилъ онъ: — ничего, ровно ничего, я слушаю, извините.

И онъ тихими шагами вышелъ въ залу, пробравшись сквозь толпу, обступившую Вѣру, онъ сталъ прямо противъ нея, облокотясь на рояль. Волынкинъ впился глазами въ очаровательное личико Вѣры; грудь его высоко поднималась, дыханіе замирало, холодный потъ выступилъ на лбу. Вѣра взглянула на него и замѣтила его волненіе.

— Что бы это значило? подумала она, и съ новой силой, съ новымъ одушевленіемъ продолжала арію.

— Что же это такое? подумалъ Волынкинъ: — слѣдствіе разговора? или точно дѣйствительность? Что со мною? гдѣ я?

Но арія замерла на послѣдней высокой нотѣ, и Вѣра поспѣшно встала со стула; шопотъ одобренія слышался вокругъ нея; одинъ только Волынкинъ стоялъ по прежнему на своемъ мѣстѣ и не могъ выговорить ни слова. Настенька поняла его молчаніе въ свою пользу и подошла къ нему.

— M-r Волынкинъ, сказала она.

Онъ поднялъ голову.

— Опять ты, подумалъ онъ:—до тебя ли мнѣ теперь?

— Если бы я не была увѣрена, обратилась она къ нему шутливо:—въ вашей старости, не позволяющей вамъ болѣе пѣть, я просила бы васъ, хоть для разнообразія, сѣсть за фортепіано; но вы сами говорили мнѣ, что вы пѣвали въ молодости.

— Я, сказалъ обрадованный Волынкинъ:—я такъ люблю музыку, въ особенности же такъ люблю арію, только что

спѣтую, что обладаю иногда способностью перерождаться.

— И молодѣть? спросила Настенька.

— Почти, отвѣтилъ онъ: — эта арія одна изъ моихъ любимыхъ, я ее пѣвалъ когда-то.

— Какъ? спросила она: — партицію сопрано?

— Она написана собственно для тенора.

— Такъ спойте ее, M-r Волынкинъ, пока вы еще молоды.

— Но я не смѣю пѣть послѣ M-elle Strouisky и пѣть то же самое.

— Вы слишкомъ скромны.

— Если только это удерживаетъ васъ, M-r Волынкинъ, просто замѣтила Вѣра:— то прошу васъ нисколько не стѣсняться.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ.

И быстро сѣвъ за фортепіано, отчетливо съигралъ прелюдію. Настенька помѣстилась за его стуломъ, а Вѣра заняла прежнее мѣсто Волынкина. Прошла минута тревожнаго ожиданія и вотъ тѣ же звуки,

но болѣе сильные, мужескіе раздались въ комнатѣ. Вѣра невольно схватилась за рояль, чтобы не упасть, ножки ея подкашивались, грудь подымалась тревожно, а черные блестящіе глаза ея невольно покоились на вдохновенномъ лицѣ молодаго человѣка; холодный потъ крупными каплями выступалъ подъ черными локонами дѣвушки, она начинала терять силы и твердость. Вѣра бросила послѣдній долгій взглядъ на Волынкина, собрала все свое мужество и сдѣлавъ надъ собою невѣроятное усиліе, медленно отошла отъ рояля и только въ другой комнатѣ въ изнеможеніи опустилась на первое кресло. А сильный свѣжій голосъ звучалъ еще въ залѣ. Страшныя и вмѣстѣ чудныя мгновенія переживала Вѣра.

— Ушла, думала Настенька: — не выдержала, сравненіе не въ ея пользу; но отъ чего она такъ смутилась?

Волынкинъ то же замѣтилъ внезапную блѣдность Вѣры. Только что онъ кончилъ, Настенька подала первая голосъ, и по-

хвалы посыпались со всѣхъ сторонъ на исполнителя; но онъ, избѣгая ихъ, скромно удалился въ гостиную. Какъ тѣнь его и Настенька перебралась за нимъ туда же. Волынкинъ отыскалъ Вѣру и, остановясь передъ нею, почтительно и вмѣстѣ съ глубокимъ чувствомъ сказалъ:

— Виноватъ, что осмѣлился пѣть послѣ васъ и пѣть то же самое.... виноватъ.

Но Вѣра подняла на него выразительные глаза свои, медленно встала съ своего мѣста и дрожащимъ голосомъ сказавъ: «такъ это были вы,» смутилась и быстро пошла по направленію къ третьей комнатѣ. Никто не замѣтилъ этой мимолетной сценки, кромѣ Настеньки, зорко слѣдившей какъ за Волынкинымъ, такъ и за Вѣрой.

— Это ужъ слишкомъ! сказала она: — между ними есть что-то, но я узнаю что, не можетъ быть, чтобы это мгновенное увлеченіе разстроило мои прежнія съ нимъ отношенія. Бѣда, если онъ измѣнитъ мнѣ въ пользу Вѣры.

А въ залѣ между тѣмъ снова гремѣла музыка, и балъ продолжался во всемъ своемъ разгарѣ.

— Скажите мнѣ, сказалъ Сермягину Волынкинъ, когда они случайно сошлись при разъѣздѣ на лѣстницѣ: — какъ, бишь, фамилія этой дѣвушки, которая пѣла?

— Будто вы не знаете? Струйская.

— То есть Ступицина, хотите вы сказать.

— Какая Ступицына? Я вамъ говорю Струйская.

— Ну такъ Струйская-Ступицына? Настаивалъ Волынкинъ: — у ней двѣ фамиліи?

— Съ чего вы взяли? Она просто Струйская.

— Какъ это странно! сказалъ Волынкинъ.

— Не вижу ничего страннаго, замѣтилъ Сермягинъ: — фамилія хорошая.

— Есть у ней сестра?

— Нѣтъ сестры.

— Ну такъ есть родственница по фамиліи Ступицына?

— Не знаю. Не думаю. Не слыхалъ. Кузина знала бы. А я все знаю, что знаетъ кузина.

— Это удивительно! вскрикнулъ снова Волынкинъ.

— Да что это вамъ вдругъ далась какая-то Ступицина?

— Такъ, ничего особеннаго.... значитъ вы увѣрены, что эта дѣвица просто Струйская?

— Еще бы! это такъ вѣрно, какъ и то, что послѣ бала на вѣтру стоять жутко. Прощайте.

И молодые люди разъѣхались въ разныя стороны.

— Струйская! думалъ Волынкинъ, сидя въ саняхъ: — а голосъ тотъ же. Но не все ли равно? Не въ фамиліи дѣло. Однакожъ какъ это странно!...

Конецъ первой части.

ПОСТОРОННЕЕ

ВЛІЯНІЕ.

II.

ПОСТОРОННЕЕ ВЛІЯНІЕ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ,

СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

Соч. князя Г. В. Кугушева

(«АВТОРА КОРНЕТА ОТЛЕТАЕВА»).

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.
Въ типогр. Вѣд. Моск. Гор. Полиціи.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюля 22 дня 1858 года.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА САЛАЕВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Вернувшись съ бала, Вѣра провела еще одну такую же тревожную ночь, какая выпала на ея долю годъ тому назадъ въ небольшой петербургской комнаткѣ. Такое же точно бѣлое платьѣ было на молодой дѣвушкѣ, такія же точно камеліи разсыпались по немъ, тѣ же самые локоны скользили по плечамъ, точно также поднималась ея грудь, только тогда она была еще неразвитымъ ребенкомъ, невольно поддающимся первому впечатлѣнію, а теперь женщиной развитой и страстной,

женщиной, переполненной чувства. Теперь только поняла Вѣра, какъ она можетъ любить. Вѣра мечтала вслухъ. Безсвязныя рѣчи невольно вырывались у ней. Она желала уснуть, чтобы забыться, и не могла. Ей было и весело, и страшно. Она боялась за себя, за будущность, за него, за Настю; но она любила горячо, сильно, въ первый разъ любила.

— Что ты, матушка, это бормочешь про себя? сказала проснувшаяся Панкратьевна, которой постель, въ видѣ особеннаго вниманія со стороны Степаниды Львовны, находилась въ комнатѣ Вѣры и отдѣлялась отъ нея плетеными ширмами.

— А ты не спишь, няня? Ты тоже не спишь?

— Да ты-то, дитятко, съ балу-то давно вернулась?

— Я? . . . . няня.... я не знаю.... не помню.

— Ахъ-ти! вскрикнула Панкратьевна, протирая глаза и въ промежуткѣ двухъ ширмовыхъ половинокъ различая неясное

мерцанье начинавшагося дня: —бѣлый день на дворѣ. Чай и къ заутренѣ отблаговѣстили, а ты только съ балу вернулась, то-то грѣхъ-то, подумаешь, а нельзя отъ другихъ отстать, у господъ ужъ такъ споконъ вѣка заведено....

— Няня, прервала ее Вѣра: — знаешь, что я тебѣ скажу....

— Что скажешь? Чай, какъ тамъ отплясывать изволила. Что-же, дѣло молодое; ноженьки-то у тебя не моимъ чета.

— Не то, няня, я его видѣла, знаешь, его....

— Кого же это, родная, его?

— Онъ высокій, стройный, блѣдный, глаза черные, сколько въ нихъ души, няня, въ его глазахъ.

— Въ чьихъ же это, родная, такихъ глазахъ?

— А помнишь, няня, въ Петербургѣ? помнишь мою комнатку? помнишь эту стѣну? Помнишь, няня, ты была у меня и вдругъ.... это былъ онъ, няня, онъ!

— Кто это, родная? Что это я въ толкъ не возьму. Да никакъ она это во снѣ, сказала Панкратьевна самой себѣ послѣ молчанія.

— Неужто ты не помнишь, няня? продолжала спрашивать Вѣра.

Но старуха, вставъ съ постели и накинувъ на себя старенькій салопчикъ, выглянула изъ-за ширмъ и увидала Вѣру, не раздѣтую, въ смятомъ бальномъ платьѣ, полулежащую въ длинномъ креслѣ.

— Господи Іисусе! вскрикнула Панкратьевна, всплеснувъ руками:—ты, сердечная, и не раздѣта еще и въ постельку не ложилась. Гдѣ же это Лизавета—вотъ, каторожная дѣвка!—чай спитъ, завалилась, какъ колода, прости, Господи, грѣха; а она, моя сердечная, какъ есть въ нарядѣ маетея. Дай-ка я за пей схожу. А ахъ, народецъ какой! Мало ихъ Степанида Львовна бьетъ, мало!

И съ этимъ словомъ Панкратьевна босикомъ вышла въ корридоръ и отправилась въ дѣвичью, гдѣ, растолкавъ крѣпко

спавшую Лизавету Карповну, энергически послала ее къ барышнѣ, которая, между тѣмъ, усталая физически и морально, только-что заснула, граціозно склоня на грудь головку и вытянувъ ручки.

Настенька то же, въ свою очередь, не спала всю ночь, не зная, что дѣлать, на что рѣшиться. Ревность тяжелой глыбой легла на грудь молодой дѣвушки: ей было жаль потерять Волынкина. Не сердце его было ей нужно, онъ самъ былъ ей необходимъ, какъ воздухъ.

— А все Сермягинъ, злой мальчишка! мышенокъ прогрызъ мои сѣти, думала Настенька.

Однѣ только маменьки двухъ дѣвушекъ, одинаково страдавшихъ, по разнымъ, впрочемъ, причинамъ, утопая въ гористовзбитыхъ пуховикахъ, забывъ о всѣхъ мірскихъ треволненіяхъ, сладко спали невозмутимымъ сномъ праведницъ.

— Ну, чтожь, сударыня, спросилъ Степаниду Львовну Сила Савичъ, когда она на другое утро кушала чай въ своей ком-

натѣ, а Вѣра еще не сходила съ верху: разскажите, какъ и что, весело ли было?

— Что я, батюшка, веселиться что ли ѣздила? Я думаю, я по обязанности ѣздила, дочь вывожу.

— Балы-то, сударыня, я такъ понимаю, вамъ вредны, надо полагать, извѣстное дѣло, нервы раздражаютъ.

— Ну, меня, положимъ, балы раздражаютъ—оно и дѣйствительно не подъ лѣта мнѣ до трехъ часовъ дежурить — ну, а вы по баламъ не ѣздите, васъ что раздражаетъ?

— Обстоятельства, сударыня, меня раздражаютъ, извѣстное дѣло, обстоятельства.

— Ну, вскрикнула Степанида Львовна: —опять начнется исторія объ этихъ трехъ несчастныхъ душахъ.

— Анъ, вотъ и не угадали, сударыня, не начнется исторія, сознаю, что имѣю три души, но не стану упоминать объ нихъ....

— Ну и слава Богу.

— Что же, матушка, кто тамъ былъ у Дебелиныхъ-то? Волынкинъ-то былъ?

— Разумѣется.

— Ну и что же, сударыня?

— Вы, Сила Савичъ, вчера словно напророчили?....

— Неужто? радостно вскрикнулъ старикъ:—неужто онъ около нашей Вѣры Васильевны? Вотъ, молодецъ! Раскусилъ, извѣстное дѣло! Эка партія-то, Господи, Ты мой Батюшка! Экая партія!

— Да какъ дѣло-то было? какъ дѣло было? быстро перебилъ себя Сила Савичъ.

И Степанида Львовна принялась съ малѣйшими подробностями разсказывать все, случившееся на вечерѣ Дебелиныхъ.

— Пѣла она, что ли, сударыня? перебилъ ее старикъ.

— Разумѣется, дайте досказать: сѣла она, запѣла, а Волынкинъ сталъ прямо противъ нея, да и смотритъ ей въ глаза! Неприлично, просто. Да то ли еще нынче дѣлается!

— Что жъ, сударыня, что смотритъ? Извѣстное дѣло, вкусъ хорошій имѣетъ, пусть себѣ смотритъ.

— Да полно вамъ. Слушайте: вотъ какъ Вѣрочка кончила, Настенька и проситъ его самого пѣть—а онъ поетъ, надо вамъ сказать....

— Поетъ? переспросилъ старикъ:—ну, пусть поетъ, что-же-съ?

— Сѣлъ и онъ и запѣлъ, и что же бы думали? То же самое, ту же арію.

— Что наша-то пѣла? быстро переспросилъ старикъ: — понравилось, видно, ретивое, значитъ, сударыня, заговорило. Пусть они себѣ, сударыня, поютъ. Глядишь и напоетъ онъ ей къ примѣру: не могу молъ, дискать, жить безъ васъ, позвольте молъ просить руки или какъ тамъ это говорится. Вотъ умиленіе-то будетъ, вотъ умиленіе!

Въ это самое время Вѣра блѣдная и усталая входила въ комнату, гдѣ, поздоровавшись съ матерью, сказала, обращаясь къ Силѣ Савичу:

— Надъ чѣмъ это вы такъ умиляетесь?

— Это ужъ наше дѣло, сударыня, отвѣчалъ онъ: —мы съ Степанидой Львовной разныя предположенія дѣлали, извѣстное дѣло, хотимъ васъ замужъ выдать, сударыня....

— Вотъ что? спросила шутливо Вѣра: —за кого бы это?

— Есть, сударыня, одинъ такой хорошій человѣкъ. Вы, можетъ быть, слышали.... поетъ онъ еще....

— Не знаю, съ трудомъ проговорила Вѣра, тотчасъ понявшая, о комъ шло дѣло.

— Ой-ли? сударыня, лукаво спросилъ старикъ: —Волынкина-то знать не изволите?

При этомъ имени Вѣра вздрогнула.

— Ему, робко и черезъ силу сказала она, вспыхнувъ: —ему нравится Настенька.

— Нравилась, можетъ статься, сударыня, да разнравилась, было время, да прошло.

— Сила Савичъ, возразила Вѣра: —если вы думаете, что говорите въ пользу Волынкина, то крупно ошибаетесь: что же

онъ за человѣкъ, если способенъ такъ скоро и неосновательно мѣнять предметы своихъ привязанностей.

— Не то вы, сударыня, говорите: можно быть хорошимъ человѣкомъ и ошибаться, я вамъ примѣръ. А онъ извѣстное дѣло, молодъ. Я это понимаю: скучно, знаете, ему, а Дебелина-то, извините вы меня, ха, ха, ха, да хи, хи, хи, ну онъ и поддался. А какъ увидалъ васъ, сударыня, да услыхалъ голосочикъ-то вашъ, чай схватилъ себя этакъ за голову, да крикнулъ: дуракъ же я, молъ, былъ, битый дуракъ былъ.

Въ такихъ разговорахъ проходили дни за днями въ семействѣ Струйскихъ, съ тою только разницею, что Сила Савичъ положилъ въ своемъ мнѣніи, что Вѣра должна быть неминуемо за Волынкинымъ, что онъ ее страстно любитъ и непремѣнно будетъ просить ея руки. Эти намеки, постоянно высказываемые Вѣрѣ, отрадно и вмѣстѣ больно отзывались въ ея сердцѣ и она, останавливая Силу Савича,

очень была рада, что онъ настаивалъ и всегда затрогивалъ любимый ею и имъ предметъ.

Въ слѣдующій четвергъ Струйскіе снова были у Дебелиныхъ, но, къ крайнему негодованію Настеньки, Волынкинъ не отходилъ отъ Вѣры. Сермягинъ и на этотъ разъ не встрѣтившій княгини Рогожской, ходилъ унылый, озлобленный по комнатамъ, слегка труня надъ тревожнымъ состояніемъ своей кузины, которая очень искусно отшучивалась въ то самое время, когда слезы готовы были брызнуть изъ глазъ ея.

— А? подумалъ Сермягинъ:—видно Волынкинъ понялъ тебя, домашній демонъ, и вотъ настала рѣшительная минута: раковина отворилась, улитка выползла на свѣтъ, ты любишь и ревнуешь, тебѣ больно и досадно, и обидно. Ну что же? И прекрасно! Отвѣдай на себѣ каково. Авось это тебя научитъ не издѣваться впередъ надъ чувствами другихъ и не играть этими людьми, какъ пѣшками.

Юноша, постоянно впадая въ драму, становился на ходули.

Такъ проходило время: скучно и безцвѣтно для Сермягина, тревожно для Настеньки, счастливо для Вѣры, когда часу въ одинадцатомъ пріѣхала блестящая княгиня Рогожская. Она была худенькая, средняго роста женщина, съ лицемъ блѣднымъ и продолговатымъ, съ грустною улыбкою, задумчивыми сѣрыми глазами и бѣлокурыми локонами. Не будучи красавицей, она была очень интересна. Воздушное, зеленовато-болотнаго цвѣта платье, усѣянное спереди букетами водяныхъ лилій, перемѣшанныхъ съ коралловыми вѣтками, ловко сидѣло на стройномъ существѣ ея. Тѣ же лиліи и кораллы кокетливо размѣстились въ густыхъ волнахъ ея бѣлокурой косы и низко падали на обнаженныя плечи. Одинъ оригинальный туалетъ княгини долженъ былъ обратить на себя всеобщее вниманіе, но если этотъ туалетъ облекаетъ кромѣ того хорошенькую женщину, то очарованіе неизбѣжно,

и княгиня, разумѣется, очаровала всѣхъ. Сермягинъ, вздрогнувшій при первомъ ея появленіи, робко подошелъ къ ней. Юноша считалъ себя уже вполнѣ счастливымъ и щедро-вознагражденнымъ за долгое страданіе. Онъ даже пожалѣлъ было, зачѣмъ онъ способствовалъ сближенію Волынкина съ Вѣрой въ ущербъ душевнаго спокойствія Настеньки. При видѣ Сермягина княгиня, не смутившись, подала ему руку. Въ ея улыбкѣ было что-то нервное, холодъ руки слышался сквозь перчатку, она, по мнѣнію свѣта, любила Сермягина и въ эту минуту должна была быть вполнѣ счастливой, а между тѣмъ на блѣдномъ лицѣ ея не выступила краска, судорожная дрожь не передернула ея высокихъ плечь, ничто ей не измѣнило: такъ свѣтъ выучилъ ее владѣть собою, такъ искусно умѣла эта женщина подъ личиной равнодушія скрывать всякое свое интимное ощущеніе. Княгиня казалась неприступной, холодной, какъ мраморъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасной, какъ античная статуя. Зна-

комые юноши обступили княгиню; она отвѣчала каждому холодно, постоянно глядя въ противную сторону; жесты этой женщины были болѣе, нежели умѣренны; ни одно движеніе не было лишнимъ, и каждое изъ нихъ полно сознаваемаго достоинства. Увидавъ Волынкина, она, на поклонъ его, дружески кивнула ему головкой, но Вѣра вспыхнула, сама не зная отчего. Ей безотчетно не нравилась та короткость, которая ясно высказалась однимъ только неуловимымъ почти жестомъ. Княгиня участвовала въ нѣсколькихъ кадриляхъ, но она не танцовала ихъ, она имѣла для этого какую-то свою собственную усвоенную снаровку: сдѣлавъ шага два, она останавливалась и ждала возвращенія кавалера; вообще она сама не дѣлала такъ называемой фигуры, но, находясь въ средѣ танцующихъ, какъ будто слѣдила за ихъ движеніями, а сама удостоивала только сдѣлать самые неизбѣжные повороты въ ту или другую сторону. Между обѣщанными кавалерамъ кадрилями она всегда пропу-

скала двѣ, даже три, какъ будто въ этомъ промежуткѣ искала отдохновенія, и постоянно, удалившись съ кѣмъ нибудь изъ молодыхъ людей въ третью комнату, гдѣ, выбравъ менѣе освященный уголокъ, комфортебельно усаживалась и лѣниво вела разговоръ о погодѣ сегодняшняго или вчерашняго дня, о предстоящемъ балѣ, объ актерахъ, рысакахъ, о своемъ дворецкомъ, о своей собачкѣ и рѣже всего о своемъ мужѣ. А между тѣмъ окружающіе ее лукаво перемигивались между собою и значительно указывая на ея уединенное à parté, выводили разнаго рода заключенія, всѣ болѣе или менѣе злыя или насмѣшливыя. Когда послѣ второй кадрили княгиня такимъ образомъ уединилась съ Сермягинымъ, то Аграфена Павловна обратилась къ сидѣвшею съ ней рядомъ Степанидѣ Львовнѣ:

— Посмотрите-ка, матушка, на что это похоже: княгиня-то какъ себя держитъ: въ уголку, да гдѣ потемнѣе, съ молокососомъ — хоть онъ мнѣ и родственникъ, а

все молокосос—что это нынче за свѣтъ такой?

— Неприлично , отвѣчала Степанида Львовна: —я воображаю, что у этой женщины дѣлаетъ дворня. По своей сужу. Но я приняла мѣры; не щадя себя, искореняю грѣхопаденіе.

— Чего князь-то смотритъ? продолжала Аграфена Павловна: —вы, вѣдь, не повѣрите, какъ она въ короткое время перемѣнилась. Я ее давно знаю, дѣвицей знала,—мою Настеньку всегда ласкала, моя-то дитя такое было невинное, ну а она ужъ выѣзжала—гораздо постарше будетъ, вышла она замужъ—откуда что взялось?

И обѣ старухи занялись поданнымъ имъ на подносѣ десертомъ.

— Что ты такъ скучна сегодня? спрашивала между тѣмъ Вѣра у сидѣвшей около небольшаго столика, склонясь на него ручкой, Настеньки.

— Я? сказала Настенька, стараясь улыбнуться: — нисколько; это тебѣ такъ кажется.

— Не больна ли ты? продолжала Вѣра.

— Нисколько; скажи мнѣ лучше , съ кѣмъ ты танцуешь мазурку?

— Угадай.

— Съ Волынкинымъ, разумѣется, отвѣчала Настенька.

— Почему же: разумѣется?

— Потому что онъ отъ тебя не отходитъ съ того незабвеннаго вечера, когда, помнишь , ты пѣла такъ увлекательно и съ такимъ чувствомъ. А въ самомъ дѣлѣ, не шутя, ты такъ выразительно передаешь музыкальныя фразы, vous y mettez tant de sentiment.

— Какой вздоръ ты говоришь , Настенька: — вопервыхъ, я стараюсь пѣть какъ можно проще.

— Можетъ быть эта самая простата-то и нравится. Ты, плутовка, съ умысломъ это дѣлаешь. И прекрасно: ты успѣваешь. Волынкинъ просто съ-ума сходитъ.

— Я не понимаю , что ты этимъ хочешь сказать: Волынкинъ, кажется, ни-

сколько не перемѣнился къ намъ обѣимъ съ тѣхъ поръ, какъ мы его знаемъ.

— Ты находишь? спросила Настенька: — но я не раздѣляю твоего мнѣнія. Нельзя же ему вдругъ, безъ причины, совершенно отрѣшиться отъ всякихъ другихъ влечатлѣній въ пользу звуковъ.

— Право, я ничего не думала и не хотѣла сказать моими звуками, какъ ты говоришь, я пѣла по желанію твоего же общества, и если бы только могла предвидѣть, что это тебѣ не понравится — я бы не пѣла, увѣряю тебя.

— Но почему же ты думаешь, сказала Настенька: что это мнѣ не нравится?

— Потому, что ты говоришь объ этомъ съ такою ироніею.

— Не съ ироніею, а съ досадой. Признаюсь, мнѣ больно, что ты со мною не откровенна.

— Что же я буду тебѣ говорить? что я буду открывать тебѣ, не имѣя никакой тайны?

— Тебѣ не нравится Волынкинъ? быстро спросила Настенька Вѣру, которая смутилась.

— Ну, вотъ, видишь, ты смутилась, ты покраснѣла.

— Перестань, Настя, бормотала Вѣра, желая оправиться: —что за пустяки такіе, я его такъ мало знаю.

Но въ залѣ становились въ кадриль. Кавалеръ Вѣры пришелъ за нею и подалъ ей руку. Настенька осталась одна.

«Нѣтъ, думала она: — или я буду за нимъ, или онъ умретъ холостымъ непремѣнно».

А Волынкинъ между тѣмъ, представленный кѣмъ-то Степанидѣ Львовнѣ, сидѣлъ съ нею рядомъ, горячо разговаривая о порочныхъ наклонностяхъ вообще и аппробуя принятыя старушкою для искорененія порока мѣры въ особенности. Старушка сама навела Волынкина на эту тему и оправдала данную ему Сермягинымъ заранѣе инструкцію. Волынкинъ задалъ себѣ мысленно задачу свести этотъ

разговоръ на дозволеніе бывать у нихъ въ домѣ и продолжалъ аттаку.

А княгиня между тѣмъ холодно и съ достоинствомъ слушала жаркую рѣчь Сермягина, по временамъ прерывая его нѣсколькими словами. Наконецъ она встала, раскрыла опахало и, закрывая имъ половину своего прелестнаго личика, сказала:

— Въ будущій четвергъ будьте здѣсь, **en attendant**, я подумаю и можетъ быть тогда я вамъ скажу, что....

Восторженный молодой человѣкъ бросился было къ ней, желая схватить ея руку, задѣлъ за столикъ, на которомъ стояло нѣсколько стакановъ съ лимонадомъ, столикъ покачнулся: стаканы полетѣли, грому было много; лакеи бросились подбирать посуду; княгиня улыбалась. Сермягинъ былъ въ отчаяніи. Бѣдный юноша все дѣлалъ не впопадъ. Оправясь, онъ принялся снова за фразы и жесты. Княгиня его остановила.

— Дитя! смотрите на меня, сказала она: — и учитесь владѣть собою. Неужто

вы не можете говорить самыя пламенныя фразы, не измѣняя выраженія лица? Однакожь пора, разстанемтесь, на насъ обращено всеобщее вниманіе.

— И это все по милости разбитыхъ стакановъ! горестно произнесъ Сермягинъ.

Но улыбающаяся княгиня сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, сказала два, три слова одной дамѣ, два, три другой и вышла въ залу. Какой-то офицеръ посторонился, чтобы дать ей дорогу, она назвала его по фамиліи и прибавила:

— Потрудитесь отыскать моего человѣка.

Офицеръ бросился въ переднюю, Сермягинъ то же, они столкнулись въ дверяхъ; оба рѣшились не уступать другъ другу, но юноша наступилъ офицеру на ногу, онъ охнулъ и подался назадъ, а Сермягинъ юркнулъ въ переднюю, пока княгиня, искусно лавируя между танцующими парами, медленно подвигалась къ

той же двери, одѣляя обрывками фразъ попадавшихся ей на дорогѣ знакомыхъ.

Сермягинъ подалъ ей шубу. Лакей побѣжалъ за каретой.

— Вернитесь, сказала княгиня.

— Не могу, пока вы здѣсь.

У подъѣзда послышалась фамилія княгини и въ отворенную дверь мелькнули огоньки ея кареты.

— Adieu, сказала княгиня и запахнувшись, побѣжала съ лѣстницы.

Сермягинъ въ одномъ фракѣ послѣдовалъ за нею.

— Que faites vous? сказала она — какая неосторожность!

Сермягинъ, декламируя по-французски, что жить и умереть для нее одинаково прекрасно, посадилъ ее въ карету.

— A jeudi, сказала княгиня, слегка пожавъ своими худенькими пальчиками руку юноши.

Дверка хлопнула; княгиня уѣхала, но долго еще стоялъ Сермягинъ на подъѣздѣ, глядя на удалявшійся экипажъ княгини.

Морозъ трещалъ подъ его лаковыми сапогами, помада застывала въ его русыхъ кудряхъ, но юношѣ было жарко. Что онъ любилъ въ княгинѣ? Ее ли или блескъ, ее окружавшій? Это тайна Сермягина. Чрезъ пять минутъ онъ гордо и величественно вернулся въ бальную залу. Ему казалось, что всѣ, конечно, замѣтили его отсутствіе, угадали, какъ онъ сажалъ княгиню въ карету, какъ она жала его руку, ему казалось, что всѣ смотрятъ на него съ завистью, какъ на побѣдителя.

— Довольны ли вы мною? сказала ему Настенька, когда онъ проходилъ мимо ея.

— Въ какомъ смыслѣ, кузина?

— Княгиня, кажется, уѣхала, тонко замѣтила Настенька.

— Уѣхала. Я провожалъ ее, вы, вѣрно, замѣтили. **J'avais tant à lui dire, moi....**

— Смотрите же, **cousin**, не забывайте, что вы у меня теперь въ долгу.

— Какъ? горячо заступился за себя

Сермягинъ: — мы, кажется, квиты, хоть поздно, но квиты.

— Нѣтъ, **cousin**. Вы долго ждали счастья, но оно, кажется, возможно.... а я.... она не могла договорить.

— Вѣроятно и вы дождетесь когда-нибудь, кузина, только дай Богъ, чтобы вы не ошиблись. Я мало знаю Волынкина; **nous autres hommes**, мы очень бываемъ опасны. **Vous autres femmes**, мы васъ часто губимъ, что дѣлать?...

— Кто знаетъ, Поль, кто кого погубитъ? Я, по видимому, насмѣшлива, какъ ходячая сатира, наивна, какъ рѣзвѣйшее изъ дѣтей, а между тѣмъ не дай Богъ тому, кого я люблю, отвѣчать мнѣ холодностью. Вотъ, для избѣжанія этого самаго, вы мнѣ, можетъ быть, понадобитесь. Знайте же, **cousin**, что вы должны быть готовы на все для меня, по первому моему призыву. Вѣдь, счастье видѣть княгиню, которую я, между прочимъ сказать, съ трудомъ залучила, не такъ легко покупается, какъ вы думаете.

— Однакожъ начинаютъ кадриль, я ангажирована, прощайте cousin, до будущаго четверга, въ этотъ день можетъ открыться поле вашихъ дѣйствій въ мою пользу. До свиданья!

И съ этимъ словомъ Настенька, кивнувъ ему слегка головой, подала руку своему кавалеру и стала vis-à-vis съ какой-то пожилой дѣвицей, украшенной букетами вишень и смородины. А Сермягинъ между тѣмъ, уѣзжая, думалъ:

«Какой дьяволенокъ эта дѣвченка! Подождемъ четверга, посмотримъ, что скажетъ Полина. Одно ея слово измѣнитъ мои отношенія съ кузиной, и я покажу ей дружбу

II.

Мысль, что Настенька можетъ также любить Волынкина, мучила Вѣру. Она не знала, что ей дѣлать. Замѣчая, что на веселомъ личикѣ пріятельницы проявляется задумчивость, угадывая даже въ отношеніяхъ съ нею замѣтную съ обѣихъ сторонъ принужденность, Вѣра не рѣшилась открыть ей своей тайны. И что же она могла сказать, при всемъ желаніи высказаться? Конечно, если бы Вѣра была убѣждена во взаимности Волынкина, если бы она могла гласно объявить свѣту свое чувство и свое прошедшее, она, навѣрное бы начала съ Настеньки, какъ съ друга дѣтства, какъ съ существа, которое лю-

била, какъ сестру; но теперь, не зная сама, чѣмъ кончится неожиданно возникшія отношенія съ Волынкинымъ, Вѣра не могла ихъ повѣрить даже другу, не бывши смѣшною или жалкою въ глазахъ его. Неужто она любитъ его? думала Вѣра. Нѣтъ, Богъ не внушитъ ей этого чувства. Богъ видитъ мое сердце, онъ пошлетъ ей другаго путеводителя въ жизни, а мнѣ отдастъ моего, иначе что ожидаетъ насъ обѣихъ — вражда, соперничество, борьба между чувствами любви и дружбы. Нѣтъ! это было бы слишкомъ тяжелое испытаніе, какъ того, такъ и другаго чувства.

Такъ думала Вѣра, сидя на виду Степаниды Львовны и Дорхенъ, которую первая посвящала въ трудно понимаемыя ею таинства россійскаго чтенія. Въ это самое время Сила Савичъ весело вбѣжалъ въ кабинетъ и шутливо разшаркивался передъ хозяйками. Лицо его сіяло удовольствіемъ, онъ улыбался, а маленькіе его глазки совершенно изчезали.

— Сударыни вы мои, сказалъ онъ имъ: — можете, если желаете, меня поздравить....

— Съ чѣмъ это, батюшка, прервала его Степанида Львовна: — не жениться ли собираетесь?

— Нѣтъ, сударыня, это я отложилъ до вашего замужства: какъ вы подъ вѣнецъ, такъ и я, извѣстное дѣло, подъ вѣнецъ. Мнѣ, сударыня, такія соблазнительныя мысли и въ голову не приходятъ....

— Съ чѣмъ же васъ поздравить-то? прервала его Вѣра.

— Съ исполненіемъ желанія, извѣстное дѣло, покровителя нашелъ, благодѣтеля пріобрѣлъ.....

— Опять? вскрикнули и мать и дочь.

— Опять, продолжала Степанида Львовна: — вы вздумали таскаться по вельможамъ.

— Опять вздумалъ, извѣстное дѣло, только этотъ не то, чтобы вельможа, а такъ около вельможи, извѣстное дѣло, хорошій человѣкъ и многое можетъ сдѣлать.

— Чудеса, замѣтила Степанида Львовна, пока Дорхенъ, весьма довольная тѣмъ, что прервали ея урокъ, большими своими глазами обводила комнату, окончательно отвернувшись отъ противной ей русской книги.

— Вы послушайте, сударыни мои, какъ это было-то, началъ старикъ:—пронюхалъ я, гдѣ онъ живетъ, извѣстное дѣло, слухомъ земля полнится, а языкъ до Кіева доводитъ; прихожу—домикъ маленькій, а стекла цѣльныя, извѣстное дѣло, богатъ, дверь парадная словно на картинкѣ, точно нарисованная, звоню—извѣстное дѣло, не безъ содроганія звоню — выходитъ лакей, дуракъ дуракомъ выходитъ, штанишки на немъ, съ вашего позволенія, коротенькіе. «Дома баринъ?» спрашиваю я его. «Дома,» говоритъ, «пожалуйте, какъ объ васъ доложить прикажите?» Назвался я, сударыня, извѣстное дѣло. Лакей-то и пошелъ, а я стою дожидаюсь. Не прошло пяти минутъ, а онъ и выходитъ ко мнѣ соколикъ-то, такой черненькій, да худенькій;

халатикъ на немъ пестренькій, матерія-то толстѣйшая, «Что, говоритъ, вамъ угодно?» Честь имѣю, говорю, вамъ представиться, Сила Савичъ Благовонинъ, служилъ, говорю, и проч. Костромской, говорю, былъ дворянинъ. «Я, говоритъ, Костромскую губернію знаю, а вашей фамиліи не слыхалъ.» Не мудрено, говорю, я человѣкъ бѣдный, кому до моей фамиліи дѣло? «Ну, нѣтъ, говоритъ, она у васъ такая, что не скоро забудешь—такой шутникъ—а впрочемъ, говоритъ, очень радъ познакомиться, милости прошу садиться. Сѣли мы, сударыня, помолчали, извѣстное дѣло, онъ то мнѣ и говоритъ: «что доставляетъ мнѣ честь?»... Ну, я и пошелъ, говорю: имѣю я три души, какъ вамъ извѣстно, такія-то и такія-то три души, записаны онѣ за мною въ Костромской губерніи, по такому-то уѣзду, а вы сами, сударь, Костромской губерніи, говорю, губернаторъ вамъ, говорю, свой человѣкъ, защитите, говорю, бѣднаго человѣка. Онъ было, знаете, отнѣкиваться сначала, до похоха-

тывать, извѣстное дѣло, богатый человѣкъ. «Я, говоритъ, тамъ никого не знаю. А вы, говоритъ, пріѣзжіе, на время, чѣмъ занимаетесь.» Я ему въ отвѣтъ, что заниматься, молъ, ничѣмъ не занимаюсь, а живу здѣсь въ Москвѣ постоянно. «Гдѣ же, говоритъ, вы живете? А я, сударыня, того только и ожидалъ. «У Струйскихъ говорю, сударь, живу.» Какъ онъ вскочитъ, сударыня. «У Струйскихъ? говоритъ, это Степанида Львовна, у ней дочь Вѣра Васильевна, она говоритъ, поетъ. И пошелъ, и пошелъ, сударыня, про Вѣру-то Васильевну. «Какой ангелъ! говоритъ, божество,» говоритъ. А это мнѣ и на руку, сударыня....

— Да кто же это такой? прервала Степанида Львовна,

— У кого вы были? спросила Вѣра.

— Я, говоритъ, все сдѣлаю, продолжалъ Сила Савичъ, не слушая ихъ: — я, говоритъ, самъ у нихъ буду, мы съ вами увидимся, говоритъ, будьте благонадежны.

— Да у кого же это вы были-то? быстро спросила Вѣра.

— Да у Волынкина, сударыня, у Волынкина, извѣстное дѣло.

Степанида Львовна всплеснула руками, а Вѣра, какъ ужаленная, вскочила съ своего мѣста.

— Сила Савичъ, сказала она въ сильномъ волненіи: —я была объ васъ лучшаго мнѣнія. Я никакъ не воображала, чтобы вы могли изъ своихъ какихъ-нибудь видовъ компрометировать дочь вашего друга.

Яркая краска негодованія выступила на блѣдныхъ щекахъ Вѣры, она судорожно потирала руки, а Степанида Львовна была такъ разгнѣвана, что долго не могла выговорить ни слова.

— Что же я такое сдѣлалъ.... помилуйте, бормоталъ сконфуженный Сила Савичъ: —я, извѣстное дѣло, не хотѣлъ, я думалъ, какъ бы свои дѣла получше устроить.

— То-то и есть, вскрикнула Степанида Львовна: — что вы, батюшка, изъ ума выживаете. Дались ему эти несчастныя три души! вѣдь, безуміе, батюшка, безуміе. Сказали бы вы мнѣ, что вы къ нему идете, я бы вамъ шесть душъ съ радостью отдала, только не ходите. Шестьдесятъ бы отдала....

— Не надо мнѣ ихъ, сударыня, не надо. Мнѣ чужаго не надо, отдайте мнѣ мои три души.

— Господи! говорила Вѣра, ходя въ сильномъ волненіи по комнатѣ: — что онъ объ насъ подумаетъ?

— Вѣдь онъ можетъ подумать, перебила ее Степанида Львовна: — что мы нарочно къ нему засылаемъ, а это не въ нашихъ правилахъ....

— Придетъ ли ему въ голову, прервала ее Вѣра: — что есть такіе чудаки на свѣтѣ, которые, живя двадцать лѣтъ въ домѣ, способны не посовѣтовавшись съ друзьями, отъискивать посторонняго че-

ловѣка, вовсе имъ незнакомаго, и утруждать его нелѣпыми просьбами!....

— Что же тутъ нелѣпаго, сударыня, если человѣкъ отъискиваетъ свою собственность? помилуйте.

— Поймите, что, вѣдь, это онъ можетъ счесть только за предлогъ одинъ, сказала Степапида Львовна: — вотъ, скажетъ, торопятся, не могутъ дождаться, пока самъ пріѣду, онъ же у меня намедни просилъ позволенія пріѣхать.

— Возможно ли! вскрикнула Вѣра.

— Онъ же такъ интересуется моею дочерью, продолжала Степанида Львовна: — и вдругъ эдакій поступокъ! Послѣ этого онъ можетъ вовсе не пріѣхать, и хорошо сдѣлаетъ. Ну что жъ? Если это такъ случится, тогда, Сила Савичъ, вы можете восхищаться, что хотя представлявшаяся выгодная партія и разстроилась, за то отыскались ваши несчастныя три души. Поздравляю васъ съ радостью!

Степанида Львовна тревожно зашагала по комнатѣ.

— Богъ съ вами! сказала оторопѣвшему Силѣ Савичу Вѣра, садясь въ изнеможеніи на кресла: — вы меня очень огорчили, Сила Савичъ, я отъ васъ этого не ожидала.

— Да чортъ меня побери, если бы я зналъ, что вы это такъ примите.... я....

— Ахъ, батюшка, хоть этой мерзости не поминайте, прервала его Степанида Львовна, продолжая ходить по комнатѣ.

Въ это самое время вошедшій лакей доложилъ о пріѣздѣ Волынкина. Вѣра встрепенулась, а Степанида Львовна, поправляя чепчикъ, быстро сказала лакею: — «проси!» и сѣла на свое мѣсто.

— Ну что, сударыня, обратился Сила Савичъ, когда лакей вышелъ: — изъ чего тревожились-то?

— Не кричите, по крайней мѣрѣ, замѣтила ему Степанида Львовна: — вѣдь онъ можетъ взойдти и догадаться.

А между тѣмъ шаги Волынкина уже слышались въ залѣ. Онъ развязно взо-

шелъ въ гостинную и, поклонясь хозяйкамъ, подалъ руку Силѣ Савичу и сказалъ:

— Здравствуйте, любезный г, Благовонинъ, очень радъ васъ видѣть.

Улыбка удовольствія изобразилась на лицѣ старика, при чемъ совершенно изчезли его глазки, которыми онъ старался бросить по значительному взгляду матери и дочери.

—Извините, наконецъ, сказалъ онъ Волынкину: — что я осмѣлился безпокоить васъ моею просьбою. Я человѣкъ бѣдный и какъ же мнѣ не сознавать... Вѣдь только и имѣю. Конечно это богатымъ людямъ кажется смѣшнымъ, но если я и утруждалъ васъ, то извѣстное дѣло, безъ намѣренія. Это не было только предло....

— Гмъ! Гмъ! произнесла Степанида Львовна и громко закашляла, чтобы заглушить послѣднюю фразу Силы Савича, который отъ избытка чувствъ, вѣроятно, счелъ за лучшее удалиться въ залу.

— Какой оригиналъ этотъ старичокъ, сказалъ Волынкинъ.

— Удивительный, прервала его Степанида Львовна: — и вмѣстѣ съ тѣмъ предобрый, отъ излишней доброты потерялъ все состояніе, поручился за кого-то, былъ друженъ съ моимъ мужемъ, служилъ съ нимъ, постоянно живетъ у насъ въ домѣ, ни въ чемъ, конечно, не нуждается, и все-таки, отъискивая свои три души, утруждаетъ просьбами кого-бы то ни было.

— Мнѣ странно только показалось, сказалъ Волынкинъ: — что онъ обратился ко мнѣ—я, ни по положенію моему въ свѣтѣ, ни по службѣ, къ сожалѣнію, ровно не могу ничего ему сдѣлать.

— Онъ зналъ, сказала Степанида Львовна:—что въ Костромѣ былъ предводителемъ вашъ однофамилецъ и потому вообразилъ себѣ, что вы его родственникъ.

— Онъ не ошибся: это былъ мой отецъ; его уже нѣтъ на свѣтѣ. Я въ короткое время лишился всѣхъ своихъ близкихъ и остался одинъ совершенно. И потому если кто назоветъ Волынкина, то непремѣнно меня—Волынкиныхъ больше нѣтъ.

— Вы много путешествовали? спросила Степанида Львовна.

— Да, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но съ тѣхъ поръ жилъ безвыѣздно въ Москвѣ, покоя преждевременную старость матери. Сѣверный климатъ былъ ей вреденъ. Впрочемъ, кому не суждено жить....

— И съ тѣхъ поръ вы ни разу не были въ Петербургѣ? прервала его Вѣра, чтобы разогнать оттѣнокъ грусти, набѣжавшій на блѣдное лицо молодаго человѣка.

— Былъ, годъ тому назадъ, отвѣчалъ онъ.

Вѣра вспыхнула.

— Но, къ несчастію, на весьма короткое время; я пріѣзжалъ на свадьбу одного моего пріятеля и чрезъ нѣсколько дней долженъ былъ уѣхать. А мнѣ было такъ хорошо въ Петербургѣ, я какъ теперь помню мою комнату, я былъ счастливъ въ этой комнатѣ, но счастье и горе, какъ извѣстно, всегда идутъ рука объ руку.

Волынкинъ не сводилъ глазъ съ Вѣры; она была въ волненіи. Разговоръ прервался на минуту.

— Да, сказалъ наконецъ Волынкинъ послѣ молчанія: бываютъ минуты въ жизни человѣка, которыя не забываются. Ими въ особенности дорожитъ такой одинокій, такой лишній человѣкъ въ мірѣ, каковъ я. Лишившись матери, я потерялъ единственное существо, любившее меня и любимое. Сердце опустѣло и потому я жадно ищу ощущеній во всемъ, даже въ свѣтѣ, шатаясь въ немъ безъ цѣли до тѣхъ поръ, пока Богъ не пошлетъ другое существо, молодое и прекрасное, способное замѣнить утраченнаго друга. Но....

Волынкинъ остановился, испугавшись своихъ собственныхъ словъ, въ которыхъ ясно слышался намекъ на разгоравшееся въ груди его чувство къ Вѣрѣ. Однакожъ и мать и дочь сдѣлали видъ, что не понимаютъ и не предполагаютъ никакого намека.

— Дѣйствительно, сказала Степанида Львовна, послѣ молчанія: — чувство матери самое святое и безкорыстное.

Но Вѣра думала другое: она знала существо, которое любило Волынкина, если не сильнѣе, то одинаково съ его матерью. И то существо было тутъ на лицо, но не смѣла взглянуть въ глаза любимаго человѣка, не смѣла сказать ему своей мысли. Къ счастью разговоръ принялъ вскорѣ другое направленіе, время шло и Волынкинъ, не хотя вставая собирался уѣхать.

— Надѣюсь, сказала Степанида Львовна: — что мы будемъ иногда имѣть удовольствіе видѣть васъ у себя.

— Я самъ хотѣлъ просить у васъ на это разрѣшенія. Вы, конечно, будете завтра у Дебелиныхъ, обратился онъ къ Вѣрѣ.

— Я думаю.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ надѣяться, что мазурка останется за мной.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтила Вѣра.

и Волынкинъ, снова поклонясь ей и матери, вышелъ въ залу и уѣхалъ.

— Вотъ справедливо говоритъ пословица, сказалъ за обѣдомъ Сила Савичъ: —все перемелется, мука будетъ. Накинулись вы сначала на меня, а дѣло-то какъ по маслу съ рукъ сошло, да то-ли еще будетъ. Попляшетъ Сила Савичъ, да еще какъ попляшетъ. Степанида Львовна окончательно успокоилась, цѣлый вечеръ играла съ Силой Савичемъ въ бостонъ и даже, раздѣвшись, помолясь Богу и ложась спать, не дала своей дѣвкѣ пощечины, каковую обыкновенно отпускала въ видѣ задатка на будущее время.

Но обратимся еще разъ къ четвергу Дебелиныхъ, чтобы окончательно распроститься съ ними и перенести дѣйствіе нашего разсказа исключительно въ домъ Струйскихъ. Обстановка та же, лица тѣ же. Вѣра вся въ бѣломъ, съ лиліями въ черныхъ волосахъ танцуетъ съ Волынкинымъ. Настенька блѣдная и окончательно разстроенная, облеченная въ голубой газъ,

не участвуетъ въ танцахъ. Она сидитъ задумавшись, разсѣянно отвѣчая на пустѣйшій разговоръ молодаго франта и постоянно слѣдя глазами за Вѣрой и Волжинымъ. Княгиня между тѣмъ помѣстилась въ гостинной на угловомъ диванчикѣ и оттуда граціозно владычествовала надъ толпою обожателей, въ числѣ которыхъ находился и Сермягинъ. Яркое, малиноваго цвѣта платье, покрытое сплошною массою дорогихъ кружевъ еще болѣе выдавало матовую бѣлизну ея круглыхъ плечь и мраморной шеи, по которой въ три ряда перекатывались крупныя Бермудскія зерна. Жемчужная сѣтка, небрежно брошенная на густые взбитые волосы довершала строгій туалетъ княгини. Передъ нимъ глохла всякая зависть, потому что недоступность наряда была тщательно прикрыта простотою, кажущеюся, разумѣется. И какъ натурально, какъ небрежно носила княгиня свои драгоцѣнности, или точнѣе, какъ искусно она умѣла придать себѣ видъ совершеннаго къ нимъ равнодушія.

— Ты вчера никуда не выѣзжала? спросила Настенька Вѣру, когда онѣ случайно сошлись въ дверяхъ изъ залы въ гостиную.

— Нѣтъ; а что?

— Такъ; я хотѣла къ вамъ заѣхать, да некогда было, я была не одна, завозила тетку домой.

— Очень жаль; мы были однѣ цѣлое утро, цѣлый день.

— Чьи же это сани стояли у вашего подъѣзда, когда я проѣхала?

— Не знаю, право, вѣрно не у насъ, слегка краснѣя, сказала Вѣра.

Она боялась, она не смѣла сказать пріятельницѣ, что у нихъ былъ Волынкинъ.

«Зачѣмъ я лгу, думала она: сама не знаю.»

— Я проѣхала, сани стояли, возвращаюсь, сани тутъ еще, продолжала Настенька.

— Ну, такъ что же? Вѣрно у другихъ жильцевъ былъ кто-нибудь.

— Можетъ быть. Я говорю, что видѣла. Это тебѣ доказываетъ, какое вниманіе я обращаю не только на тебя, но даже и на твой подъѣздъ.

— Merci, шутливо отвѣтила Вѣра: — merci и за себя и за подъѣздъ.

Призывные такты кадриля грянули изъ сосѣдней комнаты, и обѣ дѣвушки приняли участіе въ общемъ движеніи, а Степанида Львовна подъ шумокъ размышляла объ томъ, сообщать ли Аграфенѣ Павловнѣ посѣщеніе Волынкина, или нѣтъ.

— «И хочется, думала она: — и разсудокъ не велитъ, боюсь все испорчу. Оно пріятно похвастать, да не рано ли будетъ? Вѣдь Дебелина-то сама метила на него. Нѣтъ ужъ лучше помолчу пока.»

Но Аграфена Павловна, настроенная дочерью, которая успѣла сообщить матери всѣ свои опасенія на счетъ сближенія Волынкина съ Вѣрой, дѣйствовала не такъ дипломатически и не только искоса и съ нѣкоторымъ негодованіемъ поглядывала на нихъ обоихъ, но даже отстранила отъ си-

бя удовольствіе сидѣть рядомъ съ Степанидой Львовной, съ цѣлію, вѣроятно, показать ей, что если разрывъ между ними не близокъ еще, то, по крайней мѣрѣ, возможенъ.

Въ одномъ изъ антрактовъ между кадрилью и полькой Волынкинъ подошелъ къ Настенькѣ, вспыхнувшей отъ удовольствія.

— Что съ вами? спросилъ онъ ее. Съ нѣкотораго времени вы совершенно измѣнились. Куда дѣвалась ваша веселость, вашъ наивный дѣтскій смѣхъ, эта натуральная игривость движеній?

— Все это я утратила въ глазахъ вашихъ? быстро спросила Настенька: —**merci** за комплиментъ.

— Я не говорю, что вы утратили отъ того вашей привлекательности: вы теперь *иначе* прекрасны. Но всѣ подтвердятъ мое мнѣніе, что не прошло и мѣсяца, какъ вы совершенно измѣнились. Неужели харак-

теры могутъ такъ быстро измѣнять свои свойства? Я не зналъ этого прежде.

— Вѣкъ живи, вѣкъ учись, М-r Волынкинъ.

— Это неоспоримая истина.

— А вы не замѣчаете того же въ отношеніи къ Вѣрѣ?

— Я замѣчаю только, что вашъ другъ любимый конекъ какъ вашего разговора, такъ и вашихъ поступковъ.

— Я такъ люблю эту дѣвочку.

— Совершенно по-своему.

— Напримѣръ?

— Говоря откровенно, вы, какъ мнѣ кажется, любите вашего друга нѣсколько деспотически....

— Вы находите? Это она вамъ говорила?

— О! нѣтъ; она этого не сказала бы, если бы даже это и было. Я вамъ выражалъ только мои догадки, но вашъ вопросъ можетъ заставить меня повѣрить въ ихъ дѣйствительность.

— Этого нѣтъ, быстро вступилась Настенька: —но если бы и было, то желая, какъ мнѣ кажется, защищать Вѣру, вы сами бросаете въ нее камень, обвиняя ее въ безсиліи, слабодушіи!.... **que sais je? enfin**....

— Избытокъ сердца, также быстро перебилъ ее Волынкинъ: —то же недостатокъ, но эгоистическое чувство властолюбія—порокъ.

— И вы, какъ блюститель нравственности, желаете, вѣроятно, видѣть вездѣ и во всемъ порокъ наказаннымъ, а добродѣтель торжествующею.

— **Vous éludez la question**.... я только хотѣлъ высказать нѣсколько мыслей. Вотъ онѣ: любить до самоотверженія не значитъ унижаться. Есть натуры до того возвышенныя, что онѣ, даже подчиняясь, по чему бы то ни было, другой болѣе обыденной натурѣ, остаются все-таки выше ея и даже тѣмъ самымъ ее возвышаютъ.

— Это очень глубокомысленно и я, сознаюсь, не совсѣмъ васъ понимаю.

— Или не хотите меня понять, сказалъ онъ ей: — и прекрасно дѣлаете. Иначе этотъ разговоръ завлекъ бы насъ за предѣлы бальной болтовни, и мы стали бы разбирать проявленіе чувства дружбы во всѣхъ его фазахъ, что очень скучно.

— А главное ни къ чему бы не повело, сказала Настенька: —потому что каждый изъ насъ остался бы при своемъ убѣжденіи, а дружба осталась бы все-таки такою, какою она есть — неистощимымъ источникомъ споровъ и предположеній.

— И дѣйствительно, самое лучшее—предоставить каждому понимать вещи, какъ онѣ есть, сказалъ Волынкинъ.

— Но не такими, какими онѣ ему кажутся.

— Это точно: *быть* и *казаться* — двѣ вещи, сказалъ Волынкинъ и, взявъ подъ руку какого-то офицера, пошелъ съ нимъ въ гостиную.

«Все кончено! подумала Настенька. Онъ разгадалъ меня, но мы съ нимъ еще поборемся. Быть за нимъ—мечта, мечта не-

сбыточная въ настоящее время, но за то и ему не видать Вѣры.»

Только съ этой минуты Настенька начала сознавать, что и у ней было сердце, способное любить и ревновать; но оно не умѣло прощать, покориться, пожертвовать собою, оно любимое, умѣло только властвовать, отверженное—мстить.

Въ это самое время Сермягинъ пробѣгалъ по залѣ въ гостиную съ порціей мороженаго, которую только что взялъ съ подноса у проходившаго лакея.

— Сермягинъ! крикнула ему вслѣдъ Настенька.

Онъ оглянулся.

— Остановитесь на минуту.

— Некогда, сказалъ онъ: —княгиня просила мороженаго.

— Сермягинъ, мнѣ нужно говорить съ вами.

— Мороженое растаетъ.

— Говорить сейчасъ, продолжала Настенька.

— Послѣ, немного погодя.

— Говорить долго.

— Я знаю о чемъ.

— О чемъ? быстро спросила Настенька, удерживая его за руку.

— Право, мороженo растаетъ.

— Скажите одно только слово: вы объ чемъ думали?

— О визитѣ Волынкина.

— Кому?

— О наивность!...

— Кому же? Струйскимъ?

— Разумѣется.

— Онъ у нихъ былъ? когда?

— Послѣ, мороженое таетъ.

— Когда онъ былъ у нихъ? настаивала Настенька, удерживая Сермягина.

— Вчера, отвѣчалъ онъ, вырываясь.

— Въ которомъ часу?

— Не знаю, только по утру.

— Въ два часа. Это были его сани! вскрикнула Настенька. Какже она говорила, что у нихъ никого не было.

— Кузина, это безчеловѣчно, мороженое окончательно растаетъ.

— Только одно слово: кто вамъ сказалъ, что онъ былъ у нихъ?

— Онъ самъ. Пустите, ради Бога,

— Значитъ, это вѣрно, сказала Настенька, освобождая Сермягина, который скрылся въ гостиной, и падая на стулъ, стоявшій у самой двери: — какова Вѣра! скрыла... это ясно, она то же имѣетъ на него виды. А я то?

И молодая дѣвушка горько засмѣялась.

Когда Сермягинъ подносилъ мороженое княгинѣ, она была одна и небрежно играла конфетой большаго формата, пестро изукрашенной и поэтому самому принадлежавшей къ разряду такъ называемыхъ *нарядныхъ*.

— Наконецъ мы одни, сказалъ Сермягинъ княгинѣ, ставя мороженое передъ нею на столикъ. Наконецъ мы можемъ сказать другъ другу....

— Безъ предисловій, прервала его княгиня: — это трата времени.

Княгиня говорила такъ просто, бросая такіе разсѣянные взгляды на противупо-

ложную стѣну комнаты, что неопытный наблюдатель могъ подумать, что дѣло идетъ о рисункѣ обой,

— Отдали вамъ мою книгу? спросилъ Сермягинъ княгиню.

— Разумѣется. Изъ нѣсколькихъ подчеркнутыхъ словъ на многихъ страницахъ составилось цѣлое, полное значенія и смысла. Эту систему я одобряю.

— Чѣмъ же вы отвѣтите на то, что вы прочли въ этой книгѣ? горячо спросилъ Сермягинъ.

— Не дѣлайте такъ много жестовъ.

— Чѣмъ вы отвѣтите?

— Не возвышайте голоса.

— Будетъ ли конецъ моимъ страданіямъ?

— Говоря это, смотрите куда-нибудь въ другую сторону, какъ я; видите: мои движенія въ разладѣ съ ощущеніями.

И дѣйствительно, княгиня, то расправляла кружева на платьѣ, то небрежно срывала листокъ съ растенія, стоявшаго за ея диваномъ.

— Я удивляюсь вамъ, замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Этого мало, я хочу чтобы вы меня любили.

— Но развѣ вы не знаете? вскрикнулъ было молодой человѣкъ.

— Знаю, но не вѣрю, хотя и прикидываюсь, что вѣрю вамъ.

— Ахъ, Полина, вы такъ искусно слили вмѣстѣ притворство съ чистосердечіемъ, искусство съ истиной, что невольно теряешься, невольно принимаешь одно за другое.

— Монологъ слишкомъ длиненъ... но сущность его въ одномъ словѣ: я сомнѣваюсь. Не такъ ли?

— Да, Полина, я сомнѣваюсь, чтобы вы могли, чтобы вы умѣли любить кого бы то ни было, не только что меня, такъ какъ...

— Довольно... я, вѣдь, заранѣе знаю, что вы будете говорить...

— По привычкѣ слышать отъ многихъ то же самое?

— Можетъ быть. Но есть разница: фразы тѣхъ, другихъ, многихъ, какъ вы говорите, я перебивала еще раньше.

— Даже фразы Волынкина?..

— Ревность, Сермягинъ? Merci...

— Вы его любили, княгиня, года два тому назадъ?

— Можетъ быть, но онъ не любилъ меня!

— Это невозможно.

— Еще разъ merci, только прошу васъ, меньше жестовъ и больше вниманія.

— Я слушаю.

— Видите вы эту конфету? это не здѣшняя — здѣсь такихъ не подаютъ. Возмите ее, я вамъ ее дарю.

— Княгиня! сказалъ Сермягинъ, принимая конфету: — какъ я долженъ понимать это? Не тонкій ли она намекъ на мою молодость, на мое дѣтство? Я не ребенокъ, княгиня, которому...

— Ахъ, Сермягинъ, какъ вы еще молоды! Эту конфету я привезла съ собой.

Вы, конечно, знаете принадлежность каждой такой конфеты?

— Шарада, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Только печатная, а я, я замѣнила её другою моего сочиненія...

— Рукописною! вскрикнулъ молодой человѣкъ.

— Безъ жестовъ! замѣтила княгиня.

— Какое блаженство!

— Ступайте домой и тамъ, надосугѣ, найдите слово шарады.

И медленно вставъ съ дивана, княгиня тихо и плавно вышла въ залу, а Сермягинъ пряталъ завѣтную конфету въ боковой карманъ своего фрака.

— Сермягинъ, сказала ему подходящая Настенька: — знаете, что я вамъ скажу?

— Нѣтъ.

— Волынкинъ любитъ Вѣру.

— Ну такъ что же?

— Значитъ вы не поняли, что я вамъ говорю: Волынкинъ любитъ Вѣру, повторяю вамъ.

— Слышу, кузина, слышу. Я удивлялся бы болѣе, если бы вы мнѣ сказали, что Волынкинъ ее не любитъ.

— Это очень лестно для нея, но каково же мнѣ?

— Вамъ должно быть это пріятно.

— Вы смѣетесь надъ мной, Сермягинъ?

— Могу ли, отвѣтилъ онъ: — смѣю ли? Я напротивъ могу подумать, что вы надо мной труните. Насмѣшка — ваша сфера, иронія — вамъ элементъ.

— Неужто вы думаете, что я способна только смѣяться?

— Почти.

— Вы страшно ошибаетесь.

— Удѣлъ всѣхъ смертныхъ — ошибаться.

— У меня то же есть сердце.

— Неужто?

— Сердце, способное сильно любить.

— Возможно ли, кузина?

— И сильно ненавидѣть, кончила Настенька.

— Вотъ это возможнѣе.

— Вы нынче что-то очень развязны... но не въ томъ дѣло, я говорю серьёзно, слушайте, Сермягинъ: я люблю Волынкина.

— И ненавижу Вѣру, прибавилъ молодой человѣкъ: — это не новость, я это знаю давно.

— Это слишкомъ сильно сказано: ненавижу. Подобнаго поступка надо было ожидать отъ свѣтской молодой дѣвушки, въ особенности отъ друга, нынче свѣтъ такой. Замѣтить склонность выгоднаго жениха къ своей пріятельницѣ, отвлечь его отъ нея, завлечь и привлечь къ себѣ — дѣло весьма обыкновенное. Ненавидѣть такое существо — нельзя, но презирать можно.

— Да, если оно завлекло и прочее, а если нѣтъ, если это случилось само собою?

— Это вы можете думать, но не говорить.

— Я предпочитаю дѣлать то и другое вмѣстѣ.

— Вы очень быстро формируетесь, Поль. Это меня радуетъ. Вы съумѣете помочь мнѣ.

— Я? въ чемъ? на какомъ основаніи?

— На томъ, что вы, въ порывѣ дѣтской злости, способствовали сближенію Волынкина съ Вѣрой; слѣдовательно, въ одномъ изъ порывовъ признательности, должны способствовать и къ противному.

— Какую блестящую роль вы мнѣ готовите; но если, говоря философически, мы всѣ болѣе или менѣе актеры житейской сцены, то каждый изъ насъ имѣетъ на ней свое амплуа и не беретъ другаго.

— Я бы желала знать ваше настоящее амплуа.

— Мое, кузина? Я вамъ назову его, не смотря на то, что вы старались поселить во мнѣ самомъ сомнѣніе насчетъ моего умственнаго развитія, помните? Не смотря на то, что вы навязывали мнѣ роль новичка и многія другія, подставнаго кавалера, а Вѣрѣ Васильевнѣ роль наперст-

ницы, чуть чуть не субретки, я остался вѣренъ себѣ: я съумѣлъ разгадать ваши великія способности къ такъ называемой *высокой* комедіи, **comedie d'intrigue** и, по возможности, удержалъ за собою мое собственное амплуа — амплуа честнаго малаго, кузина, способнаго увлекаться навремя, но вовремя и опомниться. Извините же меня, если я отклоню отъ себя всякое вмѣшательство и участіе въ той драмѣ, которую вы затѣваете. Впрочемъ, какъ добрый родственникъ, желаю вамъ успѣха.

Сермягинъ низко поклонился Настенькѣ и поспѣшно вышелъ въ залу, не слушая убѣжденій кузины и боясь также безсознательно свернуть въ сторону съ того прямаго пути, на который попалъ такъ случайно. Впрочемъ, собственное свое счастье оглушало Сермягина къ несчастью другихъ. Настенька опустилась на кресло. Она теряла пѣшку — это правда, но на пестромъ полѣ шахматной игры, часто самая ничтожная пѣшка рѣшаетъ шахъ и

матъ. Однакожъ Дебелина побѣдила свое волненіе и съ какимъ-то безумнымъ одушевленіемъ пустилась вальсировать съ очень худенькимъ офицерчикомъ. Она желала, чтобы этотъ офицерчикъ умчалъ ее куда-нибудь далеко, далеко, хоть на луну, гдѣ нѣтъ Волынкина, Вѣры, Сермягина.

— Такъ у васъ вчера никого не было? спросила она Вѣру, когда офицерчикъ посадилъ ее на одинъ изъ стульевъ, тѣснившихся вдоль стѣны другъ къ другу.

«Узнала», подумала Вѣра.

— Какъ у тебя память слаба? продолжала Настенька: — у васъ былъ Волынкинъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, я забыла...

— Какъ это наивно! съ громкимъ смѣхомъ сказала Настенька, и стала въ мазурку,

— **Vengeance ou pardon?** спросилъ Волынкина какой-то офицеръ, подводя къ нему двухъ дѣвицъ, изъ которыхъ одна была Настенька.

— Vengeance, отвѣтилъ Волынкинъ, и рука Настеньки, холодная, какъ ледъ, легла въ его руку.

«Ты выбралъ то, что тебя ожидаетъ! подумала она, садясь на свое мѣсто.

— Зачѣмъ вы выбрали такое страшное слово, сказалъ Волынкинъ, сажая ее на мѣсто: оно вовсе не идетъ къ вамъ

— Страшно дѣло, а не слово, замѣтила она вслѣдъ уходящему Волынкину.

А Сермягинъ, не дождавшись мазурки, бросился домой и тревожно сорвавъ украшенія съ завѣтной конфеты, нашелъ тончайшій листъ почтовой бумаги, мелко исписанный и сложенный треугольникомъ. Письмо было длинно и патетично. Послѣ краснорѣчивыхъ описаній своего безвыходнаго положенія, говорилось о долгѣ, о любви и конецъ назначалось мѣсто и другія подробности свиданія.

— Моя! вскрикнулъ молодой человѣкъ, и самодовольно подойдя къ зеркалу, поправилъ свои густыя бѣлокурыя кудри.

— Иванъ! крикнулъ онъ накцонеъ, и когда вошелъ молодой и ловкій наемный лакей, прибавилъ: — иди за мной! они вышли въ другую комнату

— Слушай, сказалъ онъ ему и надавалъ множество приказаній на завтрашнее утро.

III.

Магазинъ швейцарскихъ издѣлій занимаетъ огромный домъ на одной изъ лучшихъ улицъ столицы и замѣчателенъ тѣмъ, что соединяется съ *флорентинскимъ базаромъ,* имѣющимъ особенный выходъ на улицу, тогда какъ къ самому магазину подъѣзжаютъ со двора, гдѣ находится его главный подъѣздъ, отдѣленный отъ улицы пространствомъ двора, замкнутаго рѣшеткой. Много каретъ стояло на дворѣ у магазина швейцарскихъ издѣлій и только одна наемная на улицѣ, у двери флорентинскаго базара, какъ менѣе извѣстнаго и посѣщаемаго только по причинѣ его соединенія съ богатымъ собратомъ.

Пара сѣрыхъ рысаковъ примчала на дворъ магазина легонькую, разрисованную подъ плетеный камышъ колясочку и въ ней молодую женщину, утопавшую въ горностаевой шубкѣ, крытой бѣлымъ атласомъ. Сплошной кружевной вуаль непроницаемой стѣнкой скрывалъ черты молодой женщины. Стройный ливрейный лакей высадилъ ее изъ коляски. Дама вошла въ сѣни и сбросила было на руки лакея свою шубку, но вдругъ, какъ бы измѣняя намѣреніе, сказала:

— Нѣтъ, холодно я не сниму... возьми ботинки.

И человѣкъ, нагнувшись, стащилъ съ хорошенькихъ ножекъ, обутыхъ въ плотные, чуть ли не стеганые изнутри бархатные ботинки, такіе же сапожки большаго, впрочемъ, размѣра. Молодая женщина, освободясь отъ лишней обуви, порхнула на лѣстницу, оставя лакея внизу, въ компаніи себѣ подобныхъ. Молодая женщина прошла залу, наполненную хрусталемъ и фарфоромъ, изъ второй круглой

комнаты повернула направо, остановилась передъ шалью, небрежно брошенной на подставкѣ, спросила цѣну и медленно пошла дальше. Казалось, ковры, пестрой семьею висѣвшіе вдоль стѣнъ, поразили ее вниманіе, но она, остановясь на минуту, пошла дальше и наконецъ достигла базара.

— Покажите мнѣ что-нибудь для подарка, сказала она курчавому comis, весьма занятому собою, и нѣсколько бронзовыхъ чернильницъ, прессъ-папье и прочаго появилось къ услугамъ покупательницы. Она, казалось, выбрала пепельницу, представлявшую какое-то рогатое животное съ открытымъ ртомъ, долженствовавшимъ поглащать пепелъ, спросила цѣну вещицы, но не рѣшалась купить ее.

— Я посмотрю еще, сказала она: — я увижу, я вернусь скоро.

И съ этимъ словомъ она сошла съ лѣсенки и вышла наулицу. Наемная карета стояла у подъѣзда.

— Откуда нанятъ? спросила она извощика.

— Иванъ, отъ Никитскихъ воротъ, отвѣчалъ онъ, слегка улыбаясь.

Она отворила дверцу, когда извощикъ спросилъ:

— Васъ куда?

— Домъ Лебедева....

— Садитесь, лаконически сказалъ возница, и дама быстро юркнула въ карету.

— Пошелъ, раздалось изнутри ея.

И карета тронулась. Но дама была въ волненіи, она тѣсно прижалась въ уголъ, спустила еще ниже вуаль и обѣими ручками держала его на груди своей, боясь выглянуть и дрожа всѣмъ тѣломъ, когда чьи-нибудь сани слишкомъ близко, подъ самымъ окномъ кареты, обгоняли ея наемную пару.

А Сермягинъ между тѣмъ былъ дома и совершенно одинъ. Онъ занималъ маленькій деревянный домикъ, очень чисто содержанный, съ небольшимъ подъѣздомъ, выходившемъ на улицу. Сермягинъ былъ

блѣднѣе обыкновеннаго; его какъ-то подергивало; онъ тревожными шагами ходилъ по маленькимъ своимъ комнаткамъ, уставленнымъ незавидною мебелью и часто останавливался у зеркала, вѣрно отражавшаго его хорошенькую фигурку, облеченную въ пестрѣйшій шелковый халатъ, сшитый наподобіе сюртука, тяжелыми складками, падавшаго до полу. Греческая феска, осѣненная гигантской кистью, граціозно осѣняла его бѣлокурыя кудри. Вѣроятно съ цѣлью окончательно уподобиться султану, юноша вооружился предлиннымъ чубукомъ розоваго дерева. Каждый шорохъ въ комнатахъ тревожилъ Сермягина: онъ обходилъ ихъ всѣ и запиралъ двери изъ прихожей въ кухню, буфетъ и прочее; онъ, казалось, желалъ быть совершенно одинъ. Стукъ каждой проѣзжавшей по переулку кареты обращалъ его вниманіе, и онъ бросался къ окну. Карета проѣзжала, и Сермягинъ вздыхалъ свободнѣе. Юношу била лихорадка. Положеніе его было ново, неиспытанно и потому жутко. Ему было и

весело, и страшно, то холодно, то жарко, а халатъ-то былъ сшитъ на ватѣ. Снять бы его и одѣться, да халатъ-то больно хорошъ. Голова горѣла, въ вискахъ стучало, но феска точно приросла къ бѣлокурымъ кудрямъ; ему даже приходила мысль спрятаться, или бѣжать куда-нибудь; сказаться больнымъ то же было бы не худо; но другое чувство брало верхъ надъ застѣнчивостью, и Сермягинъ, подбоченясь, ходилъ гоголемъ. Вдругъ шорохъ подъѣхавшаго къ подъѣзду экипажа заставилъ его вздрогнуть. Онъ бросился къ окну и, казалось, узналъ карету. Она была наемная, та самая, которая стояла у подъѣзда магазина на улицѣ и въ которой уѣхала молодая дама. Она выпрыгнула изъ кареты, со всего розмаха пуская дверку, которая защелкнулась сама собою, и юркнула въ подъѣздъ, поспѣшно сказавъ кучеру:

— Отъѣзжай до угла и жди меня тамъ.... я приду.... ступай....

Робкій звонъ раздался въ передней. Молодой человѣкъ опрометью бросился отпирать дверь, но второпяхъ зацѣпилъ ногою за стулъ, стулъ полетелъ, Сермягинъ поскользнулся, но, удержавшись кое-какъ, отодвинулъ задвижку. Дверь отворилась. Молодая женщина робко, но быстро вошла въ переднюю. Пестрота халата, пурпуръ фески, длина чубука, все это вмѣстѣ такъ поразило даму, что она приросла къ мѣсту и ощутила то же самое чувство, какое долженъ ощущать очень воспламененный человѣкъ, когда на него неожиданно выльютъ цѣлый ушатъ холодной воды.

— Полина! вскрикнулъ Сермягинъ.

— Одни ли мы? спросила дама, не поднимая вуаля.

— Совершенно.

— Удалены ли люди?

— Всѣ до единаго.

— Они ничего не знаютъ?

— Ровно ничего.

— Даже не догадываются?

— Имъ и въ голову придти не можетъ.

«Да и не имъ однимъ не могло бы придти въ голову,» подумала дама, «что я могу рѣшиться.»

— Войдите, говорилъ Сермягинъ, запирая дверь.

Ключь щелкнулъ; непріятное чувство отозвалось въ сердцѣ дамы, а убійственный халатъ мелькалъ передъ ея глазами; но она побѣдила однако жъ минуту нерѣшимости и подумавъ: «что сдѣлано, то сдѣлано, и если ужъ я здѣсь, пойдемъ до конца,» быстро рванулась впередъ, перебѣжала двѣ комнаты и только въ третьей позволила Сермягину догнать себя. А полы халата такъ и раздувались, и онъ еще имѣлъ неосторожность играть его кистями. Не зная рѣшительно, что дѣлается и говорится въ подобныхъ случаяхъ, Сермягинъ не зналъ куда дѣваться; ему было очень неловко, тѣмъ болѣе, что онъ замѣтилъ одинъ изъ сострадательно-насмѣшливыхъ взглядовъ Полины, брошенныхъ на халатъ его и инстиктивно понялъ всю

неумѣстность своего костюма. Однакожь, оправясь нѣсколько, онъ такъ задушевно, такъ тепло сказалъ:

— Полина!.... неужели это вы? что она, зажмурясь, отвѣчала:

— Да, это я; мнѣ самой не вѣрится, но это я.... я васъ балую, дитя мое, а вы, **vous me traitez un** peu **cavalièrement**. Халатъ не выходилъ у ней изъ головы, но, сбрасывая съ себя бѣлую шубку, какъ ледяную кору и беззаботно протягивая ему обѣ ручки, она прибавила:—я должна была предвидѣть. Но не все ли равно? Ужъ если я здѣсь, я здѣсь. Не обвиняйте же меня! Не осуждайте, не подумавши. Я очень несчастна!

— Вѣрить ли счастью? вскрикнулъ Сермягинъ:—не мечта ли это, не сонъ ли? Видѣть тебя, Полина, видѣть тебя на-единѣ, стою ли я такого блаженства?

Это внезапное: «ты,» обдало княгиню холодомъ, и она подумала: «не стоишь,» но сказала:—я здѣсь Поль, значитъ....

— Ты любишь меня?

— Я здѣсь, Поль.

— Благодарю, благодарю тебя.

— Вѣдь надо же мнѣ любить кого-нибудь, замѣтила княгиня: —благодари судьбу за то, что я встрѣтила тебя въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ жизни. Я ихъ переживаю такъ много!

Княгиня, сбросивъ шляпку, очень граціозно положила свою ручку на плечо молодаго человѣка и въ какомъ-то самозабвеніи поникла бѣлокурой головкой. Ясно было, что она играла комедію, но Сермягинъ былъ еще такъ молодъ, что вѣрилъ въ тирады по всѣмъ правиламъ реторики, и страстно впивался взоромъ въ ея чудные глаза и, покрывая поцѣлуями ея хорошенькія ручки, невольно произносилъ какую-то безсвязную чепуху. Княгиня улыбалась и преспокойно усѣвшись на диванъ, указала ему на табуретъ, стоявшій у ногъ ея.

— Для чего ты пріѣхала, говорилъ молодой человѣкъ.

Княгиня лукаво улыбнулась.

— Я не стою такого блаженства! кончилъ Сермягинъ.

Княгиня худенькой ручкой такъ точно провела по волосамъ его, какъ гладятъ ребенка по головкѣ, если онъ скажетъ какую-нибудь истину. Отъ этого движенія феска, надѣтая на бекрень, покачнулась, потеряла равновѣсіе и полетѣла къ ногамъ княгини.

— Ты ангелъ, божество, жизнь моя! декламировалъ юноша, котораго княгиня сочла нужнымъ слегка оттолкнуть отъ себя.

— Ты слишкомъ рано перестаешь уважать меня.

— Я слишкомъ поздно узналъ, что любимъ тобою, отвѣчалъ онъ: — но теперь, когда мы одни, повтори мнѣ это слово.

— Да, ты молодъ, неопытенъ, ты дитя, но ты меня не любишь! сказала княгиня, съ умысломъ придавая грустное значеніе словамъ своимъ.

— Я? вскрикнулъ Сермягинъ, ударяя себя въ грудь.

— Ты любишь женщину, но не меня, не Полину, лепетала княгиня, слабо защищаясь отъ ласкъ юноши и намекая на халатъ:—любовницу, а не жертву старика; ты не понимаешь борьбы между долгомъ и любовью, а я ее испытываю. Ты хочешь погубить меня, Поль, я этого не ожидала. Я бы не пріѣхала.

— Прости меня, Полина, бормоталъ сконфуженный молодой человѣкъ, не зная рѣшительно, что ему дѣлать и начиная предполагать, что дѣйствительно эта женщина можетъ быть ищетъ только моральнаго отдохновенія въ бесѣдѣ съ нимъ, а не матеріальнаго самозабвенія.

— «Не ужто я ошиблась? подумала княгиня:—не ужто онъ до такой степени неопытенъ. Впрочемъ это оригинально, какъ новость.»

— Ахъ Полина! вскрикнулъ юноша:— я такъ люблю тебя, а ты упрекаешь меня въ увлеченіи. Развѣ мы мало страдали? Но счастливая минута настала, ты здѣсь, а между тѣмъ.... Полина, сжалься надо

мною.... сжалься сама надъ собою, если ты точно меня любишь!

— «Наконецъ-то!» подумала княгиня, но, въ видѣ неизбѣжной оговорки, сказала: — а мое доброе имя, Поль?

— Пустое слово, фраза безъ значенія. Постереги кто-нибудь насъ и твое доброе имя запятнано.

— Пускай, но убѣжденіе, что не смотря ни на что, я вѣрна моему долгу.... томно отвѣтила княгиня.

— Это убѣжденіе не выкупитъ тяжести оковъ, продолжалъ Сермягинъ: — которыя онъ налагаетъ на твою молодость. И кто въ нашъ вѣкъ повѣритъ въ святость долга, когда онъ вынужденъ, насильно наложенъ волею опекуна и свѣтскихъ отношеній! Кто повѣритъ, видя тебя, скованную съ руиной, что ты, въ пользу ея блистательной дряхлости, пожертвуешь всѣми увлеченіями молодости, всѣмъ жаромъ души. И что вознаградитъ тебя за столько лишеній? Жизнь коротка, мы молоды однажды, свѣтъ не пойметъ и не

оцѣнитъ этой жертвы — она пропадетъ безплодно.

Эту фразу Сермягинъ вычиталъ гдѣ-то и заранѣе затвердилъ наизусть. Полинѣ надоѣдала его болтливость, но она рискнула еще на одну оговорку

— А совѣсть, Поль? Ея спокойствіе искупитъ всю горечь обвиненій, ея спокойствіе — противоядіе клеветы, щитъ бѣдной свѣтской женщины. Подъ нимъ она спокойна, пусть говорятъ, что хотятъ. Я рисковала многимъ, ѣхавши сюда, я ставила на карту имя мужа и свое собственное, но меня влекла любовь, и если узнаютъ — «ну что же, скажутъ, она любила Сермягина» — это понятно, но кто же осмѣлится сказать: «она была преступна!» когдавсѣ предосторожности взяты, когда объ этомъ свиданіи знаемъ только мы двое.

Сказавъ эту фразу, княгиня ждала отвѣта, но Сермягинъ не нашелся: онъ былъ слишкомъ неопытенъ и вмѣсто того, чтобы длинный монологъ ея и всякое возра-

женіе зажать поцѣлуемъ, въ простотѣ сердечной горячо воскликнулъ:

— Скажутъ, Полина, люди злы. И то сказать — жизнь не романъ, Полина.

Сермягинъ ударился въ философію.

— «Будетъ ли этому конецъ, подумала княгиня, которая не умѣла ладить съ мальчиками, спѣшила вернуться и потому послѣ молчанія поучительно отвѣтила: — скажи лучше, Поль, что въ жизни, особенно въ нашей свѣтской жизни, нѣтъ поэзіи, а только одна дѣйствительность, одна проза

Сермягинъ понялъ иначе, по своему, эту фразу: ему показалось, что она упрекаетъ его за желаніе прозы, тогда какъ она жаждалъ поэзіи и горячо вступился за себя.

— Если есть проза въ жизни, сказалъ онъ: — то она проявляется въ свѣтской женщинѣ, въ этомъ холодномъ созданіи, которое развѣшиваетъ на вѣсахъ общественнаго мнѣнія всѣ свои завѣтнѣйшія чувства и раздаетъ ихъ по золотникамъ, скупо

и бережно: на одинъ гранъ любви, на полъ-грана увлеченія — не довольно ли для нашего брата?

«Какъ простъ!» подумала княгиня и грустно сказала: — неблагодарный!

— Иначе, продолжалъ Сермягинъ, увѣренный въ себѣ: — запасъ истощится, а жизнь велика, будущее впереди, паціентовъ представится много.. .

— Поль! вскрикнула княгиня.

— Прости меня, Полина! Я безумецъ! въ свою очередь возразилъ Сермягинъ и упалъ къ ногамъ ея.

Слезы слышались въ его голосѣ, руки дрожали, онъ судорожно мялъ ими густыя складки ея бархатнаго платья, ловя налету ея ручку и осыпая ее поцѣлуями.

— «**Nous y voila!**» подумала княгиня и, закрывая глазки, откинула головку на спинку дивана, а Сермягинъ, стоя передъ нею на колѣнахъ, продолжалъ дрожащимъ голосомъ убѣждать ее.

— Сжалься, Полина. Минутой ранѣе или позднѣе, не все ли равно тебѣ...

«Большая разница», подумала княгиня и невольно улыбнулась.

— За одно погибать тебѣ! Ты думаешь, никто не знаетъ, не угадываетъ нашихъ отношеній? Ты ошибаешься. Ты думаешь, что случай свелъ насъ у Дебелиныхъ? еще разъ ошибаешься....

— Какъ? вскрикнула Полина, — какъ ужаленная вскакивая съ дивана и отталкивая Сермгина. — Кто же выдалъ меня?

— Я, Полина, я тебя выдалъ....

— Кому?...

— Дебелиной. Вѣдь она мнѣ кузина.

— Несчастная! вскрикнула княгиня: — но съ какой же цѣлью?

— Съ цѣлью видѣть тебя, видѣть долго, видѣть близко, говорить съ тобой, слушать тебя.

— И сгубить! кончила княгиня.

— Видишь ли, Полина, это сдѣлалось неожиданно. Я попалъ въ дѣйствующія лица романа, я....

И онъ въ длинномъ монологѣ разсказалъ, какимъ образомъ Дебелина выпытала у него признаніе и на какомъ условіи обѣщала ему свиданіе съ княгиней.

— Вѣдь кузина увѣряетъ, что любитъ Волынкина, кончилъ онъ.

— Какое мнѣ дѣло до твоей кузины, до Волынкина? И что же изъ этого, если она его любитъ? прервала княгиня Сермягина.

— Да Волынкинъ-то понялъ Настеньку, горячо и скоро продолжалъ юноша: — понялъ и занялся Вѣрой Струйской. Она пѣла, онъ влюбился; бросилъ ту, любитъ эту, эта въ отчаяніи хочетъ мстить ему и ей, то есть имъ; орудіемъ избранъ я; я отказался, но она знаетъ, что ты меня любишь, что я... что ты...

Юноша спутался и замялся. Княгиня покатилась со смѣху,

— Ты смѣешься? спросилъ онъ. Ты не боишься моей кузины?

— Пусть она говоритъ, что хочетъ, ей не повѣрятъ.

— Но имя то твое будетъ обезславлено! И я буду причиной, я!.. кричалъ въ отчаяніи юноша.

— Доказательства? гордо спросила княгиня: — гдѣ доказательства? чѣмъ она докажетъ слова свои? Да и чѣмъ наконецъ она заставитъ тебя дѣйствовать въ свою пользу? Что она заставитъ тебя дѣлать?

— Я не знаю, но, что бы ни было, я все сдѣлаю, чтобы спасти тебя, Полина.

— Ты сдѣлаешь хуже; ты этимъ еще болѣе меня скомпрометируешъ! Ребенокъ! мнѣ жаль тебя! А обо мнѣ не безпокойся. Я съумѣю отъ всего отрѣчься, понимаешь: ото всего! Нельзя же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, и любить, и водить на помочахъ въ одно и то же время. Не съумѣть молчать и притворяться—недостойно мужчины: выдать сердце женщины подъ какимъ бы то ни было предлогомъ можетъ только мальчишка. И ты это сдѣлалъ! знаешь: дѣтей сѣкутъ за болтливость.

И съ этимъ словомъ княгиня накинула на плечи шубку и быстро вышла въ другую комнату.

— Нейди за мной! сказала она, оглянувшись на Сермягина, и хлопнула дверью.

Молодой человѣкъ отчаянно заходилъ по комнатѣ, не смѣя слѣдовать за уходившей. Она отперла дверь и выбѣжала на улицу. Вмѣстѣ съ свѣжей струей воздуха какая-то радость обдала ее: она дышала свободнѣе, она была излечена отъ начинавшагося недуга. Халатъ, феска, реторика, отсутствіе такта, первая молодость, а главное—непереводимое **ridicule**, вотъ рецепты для излеченія свѣтской женщины отъ всякаго недостойнаго ея чувства. «Мальчишка! думала она:—и я его любила! За что?» Она бросилась въ карету и крикнула кучеру:—туда же, откуда пріѣхала....

Извощикъ замахалъ руками, передернулъ возжи, и карета, скрипя на морозѣ, тронулась отъ подъѣзда. Этотъ скрипъ, послѣдній звукъ за отлетавшимъ навсегда

видѣньемъ, больно отозвался въ сердцѣ юноши.

— Холодная женщина! сказалъ онъ въ отчаяніи: —она не знаетъ, что отвергаетъ. Впрочемъ, все можетъ быть къ лучшему. Я бы измучилъ ее моею любовью. А жаль ее, жаль!....

И двѣ слезки, невинныя какъ тотъ, изъ чьихъ глазокъ онѣ вылились, сбѣжали по розовымъ щечкамъ. Эти слезы не были жгучими слезами мужчины, который, любя сильно, въ извѣстныя минуты даритъ своему идолу этотъ залогъ привязанности. Слезы мужчины та же кровь; двѣ слезы мужчины уносятъ у него годъ жизни.... когда мужчина плачетъ, небо содрогается; а слезы мальчишки та же вода, да еще и вода-то мутная: за нею скрываются не слишкомъ чистыя стремленія, жажда обладанія и пища болтливости.

Черезъ четверть часа знакомая уже намъ наемная карета остановилась снова на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла цѣлое утро. Дама въ бѣлой шубкѣ вышла, отдала ку-

черу ассигнацію и велѣла ему ѣхать домой, а сама, проводя взглядомъ отъѣзжавшій экипажъ, вошла на лѣстницу базара.

— Я здѣсь недавно видѣла пепельницу, сказала она:—заверните мнѣ ее.... И рогатое чудовище съ разинутой пастью перешло въ ея потомственное владѣніе.

Съ покупкой въ рукахъ молодая женщина пошла въ магазинъ швейцарскихъ издѣлій, гдѣ снова, остановясь нѣсколько разъ передъ разными предметами, очутилась на той самой лѣстницѣ, внизу которой ожидалъ ее ливрейный лакей съ ботинками. Она отдала ему покупку, надѣла обувь и вышла на подъѣздъ, у котораго на дворѣ, въ числѣ прочихъ экипажей, стояла и ея вѣнская коляска. Рысаки, продрогнувъ, плясали на одномъ мѣстѣ. Легко впорхнула молодая женщина въ коляску, и она, какъ вихрь, понеслась по двору, обдавая встрѣчныхъ колкою морозною пылью. Рысаки остановились у подъѣзда, обтянутаго парусиннымъ чахломъ съ красными нашитыми на немъ іероглифиче-

скими знаками. По великолѣпной лѣстницѣ молодая женщина вошла въ свои комнаты, гдѣ, снявъ шляпку, сѣла и задумалась.

Вернувшійся въ то же время князь Рогожскій, встрѣтилъ на лѣстницѣ выѣзднаго лакея княгини, не успѣвшаго еще снять ливреи.

— Княгиня ѣдетъ? спросилъ его сіятельство.

— Изволили вернуться, отвѣчалъ лакей.

— Гдѣ были?

— Въ магазинѣ швейцарскихъ издѣлій, ваше сіятельство, съ искреннимъ убѣжденіемъ, безъ всякой запинки отвѣчалъ лакей.

«Отлично устроенный магазинъ,» подумалъ князъ и направился къ супругѣ.

— Mon ami, сказала она ему: —**j'ai voulu vous faire une surprise ce matin. Tenez.**

И она подала ему рогатое чудовище съ открытой пастью. Князь нѣжно поцѣловалъ проборъ женниныхъ волосъ и остался очень доволенъ подаркомъ.

IV.

Прошла недѣля, другая, третья. Аграфена Павловна, не довѣрявшая вполнѣ дороговизнѣ московскихъ цѣнъ и полагавшая, что цѣны эти произвольно выставляются корыстолюбіемъ дворецкаго, въ одну прекрасную середу отправилась сама въ городъ, въ погребныя лавки для закупки фруктовъ и прочаго. Но эта поѣздка имѣла пагубныя послѣдствія: сырость погребовъ подѣйствовала на сырое сложеніе барыни, и она уже въ четвергъ вечеромъ почувствовала себя не хорошо, а въ пятницу слегла въ постель. Скорая и искусная помощь спасла старуху, но она медленно поправлялась, и четверги, разумѣется, прекратились на время. Надо от-

дать справедливость Настенькѣ, что она, въ самыя критическія минуты, не отходила отъ постели умиравшей. Она даже не допускала Вѣру смѣнить себя на короткое время, и сама подавала матери лекарства, что очень огорчало Вѣру, пріѣзжавшую навѣщать больную два и три раза въ день, а Волынкинъ, послѣ перваго сдѣланнаго визита получившій право бывать у Струйскихъ, вполнѣ пользовался этимъ правомъ и пріѣзжалъ чуть ли не каждый день, но рѣдко ему случалось заставать Вѣру, и каждый разъ легкая тѣнь неудовольствія ложилась на блѣдное лице его, тогда какъ въ душѣ онъ сознавалъ все благородное самоотверженіе дѣвушки. Какъ только опасность миновалась, эгоистическая натура Настеньки вошла въ свою колею, и дѣвушка, не смѣя и не желая выѣхать, дольше удерживала у себя своего друга, не столько, разумѣется, изъ желанія видѣть его, сколько съ цѣлію удалить отъ Волынкина. Вѣрѣ самой очень бы хотѣлось бывать дома, но она считала

за грѣхъ и чуть ли не за преступленіе думать о себѣ въ такую минуту, когда друга ея постигло тяжелое испытаніе.

Однажды вечеромъ обѣ дѣвушки сидѣли въ спальнѣ Аграфены Павловны, слабо освѣщенной одною только свѣчею, заслоненною зеленымъ абажуромъ. Аграфена Павловна, блѣдная и исхудалая, дремала, утопая въ подушкахъ; въ комнатѣ было совершенно тихо: дѣвушки разговаривали шопотомъ; внезапно скрыпнувшая дверь разбудила-было на минуту Аграфену Павловну, но она, измѣнивъ положеніе, заснула снова, а вошедшая горничная подала Вѣрѣ крошечный кусочекъ почтовой бумаги, сложенный вчетверо.

— Степанида Львовна прислать изволили, сказала горничная.

Вѣра взяла бумажку, развернула ее и прочла слѣдующее: посылаю карету, пріѣзжай скорѣй, скорѣй. В.... у насъ; который разъ онъ не застаетъ тебя. Можетъ ли это ему быть пріятнымъ. Брось все и пріѣзжай. С. С.

— Что это такое? спросила Настенька, когда Вѣра клала записку въ карманъ.

— Maman пишетъ.... прислала карету. Прощай! сказала Вѣра, вставая и обратясь къ дѣвушкѣ, прибавила: — ступай, милая, скажи, что я сейчасъ выйду.

— Постой! шопотомъ остановила Настенька горничную и, обратясь, къ Вѣрѣ:

— Что за экстренность такая, подожди немного. Что случилось?

— Ничего особеннаго, отвѣчала, краснѣя, Вѣра:—у насъ гости. Панкратьевны нѣтъ дома, не кому чай разлить, у maman же голова болитъ.

— Какое стеченіе обстоятельствъ!....

— Да.... но.... прощай!

— Нѣтъ, сказала Настенька:—покажи мнѣ записку.

— Не могу **ma chère**, право не могу, сказала Вѣра, идя къ двери.

— Секреты? спросила Настенька:—отъ меня? прекрасно, Вѣра Васильевна.

— Никакихъ секретовъ нѣтъ.... отвѣчала Вѣра.

— Ну, вотъ, видишь, быстро перебила ее Настенька:—если нѣтъ секретовъ, покажи записку.

— Ахъ, Настенька, какое ребячество.

— Ну, положимъ, что это ребячество, только покажи записку, иначе я разсержусь, я заплачу—и дѣйствительно Настенька уже подносила платокъ къ глазамъ—ты же знаешь, какъ у меня теперь слабы нервы: болѣзнь маменьки меня совершенно разстроила, я сама боюсь занемочь.

— Ахъ, Боже, избави! вскрикнула Вѣра.

— Ну такъ покажи записку, нѣжно сказала Настенька, цѣлуя ее въ щеку:—умница, душечка, покажи записку.

— Какое ты странное созданіе! сказала Вѣрочка.

— Ну покажи записку, настаивала Настенька.

— Да пожалуй, изволь, сказала Вѣра, подавая записку:—только я поѣду.

— А а! сказала Настенька, бѣгло прочитывая извѣстныя строки: — тутъ нѣтъ

рѣчи ни о Панкратьевнѣ, ни о головной боли.

— Однакожь я поѣду, сказала Вѣра, надѣвая шляпку.

— Такъ вотъ эти гости кто! Волынкинъ.

— Да, Волынкинъ, сказала Вѣра. —прощай!

— Тебѣ не стыдно?

— Что такое?

— Тебѣ не стыдно спѣшить домой, потому что у тебя сидитъ Волынкинъ. Развѣ ты обязана возвращаться откуда бы то ни было, если онъ осчастливитъ васъ своимъ посѣщеніемъ. Вѣдь онъ еще не женихъ твой.

— Душа моя, прервала ее Вѣра по-французски. —ты позабываешь присутствіе горничной.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? обратилась Настенька къ горничной: —пошла вонъ.

И горничная тотчасъ же вышла.

— Онъ еще не женихъ твой, продол-

жала она: — и наконецъ, что онъ о тебѣ подумаетъ?

— Ничего, ровно, сказала Вѣра: —подумаетъ, что я вернулась изъ гостей, отъ тебя, отъ кого бы то ни было.

— А если онъ узнаетъ, что за тобой посылали тайно отъ него....

— Если и посылали, то, вѣроятно, не тайно: эта записка писана или при немъ, или по его же просьбѣ.

— Вотъ что? Но если я попрошу тебя остаться....

— Не могу;—я была у тебя цѣлый день.

— Но мнѣ предстоитъ цѣлый вечеръ сидѣть одной въ душной комнатѣ, гдѣ воздухъ пропитанъ медикаментами, при слабомъ освѣщенiи, сидѣть молча, не шевелясь, боясь разбудить больную. Весело? спросила она Вѣру другимъ тономъ.

— Но что же мнѣ дѣлать, если я не могу остаться?

— Тутъ-то и останься, докажи, что другъ.

— Видишь, сказала Вѣра: — я вернусь

черезъ два, три часа вернусь и просижу съ тобою цѣлую ночь, теперь мнѣ не такъ домой хочется, какъ на воздухъ: здѣсь дѣйствительно душно.

— Это отговорки: вѣдь я же сношу эту атмосферу, я не хочу на воздухъ.

— Я вернусь, сказала Вѣра.

— Не безпокойтесь, обиженнымъ тономъ продолжала Настенька: —вы мнѣ нужны теперь, а не послѣ.

— Очень жаль, но я поѣду.

— Поѣдешь? значительно переспросила Настенька.

— Поѣду. Прощай! прибавила Вѣра и вышла.

« Не послушалась, подумала Настенька, оставшись одна: —въ первый разъ не послушалась».

— Заморозили, сударыня, совсѣмъ заморозили, раздался голосъ Силы Савича, когда дѣвушка вышла на подъѣздъ.

Вѣра вскрикнула было, но, узнавъ старика, спросила:

— Какъ это вы сюда попали?

— Да какъ попалъ, сударыня? Пришелъ, извѣстное дѣло, да вотъ на подъѣздѣ битыхъ три часа и танцую.

— Что же это вамъ докторъ прописалъ что ли?

— Вы мнѣ, сударыня, такія микстуры прописываете, какихъ, извѣстное дѣло, десять докторовъ не пропишутъ. Вы мнѣ, сударыня, такія пилюли отпускаете, что поперегъ въ горлѣ становятся.

— Сила Савичъ, на морозѣ аллегоріи слушать холодно, на морозѣ онѣ еще менѣе понятны. Вы мнѣ прямо скажите: домой вы идете или изъ дому.

— Изъ дому, сударыня, пришелъ и домой пойду.

— Такъ поѣдемте вмѣстѣ.

И Вѣра прыгнула въ карету, приглашая Силу Савича послѣдовать ея примѣру; лакей вспрыгнулъ на козлы. Карета тронулась.

— Вы, сударыня, началъ Сила Савичъ: —просто Бога не боитесь, не кому васъ

журить: вы, сударыня, совсѣмъ отъ рукъ отбились.

— Что же я такое сдѣлала? Чѣмъ прогнѣвала васъ? говорила Вѣра, опуская окно кареты.

— Не извольте опускать окно, сударыня: еще простудитесь, чего добраго.

— Не безпокойтесь, Сила Савичъ.

— А вы слушайте, сударыня, что же это вы и хорошо дѣлаете, что у Дебелиныхъ живмя-живете—точно у васъ своего дома нѣтъ?

— Она больна, вы знаете.

— Подымите окно—простудитесь, сударыня. Была она больна, я самъ знаю, да теперь уже все прошло. Побывали разъ, другой и довольно, а то что это такое, помилуйте. Волынкинъ ѣздитъ, ѣздитъ, а васъ все нѣтъ. Спроситъ: гдѣ, молъ? Говорятъ: у Дебелиныхъ, все у Дебелиныхъ. Вѣдь это хоть кого взбѣситъ, сударыня.

— Неужто, Сила Савичъ?

— Подымите вы окно, сударыня, про-

должалъ онъ: — мы просто съ вашей матушкой въ неловкое положеніе поставлены. Пріѣхалъ онъ, сударыня. Вижу я: сидитъ словно на угольяхъ, такъ все и вертится. Ну, шепнулъ я Степанидѣ-то Львовнѣ: —напишите ей, сударыня, авось образумится, пріѣдетъ. Послали записку, нѣтъ, вы проклажаетесь. Ахъ, зло меня взяло, сударыня, извѣстное дѣло, думаю, за что погибаетъ дѣвица? Не вытерпѣлъ, сударыня, надѣлъ шубенку, прибѣжалъ къ подъѣзду Дебелиныхъ. Думаю, если она отпуститъ карету и останется—самъ войду, весь домъ подыму вверхъ дномъ, силой уведу домой. Вотъ что я, сударыня, хотѣлъ съ вами сдѣлать. Да подымите вы окно, сударыня.

Но карета уже подъѣхала къ подъѣзду и Вѣра съ Благовонинымъ вошли на лѣстницу.

А Волынкинъ между тѣмъ, сидя въ гостиной съ Степанидой Львовной, тревожно глоталъ горячій чай изъ стоявшаго передъ нимъ стакана. Неизвѣстно какимъ чу-

домъ этотъ стаканъ уцѣлѣлъ въ рукѣ молодаго человѣка и не разлетѣлся въ дребезги, когда Вѣра вошла въ гостиную. Онъ быстро поставилъ стаканъ на столикъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ дѣвушкѣ; онъ ждалъ, что она подастъ ему руку, но Вѣра не смѣла подать руки,—боялась.

— Какъ давно, грустно сказалъ онъ:— я былъ лишенъ удовольствія васъ видѣть, пріѣзжалъ всегда не во время, выбирая какъ нарочно тѣ часы, которые вы посвѣщали дружбѣ. Огорченіе не видать васъ выкупалось сознаніемъ той благородной причины, которая отвлекала васъ отъ дома.

— Увѣрена, сказала Вѣра:—что каждый на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое.

— Какая скромность, я вамъ удивлялся сначала, теперь я благоговѣю передъ вами.

— M-r Волынкинъ, когда вы перестаните хвалить меня и хвалить въ глаза, сказала Вѣра, садясь подлѣ матери и жестомъ приглашая Волынкина сдѣлать то же.

— Никогда, отвѣтилъ онъ:—я васъ вижу, и говорю только то, что вижу.

— Какая свѣтская фраза.

— Моя фраза была сердечна, перебилъ ее Волынкинъ: вольно вамъ понимать ее иначе.

— Поневолѣ принимаешь за комплиментъ похвалу поступку самому обыкновенному.

— Значитъ вы все благородное, прекрасное въ себѣ принимаете за обыкновенное и потому нельзя вамъ не удивляться.

— Опять! шутя сказала Вѣра.

— Всегда, отвѣтилъ улыбаясь Волынкинъ.

— Но я все-таки стою на томъ, продолжала Вѣра: —что поводъ къ удивленію вашему былъ самый обыденный.

— Скорѣе ежедневный, сказалъ Волынкинъ, чтобы повернуть иначе разговоръ, начинавшій принимать серьёзный характеръ.

— Нѣтъ-съ, извините, ежечасный, вмѣшался только-что вошедшій Сила Савичъ и, выразительно взглянувъ на Степаниду

Львовну, мигнулъ лѣвымъ глазомъ на Вѣру и, ткнувъ себя пальцемъ въ грудь, хотѣлъ, вѣроятно, молча сказать, что онъ способствовалъ къ возвращенію Вѣры; такимъ образомъ жестикюлируя и, преважно пройдясь по гостиной, онъ снова вышелъ въ залу.

— Знаете, сказалъ Волынкинъ, обращаясь къ Степанидѣ Львовнѣ: —этотъ старичокъ съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ мое сочувствіе. Я начинаю уважать его—въ немъ видна какая-то средневѣковая преданность. Обожаніе Вѣры Васильевны доходитъ въ немъ до степени рыцарства, героизма какого-то. Ему невольно удивляешься и завидуешь, въ этой нѣсколько смѣшной и оригинальной оболочкѣ, какъ сокровище, таится сердце этого человѣка.

— Вы правы, перебила его Вѣра: —послѣ маменьки и Настеньки, конечно, нѣтъ человѣка, который бы любилъ меня болѣе Силы Савича.

— Вы думаете?

— Я увѣрена.

— Вы ошибаетесь, Вѣра Васильевна: я убѣжденъ, что многіе любятъ васъ сильнѣе этого старичка, а всѣ, знающіе васъ, любятъ болѣе Настеньки, какъ бишь ее по батюшкѣ, болѣе Дебелиной, однимъ словомъ.

— Что вы это? вскрикнула Степанида Львовна.

— Этого я не ожидала, вступилась Вѣра.

— Какъ вы ошибаетесь.

— Какъ вы несправедливы.

— Это вамъ кажется.

— Я знаю, кто вамъ внушилъ эту мысль—Сила Савичъ? говорили, перебивая другъ друга мать и дочь.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! началъ Волынкинъ, обращаясь то къ той, то къ другой. На что же у меня глаза? На что же я слыву за наблюдателя? И если есть сочувствіе между мной и Силой Савичемъ, то, конечно, только потому, что взгляды наши на это существо встрѣтились, а мнѣнія сошлись.

— Кто же вамъ сказалъ, что ваши мнѣнія безошибочны? спросила Вѣра.

— Да, кто вамъ сказалъ? вторила мать въ то время, какъ Сила Савичъ, привлеченный весьма оживившимся разговоромъ, входилъ въ гостиную, а Дорхенъ хохотала отъ души въ залѣ надъ ловкими и лукавыми прыжками молодаго котенка, игравшаго, какъ мышью, ея мячикомъ.

— Мои глаза мнѣ говорили, вступился Волынкинъ.

— Извѣстное дѣло, глаза; не всѣ же слѣпые, вмѣшался Сила Савичъ, слышавшій изъ залы начало разговора.

— Опытъ мнѣ доказалъ это, продолжалъ Волынкинъ.

— Извѣстное дѣло опытъ.

— Ну ужъ вы и рады, обратилась къ нему Вѣра.

— Радъ, сударыня, извѣстное дѣло, радъ, что не я одинъ говорю.

— Наконецъ, сказалъ Волынкинъ: —если я могъ ошибиться, почему же вы не могли сдѣлать того же?

— Вамъ, **monsieur** Волынкинъ, продолжала Вѣра, не слушая старика: — вамъ меньше всѣхъ слѣдовало бы становиться въ ряды, непріязненые Настенькѣ.

— Почему же? быстро спросилъ онъ.

— Потому что....

Вѣра помолчала съ минуту и, опуская глазки, продолжала:

— Вспомните первое время вашего съ нею знакомства. Она произвела на васъ впечатлѣніе.

— Признаюсь, какъ существо, выходящее изъ разряда обыкновенныхъ.

— Она вамъ нравилась, сказала Вѣра.

— Нѣтъ. Она меня поражала.

— Вы отдавали ей справедливость.

— Больше, я удивлялся ей.

— И вдругъ.... начала было Вѣра.

— И вдругъ, перебилъ ее Волынкинъ: узнавъ короче, вникнувъ глубже въ этотъ характеръ, понялъ, съ кѣмъ имѣю дѣло, и перенесъ мое удивленіе на субъектъ болѣе достойный. Теперь я вамъ удивляюсь. Удивляюсь, какъ вы не видите, что такое

Дебелина, какъ вы, съ вашимъ умомъ, не разгадаете ея направленія, какъ вы такъ слѣпо довѣряетесь существу, которое при первомъ случаѣ не побоится разубѣдить васъ и всю жизнь удѣляетъ вамъ отъ своей особы самую крошечную долю. За столько любви съ вашей стороны, за столько сочувствія, самоотверженія даже, чѣмъ она вамъ платитъ, скажите? Фразами? Скажу больше.... или нѣтъ, нѣтъ, извините меня, я и такъ позволилъ себѣ болѣе, нежели смѣлъ, можетъ быть отзываясь о вашемъ другѣ, согласно съ моимъ твердымъ и неизмѣннымъ убѣжденіемъ, но я увлекся ради васъ, Вѣра Васильевна, ради васъ однѣхъ, простите мнѣ эту невольную тираду. Я сознаю вполнѣ, какъ она неумѣстна, странна въ вашихъ глазахъ, нелѣпа даже, но между тѣмъ.... извините, ради Бога, я впередъ не буду.

— Развѣ съ этимъ условіемъ, смѣясь сказала Вѣра.

— Мало только вы ее, сударь, отшлифовали, мало! сказалъ старикъ.

— Ну, будетъ вамъ, Сила Савичъ, замѣтила Степанида Львовна.

— Въ самомъ дѣлѣ, будемъ говорить о другомъ, сказалъ Волынкинъ, и разговоръ принялъ другое направленіе.

Незамѣтно проходило время. Старинные стѣнные часы хриплымъ мѣрнымъ басомъ простучали 12, и Вѣра встала, чтобы, по желанію матери, отвести Дорхенъ до спальни. Волынкинъ проводилъ Вѣру взглядомъ.

— Однакожъ и мнѣ пора, сказалъ онъ, надѣвая перчатки и принимаясь за шляпу.

— Въ клубъ, сударь? спросилъ его Сила Савичь.

— Нѣтъ, домой.

— Развѣ покозырять этакъ не изволите любить?

— Нѣтъ, не играю.

— А хорошо. Только извѣстное дѣло, съ умѣющимъ партенеромъ хорошо, иначе что за игра. Вотъ хоть бы съ Степанидой Львовной — наказаніе Божеское!

— Самъ ступить не умѣетъ! сказала старушка.

— Что и говорить, сударыня!

— Старъ, ничего не помнитъ, продолжала она, обращаясь къ Волынкину.

— Сноса не смотритъ, также отвѣчалъ старикъ.

— Картъ не считаетъ..., перебивала она.

— Тузъ солитъ! вступался Сила Савичъ.

— Не понимаю, не понимаю, смѣясь говорилъ Волынкинъ: — не знаю ни терминовъ, ни правилъ игры, ничего не знаю.

— Что же, сударь, къ стыду вашему отнести только можно, замѣтилъ смѣясь, Сила Савичъ.

— Мнѣ и то совѣстно, отвѣчалъ Волынкинъ, подавая ему руку и откланиваясь Степанидѣ Львовнѣ.

Когда онъ вышелъ изъ гостиной, Вѣра изъ корридора возвращалась по залѣ. Сила Савичъ, пошедшій было провожать Во-

лынкина и увидавшій Вѣру, остался въ гостиной и, скорчивъ весьма лукавую мину, подумалъ:

«Дай, пущусь на хитрости, пусть они себѣ калякаютъ наединѣ-то, благо пусто въ залѣ-то, благо молоды, извѣстное дѣло.»

— Я не зналъ, что вы вернетесь, сказалъ Волынкинъ Вѣрѣ: — я думалъ, что сегодня, какъ всегда, проводя Дорхенъ, вы останетесь у себя, и откланялся вашей матушкѣ.

— Я забыла мою книгу.

— Вы на меня не сердитесь?

— И да и нѣтъ.

— Вы жестоки.

— А вы?

— Я раскаялся, а вы продолжаете сердиться.

— Не буду.

— Скажите: не сержусь.

— Извольте: не сержусь.

— Merci. Я васъ завтра увижу?

— Не знаю. Отъ васъ зависитъ.

— Вы позволите мнѣ пріѣхать?

— Что за вопросъ?

— И будете дома?

— Буду.

— Вечеромъ?

— Да,

— А поутру?

— Я буду у Настеньки.

— А если она васъ оставитъ на цѣлый день?

— Я не останусь.

— Неужели? вскрикнулъ молодой человѣкъ: — вы откажете ей въ мою пользу? Но вы ей не скажете почему.

— Отчего же?

— Нѣтъ, не говорите. Она васъ не пуститъ.

— Опять! сказала Вѣра, грозя пальчикомъ.

— Виноватъ.

— До свиданія.

— Благодарю васъ, сказалъ молодой человѣкъ, и страстно поцѣловавъ руку дѣвушки, выбѣжалъ въ переднюю. Вѣра, стоя

на мѣстѣ, проводила его долгимъ задумчивымъ взглядомъ; она слышала стукъ затворившейся за нимъ двери, она слышала даже скрипучій шелестъ отъѣхавшихъ отъ подъѣзда саней его.

— Неблагодарный! сказала она грустно: — ты не понимаешь, какъ я люблю тебя!

И съ этимъ словомъ вошла она въ гостиную.

— Что это вы, сударыня тамъ съ Волынкинымъ-то объ чемъ это разсуждать изволили? лукаво спросилъ ее Сила Савичъ.

— Не ваше дѣло! весело восклинула она ему и, простясь съ матерью, кивнула ему головкой и ушла къ себѣ.

— Плюньте вы мнѣ тогда въ глаза, сударыня, сказалъ Сила Савичъ Степанидѣ Львовнѣ: — если онъ не посватается.

— Да и мнѣ самой кажется....

— Подлецъ я буду, сударыня, если это не такъ. Чего тутъ казаться: тутъ

дѣло на-чистоту, извѣстное дѣло, влюбленъ.

— Хорошо бы, Сила Савичъ?

— Еще бы не хорошо, сударыня.

— Только Вѣра-то что скажетъ?

— Извѣстное дѣло, что же ей сказать? «хорошій человѣкъ», скажетъ.

— А если не пойдетъ?

— Не пойдетъ! вскрикнулъ старикъ: за него-то не пойдетъ? Вѣдь она у васъ еще, слава-те, Господи, съ ума не сходила, сударыня.

— Съ нами крестная сила! Что вы это, Сила Савичъ!

— Я говорю, пойдетъ, сударыня, только какъ бы эта не пронюхала. Ну тогда, извѣстное дѣло, пиши пропало, отведетъ!

— А что вы думаете. Не даромъ же вы противъ нея и онъ то же. Вѣдь есть же у васъ какое-нибудь основаніе?

— Ну, извѣстное дѣло, есть основаніе.., то-есть, что это такое основаніе-то?

— Ну причина, что ли?

— Есть сударыня, причина, есть: самой замужъ хочется. Сама его ловила, вотъ и причина—не удалось—другая, досадно—третья; да какъ не быть причинъ, сударыня.

Долго разсуждали еще старички между собой и положили вести дѣло какъ можно секретнѣе, и даже поискуснѣе дать почувствовать Вѣрѣ, что не мѣшаетъ скрыть отъ Дебелиныхъ ежедневно усиливающуюся короткость Волынкина съ нею. За это щекотливое дѣло съ обычнымъ добродушіемъ и готовностью взялся Сила Савичъ.

— Обругаетъ она меня, сударыня, но, ужъ была-не-была, выскажу, всѣ резоны представлю. Вѣдь благополучіе-то какое! Только вотъ принесъ чертъ эту Дебелину, сударыня....

— Опять вы, Сила Савичь, съ этой дрянью? Никакъ безъ нея не можетъ.

А Волынкинъ, уѣзжая, думалъ все-таки о Вѣрѣ. Онъ съ каждымъ днемъ убѣждался все болѣе и болѣе, что жить безъ нея не можетъ. Онъ такъ любилъ ее, та-

кою теплою, такою чистою любовью, что, конечно, по его мнѣнію, это благодатное чувство искупало всѣ грѣхи и заблужденія его молодости. А между тѣмъ онъ не рѣшался высказаться, не смѣлъ открыть ей своего чувства. Признательность, нѣкотораго рода уваженіе къ другой женщинѣ удерживали порывы увлеченія и заставляли его молчать. Онъ не зналъ какъ бросить эту женщину, чѣмъ заплатить ей за тѣ пожертвованія, которыя она ему дѣлала. Заплатить, купить себѣ позволеніе любить другую женщину—невозможно, а притворяться то же трудно и тяжело,

Такъ думалъ Волынкинъ, уносимый рысакомъ по взрытому снѣгу, когда, не доѣзжая своего дома и начиная ровняться съ небольшимъ сѣренькимъ домикомъ, весело пятью окнами смотрѣвшимъ на улицу, бородатый кучеръ, полуобернувшись къ своему барину, спросилъ его:—налѣво, на дворъ прикажете? Волынкинъ замялся на минуту и крикнулъ: «мимо!» Но обер-

нувшись, увидалъ въ единственномъ освѣщенномъ окнѣ этого домика внутренность комнаты и въ ней хорошенькій профиль молодой женщины, качавшейся на креслѣ и убаюкивавшей груднаго ребенка.

«Бѣдныя, подумалъ Волынкинъ: — что будетъ съ вами?

Черезъ минуту онъ былъ дома.

«Не поѣду къ ней сегодня», думалъ онъ на другой день поутру: — не поѣду завтра, оправдаю отсутствіе дѣлами, требованіями свѣта, стану ее пріучать постепенно къ неизбѣжному разрыву, она пойметъ—она достаточно умна для этого.»

И дѣйствительно, Волынкинъ, проведя весь день дома, только вечеромъ пріѣхалъ къ Струйскимъ. Вѣрѣ стоило большихъ усилій побѣдить настойчивость Настеньки и, отобѣдавъ у нея, уйти домой. Настенька тревожилась, плакала, сердилась, приказывала, но Вѣра была тверда въ своемъ намѣреніи и настояла на своемъ, сильно упирая на данное ею Волынкину

слово—она, бѣдная, не смѣла сказать, что это было ея желаніе. Но какъ бы ни было, она вернулась, и Волынкинъ былъ счастливъ, а Настенька провела мучительную ночь.

Такъ шло время въ домахъ Струйской и Дебелиной. Аграфена Павловна съ каждымъ днемъ поправлялась въ своемъ здоровьи, силы ея возстановлялись, и докторъ позволилъ ей даже выѣзжать иногда по утрамъ въ каретѣ. Настенька вздохнула свободнѣе: это позволеніе снимало съ нея опалу, окончательное выздоровленіе матери растворяло ей двери дома—она могла выѣзжать, могла дѣйствовать. Возобновить четверги было еще рано, но кто же ей мѣшалъ бывать ежедневно по нѣскольку разъ у Струйскихъ, наблюдать за ними и видѣть, что у нихъ происходитъ.

Когда Настенька въ первый разъ послѣ продолжительнаго отсутствія весело и беззаботно вбѣгала въ гостиную Струй-

скихъ, Сила Савичъ почувствовалъ невольную дрожь.

— Принесла тебя нелегкая, сказалъ онъ самому себѣ: — только мы крылышки-то тебѣ пообрѣжемъ. Даже Степанида Львовна приняла Настеньку съ какимъ-то принужденіемъ, что не скрылось отъ Вѣры и больно отозвалось въ ея любящемъ сердцѣ.

«Кто изъ насъ ошибается,» подумала она: — «неужто я? Ихъ трое противъ, я одна за нее. Кто изъ насъ ошибается?»

V.

Заглянемъ въ тотъ домикъ, куда кучеръ Волынкина хотѣлъ завезти его, на что баринъ крикнулъ: «мимо!» Войдя со двора на маленькое крылечко и не обративъ особеннаго вниманія на весьма чистую переднюю, войдемъ въ комнату, снабженную тремя окнами и называемую залой. Эта комната оклеена очень темными зелеными обоями съ золотыми по нимъ разводами и обильно заставлена прекрасной мебелью, обитою зеленымъ бархатомъ. Окна и двери драпированы такимъ же бархатомъ, что придаетъ ком-

натѣ како-той строгій и мрачный видъ. Вторая комната въ два окна, которою кончается домъ, какъ будто для контраста съ первою, имѣетъ какой-то веселый и отрадный видъ; стѣны этой комнаты сверху до низу обиты розовымъ атласомъ, простеганнымъ на ватѣ; золоченая мебель со спинками въ видѣ медальоновъ, обита розовымъ же атласомъ, съ натянутымъ по немъ кружевомъ. Въ углу небрежно брошенъ небольшой кругловатый столикъ, одѣтый въ розовую же юбку, обшитую кружевами; на столикѣ стоятъ: зеркало въ серебряной оправѣ и такія же туалетныя вещи; зеркало поддерживается двумя витыми серебряными столбиками; кружевное полотенце закрываетъ зеркало до половины и, придержанное съ двухъ сторонъ столбиками, длинными концами падаетъ до полу. Въ противоположномъ углу роскошно раскинулось огромное дерево камеліи, усыпанное розовымъ цвѣтомъ. Кружевныя занавѣски оконъ скупо дѣлятся свѣтомъ съ вѣтками камеліи.

Толстый ковёръ, представляющій смѣсь фруктовъ и цвѣтовъ, покрываетъ весь полъ въ комнатѣ.

На подоконникахъ лежатъ атласныя розовыя подушки, предохраняя отъ сырости прелестную обитательницу этого гнѣздышка. Она сидитъ на диванѣ, грустно склонивъ головку и упершись локоткомъ въ маленькій мозаиковый столикъ. Она высокаго роста, худенькая и стройная; густые черные волосы, небрежно поднятые кверху и завязанные въ одинъ огромный узелъ, открываютъ небольшой выпуклый лобикъ и нѣсколько плоскіе виски; огромные глаза этой женщины, осѣненные темными рѣсницами, смотрятъ какъ то безстрастно на окружающіе ея предметы; густыя черныя брови, расположенныя прямо и почти соединенныя на переносицѣ, широкой полосой дѣлятъ ея личико на двѣ неравныя части; смуглое личико этой женщины кажется еще смуглѣе отъ едва замѣтнаго пушка, покрывающаго ея щечки; легкій, едва замѣтный намекъ на что-

то такое, напоминающее усъ, покрываетъ ея верхнюю губку. Эта женщина, задумавшись, улыбается грустною тревожною улыбкою;—при этомъ двѣ рѣзкія складочки образуются на каждой сторонѣ ея щечекъ, а два ряда зубовъ блестятъ въ пунцовой рамкѣ свѣженькихъ и нѣсколько выпуклыхъ губокъ. Эта женщина хороша, даже очень хороша, но въ ея улыбкѣ, въ ея бровяхъ особенно, есть что-то такое, что заставляетъ невольно трепетать и бояться; въ быстрыхъ и угловатыхъ движеніяхъ ея худенькихъ рукъ видно столько силы и энергіи, а между тѣмъ эта женщина страдаетъ.

— Не былъ, говоритъ она самой себѣ: — ни вчера, ни сегодня не былъ. Въ театрѣ то же не былъ; я танцовала венгерскую польку; эта шапочка такъ шла ко мнѣ, я надѣвала всѣ свои брилліанты, для него надѣла, и онъ не былъ. Мнѣ хлопали, меня вызывали. Безумные! Я улыбалась партеру, и онъ принялъ эту улыбку на свой счетъ: онъ не понялъ, сколько въ этой

улыбкѣ было горечи и страданій. Публика! Она воображала, что я, увлеченная ея пріемомъ, превзошла себя, она думаетъ, что я люблю искусство. Какъ она ошибается! Что мнѣ публика? Что мнѣ искусство? Цѣль, средство нравиться и нравиться только ему одному.

И дѣйствительно она любила его не за то, что онъ ей давалъ, не за роскошь, которою онъ ее окружалъ, она къ ней не привыкла, она ее не знала съ дѣтства, жила съ матерью на какомъ-то чердакѣ, въ холодѣ, голодѣ, получая восемь-сотъ рублей ассигнаціями жалованья на своихъ костюмахъ. Умерла мать, и она осталась одна, молодая и неопытная. Явился обольститель въ лицѣ несчастнаго офицерика, жившаго съ ней объ стѣну: дѣвочка поддалась обаянію его молодости, онъ сгубилъ ее, не любя и не страдая. Сгубилъ и уѣхалъ. Но Богъ съ нимъ! Онъ не видалъ, сколько слезъ она пролила— не объ немъ, конечно, она его не любила— о себѣ, о своей слабости. И вотъ, въ то самое время, явился онъ, стройный, прекрас-

ный, благородный и также несчастный: онъ также, какъ и она, недавно лишился матери, онъ также былъ одинокъ, какъ и она, но онъ только увлекся ею, а она его полюбила, полюбила такъ, какъ только разъ въ жизни можетъ любить женщина; но она не была его достойна. Однакожъ онъ привязался къ ней, окружилъ ее роскошью, далъ протекцію, изъ ничтожныхъ фигурантокъ вывелъ въ солистки, сдѣлалъ кумиромъ публики, душою балета. Было время, онъ просиживалъ съ нею цѣлые дни, отказывался отъ удовольствій свѣта, которому теперь жертвуетъ ею; было время, когда онъ ее слушался, какъ ребенокъ; было время и прошло. Какъ она счастлива была тогда! Какъ она была счастлива, сдѣлавшись матерью! «Вотъ», думала она :—«родилась новая связь между нами: это крошечное существо привяжетъ его еще болѣе ко мнѣ.» Но она ошиблась: онъ едва обращаетъ вниманіе на этого ребенка, едва удостоиваетъ его своей ласки и то только изъ состраданія

къ ней, видя, какъ ее убиваетъ его равнодушіе.

— Нѣтъ однако же, нѣтъ, вскрикнула послѣ долгаго молчанія молодая женщина: —не можетъ быть, чтобы онъ пересталъ любить меня—это не возможно. За что? Что я такое сдѣлала? Однакожъ онъ не ѣдетъ. Когда бывало, чтобы мы не видались по два дня? Что значатъ неясные намеки Анны Антоновны на какое-то сватовство, на какую то женитьбу? Неужто онъ женится, любитъ другую, любитъ свѣтскую дѣвушку? Несчастная! Но для чего жъ онъ не скажетъ мнѣ прямо? Вѣдь было же между нами условіе: сказать другъ другу прямо, что кто-нибудь изъ насъ увлеченъ новой страстью, не обманывать другъ друга. Быть обманутой имъ! Это ужасно! Да, нѣтъ—это не возможно! Я не допущу его до женитьбы, я не могу его допустить до этого. Положимъ, онъ можетъ бросить меня, но не смѣетъ отказаться отъ ребенка. Я защищу это невинное созданіе, если бы даже это мнѣ

стоило жисни. Я осрамлю его публично: я подамъ просьбу, надѣлаю шуму, я заставлю говорить всю Москву, но не позволю ему бросить моего сына! Въ это самое время изъ ближайшей комнаты къ гостиной раздался дѣтскій голосокъ и въ дверяхъ показалась полная женщина, повязанная платкомъ, съ курчавымъ бѣлокурымъ ребенкомъ на рукахъ.

— Колинька! вскрикнула молодая женщина: —мой Колинька! моя душка! мой пупка! мой прелестный!

Ребенокъ потянулся къ матери.

— Ты ко мнѣ идешь, жизнь моя, радость моя, ненаглядный мой, говорила женщина, принимая ребенка и осыпая его поцѣлуями.

— Гдѣ кормилица? спросила она ребенка: — И ребенокъ, оглядываясь, искалъ своими большими глазами стоявшую поодаль женщину.

— А гдѣ папаша? продолжала спрашивать женщина: папаша насъ забылъ, не ѣдетъ; гдѣ папаша?

И ребенокъ, съ колѣнъ матери поднявъ голову, уставилъ глазеньки на огромную картину, висѣвшую надъ ними и представлявшую молодаго человѣка въ охотничьемъ платьѣ.

— Ты знаешь, гдѣ папаша, сказала молодая женщина, цѣлуя ребенка: — погоди немного, онъ пріѣдетъ, привезетъ тебѣ игрушку. Вотъ тебѣ игрушка, мой милый, мой хорошій.

И молодая женщина, снявъ съ руки дорогой брослетъ, отдала его ребенку, который, крѣпко схвативъ его обѣими ручками, понесъ въ ротъ, а мать обратилась къ кормилицѣ.

— Одѣть Колиньку. Неравно Петръ Степановичъ будетъ, да онъ и навѣрное будетъ, и сама одѣнься, кормилица, а теперь возьми его.

Но ребенокъ не шелъ съ рукъ матери и громко заплакалъ, когда кормилица, взявъ его на руки, быстро ушла на ближнюю комнату.

Долго еще сидѣла одна молодая женщина; наконецъ раздался звонокъ, она бросилась къ окну, отъ окна въ двери.

— Онъ! сказала она и, выбѣжавъ въ залу, крикнула: Варвара, Варвара! скорѣй отпирай дверь, Петръ Степанычъ пріѣхалъ.

Варвара, существо рябое, съ бѣльмомъ на глазу, съ умысломъ взятое въ услуженіе, благодаря своему безобразію съ лишнимъ цѣлковымъ въ мѣсяцъ жалованья, побѣжала отворять дверь пріѣхавшему, а молодая женщина снова вошла въ гостиную и приняла на кушеткѣ весьма небрежную позу. Волынкинъ, быстро пройдя залу, развязно вошелъ въ гостиную.

— Здравствуй, Варинька, сказалъ онъ, садясь напервое кресло.

— Здравствуй! отвѣчала она, не глядя на него, не смотря на все свое желанье заглянуть ему въ глаза и совершенно натурально передавая равнодушіе.

— Ты здорова? спросилъ онъ ее послѣ молчанія.

— Благодарю васъ.

— Не зачто, отвѣтилъ онъ тѣмъ же тономъ, закуривая папироску.

— Ты сегодня выѣзжала? спросилъ онъ послѣ новаго молчанія.

— Нѣтъ.

— Была на репетиціи?

— Не было ея. Я вчера танцовала, вы это знаете? прибавила она.

— Зналъ, но не могъ пріѣхать.

— Не могли? Скажите лучше—не хотѣли.

— Нѣтъ, не скажу. Я хотѣлъ, но не могъ.

— Отъ чего же, желательно было бы знать?

— Дѣла у меня! Не могу же я, мой другъ, посвятить всю жизнь одному театру. У меня есть занятія, есть связи, знакомые....

— Старая пѣсня! прервала его Варинька:—я ее давно наизусть знаю.

— Если ты будешь дуться, замѣтилъ Волынкинъ:—я уѣду.

— Да ступай себѣ! вскрикнула Варинька. Кто тебя держитъ? Я тебя и такъ по цѣлымъ днямъ не вижу.

— Нельзя же мнѣ....

— Я и такъ все одна, да одна. Ужасно какъ весело: ждешь, не дождешься. И что же? пріѣдетъ на минуту, повертится....

— Вопервыхъ, я никогда не верчусь— я не мальчикъ, перебилъ ее Волынкинъ:— и не танцмейстеръ какой-нибудь.

— Пріѣдетъ на минуту, вступилась Варинька:—выкуритъ папироску и прощай. Да что это въ самомъ дѣлѣ? На что это похоже?

— Не могу же я....

— Скажи лучше: не хочу я сидѣть съ тобой, ты мнѣ надоѣла, мнѣ у тебя скучно, вотъ что скажи.

— Чѣмъ же я тебѣ это доказалъ? Каждую свободную минуту я посвящаю тебѣ.

— Мнѣ мало минуты. Три дня не ѣздитъ и пріѣдетъ на минуту.

— Вотъ пріѣхалъ же, вотъ сижу же у тебя полчаса.

Волынкинъ посмотрѣлъ на часы.

— А самаго такъ и подмываетъ. Ступай, я не держу тебя. Богъ съ тобой, Петруша, ты разлюбилъ меня, да ты и никогда не любилъ меня!

Обильныя слезы хлынули изъ глазъ Вариньки.

— Ну! сказалъ Волынкинъ: опять слезы! Это не выносимо! Ужасно весело—и такъ горя много, непріятностей бездна, дѣлъ то же—пріѣдешь усталый, думаешь отдохнуть, а ты вмѣсто того стрѣчаешь меня холодно, едва говоришь, плачешь.... это просто нестерпимо.

Волынкинъ заходилъ по комнатѣ, весьма довольный, что придрался къ бѣдному созданію, съ которымъ жаждалъ ссоры, чтобы имѣть какой-нибудь благовидный предлогъ къ разрыву.

— Еще бы мнѣ не плакать, быстро отирая слезы, сказала Варинька:—ты рыскаешь по Москвѣ съ утра до ночи, Богъ

знаетъ гдѣ ты бываешь, можетъ быть съ женщинами, кутишь может быть, проводишь, однимъ словомъ, весело свое время, а я все одна, да одна. День проходитъ— нѣтъ, другой нѣтъ, третій—это ужасно. Наконецъ пріѣдетъ. Вотъ, думаешь, онъ тебя приласкаетъ, скажетъ что-нибудь, разскажетъ—нетутъ-то было. Вѣдь я вижу, что я тебѣ въ тягость, ты принуждаешь себя, тебѣ неловко и скучно—я все вижу, Петруша.

— И очень ошибаешься, сказалъ онъ, не имѣя достаточно силы воли, чтобы однимъ словомъ покончить дѣло.

— Ну да чтожъ такое въ самомъ дѣлѣ, перебила его Варинька. Что я за несчастная такая! Ищи себѣ развлеченій—я не стану то же скучать—я тебя не стѣсняю, я тебѣ не навязываюсь. Я молода и хороша, да, я очень хороша и, конечно, легко найду себѣ утѣшителя. Смотри, Петруша, не доводи меня до отчаянія! Хуже будетъ, я тебѣ говорю.

— Угрозы! сказалъ онъ: — но кто же тебѣ мѣшаетъ привести ихъ въ исполненіе?

— И приведу.

— И приводи.

— Я знаю: ты только этого и хочешь. Такъ вотъ нѣтъ же, тебѣ не удастся: буду тебя любить, на зло тебѣ буду тебя любить. Не хочу никого, ни за что. Вотъ что!

— Ты ребенокъ, Варинька, капризный ребенокъ.

— А ты злой человѣкъ, Петруша, ехидный ты! лепетала она, прижимаясь къ нему.

Онъ поцѣловалъ ее въ щеку.

— У тебя не доброе на умѣ, Петруша, сказала Варинька послѣ молчанія: — признайся лучше....

Волынкинъ, вмѣсто всякаго отвѣта, поцѣловалъ ее снова.

— Скажи мнѣ, продолжала она, играя его черными волосами: — ты меня не любишь?

— Люблю, люблю, повторялъ Волынкинъ.

— Тебѣ, вѣрно, нравится другая?

— Какой вздоръ! говорилъ Волынкинъ.

— Ты влюбленъ въ какую-нибудь свѣтскую дѣвушку? да? признайся!

— Полно, Варинька, что за фантазія.

— Она, вѣрно, умна, образована, богата? Да? Петя? Не правда ли?

— Съ чего ты взяла это?

— Намъ съ такими куда ужъ тягаться, продолжала она:—мы хороши только на сценѣ, въ легкихъ юбкахъ, при свѣтѣ лампъ, подъ слоемъ бѣлилъ. Не такъ ли? Ну, да что же? Бросай меня, Богъ съ тобой! Только помни, Петруша, прибавила она другимъ тономъ, отходя отъ него и принимая угрожающую позу—помни, что у меня есть сынъ, что я имъ дорожу болѣе нежели собою, что я не позволю его бросить, забыть, насмѣяться надъ нимъ. Помни, Петруша, что я для сына не побоюсь ничего, я сдѣлаю то, чего ты и не воображаешь....

— Вотъ оно, мое положеніе, подумалѣ Волынкинъ.

— Что же ты молчишь? спросила егоВаринька.

— Что же я скажу? Я тебя слушаю, твой бредъ, твою горячку.

— Ты этого не сдѣлаешь, Петя?

— Я, кажется, не подавалъ повода сомнѣваться въ моей честности, Варинька.

— Боже избави! вскрикнула она:—но вотъ видишь ли, Петя, поневолѣ подумаешь—ты три дня не видалъ ребенка и не спросилъ объ немъ: ты его не любишь Петя.

— Съ чего же ты придумала? Не могу же я, какъ ты, няньчиться съ нимъ ежеминутно, ребенокъ такъ малъ еще. Что, онъ здоровъ?

— Слава Богу.

— Спитъ?

— Нѣтъ, гуляетъ. И представь себѣ, какой ангелъ: спросишь, гдѣ папаша? на твой портретъ смотритъ—понимаетъ....

постой, я сейчасъ принесу его. Какъ онъ на тебя похожъ, Петя, просто удивленіе. Я сію минуту. Кормилица! крикнула Варинька, и въ два прыжка очутилась въ спальной.

А Волынкинъ, оставшись одинъ, тяжело вздохнулъ и задумался. Вся эта сцена свинцомъ ложилась на его душу; каждое слово этой женщины, какъ иголкой кололо его сердце; каждая слеза тяжелымъ упрекомъ отзывалась въ его совѣсти. Тяжело, невыносимо тяжело было Волынкину, тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ всю правоту Варинькиныхъ требованій, всю законность ея ощущеній и всю безвыходность своего положенія въ отношеніи къ этимъ двумъ существамъ, съ которыми онъ, по слабости характера, по недостатку твердости убѣжденій, сковалъ всю жизнь свою неразрывными цѣпями. Но оглянемся мимоходомъ на прошедшее Волынкина. Съ самаго дѣтства, не зная отца, онъ росъ подъ надзоромъ матери, женщины нѣжной, чувствительной, робкой и застѣнчивой, жен-

щины, посвятившей всю жизнь свою единственному сыну Петрушѣ и религіи. По цѣлымъ ночамъ молилась эта женщина, молилась о сынѣ. Она, первая учила его молиться, впослѣдствіи вѣровать. И дѣйствительно, религіозныя начала глубоко вкоренились въ сердцѣ юноши. Онъ перенялъ у матери всѣ ея наклонности, вкусы, идеи, понятія, присвоилъ себѣ даже взглядъ ея на жизнь и общество. Вполнѣ развитое сердце, образованный умъ при поверхностномъ, но обширномъ образованіи—все это было дѣло заботъ и стараній матери. Однакожъ юноша, ставъ молодымъ человѣкомъ, присвоилъ себѣ навсегда какую-то женственность, не идущую къ мужчинѣ. Онъ былъ робокъ, застѣнчивъ, чувствителенъ до излишества, чрезвычайно воспріимчивъ и, главное, малодушенъ: часто, сознавая, что дѣлаетъ дурно, Волынкинъ не могъ заставить себя поступать иначе, пересилить натуры. Недостатокъ силы воли, недостаточность или, лучше сказать, шаткость убѣжденій, постоянно всю жизнь застав-

ляли его играть какую-то второстепенную роль. Ему всегда нуженъ былъ менторъ въ жизни, ему необходимо было подчиняться кому бы то ни было: матери, другу, любовницѣ. Это поклоненіе, это моральное рабство онъ называлъ преданностью, дружбой, любовью. Такъ часто стараемся мы благовидными побужденіями прикрыть не совсѣмъ благовидные поступки. Настроенный такимъ образомъ, Волынкинъ могъ погибнуть, избравъ своимъ кумиромъ какого-нибудь не достойнаго льва, негодяя, одного изъ тѣхъ презрѣнныхъ, заклейменныхъ печатью всеобщаго подозрѣнія въ какомъ-нибудь нечистомъ дѣлѣ, въ преступленіи даже, одного изъ тѣхъ, которые, не смотря ни на что, благодаря кошельку, полному червонцевъ, являются въ обществѣ, гордо поднявъ голову и нагло издѣваясь надъ правдой, совѣстью и честью. Этотъ олицетворенный порокъ, это недоказанное и скрытое преступленіе не рѣдко встрѣчаются въ обществѣ въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, вмѣсто цѣпей,

сермяги, кружка на спинѣ и бритаго затылка. Мать слѣдила за Волынкинымъ. Ея вліяніе спасло его отъ погибели; впрочемъ чувства долга и чести были въ немъ слишкомъ развиты: онъ не былъ способенъ на грязный поступокъ, онъ легче поддавался обаянію женщины, а женщина, какъ бы ни была дурна и порочна, все-таки лучше такаго мужчины, который посвѣтилъ всю жизнь интригѣ, умѣнью жить на чужой счетъ и для достиженія своихъ цѣлей побѣждать всякія преграды. Волынкинъ, кончивъ курсъ въ Университетѣ, поступилъ на службу и показался въ свѣтѣ. И та и другой ему улыбнулись, но скоро наскучили. Онъ уѣхалъ за границу. Мать Волынкина, не будучи въ состояніи, по болѣзни, сопутствовать сыну, но зная его характеръ, поручила его прежнему воспитателю-французу, другу ихъ дома, который изъ дружбы къ Волынкинымъ, согласился сопуствовать молодому человѣку. Волынкинъ, привыкшій къ нему съ дѣтства, былъ очень радъ такому товариществу. Оно то

и спасло молодаго человѣка отъ соблазновъ заграничной жизни вообще, а парижской въ особенности.

Два года пробылъ Волынкинъ за границей; вернувшись, узналъ о смерти отца и поспѣшилъ въ Кострому поклониться его могилѣ. Тамъ, впервые, послѣ двухъ лѣтъ отсутствія, обнялъ онъ свою больную, исхудалую и блѣдную мать. Они такъ любили другъ друга, что, казалось, пережить одинъ другую не могли. Они плакали отъ радости, и горя; они свидѣлись на могилѣ человѣка, имъ хотя и близкаго, но чужаго. Однакожъ они горячо объ немъ молились. А между тѣмъ, среди этой молитвы улыбка удовольствія, невольно внушенная блаженствомъ свиданія, посылалась другъ другу. И все это на могилѣ! Провидѣніе, казалось, стояло въ эту минуту между ними и, указывая на свѣжій дернъ, говорило: не радуйтесь, мнѣ угодно разлучить и васъ, разлучить навѣки, это необходимо: вы любите другъ друга, вы не вѣрите въ возможность раз-

луки, пускай же одинъ изъ васъ смирится, пусть извѣдаетъ милосердіе Божіе, посылающее ему свой тяжелый крестъ, пусть носитъ онъ его безропотно, пусть молится и плачетъ: Блажени плачущіе.... И дѣйствительно чрезъ годъ Волынкинъ лишился матери, лишился внезапно. Такъ часто громъ, ударяя съ неба, однимъ ударомъ крушитъ молодое, стройное дерево, и оно, опаленное, клонитъ долу свою вершину, но корень живъ еще, вершина засыхаетъ, снизу идутъ новые отпрыски, жизненныя силы вытягиваютъ ихъ, они мужаютъ и снова ждутъ грозы и молніи. Волынкинъ былъ въ отчаяніи, сознавая вполнѣ свое одиночество. Но несчастный, оплакивая мать, не плакалъ ли онъ о себѣ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, самое искреннее проявленіе грусти, самыя завѣтнѣйшія горчайшія слезы не что иное, какъ проявленіе эгоизма? Если это такъ— это ужасно! Ужасно потому, что врядъ ли есть человѣкъ, достаточно религіозный, который, испытавъ жесточайшую изъ ут-

ратъ, сознавая весь ужасъ своего положенія, не позволилъ бы себѣ произнести ни одной жалобы, пролить ни единой слезы и только съ твердымъ упованіемъ, съ несокрушимою вѣрою сказалъ бы: Господи, благодарю Тебя!

Много и долго плакалъ Волынкинъ; слезы облегчали страданія, но онъ затворился въ своей котнатѣ, не принимая никого, никуда не показываясь. Докторъ предписалъ ему разсѣяніе; но только спустя полгода Волынкинъ позволилъ себѣ навѣстить нѣсколькихъ короткихъ друзей, жившихъ на дачѣ. День былъ свѣтлый, жаркій іюльскій. Послѣ прогулки вечеромъ друзья Волынкина затащили его почти насильно послушать оркестръ какого-то нѣмца, игравшій въ саду, окружившемъ огромное строеніе, наименованное воксаломъ. Нéхотя, машинально послѣдовалъ Волынкинъ за товарищами. Народу было бездна; небольшое пространство сада пестрѣло разноцвѣтными фонарями; афиша хитраго

нѣмца обѣщала итальянскую ночь, блистательный фейерверкъ, воздухоплавателей и проч. Въ толпѣ дамъ находилась знакомая всей московской молодежи женщина, извѣстная подъ именемъ Анны Антоновны, важно и плавно выступавшая по дорожкамъ, ведя поъ друку молоденькую дѣвушку, одѣтую въ черное барежевое платье. Дѣвушка была въ траурѣ; на хорошенькомъ личикѣ ея видны были слѣды недавнихъ слезъ; прозрачная блѣдность покрывала ея и безъ того смуглыя щечки. Молодые люди, непропускавшіе ни одного женскаго лица безъ приличнаго на счетъ его замѣчанія, были поражены замѣчательной красатой дѣвушки. Волынкинъ то же былъ ею заинтересованъ: первое, что его поразило, былъ траурный нарядъ дѣвушки. Но она была съ Анной Антоновной, которую всѣ знали, стало-быть этого было довольно, чтобы, сдѣлавъ не весьма выгодное для дѣвушки объ ней заключеніе, узнать, кто она такая. Молодые люди обступили Анну Антоновну; явилось шампанское и зна-

комство завязалось. Бутылка смѣняла другую; разговоры стали шумнѣе и свободнѣе; только Волынкинъ грустнымъ взглядомъ обмѣнивался съ не менѣе грустнымъ взоромъ молодой дѣвушки. Они съ первой встрѣчи почувствовали состраданіе другъ къ другу, оба они были такъ молоды и такъ грустны, оба, казалось, недавно понесли тяжелыя утраты, оба случайно находились пропитанные своею грустью среди шумнаго веселья, оба глядѣли дико на ликующую толпу, обоимъ было неловко, у обоихъ было одно желаніе скорѣе бѣжать къ себѣ и тамъ, наединѣ, предаться воспоминаніямъ. Волынкинъ завелъ разговоръ съ своей сосѣдкой на эту тэму. Она отвѣчала просто, неглупо и тепло. Волынкинъ увлекся, готовый сочувствовать всякой грусти. Въ эту самую минуту, невдалекѣ отъ того столика, гдѣ они сидѣли, внезапно вспыхнулъ на березѣ ярко-красный бенгальскій огонь и розовымъ своимъ оттѣнкомъ далеко освѣтилъ окружавшіе ихъ предметы. Волынкинъ взгля-

нулъ на молодую дѣвушку: огонь падалъ прямо на ея блѣдное личико, обдавалъ всю ея стройную фигуру, но, исчезая въ черныхъ складкахъ траурнаго платья, образовывалъ вокругъ нея свѣтлое сіяніе. Дѣвушка была очень хороша въ эту минуту: точно темное таинственное видѣнье на ясномъ огненномъ полѣ. Впечатлительность Волынкина облекла это обстоятельство въ слишкомъ поэтическую форму и зародышъ чувства принималъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры въ сердцѣ молодаго человѣка Минута, и огонь потухъ, но не потухла искра любви, заброшенная въ душу дѣвушки. Говоря другъ съ другомъ, молодые люди не видали фейерверка, не слыхали треска ракетъ. Анна Антоновна была въ восхищеніи, а друзья Волынкина радовались, что онъ нашелъ себѣ наконецъ *развлеченіе*. Этотъ вечеръ рѣшилъ многое. Волынкинъ узналъ, что дѣвушка живетъ у Анны Антоновны, по добротѣ своей пріютившей у себя сироту, и получилъ не только позволеніе, но даже приглашеніе пріѣхать

навѣстить ее. Анна Антоновна, обрусѣвшая нѣмка, блистала съ-молоду, мѣняла обожателей по мѣрѣ ихъ разоренія, бросала деньги и не была чужда мысли о будущемъ. Перейдя за сорокъ, послѣднюю границу женской молодости, и привязавъ фальшивую косу, она отказалась отъ побѣдъ, и процентами съ небольшаго скопленнаго капитальчика, да услугами стараго поклонника ея увядающихъ прелестей, зажила чуть-чуть не барыней, окруживъ себя молодыми женщинами въ родѣ Вариньки и обставя ихъ молодежью высшаго круга. Нѣжное сердце увлекало Анну Антоновну, и она покровительствовала влюбленнымъ. Патріархальность Анны Антоновны росла съ каждымъ годомъ. Имя ея гремѣло. Волынкинъ поѣхалъ къ Аннѣ Антоновнѣ.... судьба дѣвушки была разсказана доброю женщиной съ свойственнымъ ей совершенствомъ: она не жалѣла красокъ, не щадила эффектовъ, создала цѣлую драму; къ тому же дѣвушка нравилась Волынкину: онъ готовъ былъ всему вѣрить, поэтому-

руя ея положеніе, облекая его въ идеальныя формы. Дѣвушка, съ своей стороны, полюбила Волынкина, полюбила, къ несчастію, искренно и глубоко, не принимая въ расчетъ ни его богатства, ни слабаго характера, о чемъ Анна Антоновна безпрестанно напѣвала ей въ уши, и отдалась ему скоро, вполнѣ, безъ думъ и оглядокъ. Эта дѣвушка была та самая Варинька Мордкина, которую мы встрѣчаемъ теперь въ небольшомъ, но роскошномъ гнѣздышкѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, любящую и ревнующую, счастливую и несчастную въ одно и то же время.

Недолго блаженствовалъ Волынкинъ съ Варинькой. Онъ скоро сознаъ ошибку, скоро понялъ, что чувство къ ней не было любовью. Съ первыми же признаками интереснаго положенія Вариньки, всякое очарованіе испарилось: Волынкину было и смѣшно и жалко. Не доставало только рѣшимости: бросить Вариньку въ такую минуту—онъ считалъ недостойнымъ себя, а продолжать связь—тягостнымъ. Понятно,

что извѣстіе о женитбѣ одного пріятеля обрадовало Волынкина и онъ, съ радостью принявъ предложеніе быть шаферомъ, уѣхалъ въ Петербургъ, надѣясь этой кратковременной разлукой пріучить Вариньку къ другой, вѣчной. Съ такими чувствами пріѣхалъ онъ въ Петербургъ и поселился на-время въ тѣсной комнаткѣ, которую предложилъ ему одинъ родственникъ. Сердце молодаго человѣка, давно свободное, жаждало впечатлѣній, воспріимчивость была раздражена и впечатлѣніе явилось. Ничтожное обстоятельство, бездѣлица, случай—назовите, какъ хотите—только въ тѣсныхъ стѣнахъ своей комнаты молодой человѣкъ переживалъ счастливыя поэтическія минуты. Этой тѣсной комнатки онъ не промѣнялъ бы тогда на богатѣйшій салонъ какого-нибудь вельможи. Но что же было съ нимъ такое? Ничего особеннаго, ровно ничего, обстоятельство обыденное, но настроеніе было нервное, воображеніе разъигрывало свои варіаціи, любопытство свои, душа жаждала чего-то,

стремилась къ чему-то: Волынкинъ былъ молодъ и несчастливъ. Но въ это время въ Москвѣ являлся на свѣтъ Божій новый гость міра, новая живая связь между Волынкинымъ и Варинькой, слабымъ крикомъ предъявлявшій права свои на ея прочность. Извѣстіе, что Варинька больна, что Варинька умираетъ, преувеличенное Анной Антоновной, поразило Волынкина. Оставить умирающую и любившую его дѣвушку, мать его ребенка на произволъ судьбы, онъ не могъ, и вернулся въ Москву, гдѣ скоро втянулся въ прежнюю колею своей жизни. Но воспоминаніе о тѣсной комнаткѣ у родственника все чаще и чаще напоминало ему поэтическія минуты; Волынкинъ смѣялся часто надъ самимъ собой, укрекалъ въ мечтательности, но тѣмъ не менѣе съ каждымъ днемъ глубже и глубже сознавалъ свое настоящее положеніе. Но въ эту самую минуту болѣе, нежели когда нибудь мгновенное ослѣпленіе Волынкина прошло: онъ давно созналъ всю ложность того пути, по которому онъ по-

шелъ, и жадно желалъ своротить съ него всторону. Давно сознавъ ошибку, онъ былъ убѣжденъ, что эта женщина не удовлетворяетъ его моральныхъ требованій; но зайдя такъ далеко, онъ не могъ вовремя остановиться Онъ чувствовалъ, что смотрѣлъ на эту женщину съ слишкомъ поэтической точки зрѣнія, что онъ черезъ мѣру надѣля ее роскошью, слишкомъ возвысилъ въ одномъ только своемъ мнѣніи, но все-таки не поставилъ въ уровень съ собою: бездна, ихъ раздѣлявшая, была слишкомъ велика. Охлажденіе приходило постепенно. Наконецъ явилась Вѣра; онъ увидѣлъ ее, полюбилъ и тутъ только сознаъ возможность истиннаго счастья, тутъ только проснулось истинное чувство, давно дремавшее на днѣ души его: ему стало тяжело, невыносимо грустно, и онъ не зналъ, что дѣлать, куда дѣваться.

— Вотъ онъ, мой красавецъ! сказала Варинька, показываясь въ дверяхъ гостиной съ ребенкомъ на рукахъ, котораго

высоко взбрасывая надъ собою, подносила къ Волыкнину.

— Посмотри на него, продолжала она: — смотри, улыбаетя, зто онъ тебѣ, Петруша, улыбается, онъ тебя знаетъ. Гдѣ папаша? обратилась она къ ребенку, который смотрѣлъ въ другую сторону: — гдѣ папаша?

Ребенокъ поднялъ глазки кверху и искалъ на стѣнѣ картину.

— Куда смотришь, сказала Варинька, обращаясь спиной къ портрету: — вотъ папаша, вотъ онъ, поцѣлуй папашу.

И она, наклонясь, приближала ребенка къ Волынкину, который слегка потрепалъ его по пухлой розовой щечкѣ.

— Поцѣлуй же его, Петруша, приласкай. обними, посади на колѣна.

— Нѣтъ, нѣтъ, быстро перебилъ ее Волынкинъ: — я боюсь уронить, я не умѣю обращаться съ дѣтьми: мнѣ всегда становится страшно, когда я долженъ ихъ брать на руки.

— Папаша не хочетъ тебя ласкать, Колинька, обратилась она къ ребенку: ну, я тебя приласкаю. Давай прыгать моя, радость!...

И она снова стала пестать ребенка, который заплакалъ.

— Что ты! что ты, моя радость? Ну, я не буду. Ты спать хочешь? баяньки хочешь? Ну, бай, дитя мое, бай, мое милое....

Она положила ребенка на руки и стала закачивать, повторяя:

— Бай, дитя мое, ба.... а.... ай....

Ребенокъ скоро заснулъ, и Варинька осторожно передала его на руки заглянувшей-было въ гостиную кормилицѣ.

— И этого ангела ты не любишь! сказала Варинька Волынкину, когда они остались одни: —этого ангела ты когда-нибудь бросишь, забудешь....

— Никогда, перебилъ ее Волынкинъ: — знай это напередъ и будь увѣрена. Если бы намъ и суждено было разстаться, я,

конечно, не оставлю ни тебя, ни его безъ куска хлѣба.

— Да, Петруша, хорошо, если мы разстанемся друзьями.

— А какъ же иначе?

— А что если, вдругъ, тебѣ наговорятъ на меня, ты приревнуешь.

— Я? спросилъ Волынкинъ.

— Или прикинешься ревнивымъ изъ одного желанія избавиться отъ наскучившей женщины.

— Ты, значитъ, меня мало знаешь, Варинька.

— Бросишь, продолжала она, не слу шая его:—бросишь и ничего не дашь.

— Это было бы подло, сказалъ Волынкинъ.

— Жестоко, Петруша. Ну, положимъ, я не стою ни любви твоей, ни вниманія, я въ годъ и два мѣсяца не имѣла случая доказать тебѣ моей преданности, хоть я ее не разъ доказывала: жила съ тобою въ деревнѣ, никого не видала и многое другое, положимъ, что это все пустяки,

что это была моя обязанность; но мой ребенокъ, чѣмъ же онъ виноватъ, несчастный, что онъ тебѣ сдѣлалъ, за что его бросать на произволъ судьбы безъ крова и пристанища?

— Ты говоришь такъ, Варинька, какъ будто я тебя уже дѣйствительно бросилъ.

— Я говорю къ примѣру, Петруша. Но я увѣрена, что ты этого не сдѣлаешь. Да? Обѣщай мнѣ, что поздно ли, рано ли, какъ бы мы ни разстались, хорошо ли, дурно ли—ты обезпечишь моего ребенка.

— Будь увѣрена.

— Что же ты дашь ему? Сколько?

— Сколько могу.

— А, Петруша, это не отвѣтъ. Ты, пожалуй, дашь тысячу рублей и скажешь: я больше не могу.

— И ты, Варинька, говоришь что ты меня любишь!

— А что?

— Истинная любовь основана на уваженіи, а ты меня не уважаешь.

— Я тебя не уважаю! вскрикнула она. Я, кажется, дѣлаю все, что ты ни прикажешь: остаюсь дома для тебя, не ѣзжу туда, куда ты не желаешь, въ маскарадахъ не бываю, къ себѣ никого не принимаю.... Какъ же еще уважать тебя? Скажите, я его не уважаю....

— Я не въ томъ смыслѣ говорю, Варинька. Сомнѣваться въ человѣкѣ — значитъ не уважать его. Не торговаться же мнѣ съ тобой. Я дамъ, что могу. Почемъ я знаю, можетъ быть твои желанія неисполнимы.

— Э! полно, Петруша, ты такъ богатъ.

— Меньше, нежели всѣ думаютъ. Конечно, я имѣю хорошія имѣнія, но они заложены, капиталовъ у меня нѣтъ. Право, дѣла мои не въ блестящемъ положеніи.

— Однакожъ, Петруша, сколько ты думаешь отложить на долю моего ребенка?

— Право, я не знаю. Да что объ этомъ говорить: онъ такъ малъ еще. Много ли ему надо? Мы еще молоды, цѣлая жизнь

впереди. Я и разставшись съ тобою, не потеряю тебя изъ виду; мои конторы будутъ тебѣ доставлять ежемѣсячно или по третямъ приличное содержаніе.

— Э! нѣтъ, братъ, быстро перебила его Варинька:—это дудки! Возись тогда съ конторами, да кланяйся. Нѣтъ, покорно благодарю. Хорошо, какъ онѣ станутъ платить, а какъ нѣтъ, что тогда дѣлать? Ты еще, пожалуй, женишься, да еще какая жена попадется, можетъ быть все къ рукамъ приберетъ, и тебя то же, тогда свисти въ ноготокъ, вѣдь не судиться же съ ней. А если—чего Боже сохрани, отъ слова не сдѣлается—да ты умрешь, Петруша, вотъ и пошла я по міру.

Невольная дрожь передернула плечи Волынкина.

— Кто знаетъ, сказалъ онъ:—кому изъ насъ дольше жить суждено?

— Это такъ, отвѣтила она:—а все-таки, на всякій случай лучше положить капиталъ въ Опекунскій Совѣтъ—и тебѣ покойнѣе, и мнѣ веселѣе. Да, миленькій, ты

положишь? Я много не требую, я не хочу раззорять тебя, я не хочу, чтобы говорили про меня дурно, а такъ бездѣлицу, тысячъ пятнадцать серебромъ тебѣ бросить ничего не значитъ.

— Ты думаешь?

— Ну, конечно. А то самъ посуди, каково мнѣ будетъ видѣть чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда ты женишься и у тебя будутъ дѣти, положимъ, какъ они въ бархатѣ, соболяхъ, поѣдутъ съ гувернантками въ каретѣ, а мое ненаглядное дѣтище пойдетъ пѣшкомъ, въ ситцевой рубашенкѣ, въ козловыхъ башмаченкахъ, мое дитя, которое родилось въ роскоши, которое у груди носило батистъ и кружева, и вдругъ стало чуть не нищимъ, оборваннымъ, ничтожнымъ. Нѣтъ, Петруша, воля твоя—это было бы ужасно! Я этого не позволю. Обезпечь моего ребенка, иначе я подамъ просьбу, надѣлаю сраму и тебя заставятъ сдѣлать по моему.

— Ну хорошо, хорошо, увидимъ, сказалъ Волынкинъ, вставая и взявъ шляпу.

— Куда же ты? вскрикнула она: — ты не останешься со мной?

— Не могу сегодня.

— Какъ вчера, какъ третьяго дня.

— Никакъ не могу.

— Куда же ты ѣдешь?

— Къ однимъ знакомымъ.

— На вечеръ?

— Да.

— Оттуда заѣдешь?

— Не знаю, если не поздно будетъ.

— Все равно, я буду ждать тебя. Или нѣтъ, останься теперь: подари мнѣ хоть одинъ вечеръ, Петруша, голубчикъ.

— Не могу, мнѣ очень жаль.

— Ну если ты меня любишь?

— Ей Богу не могу.

— Останься. Я заплáчу, я разсержусь! Петруша, душка, докажи, что любишь.

— Нѣтъ, твердо и рѣшительно сказалъ Волынкинъ: я долженъ ѣхать и поѣду; прощай!

Онъ быстро вышелъ изъ комнаты, а Варинька бросилась въ кресло и крикнула ему вслѣдъ:

— Хорошо же, Петръ Степанычъ, пеняй на себя, если я тоже буду искать развлеченій и найду ихъ.

Но Волынкинъ не слыхалъ этой фразы, онъ уѣхалъ. Вліяніе Вѣры пересилило ослабѣвавшее постепенно вліяніе танцовщицы.

— Къ Струйскимъ! сказалъ Волынкинъ кучеру, и сани, повернувъ изъ воротъ направо, какъ вихрь пустились вдоль по улицѣ.

«Нѣтъ, думалъ Волынкинъ: — надо кончить, кончить тамъ и тутъ. Не скажу Варинькѣ ни слова, иначе все погибло и только въ день свадьбы пошлю ей деньги и прощай! Надо будетъ заложить подмосковную.

VI.

Чрезъ недѣлю послѣ описанной сцены между Сермягинымъ и княгиней, городская почта—эта скромная посредница любящихъ сердцъ—доставила въ квартиру молодаго человѣка небольшое письмецо въ блѣднорозовомъ пакетѣ, запечатанномъ серебряною облаткой. Сермягинъ, съ нетерпѣніемъ распечатавъ пакетикъ, вынулъ изъ него записочку и прочелъ слѣдующее:

«Первая глава вашего романа, Поль, романа, которому суждено продолжаться всю жизнь вашу, кончена. Не знаю, какъ она подѣйствуетъ на васъ и какое чувство воз-

будитъ. Если точно вы любили женщину, которая наполнила собою эту первую главу, то между ею и второю останется, вѣроятно, значительтый пробѣлъ. Но я бы не желала этого. Забудьте меня, Поль, постарайтесь снова полюбить другую женщину, болѣе подходящую подъ уровень вашихъ понятій, вашихъ желаній и вашихъ лѣтъ. Мы ошиблись оба, но я позволю себѣ сдѣлать одно замѣчаніе: старайтесь не любить женщины старше васъ годами и опытомъ, не разбивайте ея увлеченія—какъ это было со мною—не заставляйте ее стыдиться самой себя, не надѣвайте халата! Прощайте, Поль. Я увѣрена, что при встрѣчахъ со мною вы будете осторожны—можно быть очень молодымъ и вмѣстѣ очень благороднымъ человѣкомъ. Впрочемъ, я съумѣю вліяніемъ моимъ, которое я еще, вѣроятно, сохранила, удержать васъ отъ всякихъ эксцентрическихъ, компрометирующихъ женщину выходокъ. И такъ, Поль, вините во всемъ свою моволодость, но вмѣстѣ съ тѣмъ

не старайтесь преждевременно состарѣться, какъ я; эта грустная пора придетъ сама собою, придетъ незамѣтно. Эти строки— шагъ къ разочарованію, а оно, доведенное до высочайшей степени, и есть преждевременная старость. Мнѣ 28 лѣтъ, Поль, а я по опытности гожусь вамъ въ матери. Постарайтесь обвинить меня, Поль, и дѣйствительно я во всемъ виновата. Что вы меня любили—это понятно, но ка́къ я могла увлечься избыткомъ молодости! Прощайте же, Поль, будьте счастливы!» Полина.

Сермягинъ смялъ письмо въ рукѣ и тревожно заходилъ по комнатѣ, потомъ подошелъ къ окну и какъ будто смотрѣлъ въ него, но, конечно, не видалъ противуположной стороны улицы. Прошло четверть часа; молодой человѣкъ отошелъ отъ окошка и бросился на диванъ, гдѣ, снова перечитавъ письмо Полины, закрылъ лицо руками. Но объ чемъ онъ сокрушался? О женщинѣ ли, потерянной навсегда, о неудавшейся ли попыткѣ обладать ею или о

возможности огласки ихъ сердечныхъ отношенiй, огласки, которая бы дала ему ходъ и вѣсъ въ обществѣ. Объ чемъ онъ сокрушался?

— Кончено! вскрикнулъ Сермягинъ, вскакивая съ дивана: — все конечно! Пропалъ! Окончательно пропалъ! Эта женщина могла бы любить меня, но я, дуракъ, не съумѣлъ взяться за это дѣло. Я думалъ, все устроится, я думалъ, она вернется. Нѣтъ, не вернулась. Правду говорила кузина, охъ, эта кузина!

Сермягинъ былъ очень озлобленъ на Дебелину за княгиню, которой, впрочемъ, то же доставалось.

— Я отомщу за себя! декламировалъ онъ, ходя по комнатамъ. Отомщу этой холодной женщинѣ: она вспомнитъ Сермягина. Да, Полина, я заставлю тебя также страдать, какъ ты заставила меня страдать этимъ письмомъ, — тогда мы будемъ квиты!

И съ этимъ словомъ онъ въ драматической позѣ остановился передъ зеркаломъ, отразившемъ его хорошенькую фигурку, об-

легченную въ тотъ же убійственный халатъ и осѣненную той же неумѣстной феской. Сермягинъ вспомнилъ сцену съ княгиней, и феска съ халатомъ полетѣли на полъ. Со злости юноша началъ одѣваться. Галстукъ развлекъ его вниманіе—бантъ не повязывался.

— Чертъ съ нимъ съ бантомъ! сказалъ Сермягинъ:—въ моемъ положеніи чѣмъ онъ небрежнѣе повязанъ, тѣмъ лучше.

— Сани! крикнулъ онъ, одѣвшись, и вышелъ на подъѣздъ.

Сермягину и на морозѣ казалось жарко.

— Ступай, сказалъ онъ кучеру туда, сюда, дальше, куда хочешь, а потомъ къ Дебелинымъ.

Сермягину хотѣлось освѣжить пылавшую голову.

Послѣ долгаго крейсированья по кривымъ, косымъ и прочимъ переулкамъ Москвы, сани его остановились у подъѣзда Дебелиныхъ. Настенька была одна дома. Аграфена Павловна уѣхала кататься.

— Это вы, Поль? сказала Настенька, когда молодой человѣкъ, блѣдный и разстроенный, шумно входилъ въ гостиную, цѣпляясь, по обыкновенію, за стулья: —вы, кажется, разстроены; садитесь, потолкуемъ.

— А вы, кузина, кажется, тоже не совсѣмъ здоровы, замѣтилъ съ злобною улыбкой Сермягинъ, садясь въ кресло, противуположное тому, на которомъ, небрежно изогнувшись, сидѣла Настенька.

Въ эту минуту Сермягинъ желалъ-бы быть чѣмъ-нибудь въ родѣ Мефистофеля.

— Да, Поль, сказала она: —я никогда не думала, чтобы я была способна вздыхать и охать. Я приписывала эту способность одной Вѣрочкѣ, а между тѣмъ... я не плачу, потому что ужъ слезъ больше нѣтъ.

— Да, кузина, это бываетъ, я тоже плакалъ! весьма драматически вздыхая, сказалъ Сермягинъ.

— Вы, Поль? это смѣшно; но когда я плачу, не до смѣху—я всю жизнь смѣялась.

— Конечно. Что-нибудь одно: смѣяться или плакать, плакать или смѣяться, замѣтилъ Сермягинъ.

И язвительная улыбка смѣняла другую.

— Вы, Поль, кажется, какъ будто не вѣрите, что я могу плакать?

— Нѣтъ, я вѣрю, съ досады—можете. . . .

И онъ расхохотался грохотомъ сценическаго злодѣя.

— Это почти правда. Но, Поль, вѣдь я люблю Волынкина. . . .

— Какое заблужденіе, кузина. Развѣ женщины умѣютъ любить?

— Горячо люблю, прибавила Настенька:—а онъ, помните, было время, онъ тоже любилъ меня. . . .

— То есть вамъ такъ кажется, вамъ пріятно думать такъ, а не иначе.

— Положимъ, что я заблуждалась, но онъ ухаживалъ же за мной.... и вдругъ.... другая.... и кто же? Она.

— Это все равно, не она, такъ другая.

— Промѣнять меня на нее! Вѣдь это насмѣшка! Гордость и самолюбіе мои оскорблены, я унижена!

— Ну что же, и прекрасно! вскрикнулъ Сермягинъ: что вы за исключеніе такое....

— Вы очень злы сегодня, Поль. Это къ вамъ нейдетъ.

— Я золъ? Я? Мнѣ все равно, увѣряю васъ....

И онъ опять расхохотался.

— Я такъ разочарованъ.

— Вы? давно ли?

— Такъ глубоко презираю женщинъ....

— Пощадите, Поль! Да что съ вами? Ахъ, Боже мой! не получили ли вы отставки въ сердцѣ княгини?

— Я никогда не искалъ въ немъ мѣста. Я шутилъ, я игралъ, а она повѣрила, и вы повѣрили.

— Не смѣйтесь, Поль. Смѣяться противъ воли вредно. Не обманывайте меня: вы разстались съ княгиней и теряете голову, но я ее не потеряю, Поль; а средство есть самое простое, самое обыкновенное.

— Вашего изобрѣтенія?

— Это умъ, Поль. Дѣйствуйте умно, тонко и все будетъ по вашему. Слово дѣйствуетъ, особенно, если оно сказано сильно и если этому слову подчиняются.

— Какъ Вѣра Васильевна? понимаю. Но вы, въ свою очередь, развѣ вы сами....

— Я? вскрикнула Настенька, прерывая его и засмѣялась.

— Не смѣйтесь! слово Волынкина для васъ было бы тоже закономъ. Потребуй онъ чегобы тони было, вы сдѣлаете все, не изъ любви къ нему, которой я не вѣрю, нѣтъ, изъ одного желанія сдѣлаться его женой и пріобрѣсть милліоны.

— Не знаю, Поль. И дай Богъ, чтобы я никогда не подвергалась такому испы танію. Да и чего можетъ желать отъ меня

Волынкинъ? мы такъ стали чужды другъ другу: онъ проводитъ цѣлые дни у Струйскихъ; онъ при мнѣ ежедневно оказываетъ Вѣрочкѣ такое вниманіе, что я изнываю отъ злости и ревности; онъ сталъ у нихъ въ домѣ такимъ короткимъ, такимъ своимъ человѣкомъ, что, конечно, эта короткость можетъ вести только къ скорой и непремѣнной свадьбѣ. Но эту-то свадьбу и надо разстроить, и разстроить какъ можно скорѣе. Я сегодня же хотѣла писать вамъ — вы очень кстати пріѣхали. Поль! сказала она, вставая и подавая ему руку: — нельзя терять времени ни минуты; я отъ васъ ожидаю большаго одолженія; хотите вы мнѣ его сдѣлать?

— Посмотримъ, сказалъ Сермягинъ — что еще изобрѣла ваша фантазія.

— Вы коротки съ Волынкинымъ. Будьте умны и какъ будто невзначай выпытайте признаніе и тогда осторожно намеками поселите въ немъ сомнѣніе, только одно сомнѣніе. Тономъ участія скажите ему вскользь что-нибудь, что хотите, какую-

нибудь нелѣпость на ея счетъ, онъ повѣритъ, что она ужь любила кого-нибудь, хоть васъ напримѣръ.... родится подозрѣніе... между ними произойдетъ размолвна, и пока онивновь помирятся, пройдетъ время, аего-то мнѣинужно. Высдѣлаете это, Поль?

Сермягинъ замялся и только послѣ долгаго молчанія, во время котораго Настенька не сводила глазъ съ него, сказалъ довольно твердо и рѣшительно:

— Кузина, помните одинъ вечеръ у васъ въ домѣ, я вамъ указалъ на мою роль въ свѣтѣ. Она и теперь за мной, другихъ не играю, таланта нѣтъ, извините.

— Богъ съ вами, грустно сказала Настенька, отходя къ окну. Будемъ говорить о другомъ. Давно вы видѣли Полину?

— На дняхъ.

— Ну и что же, Поль? Вы молчите? Вы со мной не откровенны.

— Пожалуй, я вамъ скажу, что она меня не любитъ. Легче вамъ отъ этого будетъ?

— Она любитъ другаго? вскрикнула Настенька.

— Не думаю... когда же было?... а впрочемъ кто знаетъ? ...

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— Я? ничего. Вѣдь я не вы.

— Вы — рыба, Сермягинъ, извините меня.

— Кузина , сказалъ съ чувствомъ Поль: —нашъ разговоръ измѣнилъ мое намѣреніе: она ни въ чемъ не виновата, виноватъ я одинъ, и если мнѣ можно мстить кому-нибудь, то конечно не ей. Вамъ, кузина, я долженъ былъ бы мстить, вы выпытали у меня тайну любви моей , вы воспользовались моей молодостью и довѣрчивостью — и для чего же? Чтобъ принести меня въ жертву вашему капризу, какъ будто вы не могли мнѣ прямо сказавь ваше желаніе, и Волынкинъ былъ бы у васъ. Теперь Полина узнала, что ея имя, связанное съ моимъ, было произнесено передъ вами; она узнала, что тайна ея сердца ввѣрена вамъ и, конечно, вмѣ-

сто всякой любви, почувствовал презрѣніе къ мальчишкѣ, желавшему можетъ быть похвастать благосклонностью такой женщины, какова княгиня. Вотъ что вы со мной сдѣлали, кузина!

Слезы слышались въ голосѣ молодаго человѣка. Настенька была поражена: она не нашлась, что сказать и стояла у окна, потупя голову.

— Но Богъ съ вами! вскрикнулъ Сермягинъ, вставая:—я вамъ прощаю, но не надѣйтесь на меня. Ищите себѣ другое орудіе, а я не гожусь: я мальчишка, вы сами это говорите, дайте же мнѣ возмужать. Тогда я, можетъ быть, помѣряюсь съ вами силами. А теперь.... Прощайте, кузина, кланяйтесь Аграфенѣ Павловнѣ, Богъ съ вами!

И молодой человѣкъ, слегка поклонившись, поспѣшно вышелъ. Когда онъ уставалъ играть свои роли и сердце брало верхъ надъ молодостью, Сермягинъ былъ добрымъ мальчикомъ.

— Все противъ меня, сказала Настенька: но средства еще не всѣ истощились. Попробую еще одно, не удастся—буду дѣйствовать прямо и откровенно.

Но услыхавъ, что карета Аграфены Павловны подъѣзжала къ подъѣзду, Настенька побѣжала въ свою комнату, надѣла шляпку, накинула мантилью и, совсѣмъ готовая выѣхать, вышла навстрѣчу къ входившей матери.

— Батюшки,-свѣты, говорила Аграфена Павловна:—вотъ устала-то. Отъ воздуха это, что-ли? Просто ногъ подъ собой не слышу. Нѣтъ, плохо! Старость совсѣмъ пришибла: въ ногахъ ломъ, въ бокахъ ломъ, въ спинѣ ломъ, вездѣ ломъ. Пойти прилечь. А ты это куда, моя радость? Къ Вѣрочкѣ что ли?

— Нѣтъ, maman, я хочу покататься.

— Ну, ступай, душечка, покатайся, нынче же день такой свѣтлый, морозитъ и солнышко—славная погода.

— Такъ, прощай, maman, я сейчасъ вернусь.

— Христосъ съ тобой, душа моя, ступай себѣ, а я пойду прилягу. Охъ, старость—не радость.

И Аграфена Павловна поплелась въ свою комнату, а Настенька, накинувъ салопъ, выбѣжала на лѣстницу.

— Къ княгинѣ Рогожской! сказала дѣвушка, садясь въ карету.

Колеса кареты заскрипѣли по снѣгу. Княгиня была дома. Она сидѣла въ одной изъ своихъ пріемныхъ комнатъ, роскошно убранныхъ и заставленныхъ всѣмъ, что только можетъ изобрѣсти фантазія богатой свѣтской женщины. Розовый плюшевый распашной капотъ выдавалъ ослѣпительную бѣлизну роскошно вышитой юбки. Княгиня еще не успѣла одѣться. Двойной звонокъ извѣстилъ ее о пріѣздѣ женщины, но каково было удивленіе княгини, когда въ ея комнату вошла Настенька и вошла одна.

— Это ты ли? сказала княгиня, бросая на столъ какой-то французскій романъ:— какими судьбами. Откуда? Одна?

— Maman слаба, не выѣзжаетъ, сказала Настенька, садясь около княгини: — я каталась и заѣхала къ тебѣ.

— Merci. А я одна цѣлое утро—такая скука!

— Это очень кстати.

— Что мнѣ скучно?

— Нѣтъ, что ты одна.

— А что?

— Такъ. Мнѣ нужно было тебя видѣть. Скажи мнѣ, прибавила она другимъ тономъ:—что новаго въ городѣ?

— Подумаешь, право, замѣтила княгиня—что ты вчера изъ Сибири?

— Нѣтъ, возразила Настенька:—я хоть и не изъ Сибири, но давно не выѣзжала—maman была больна. О чемъ же говорятъ?

— Да, разумѣется, о свадьбѣ Волынкина.

— Съ кѣмъ вскрикнула Настенька.?

Но княгиня вмѣсто всякаго отвѣта, громко засмѣялась.

— Съ кѣмъ же? нетерпѣливо повторила Настенька.

— Скажи мнѣ пожалуйста, сказала княгиня послѣ молчанія: —ты смѣешься надо мной, мистифируешь? На что вся эта комедія? Я не понимаю.

— Я ничего не знаю.... бормотала Настенька: — Волынкинъ женится..., на комъ же? Неужто?...

Настенька не могла выговорить имени Вѣры.

— Я понимаю твое волненіе, сказала княгиня: —ты до сихъ поръ не вѣрила возможности этого, потому что, между нами, Волынкинъ могъ бы сдѣлать лучшую партію. Но будь покойна — это гласно. Ты можешь радоваться, не компрометируя этой дѣвушки. Она, впрочемъ, миленькая, очень миленькая.

— Такъ это вѣрно! вскрикнула Настенька: —такъ объ этомъ говорятъ въ свѣтѣ? Волынкина женятъ на Вѣрочкѣ.

— А ее зовутъ Вѣрочкой, сказала Княгиня: —я и не знала — прекрасное имя. Впрочемъ я совсѣмъ не знаю этихъ Струйскихъ.

— Волынкинъ женится! вскрикнула Настенька.

— На Струйской, очень спокойно замѣтила княгиня: —это тебѣ должно быть очень пріятно: она твой другъ; отъто-го-то ты въ такомъ волненіи.

— Я? сильно спросила Настенька: —ахъ, Полина, какъ ты ошибаешься!

— Ты не рада счастію твоего друга? спросила княгиня.

Но Настенька въ свою очередь прервала ее смѣхомъ.

— Что съ тобою, Nastasie, ты вся дрожишь.

— Полина! вскрикнула Настенька: — Полина! я сама люблю его!

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила княгиня. Бѣдное дитя, какъ мнѣ жаль тебя.

— Этого мало, сказала Настенька: —ты должна помочь мнѣ.

— Въ чемъ, mon amie?

— Слушай, сказала Настенька: —Волынкинъ былъ мнѣ представленъ съ начала зимы Сермягинымъ....

— Я это знаю, невольно вырвалось у княгини.

— Я думаю, прервала ее Настенька: — Сермягинъ тебѣ человѣкъ такой близкій.

— Что ты хочешь этимъ сказать? вскрикнула княгиня.

— Объ этомъ послѣ. Слушай меня прежде. Я нравилась Волынкину сначала, онъ ухаживалъ за мной, и я кокетничала. Сто тысячь дохода и онъ, вотъ о чемъ я мечтала. Но время шло; не знаю какъ это сдѣлалось, помню только, что вслѣдствіе какой-то глупой пѣсенки Волынкинъ влюбился въ Вѣру и постепенно охладѣвалъ ко мнѣ. Свѣтъ ихъ женитъ, но свѣтъ долженъ ошибиться: онъ на ней не женится. Вотъ зачѣмъ я пріѣхала, вотъ что я имѣла сказать тебѣ; ты должна помочь мнѣ.

— Я? сказала удивленная княгиня: — но не знаю Струйской совершенно, Волын-
знаю очень мало, и мнѣ очень жаль
я, право, en conscience, ничего
зать.

— Не можешь, сказала Настенька, вставая: — но сдѣлаешь. Придумай что-нибудь, черезъ какую-нибудь знакомую передай Струйской какой-нибудь слухъ про Волынкина, какой-нибудь намекъ, и ему откажутъ, а я этого только и хочу, чтобы ему отказали, а тамъ со-временемъ увидимъ....

— Въ надеждѣ на пословицу, перебила ее княгиня! — **mais on revient toujours**....

— Ты, кажется, смѣешься, замѣтила Настенька; — я, право удивляюсь. Вспомни, Полина, что я имѣю нѣкоторое право почти требовать твоего содѣйствія моему намѣренію.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Разумѣется. Вѣдь Сермягинъ мнѣ родня.

— Поздравляю тебя съ радостью.

— Не будемъ играть словами, Полина; я знаю все.

— Это очень много, смѣяесь замѣтила княгиня.

— Не отшучивайся. Мнѣ Сермягинъ самъ выдалъ и свою и твою тайну.

— Я тебя не понимаю, сказала княгиня: — что Сермягинъ, какъ родственникъ, открываетъ тебѣ свои тайны — это я понимаю и извиняю за несовершеннолѣтіемъ, но какъ этотъ мальчикъ можетъ знать мои тайны — вотъ что удивительно.

— Ты очень умѣешь владѣть собой, Полина, но, не смотря на это, ты его любишь.

— Я? сказала княгиня и громко расхоталась: — я люблю Сермягина!

— Или любила. Это вѣрно, сильно сказала Настенька: — и никто меня въ этомъ не разувѣритъ.

— Если всѣ твои убѣжденія такъ же вѣрны, какъ это, замѣтила княгиня: — то я не могу тебя поздравить....

— Однакожь, прервала ее Настенька: — я видѣла твое съ нимъ обращеніе, ты ѣздила къ намъ для него — я очень хорошо понимаю — и не смотря на твою притворную холодность, я, какъ женщина, уга-

дала, что таится въ твоемъ сердцѣ. А что если я, какъ женщина же, намекну обо всемъ этомъ князю?

Княгиня громко захохотала.

— Послушай наконецъ, сказала она:— неужто ты весь этотъ вздоръ говоришь серьёзно? Вѣдь это не имѣетъ смысла. Предположимъ, впрочемъ, что я люблю Сермягина—хотя этого на дѣлѣ и нѣтъ— предположимъ, что я ѣздила къ вамъ съ цѣлью видѣть его, но гдѣ же на все это доказательства? Мужъ мой ревнивъ, это правда, но, вѣдь, онъ человѣкъ не глупый, онъ пойметъ наконецъ, что бездоказательное обвиненіе въ счетъ не ставится. Нѣтъ, дитя мое, борьба между нами неровна—ты напрасно ее затѣяла. Со временемъ ты будешь замѣчательнымъ дѣйствующимъ лицомъ на сценѣ свѣтской жизни, но теперь, извини меня, ты дитя, совершенное дитя, подающее впрочемъ большія надежды. Ты очень ошиблась; мнѣ, право, жаль тебя: ты думала испугать меня и только насмѣшила.

И съ этимъ словомъ княгиня дѣйствительно засмѣялась громкимъ продолжительнымъ смѣхомъ, а Настенька, сознавъ въ душѣ ошибку и негодуя на себя, подошла къ зеркалу какъ будто для того, чтобы поправить шляпку.

— Ахъ, Боже мой, вскрикнула какъ будто нечаянно княгиня, взглянувъ на великолѣпные бронзовые часы, стоявшіе на каминѣ: — четвертый часъ, а я еще не одѣта.

— Это, обратилась къ ней Настенька: учтивымъ образомъ сказано: прощай! ты мнѣ въ тягость.

— Можешь ли ты думать?

— Могу, сказала Настенька: —прощай, Полина. Забудь этотъ разговоръ, я брежу.... но, видишь ли, я люблю его. Прощай!

— До свиданія, крикнула княгиня, провожая дѣвушку взглядомъ обиднаго сожалѣнія.

Настенька, быстро сбѣжавъ съ лѣстни-

цы, бросилась въ карету и крикнувъ: «домой!» закрыла лицо руками.

— Съумасшедшая! сказала она:—что я надѣлала! Какой промахъ! Какой урокъ! Но будетъ же и на моей улицѣ праздникъ.

И съ этимъ словомъ Настенька повернула костяную пуговку, звонъ раздался внѣ кареты. Лакей соскочилъ съ козелъ и отворилъ дверку.

— Къ Струйскимъ! сказала ему Настенька, и карета приняла другое направленіе.

— Скажи маменькѣ, сказала Настенька лакею, выходя на подъѣздъ Струйскихъ: —что я обѣдаю здѣсь, пріѣзжай за мной въ 9 часовъ.

Волынкинъ сидѣлъ рядомъ съ Вѣрой на маленькомъ угольномъ диванчикѣ, когда Настенька вошла въ гостиную.

— Ну, не было печали, крикнулъ Сила Савичъ, игравшій съ Степанидой Львовной въ пикетъ.

— Не договаривайте! возразила старушка:—вѣчно эта дрянь у васъ на язы-

кѣ. — Четырнадцать королей! прибавила она другимъ тономъ.

— Ваши, отвѣчалъ Сила Савичъ и прибавилъ въ видѣ размышленія: —только было они, мои голубчики, усѣлись на диванчикѣ, нагрянула эта стрекоза, прости, Господи, грѣха. Извѣстно—не любо ей, да намъ-то что за дѣло?

А Настенька между тѣмъ съ обычной веселостью перебѣгала отъ Степаниды Львовны къ Вѣрочкѣ, по временамъ адресуясь къ Волынкину. Она не измѣнила себѣ ни на одну минуту и была вѣрна однажды навсегда принятой роли. Сила Савичъ до того сердился, что не обращалъ никакого вниманія на игру и проигрывалъ. Выразительные взгляды, которыми онъ перебрасывался иногда съ Волынкинымъ, не ускользнули отъ вниманія Вѣры. Замѣтно было, что Волынкинъ чѣмъ-то сильно озабоченъ, что его гнететъ что-то такое, чего онъ не рѣшается высказать, къ чему еще недостаточно приготовленъ. Это замѣшательство проявлялось и за обѣ-

домъ и послѣ обѣда, когда пробило 9 часовъ, а Настенька не думала уѣзжать, не смотря на то, что ей давно доложили о прiѣздѣ кареты.

— А вѣдь холодно на дворѣ, замѣчалъ Сила Савичъ: — лошадки-то ваши продрогли, сударыня, ну какъ, чего сохрани Боже, понесутъ, да и кучеръ, извѣстное дѣло, человѣкъ, то же, чай, замерзъ.

— Вы мудреный человѣкъ, отвѣчала она ему: — жалѣете о моемъ кучерѣ, а обо мнѣ нѣтъ.

— Да, вѣдь, морозъ-то извѣстное дѣло, на дворѣ, сударыня, а не въ комнатѣ, мерзнетъ вѣдь-то онъ, а не вы.

Однакожъ Настенька, твердая въ своемъ намѣренiи, замѣтно *высиживала* Волынкина, что тотъ, конечно, понялъ и въ свою очередь далъ себѣ слово высидѣть Настеньку. Однако жъ время шло, становилось поздно, и онъ, проклиная въ душѣ это существо, съ такимъ упорствомъ ставовившееся между имъ и Вѣрой, скрѣпя сердце, уѣхалъ послушный требованiямъ

приличія, не позволявшаго ему оставаться долѣе. Настенька торжествовала, но, прикинувшись не совсѣмъ здоровою, обратилась къ Вѣрѣ:

— Пойдемъ къ тебѣ на верхъ, сказала она Вѣрѣ:—мнѣ что-то не здоровится; есть у тебя eau de cologne?

— Пойдемъ, вскрикнула Вѣра:—что съ тобой? ты меня пугаешь.

— Нѣтъ, ничего—это пройдетъ, томнымъ голосомъ говорила Настенька, идя объ руку съ Вѣрой по лѣстницѣ:—голова что-то разболѣлась, это приливъ крови, это пройдетъ.

— Пойдемъ скорѣе, говорила Вѣра, увлекая за собою Настеньку, которая, войдя въ комнату, сдѣлала видъ, что не сѣла, а упала на диванъ, спрятавъ лицо въ подушку. Вѣра бросилась за склянкой eau de cologne.

— Дай, я тебѣ полью на голову, говорила она, но Настенька не отвѣчала.

— Что же съ тобою, ты мнѣ не отвѣчаешь, твердила Вѣра въ отчаяніи, ста-

новясь на колѣни около Настеньки: — не распустить ли тебѣ шнуровку, я позову дѣвушку.

— Нѣтъ, нѣтъ, быстро сказала Настенька: —не нужно звать никого—мнѣ легче.

— Ну, Слава Богу, шептала Вѣра, садясь съ ней рядомъ.

— Да, мнѣ легче, продолжала Настенька: — давича мнѣ точно камень легъ на грудь, я не могла вздохнуть свободно— такъ мнѣ было тяжело, а теперь, теперь я могу, по крайней мѣрѣ, плакать...

Настенька закрыла лицо платкомъ и сдѣлала видъ, что плачетъ.

— О чемъ же ты плачешь, душа моя?

— О себѣ, сказала Настенька, вытирая глаза: —эгоистки всегда плачутъ только о своемъ собственномъ горѣ. Ты, Вѣра, думала ли, что я то же могу плакать, какъ и другіе, болѣе другихъ, потому что я несчастнѣе всѣхъ на свѣтѣ.

— Что же случилось такое? Аграфенѣ Павловнѣ, кажется гораздо лучше, да и ты весь день была такая веселая.

— Я притворялась. Вѣра, если бы ты знала, чего мнѣ стоило это притворство, но горе пересилило и видишь: я плачу!

Она снова закрыла лицо платкомъ.

— Если бы ты знала, продолжала она послѣ молчанія: — чего мнѣ стоилъ этотъ день, ты не можешь понять моего положенія или не хочешь—одно изъ двухъ.

— Видитъ Богъ, сказала Вѣра:—что я тебя не понимаю.

— Ты не понимаешь, прервала ее Настенька:—что я то же могу любить и не знать взаимности.

— Возможно ли? Ты любишь? вскрикнула Вѣра.

— И какъ еще! продолжала Настенька: и кого, если бы ты знала!

— Кого же наконецъ? черезъ силу спросила Вѣра.

— Ты хочешь, чтобы я произнесла его имя? Изволь. Волынкина я люблю, Волынкина.

И обѣ дѣвушки, мгновенно ставъ съ дивана, разошлись въ разныя стороны.

— Ты любишь Волынкина? переспросила Вѣра послѣ молчанія.

— Теперь ты понимаешь, отозвалась Настенька: — что я выстрадала сегодня, видя его ласки, его вниманіе, его короткость съ тобою, что выстрадала сегодня по утру, когда мнѣ сказали о вашей предстоящей свадьбѣ....

— О нашей свадьбѣ? Да кто же говоритъ про это?

— Весь городъ, вся Москва.

— Но это не правда. Волынкинъ мнѣ не дѣлалъ предложенія.

— Все равно, онъ его сдѣлаетъ. Я не знаю, чѣмъ это кончится. Неужто ты пойдешь за него?

— Пойду, сказала Вѣра рѣшительно: — пойду, потому что—если пошло на откровенность—я тоже люблю его.

— Знаю, давно знаю, прервала ее Настенька: — я должна была ожидать этого. Но, Вѣра, послушай, я, конечно, желаю тебѣ счастія, я можетъ быть заглушу въ себѣ это пагубное чувство — уѣду куда-

нибудь, но помни, что ты моимъ страданіемъ купила себѣ счастье. Было время, когда Волынкинъ ухаживалъ за мной, оно измѣнилось, ты съумѣла привлечь его, и онъ такъ легкомысленно бросилъ меня, забывая, что у меня есть сердце, что этимъ не шутятъ. Да, Вѣра, по правдѣ сказать, ни отъ него, ни отъ тебя особенно не ожидала я такого поступка: я не ожидала, что ты способна отбить у меня моего жениха, но ты его отбила.

— Я у тебя отбивала Волынкина, вскрикнула Вѣра: —я?

— А то нѣтъ? кого ты увѣришь, что любишь безкорыстно, забывая цѣлую сотню тысячъ дохода? Мы обѣ съ тобой, хоть плохо, а все таки учились ариѳметикѣ. Вѣдь у него милліоны, не такъ ли?

— Слушай!... вырвалось было у Вѣры.

— Не оправдывайся, Вѣра, я все равно не повѣрю, Богъ съ тобою! Я въ тебѣ ошиблась, сама виновата. Богъ съ тобой, иди за него, будь счастлива.

— Такая несправедливость возмущаетъ душу, сказала наконецъ Вѣра: —но я должна оправдаться. Слушай же то, чего бы ты никогда не узнала, но что теперь должна знать. Годъ тому назадъ....

— Довольно! громко прервала ее Настенька: — не утруждай воображенія, не вдавайся въ поэзію, не выдумывай романа, какой-нибудь чувствительной встрѣчи, этого всего въ жизни не бываетъ. Не старайся меня разжалобить—я ничему не повѣрю; вѣкъ идилій прошелъ; мы не въ Аркадіи.

Настенька громко засмѣялась.

— Но позволь мнѣ разсказать тебѣ, вскрикнула Вѣра: —ты, можетъ быть, поймешь, повѣришь....

— Нѣтъ, отвѣчала Настенька: —не вѣрю, никогда не повѣрю... я не переживала никакихъ драматическихъ минутъ, встрѣтила Волынкина—его привезли на вечеръ, какъ простаго смертнаго—и безъ всякихъ романическихъ затѣй полюбила его не ме-

нѣе тебя. Я даже докажу, что люблю его болѣе тебя: я тебѣ его уступаю.

— Это не трудно: онъ тебя не любитъ....

— Была любима, да ты стала между нами.

— Побойся Бога, Настенька.

— Не впадай въ драму; не плачь — цвѣтъ лица испортится. Выходи за него поскорѣй, не упускай выгодной партіи, только постарайся успокоить совѣсть, когда узнаешь и можетъ быть въ одну изъ счастливѣйшихъ минутъ твоей жизни, что жива еще въ стѣнахъ монастыря несчастная, у которой ты отняла всѣ надежды въ жизни, заживо смолоду схоронила въ стѣнахъ монастырскихъ, одѣла въ черную рясу монахини, принесла въ жертву твоего эгоизма. Прощай, Вѣра, дарю тебѣ Волынкина, прощай!

— Настенька! Настенька! крикнула было Вѣра, побѣжавъ за нею; но та хлопнувъ дверью, какъ вихрь, сбѣжала съ лѣстницы и, не простясь съ Степанидой

Львовной, прошла залой въ переднюю, накинула салопъ на плечи и уѣхала.

— Дѣло сдѣлано! подумала она, сидя въ каретѣ: —роль съиграна, что-то будетъ? Однакожъ я устала.

А Вѣра между тѣмъ, какъ громомъ пораженная, стояла посреди своей комнаты, когда Панкратьевна входила къ ней.

— Няня! крикнула Вѣра, бросаясь къ ней на шею: она не вѣритъ, она ничему не вѣритъ, а, вѣдь, ты помнишь мою комнату, вѣдь это было, няня? Вѣдь я его у ней не отнимала, насъ свелъ Самъ Богъ, няня. Вѣдь ты все помнишь, няня?

Громкія рыданія заглушили голосъ Вѣры, и она склонила головку на плечо растерявшейся Панкратьевны.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПОСТОРОННЕЕ ВЛІЯНІЕ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ,

СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

Соч. князя Г. В. Кугушева

(АВТОРА «КОРНЕТА ОТЛѢТАЕВА».)

ЧАСТЬ III.

МОСКВА.
Въ типогр. Вѣд. Моск. Гор. Полиціи.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюля 22 дня 1858 года.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА САЛАЕВА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

— Что это вы, сударыня, словно въ воду опущенныя какія? спрашивалъ однажды, вскорѣ послѣ описанной выше сцены, Сила Савичъ Вѣру, сидя съ нею въ кабинетѣ, гдѣ она работала, и пользуясь отсутствіемъ Степаниды Львовны, уѣхавшей съ Дорхенъ кататься.

— Ахъ, Сила Савичъ! съ чувствомъ сказала Вѣра, бросая работу, я очень несчастлива!

Она залилась слезами.

— Вы, сударыня? вскрикнулъ старикъ, всплеснувъ руками: — то-то вотъ оно и есть, что человѣкъ никогда ничѣмъ доволенъ не бываетъ. Чего вамъ, сударыня, къ примѣру, не достаетъ? Всего, слава Богу, вдоволь. Нѣтъ, вамъ вотъ все мало. Знаю, чего вамъ хочется, сударыня. Ну что же? знать время еще не пришло, знать нѣтъ еще судьбы, видно часъ воли Божiей не насталъ еще.

— И никогда не настанетъ, Сила Савичъ, прервала его Вѣра, утирая слезы.

— Да полно вамъ плакать-то, сударыня, вѣдь душа разрывается, глядя на васъ, ей Богу. Пожалѣйте вы хоть меня, сударыня, вѣдь въ мои цвѣтущiя лѣта, что слеза, то шагъ въ землю, извѣстное дѣло. Я еще жить хочу, сударыня... что еще мои за годочки?

Старикъ смѣялся сквозь слезы, стараясь развеселить дѣвушку и дать разговору характеръ шутки.

— Добрый, Сила Савичъ, могу ли я на васъ положиться?

— Не знаю, сударыня, вамъ лучше извѣстно: на рукахъ васъ нянчилъ, а ужъ любилъ-то, ну, извѣстное дѣло, какъ дочь любилъ... Не знаю, можно ли вамъ на меня положиться; — не ошибитесь, сударыня.

— Виновата, Сила Савичъ. Я въ васъ увѣрена, вы примете во мнѣ участіе, вы никому не скажете того, что услышите.

— Умру, не скажу! сильно отвѣтилъ Сила Савичъ.

— Даже маменькѣ?

— Ну это, сударыня, не ручаюсь. Если это что-нибудь такое....

Старикъ замялся.

— По крайней мѣрѣ дайте мнѣ слово не говорить маменькѣ того, что вы услышите, до самой критической минуты.

— Это какая же такая минута-то, сударыня? Какъ вы говорите?

— До самой опасной, рѣшительной минуты.

— Такъ бы вы и говорили, сударыня. Ну, это еще можно; оно, извѣстное дѣло, зачѣмъ мать огорчать безъ времени.

— Слушайте же, Сила Савичъ, сказала Вѣра другимъ тономъ: — надо очень уважать васъ, чтобы рѣшиться ввѣрить вамъ такую тайну.

— А у васъ, сударыня, тайны есть? вскрикнулъ старикъ.

— Видите ли, Сила Савичъ, я... мнѣ, право, совѣстно.

— Ну, ужъ была ни была, сударыня.

— Я, Сила Савичъ, люблю...

— Договаривайте, сударыня.

— Ахъ, если бы вы знали, какъ мнѣ стыдно.

— Я зажмурюсь, сударыня. Разомъ, однимъ духомъ извольте.

Старикъ зажмурился.

— Я люблю Волынкина, Сила Савичъ! сказала Вѣра, и въ свою очередь закрыла лицо руками.

— Какъ? вскрикнулъ старикъ и покатился со смѣху. Да какъ же это можно? Ахъ срамъ какой, сударыня! Ай да тайна! «я, говоритъ, люблю Волынкина, Сила Савичъ» — передразнилъ онъ Вѣру и снова

разразился громкимъ смѣхомъ; — ай да тайна.

— Не радуйтесь такъ громко, Сила Савичъ, услышатъ въ домѣ, подумаютъ, что точно есть чему радоваться. Ну, такъ я вамъ скажу: не чему радоваться; я не пойду замужъ, ни за кого не пойду, даже за Волынкина,

— Что-съ? крикнулъ Сила Савичъ: — какъ-съ?

— Я не расположена, я не хочу.... я не могу.... черезъ силу говорила Вѣра.

— Да вы что это, сударыня, шутите или дурачите?

— Я съ вами говорю серьозно, говорю со слезами, Сила Савичъ.

— Да вы что же такое, нездоровы что ли, сударыня?

— Это вамъ кажется страннымъ, Сила Савичъ, но еслибъ вы знали...-

— То есть что же такое, сударыня, еслибъ я зналъ?...

— Я не могу принять предложенія

Волынкина, если онъ его сдѣлаетъ. Вѣдь это возможно.

— То есть что-съ? вскрикнулъ онъ,— предложеніе-то возможно, да отказать-то нельзя-съ. Да нѣтъ, это вы шалите, сударыня, или вы шутите? Да что же это такое? Помилуйте вы меня. Вѣдь у меня одна голова, извѣстное дѣло, лопнетъ. Помилосердуйте.

— Напрасно вы тревожитесь, Сила Савичъ: я вамъ говорю просто и прямо, что я очень люблю Волынкина, но что, не смотря на это, при всемъ желаніи, не пойду за него.

— Да почему же, сударыня? вскрикнулъ Сила Савичъ: — всему должна быть причина, извѣстное дѣло.

— Это моя тайна, Сила Савичъ; знаете что, если въ случаѣ Волынкинъ сталъ бы у васъ спрашивать, не жила-ли я годъ тому назадъ въ Петербургѣ, отвѣчайте ему, добрый Сила Савичъ, что вы или не помните, или не знаете. Вы это сдѣлаете для меня, Сила Савичъ?

— Никогда, сударыня, никогда. Вы и не надѣйтесь. Что я за дуракъ такой? Да и лгать-то я не умѣю, сударыня, не въ моихъ это правилахъ, да что и толковать, я ни за что, ни за что....

— Вы сердитесь, Сила Савичъ?

— Сержусь, сударыня, извѣстное дѣло, сержусь.

— Ахъ, Сила Савичъ, съ чувствомъ сказала Вѣра: — мнѣ и такъ больно. Я думала, что вы примете искреннее участіе въ моемъ положеніи, а вы....

— Вѣдь я изъ участія, сударыня! можетъ быть у меня на душѣ-то накипѣло, можетъ быть у меня изъ глазъ слезы просятся, а поневолѣ дѣлаешь видъ, что сердишься, извѣстное дѣло, досадно. Разсказывайте-ка лучше, сударыня, все, что было, заодно ужъ....

— Помните вы нашу поѣздку въ Петербургѣ, Сила Савичъ? Мы жили съ тетушкой въ 3-мъ этажѣ и занимали одну только половину.

— Еще бы не помнить, сударыня?

— Но надо вамъ знать, что моя комната отдѣлялась одною перегородкою отъ помѣщенія другихъ жильцовъ того же этажа.

— Ну и что же, сударыня?

— Къ этимъ жильцамъ пріѣхалъ кто-то и помѣстился рядомъ съ моей комнатой. Слушайте же: разъ, поздно ночью, вернулась я съ бала, вернулась и вбѣжала къ себѣ; устала я очень, попалось мнѣ кресло, я сѣла и ждала горничной. Какъ теперь помню, на мнѣ было бѣлое платье и красныя камеліи. Вдругъ слышу я за стѣной какіе-то звуки, слышу и не вѣрю, удвоиваю вниманіе — точно фортепіано, аккорды, ритурнель, арія, слышу, поетъ кто-то, голосъ небольшой, но свѣжій, теноръ и теноръ молодой, грудной, сильный. Онъ поетъ, а у меня, не знаю отъ чего, сердце такъ и бьется, такъ и бьется. Оно бьется, а я слушаю. Не знаю, что со мною было: устала ли я очень, душа ли моя была такъ настроена, только каждая незнакомая нота незнакомаго голоса

неизвѣстнаго пѣвца глубоко и больно проникала въ мое сердце. Отъ того-то оно и билось такъ.... Казалось, каждая нота говорила ему: «сердце, ты молодо, ты неопытно, ты хочешь любви. Зачѣмъ же дѣло стало? Люби меня—я молодъ, я обдамь тебя моимъ обаяніемъ, прожгу тебя насквозь, пропитаю моимъ очарованіемъ, возвышу, облагорожу. Слушай же меня, сердце, и люби меня.» И точно, Сила Сэвичъ, сердце мое, поддаваясь очарованію, знакомилось со всѣмъ тѣмъ, что, въ извѣстное время, должно, мнѣ кажется, жить въ немъ. Ахъ, этотъ непрошенный гость! Вы понимаете кто онъ? Любовь, Сила Савичъ. Я не ждала этого гостя, онъ самъ явился, таинственно изъ-за стѣны. Пришелъ и остался безъ церемоніи. Ахъ, что за звучный, молодой и свѣжій голосъ былъ у моего незнакомаго сосѣда! А мысль-то между тѣмъ, а воображеніе работали: шорохъ, звуки принимали форму, мнѣ казалось: сейчасъ развалится стѣна и къ ногамъ моимъ упадетъ юноша. Однакожъ скоро

все стихло, тишина такая сдѣлалась, только сердце мое не умолкло.... нѣтъ.... Какую ночь я провела, если бы вы знали, Сила Савичъ!

— Понимаю, сударыня, извѣстное дѣло.

— На другой день, продолжала Вѣрочка: — просыпаюсь я поздно — я только къ утру забылась — просыпаюсь и слушаю — я бы все слушала — тихо, не слыхать, досадно, плакать хочется. Вдругъ... тѣ же аккорды, тотъ же голосъ, такъ же бьется сердце. Весело, отрадно.... но, вѣдь, вѣчно пѣть нельзя... сосѣдъ молчитъ, молчитъ долго. Настаетъ вечеръ, онъ поетъ опять — я счастлива, я увлекаюсь и... стыдно сказать... пою то же самое, голосъ мой дрожитъ, обрывается... мнѣ кажется, что сосѣдъ слушаетъ меня; но какъ вамъ передать эти ощущенія? Съ каждымъ днемъ сосѣдъ становится смѣлѣе, онъ вторитъ мнѣ за стѣною, я слышу это сердцемъ, угадываю душой. Наконецъ эти таинственныя отношенія устанавливаются, проходитъ время, полное непередаваемой

поэзіи. Мнѣ и въ голову не приходило задать себѣ вопросъ: кто этотъ сосѣдъ? Воображенію моему онъ представлялся совершенствомъ... я сожалѣла только о томъ, что стѣна была не довольно тонка: я желала слушать лучше, ближе—словъ его и совсѣмъ не было слышно. Но все равно, я была счастлива, мнѣ казалось, что и я любима моимъ идеаломъ такъ же какъ сама его любила. Зачѣмъ же эта стѣна дѣлитъ наши комнаты, думала я, когда намъ можетъ быть суждено сойтиться? Зачѣмъ? Но что бишь я хотѣла сказать? На чемъ остановилась? Да. Разъ какъ-то Панкратьевна вошла въ мою комнату; за стѣной слышалась русская пѣсня.

— Ишь горло-то деретъ! сказала няня, вы знаете ея манеру: — чай тебѣ, моей родной, покоя не даетъ.

— Не даетъ покоя, грустно отвѣчала я, но добрая няня не поняла меня и продолжала по своему:

— А ты ему постучи, родная, онъ и перестанетъ, ишь неучь какой, барышню

тревожитъ — или что-то въ этомъ родѣ, не умѣю я ее копировать, но все равно.

— Ты не знаешь, няня, кто онъ такой? спросила я; но она не умѣла ничего сказать мнѣ. «Слышно, пріѣзжій,» говорила она, «изъ Москвы, вишь, пріѣхалъ, зовутъ его Петромъ Степанычемъ, а фамиліи не помню.»

— Петръ Степанычъ! повторяла я, и чувствовала, какъ это имя врѣзывалось всѣми буквами въ мое сердце.

— Ну его совсѣмъ; былъ, да ѣхалъ, сказала няня.

— Что ты говоришь, переспросила я, боясь понять настоящій смыслъ фразы.

— Люди сказываютъ, продолжала няня: — онъ завтра по чугункѣ, ишь, назадъ ѣдетъ.

— Можете, судить, что было со мною. Я сама не помню, что я тогда чувствовала, только я была въ отчаяніи. Слезы ручьями текли изъ глазъ моихъ, даже няня испугалась — хотѣла идти къ тетинькѣ, но я ее не пустила. И точно, Сила Савичъ,

на другое утро—такое холодное, пасмурное утро—онъ уѣхалъ. Я угадывала за стѣной приготовленія къ отъѣзду, прислушивалась къ каждому возгласу. Что я чувствовала тогда, Сила Савичъ, передать я не умѣю.

«Все кончено! сказала я самой себѣ: — онъ ѣдетъ!» и опрометью бросилась къ окну, выходившему на улицу, но, къ несчастію, подъѣздъ такой высокій, і передъ выпятился, и навѣсъ желѣзный былъ подъ самымъ окномъ моимъ — очень нужно! — и скрывалъ отъ меня главную часть кареты: я видѣла только дышло и головы лошадей. Выбѣжать въ другую комнату, гдѣ сидѣла тетинька и посмотрѣть въ окно — я не рѣшилась. Тяжелая была эта минута! Я приложила ухо къ стеклу: оно было холодно; я слышала, какъ хлопнула дверка кареты, я видѣла отъѣзжающій экипажъ, но его, его я не видала. Молча опустилась я на первое кресло и горько заплакала. «Вѣдь не сонъ же это былъ, Боже мой!» думала я: — но небе-

зуміе ли влюбиться въ голосъ, любить мечту? Кто этотъ сосѣдъ? Стоитъ ли онъ такой любви? Ну что жъ? Если и не стоитъ — тѣмъ лучше. Если намъ суждено встрѣтиться, и я разочаруюсь — это меня вылечитъ, а теперь, теперь я люблю его. «И точно, Сила Савичъ, я жила однимъ воспоминаніемъ о незнакомомъ сосѣдѣ. Узнать его фамилію — мнѣ не удалось: я долго уговаривала няню сходить къ сосѣдямъ узнать, кто остановился у нихъ на такое короткое время, но она долго не рѣшалась и вдругъ занемогла, занемогла отчаянно. Когда ее спасли и она встала, не только сосѣда, даже жильцовъ уже не было: они перемѣнили квартиру. Вы понимаете, что, кромѣ няни, я никому не рѣшилась бы дать моего порученія.... и фамилія сосѣда осталось для меня загадкой. Наконецъ и мы уѣхали изъ Петербурга. Понимаете ли вы, какъ я искала моего идеала, какъ въ каждомъ свѣтскомъ юношѣ думала встрѣтить сосѣда, въ каждомъ пѣвцѣ-диллетантѣ пѣвца любви моей. И вдругъ,

нежданно, негаданно, послѣ цѣлаго года, я узнала его... мы узнали другъ друга — этотъ сосѣдъ былъ—Волынкинъ! Мудрено ли послѣ этого, что онъ любитъ меня, мудрено ли, что и я люблю его, Сила Савичъ?

— Что же мудренаго, сударыня, дѣло натуральное, случиться можетъ.

— Вы вѣрите въ возможность этого случая, Сила Савичъ?

— Еще бы не вѣрить, сударыня!

— Ну вотъ видите; а есть люди, которые не вѣрятъ; есть люди, которые говорятъ, и говорятъ въ глаза, что я сочла его состояніе, что я выдумала нарочно цѣлую романическую исторію, что я его ловила — это горько! что я даже не люблю его — это больно, это жестоко! И кто же это говоритъ, если-бъ вы знали! Она его тоже любитъ. Она сказала мнѣ: дарю тебѣ его! По какому праву? «Я, говоритъ она: — его больше тебя люблю: я отъ него отказываюсь, я его тебѣ уступаю.» Поди я за него — скажутъ: погубила ее — она въ

монастырь идетъ — принесла ее въ жертву. Нѣтъ! этого я не возьму на душу, не могу, не должна. Скажите ему, если онъ спроситъ, что онъ ошибался, я сама ошибалась и какъ долго и какъ сильно; пусть все это будетъ сномъ, мечтой.... довольно.... я устала... надоѣла вамъ. Не правда ли?

И растроганная дѣвушка опрокинула головку на орѣховый обручъ кресла, а крупныя слезы между тѣмъ орошали ея личико.

— Вѣра! вскрикнулъ рыдающій старикъ и бросился цѣловать ея руки: — извините, что я осмѣлился назвать васъ такъ — разчувствовался очень. Но какъ же можно такъ убиваться-то? Пожалѣйте вы себя, пожалѣйте мать-старуху... извѣстное дѣло, она женщина слабая; пожалѣйте вы меня старика—вѣдь я васъ очень люблю, сударыня. А на злыхъ людей вамъ, извѣстное дѣло, плюнуть стоитъ! Не вѣрятъ они? Ну и пусть себѣ, сударыня. Ваша душа чиста, и Богъ видитъ, что оно такъ было, а не какъ, ну и дѣлу конецъ. Нѣтъ,

сударыня, вы лучше не берите грѣха на душу: пожалѣйте вы насъ стариковъ, сударыня; вѣдь мы хоть и стары, а то же любить-то васъ умѣемъ....

Скрипъ подъѣхавшей кареты прервалъ слезливую рѣчь старика.

— Это маменька! вскрикнула Вѣра, вскакивая съ кресла: — ни слова ей покамѣсть, прошу васъ, а я побѣгу наверхъ оправиться. Она не должна видѣть ни моихъ слезъ, ни моего страданья.

— Вы бы умылись, сударыня, крикнулъ вслѣдъ уходившей въ корридоръ Вѣрѣ Сила Савичъ, поспѣшно вытеръ глаза, понюхалъ табачку, поправилъ виски, застегнулъ сюртукъ, выпрямился и, принявъ совершенно беззаботный видъ, пошелъ навстрѣчу Степанидѣ Львовнѣ, которая входила въ залу за прыгавшей Дорхенъ, высоко державшей надъ головою только что купленнаго въ гостиномъ дворѣ пѣтуха, стоявшаго на деревяжкѣ и посредствомъ весьма простаго механизма испускавшаго рѣзскіе пронзительные крики.

— Посмотрите, говорила она Силѣ Савичу: — посмотрите, какой пѣтухъ и кричитъ и пищитъ, какой славный! Хорошъ мой пѣтухъ?

— Ну, извѣстно дѣло, какого же еще пѣтуха! началъ старикъ.

Но Степанида Львовна услала Дорхенъ раздѣться и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы невзначай, мимоходомъ заглянуть, все ли въ дѣвичьей согласно съ строго-нравственными предписаніями барыни:

— Что это вы, Сила Савичъ, точно будто встревожены, сказала она: — глаза красные какіе, болятъ что ли? Розовой бы водой примочили.

— Это съ вѣтру, сударыня, гулялъ, знаете... извѣстное дѣло... вѣтеръ. Да и на васъ, что это за нѣжность напала: розовой водой, говоритъ, примочите. Будто это новость, что у меня глаза красны — они всегда красны.

— Ахъ, извините, батюшка, что осмѣлилась спросить — я изъ участія, а онъ сердится!

— Видно вамъ, сударыня, катанье-то въ пользу, ишь какія чувствительныя вернулись: «розовой водой,» говоритъ.

— Ахъ, отстаньте, сказала Степанида Львовна, идя въ свою комнату: — какой у васъ придирчивый, сварливый характеръ!

— Да и вы-то, сударыня, хороши, ишь придирается — глаза у меня красны! сказалъ ей вслѣдъ Сила Савичъ и отправился въ свою комнату, гдѣ долго думалъ о случившемся. Старикъ, конечно, очень хорошо понималъ, что Настенька виной всему.

— Вотъ отчаянная-то голова! восклицалъ онъ невольно: — чистый она бѣсъ, прости Господи — вѣдь бѣсы, извѣстное дѣло, всякія личины на себя принимать могутъ. Какъ бы только это дѣло уладить! Надо подождать, что будетъ.

А Волынкинъ между тѣмъ, съ того самаго дня, какъ мы видѣли его у Вареньки, каждый день хлопоталъ, какъ бы поскорѣе

заложить свое подмосковное имѣніе, въ чемъ успѣлъ, конечно. Съ назначительной суммой денегъ въ карманѣ, онъ вздохнулъ свободнѣе. Разрывъ съ Варенькой былъ неизбѣженъ, но Волынкинъ не зналъ какъ привести его въ исполненіе· просто ли къ ней пріѣхать и въ дружескихъ выраженіяхъ, сказавъ въ чемъ дѣло и обезпечивъ сына, разстаться навсегда, или отправить деньги при письмѣ, не требуя на него никакого отвѣта. Въ первомъ случаѣ онъ боялся, что Варенька будетъ протестовать и не останется довольна десятью тысячами, которыя онъ отдѣлилъ на ея долю, во второмъ—ему совѣстно было оскорбить молодое созданье, такъ безгранично ввѣрившее ему свою молодость, созданье, такъ сильно его любившее. Послѣ долгихъ размышленій Волынкинъ рѣшился, не говоря ничего Варенькѣ, объясниться съ Вѣрой и тогда уже, узнавъ ея отвѣтъ, покончить съ первой и тѣмъ самымъ отнять у ней всякое право протестовать противъ даннаго имъ слова. Волынкинъ рѣшился привести

это намѣреніе въ исполненіе тоже по слабости своего характера: онъ хотя и видѣлъ, что любимъ Вѣрой, но не былъ увѣренъ, что она та самая дѣвушка, которую онъ слышалъ въ Петербургѣ; онъ зналъ также, что Настенька обладаетъ сильнымъ характеромъ и имѣетъ огромное вліяніе на Вѣру. Онъ сознавалъ, что хотя и безъ намѣренія, но привлекъ къ себѣ сердце Настеньки, которая могла разсказать Вѣрѣ прежнія свои съ нимъ отношенія, представя ихъ въ другомъ болѣе нѣжномъ свѣтѣ. Однимъ словомъ, Волынкинъ боялся отказа и не удивительно — онъ такъ горячо любилъ Вѣру. А между тѣмъ всегдашняя привычка подчиняться женщинѣ была такъ сильна въ Волынкинѣ, что онъ, не смотря на безграничную любовь къ Вѣрѣ, но боясь отказа, не рѣшался бросить и Вареньки, чтобы въ случаѣ, если опасенія его оправдаются, не остаться снова совершенно одному. Это грустная черта въ характерѣ человѣка, но вѣдь онъ прежде всего человѣкъ, и то слава Богу, что

хорошія наклонности, говоръ сердца, внушенія чести брали перевѣсъ надъ вреднымъ вліяніемъ пагубнаго характера.

Въ одно прекрасное утро Волынкинъ пріѣхалъ къ Струйскимъ. Степаниды Львовны опять не было дома — она уѣхала кататься съ Дорхенъ, что дѣлала каждый день по предписанію доктора; Вѣра сидѣла въ кабинетѣ съ работой, а Сила Савичъ, вооруженный огромнѣйшими очками въ серебряной оправѣ, читалъ какое-то житіе. Волынкинъ развязно вошелъ въ кабинетъ и, не замѣтя Силы Савича, сказалъ:

— Вы однѣ? Глѣ же Степанида Львовна?

— Она уѣхала кататься, отвѣчала Вѣра, указывая ему на кресла.

Молодой человѣкъ сѣлъ спиной къ свѣту и Силѣ Савичу, который дѣлалъ Вѣрѣ разные знаки, намекавшіе на то, чтобы она не обнаруживала его присутствія. Старикъ думалъ сначала только подшутить надъ Волынкинымъ и давъ ему усѣсться, крикнуть вдругъ: здравствуйте

молъ, Петръ Степановичъ, извѣстное дѣло....

— Вы однѣ? началъ Волынкинъ: — какое счастье!

— Это не лестно для маменьки.

— Вы не дали мнѣ докончить. Я потому называю это обстоятельство счастьемъ, что съ перваго моего визита, цѣлую зиму не имѣлъ ни разу случая поговорить съ вами наединѣ, глазъ-на-глазъ, а вѣдь только въ эти минуты и говорится искренне.

«Ого! подумалъ старикъ: — вонъ оно куда поѣхало!» и перемѣнилъ намѣреніе испугать Волынкина.

— При свидѣтеляхъ, кто бы они ни были, продолжалъ Волынкинъ: — фразы не клеятся, мысли не высказываются вполнѣ, какъ-то неловко становится, особенно мнѣ, человѣку, къ несчастію, весьма застѣнчивому, даже робкому. Наконецъ я застаю васъ одну.... позвольте же мнѣ говорить съ вами откровенно.

— Я право не знаю, сказала Вѣра, вста-

вая: я не знаю, что вы хотите сказать мнѣ.

— Сядьте, прервалъ ее Волынкинъ: — умоляю васъ, сядьте. Я, конечно, не скажу вамъ ничего такого, чего бы я не могъ сказать въ присутствіи вашей матушки.

Вѣра въ изнеможеніи опустилась на прежнее свое мѣсто.

— «Вотъ оно, подумалъ Сила Савичъ: — и начинается. Только не дай, Господи, мнѣ чихнуть или кашлянуть. Тогда пиши: пропало, извѣстное дѣло.»

— Какъ вы однако мало довѣряете мнѣ, началъ Волынкинъ: — какъ вы испугались разговора со мной, разговора, который хоть немного выступаетъ изъ разряда обыкновенныхъ свѣтскихъ фразъ.

— Я, право нисколько, говорила Вѣра: — вы ошибаетесь.

— А между тѣмъ, продолжалъ Волынкинъ: — я хотѣлъ вамъ разсказать одинъ случай, происшествіе, романъ, если хотите.

— Романъ, повторила Вѣра: — имъ не вѣрятъ…

— Но если онъ взятъ изъ жизни? Позвольте разсказать происшествіе?

— Прошу васъ, сказала Вѣра.

— «Скорѣе бы къ дѣлу, подумалъ старикъ: — а то-того гляди, чихнешь, извѣстное дѣло»…

— Только слушайте со вниманіемъ, продолжалъ Волынкинъ: — былъ у меня пріятель — я не стану говорить о его характерѣ, описывать наружности, это не интересно, скажу только, что онъ росъ подъ надзоромъ матери и любилъ ее до безумія. Разъ только въ жизни разставался онъ съ нею, разставался на два года — онъ уѣзжалъ за границу. Вернувшись, онъ думалъ жить въ Петербургѣ, но предположенія его не сбылись: онъ долженъ былъ предпочесть Москву. Сѣверный климатъ былъ слишкомъ суровъ для здоровья его матери.

— Исторія вашего друга, прервала его Вѣра: — очень похожа на вашу собственную: вы какъ-то разъ говорили намъ съ

маменькой, что съ вами случилось то же самое — я очень хорошо помню это утро.

— Вы его помните, благодарю васъ. Дѣйствительно, начало исторіи похоже на мою собственную. Съ тѣхъ поръ пріятель мой не былъ въ Петербургѣ, только годъ тому назадъ онъ посѣтилъ на нѣсколько дней эту столицу. Онъ помѣстился у друзей, въ комнатѣ, отдѣлявшейся отъ другой квартиры одною только деревянною стѣною; за этой стѣной жило семейство и, какъ нарочно, комната молодой дѣвушки граничила съ комнатою моего пріятеля. Однажды, сидя дома, молодой человѣкъ услышалъ свѣжій, чистый молодой голосъ сосѣдки: она пѣла такъ просто, такъ безъискуственно и вмѣстѣ сь тѣмъ такъ дѣтски, такъ задушевно. Молодой человѣкъ заслушался сначала, наконецъ увлекся — онъ понималъ музыку и самъ пѣлъ немножко. Постепенно увлекаясь, молодой человѣкъ рѣшился вторить сосѣдкѣ, и въ этихъ соединенныхъ звукахъ находилъ столько поэ-

зіи, столько очарованія. Онъ былъ одинъ, давно одинъ на свѣтѣ, съ сердцемъ свободнымъ отъ истинной любви, съ душей впечатлительной. Мудрено ли, что мечтатель полюбилъ свою мечту, облекъ ее въ формы созданнаго идеала и полюбилъ незнакомую сосѣдку, но онъ не зналъ, любимъ ли онъ ею. Правда, она не прерывала пѣнія, когда онъ осмѣлился ей вторить, она она не измѣняла аріи, пропѣтой въ первый разъ, голосокъ ея дрожалъ иногда, въ немъ тоже слышалось увлеченіе, угадывалось сочувствіе къ пѣвцу, но только угадывалось имъ. Такъ прошла недѣля,—чудная, поэтическая, невозвратная недѣля! И вдругъ въ ту самую минуту, когда мой пріятель усвоилъ себѣ намѣреніе узнать, кто такая была его сосѣдка, онъ получилъ (Волынкинъ смутился) получилъ *одно* извѣстіе и долженъ былъ уѣхать, унося съ собою неизгладимое воспоминаніе о тѣхъ чудныхъ звукахъ, которыми была наполнена душа его. — Вѣдь это можетъ быть, не правда ли? спросилъ

Волынкинъ другимъ тономъ: — вѣдь это такъ естественно, такъ понятно....

— Конечно, отвѣчала взволнованная Вѣра: — это могло случиться.... хотя, согласитесь, что положеніе вашего пріятеля было чисто исключительное...

— Но возможное, продолжалъ Волынкинъ: — онъ даже потерялъ надежду отъискать когда-нибудь свой идеалъ, встрѣтить его въ обществѣ, познакомиться. Онъ писалъ къ своимъ Петербургскимъ знакомымъ на ихъ новую квартиру и между прочимъ спросилъ вскользь про семейство, жившее въ его бытность у нихъ на одной съ ними лѣстницѣ ихъ прежней квартиры. Ему отвѣчали, что по справкамъ семейство это вернулось въ Москву. Пріятель мой обрадовался—теперь ему легко было увидѣть свою сосѣдку, потому что онъ зналъ ея фамилію...

— Онъ зналъ? невольно спросила встревоженная Вѣра.

— Да. Онъ еще въ Петербургѣ спрашивалъ у прислуги фамилію жившаго съ

нимъ рядомъ семейства. Но дѣвушки такой фамиліи не было въ Московскомъ обществѣ... пріятель мой терялъ голову, а время шло, шло между тѣмъ, вдругъ въ одномъ обществѣ встрѣчаетъ онъ дѣвушку, видитъ, любуется ей... слышитъ наконецъ ее... и что же? Эта дѣвушка поетъ ту же арію... онъ узнаетъ и арію, и голосъ.., но, какъ вы думаете?...

— Не знаю... я... ничего не знаю, бормотала сконфуженная Вѣра.

— Это не она, не его сосѣдка, съ которой онъ разстался годъ тому назадъ, которую не слыхалъ съ тѣхъ поръ, а голосъ возмужавшій и окрѣпшій отзывается въ душѣ молодаго челвѣка чѣмъ-то знакомымъ, чѣмъ-то роднымъ, развивая давнишнее, засыпавшее и вновь пробудившееся чувство. Но фамилія этой дѣвушки другая, не та, которую ему назвали въ Петербургѣ. Вѣдь это ужасно!.. Пріятель мой полюбилъ эту дѣвушку, полюбилъ всею силою души, но сомнѣніе, она ли была его сосѣдкой, узнала ли она въ немъ преж-

няго сосѣда, любила ли она когда-нибудь сосѣда, любитъ ли теперь — вотъ что терзаетъ моего пріятеля, вотъ что не даетъ ему ни сна, ни покоя. Скажите же мнѣ, какъ вы думаете, имѣетъ ли она право надѣяться на сочувствіе къ себѣ этого чуднаго созданія? И то ли это самое созданіе? Отъ чего эта перемѣна фамиліи? Узнала ли она его? Поняла ли? Любитъ ли Вотъ задачи. Скажите, какъ вы думаете? Ваше слово рѣшитъ участь моего пріятеля.

— Она, задыхаясь, говорила Вѣра: — она... должна была... я полагаю... узнать его... она могла... если это была она...

— Но все равно!.. вскрикнулъ Волынкинъ, перебивая Вѣру: — кто бы она ни была, та или другая, узнала она его или нѣтъ — они могутъ быть счастливы. Зачѣмъ она ему сказала: «такъ это были вы?» О, Вѣра Васильевна, сжальтесь, сжальтесь надо мной! Этотъ пѣвецъ, этотъ несчастный юноша, лишившійся всего въ жизни и снова нашедшій возможность

счастія — это я! Да, я люблю васъ всею силою моей души, и предъ лицемъ Самого Бога прошу васъ не отказать мнѣ въ счастіи, со-временемъ, когда нибудь, имѣть надежду назвать васъ путеводителемъ, Ангеломъ - хранителемъ моей остальной жизни.

Вѣра вскочила съ дивана и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сказала:

— Вы говорили... о вашемъ пріятелѣ...

— О себѣ! вскрикнулъ Волынкинъ: — я о себѣ говорилъ.

— Эта сосѣдка... начала было она.

— Были вы! Не правда ли? Я въ этомъ почти убѣжденъ, не разрушайте очарованія. Если даже годъ тому назадъ вы и не были въ Петербургѣ — да вы и не могли быть, вы носите другую фамилію; но отъ чего же это сходство голоса? — то въ эту зиму вы могли оцѣнить мою привязанность... Зачѣмъ вы сказали: такъ это были вы? помните въ тотъ вечеръ... когда... О не отнимайте у себя счастья,

потому что я посвящу вамъ всю мою жизнь, я вамъ впередъ ручаюсь за ваше будущее счастіе. Позвольте мнѣ у ногъ вашихъ...

— Остановитесь, удержала его жестомъ Вѣра, въ которой совершалась въ эту минуту страшная борьба: силы ей измѣняли, грудь высоко поднималась, слезы невольно текли по блѣднымъ щекамъ ея; руки дрожали, она долго не могла произнести ни слова. Сила Савичъ между тѣмъ, давно вскочившій съ своего мѣста, находился въ состояніи такомъ взволнованномъ, что не могъ сказать ни слова и только ожидалъ развязки этой сцены.

— Остановитесь, едва слышно повторяла Вѣра. — вы точно ошибаетесь, но какъ вы можете ошибаться? Голоса могутъ походить одинъ на другой.... вы увлеклись воспоминаніемъ....

— Возможно ли? вскрикнулъ Волынкинъ.

— Эта дѣвушка, продолжала прерываю-

щимся голосомъ Вѣра: — васъ можетъ быть любила—кто знаетъ — сильно, можетъ быть, любила, а я... я только пѣла такъ же, какъ она... та дѣвушка была другая. Вамъ же ее назвали?

— Правда! грустно, склоня голову, сказалъ Волынкинъ.—Но отъ чего же сердце-то мое такъ болѣзненно бьется? Неужто это не вы были? Да что я говорю? Однакожъ вы сказали: «такъ это были вы?» Неужто случайно? Боже мой... вѣдь можно съ-ума сойти.

— Мнѣ очень жаль, черезъ силу сказала Вѣра, что мой голосъ причиной столькихъ страданій, только вы сами знаете, что тамъ, тогда была другая; найдите ее и будьте счастливы: она, вѣрно, васъ узнаетъ... а я... нѣтъ... я не та...

И съ этимъ словомъ она, закрывъ лицо руками, бросилась на верхъ и тамъ, въ изнеможеніи, упала на первую кушетку. Горько заплакала дѣвушка... А Волынкинъ между тѣмъ, какъ потерянный, стоялъ посреди будуара.

— Чи... пхи... раздалось въ комнатѣ. Не выдержавши, Сила Савичъ тихими шагами подошелъ къ Волынкину и торжественно положилъ ему на плечо свою мощную длань.

— Чи... пхи... повторилъ онъ снова.

— Вы были здѣсь? спросилъ его Волынкинъ; — вы слышали нашъ разговоръ?

— Чихаю, значитъ, извѣстное дѣло, былъ и слышалъ.

— Такъ пожалѣйте меня. Мое положеніе ужасно. Или я брежу, или я съ-ума сошелъ? Вѣдь не сонъ же это все? Это не она была, это ясно. Отчего же голосъ тотъ же? Сердце то же говоритъ, что тогда?

— Очень просто, отвѣчалъ Сила Савичъ.

— Неужто въ самомъ дѣлѣ я могъ такъ ошибиться? вскрикнулъ Волынкинъ: — да и то, какъ я могъ допустить мысль, что я ошибаюсь?

— Та вѣдь было по фамиліи Ступицина, вмѣшался Сила Савичъ.

— Вы почемъ знаете?

— А эта Струйская, продолжалъ старикъ: — значитъ та не эта, а эта не та, извѣстное дѣло.

— Почемъ вы знаете эту фамилію? настаивалъ Волынкинъ.

— Да поютъ то онѣ, злодѣйки, на одинъ ладъ, продолжалъ Сила Савичъ, да и сердце-то одинаково къ нимъ обѣимъ лежитъ, извѣстное дѣло...

— Да что же это такое наконецъ! вскрикнулъ молодой человѣкъ: — кто эта Ступицина? Не сестра ли Вѣры Васильевны? замужняя женщина!...

— Нѣтъ, сударь, не сестра, а тетка.

— Какъ! вскрикнулъ Волынкинъ: — тетка! Молодая женщина!

— Нестарая, сударь, лѣтъ пятидесяти съ небольшимъ, извѣстное дѣло.

— Старуха? Нѣтъ, вы шутите. вы смѣетесь надо мной?

— Нисколько, сударь.

— Но развѣ у старухи можетъ быть такой свѣжій голосъ? Развѣ можно влюбиться въ старуху?

— Нельзя, сударь. Къ теткѣ что за любовь? Вотъ племянница, это другая статья, извѣстное дѣло.

— Такъ эта Ступицина была въ Петербургѣ съ племянницей?

— Была, сударь, была. И племянница эта пѣла и вы ей тово, и вышла изъ этого исторія, извѣстное дѣло.

— Гдѣ же эта дѣвушка? Вы ее знаете?

— Еще бы, сударь, смѣясь, перебивалъ старикъ Волынкина.

— Да чему же вы смѣетесь? Боже мой! вскрикнулъ онъ.

— Надъ вами, извѣстное дѣло, ишь у васъ любовь-то какъ всякое понятіе притупила, даже смѣшно, извѣстное дѣло.

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Ну, тетка была Ступицина, а племянница-то кто?

— Неужто?.. Волынкинъ не смѣлъ выговорить.

— А то кто же?

— Вѣра! вскрикнулъ Волынкинъ: — это была она. О! Боже мой! Но отъ чего же она отказалась отъ этой поѣздки, отъ всего прошедшаго?

— Слушайте, сказалъ ему Сила Савичъ очень серьозно: — вы ее очень любите?

— Я! вскрикнулъ Волынкинъ.

— Какъ передъ Богомъ? продолжалъ спрашивать Сила Савичъ.

— Развѣ вы не видите моего отчаянія?

— Честное слово? настаивалъ Сила Савичъ: — ну, такъ, знайте же, что она васъ любитъ, да такъ любитъ, какъ вы можетъ быть и не стоите, чтобы она васъ любила.

— Зачѣмъ же она скрываетъ чувство? Зачѣмъ она его стыдится?

— Надо полагать, сударь, что дружбѣ себя въ жертву приноситъ.

— Возможно ли?

— Возможно, извѣстное дѣло. Вы, чай, знаете ту стрекозу-то, влюбилась тоже, въ васъ же, влюбилась — экое вамъ счастье, подумаешь!

— Дебелина? спросилъ Волынкинъ.

— А то кто же?

— Чего же она желаетъ? Чего же она можетъ требовать? Какое она имѣетъ право?

— Попрекаетъ нашу-то: «отбила, говоритъ, не вѣрю, говоритъ, въ романы» — извѣстно, себѣ на умѣ дѣвка. «Въ монастырь, говоритъ, пойду, меня туда упечатаешь, а можетъ быть и хуже еще этого: умру, говоритъ.» Вотъ наша-то на душу грѣха взять и не хочетъ. Обидно ей, конечно, но не попрекай, дескать, меня. «Я, дескать, Сила Савичъ, говоритъ она мнѣ — «очень его люблю, то есть это васъ — а идти, говоритъ, не могу, потому что такъ и такъ:» вотъ какъ я гово-

рилъ, понимаете? Я этого не понимаю. Я бы этого не сдѣлалъ. Ну а вы чай поймете: великая въ ней душа есть.

— Что вы мнѣ говорите, Боже мой! вскрикнулъ Волынкинъ: какъ же быть теперь, что дѣлать? Не можетъ же такъ это остаться? Должно же все объясниться?

— Ваше дѣло, сударь, ваше дѣло.

— Какой она ангелъ! Какое идеальное созданіе!

— Дебелина-то, сударь?

— Э! Сила Савичъ! какъ вамъ не стыдно?

Но въ это самое время карета Степаниды Львовны подъѣхала къ подъѣзду.

— Тише! сказалъ Сила Савичъ: — сама пріѣхала.

— Подойдемте въ вашу комнату, дайте мнѣ оправиться, отвѣтилъ Волынкинъ, увлекая Силу Савича.

И они быстро прошли по залѣ и скрылись въ комнатѣ старика въ то время,

когда Степанида Львовна, взобравшись по лѣстницѣ, осторожно, притая дыханіе, проходила залой прямо въ корридоръ, съ цѣлью неожиданно, какъ метеоръ, предстать въ дѣвичьей и тѣмъ самымъ устранить, хоть на время, всякое безнравственное стремленіе.

II.

— Рѣшительно не знаю, что дѣлать, сказалъ Волынкинъ, бросаясь въ кресло, которое ему подвигалъ Сила Савичъ: — объясниться съ Настенькой — не ловко: что я ей скажу? Поѣхать къ Сермягину — что толку? Вы думаете, Сила Савичъ, что Дебелина меня дѣйствительно любитъ?

— А чертъ ее, сударь, знаетъ, прости, Господи, грѣха.

— Если обратиться къ ея матери, продолжалъ Волынкинъ — скажетъ: съ чего вы взяли? Вотъ положеніе-то, Сила Савичъ!

— Впрочемъ... какая мысль! я съѣзжу прежде къ Сермягину, поговорю съ нимъ, онъ скажетъ своей кузинѣ и подождемъ послѣдствій; но если же изъ этого ничего не выйдетъ, тогда Сила Савичъ, вотъ что я придумалъ: не говоря ни слова Вѣрѣ Васильевнѣ, я обращусь къ Степанидѣ Львовнѣ и формально попрошу у ней руки ея дочери. Вѣдь Степанида Львовна мнѣ не откажетъ? Сила Савичъ, какъ вы думаете?

— Ну, извѣстное дѣло, сударь, не откажетъ. Еще бы ей вамъ отказывать?

— Такимъ образомъ, продолжалъ Волынкинъ: я поставлю Вѣру Васильевну въ такое положеніе, что она неминуемо должна будетъ отказаться отъ принятаго ею намѣренія. Вы понимаете, что въ случаѣ согласія Степаниды Львовны, она потребуетъ отъ дочери, чтобы она вышла за меня; вѣдь не можетъ же быть, чтобы вліяніе Дебелиной пересилило любовь Вѣры Васильевны къ матери.

— Такъ, сударь, такъ; это вы придумали хорошо. Это, извѣстное дѣло, можетъ подѣйствовать.

— Значитъ рѣшено, сказалъ Волынкинъ, и послѣ молчанія прибавилъ: — однакожь согласитесь, что это удивительно: дѣвушку, молодую и любящую дѣвушку, принудятъ выйти замужъ за любимаго ею человѣка! Вѣдь это чудеса, Сила Савичъ!

— Механика, сударь механика.

— Однакожъ, прощайте, Сила Савичъ, пора. Чтобы не тревожить Степаниды Львовны, я уѣду, не зайдя къ ней.

— До вечера стало, сударь?

— Нѣтъ, а что?

— До завтраго, значитъ?

— Я и завтра не буду.

— Какъ?

— Очень просто: не буду.

— Да отъ чего же? Что же Вѣра-то Васильевна скажетъ? Что же она подумаетъ? Что же это такое?

— Вы ей скажите, Сила Савичъ: «человѣку отказано, какъ же ему ѣздить?»

— Да, вотъ вы, сударь, на какія тонкости пускаетесь, понятное дѣло.

— Я шучу. Прощайте. Мнѣ что-то весело — предчувствіе, что все уладится. Вѣдь она меня любитъ? Да? Вотъ отчего мнѣ и весело! До свиданія....

И съ этимъ словомъ Волынкинъ вышелъ изъ комнаты Силы Савича въ переднюю, надѣлъ шубу и уѣхалъ.

— Къ Сермягину! сказалъ онъ кучеру, садясь въ сани.

И не прошло десяти минутъ, какъ онъ уже звонилъ у двери молодаго человѣка.

— Петръ Степанычъ, здравствуйте, сказалъ Сермягинъ, идя навстрѣчу Волынкину.

Замѣтимъ мимоходомъ, что юноша перемѣнилъ халатъ: прежній сталъ ему противенъ.

— Знаете, что вамъ скажу, началъ Волынкинъ, садясь и закуривая сигару: — ваша кузина или демонъ, или... что-то въ этомъ родѣ.

— Это меня ни сколько не удивляетъ, отвѣтилъ Сермягинъ: — это я давно знаю, давно убѣжденъ въ этой неоспоримой истинѣ,

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Волынкинъ: — но если это такъ, въ такомъ случаѣ зачѣмъ вы не предупредили меня?

— Я вамъ намекалъ, отвѣтилъ Сермягинъ, но выдать вамъ ее головою не могъ; вѣдь она мнѣ, все-таки, родственница, комически прибавилъ Сермягинъ.

— Вамъ смѣшно, сказалъ Волынкинъ,— а мнѣ не до смѣху; я никакъ не могъ себѣ представить, чтобы лукавство дѣвушки могло доходить до такой степени. Она замѣчательная личность, вредная личность; вы меня извините, что я такъ прямо выражаюсь на ея счетъ.

— Сдѣлайте одолженіе, продолжайте; мнѣ это доставляетъ большое удовольствіе.

— Ну такъ слушайте же...

И Волынкинъ горячо описалъ Сермя-

гину всѣ обстоятельства, извѣстныя уже читателю, разсказавъ даже начало своего романа. Юноша былъ тронутъ поэтичною таинственностію отношеній Волынкина къ Вѣрѣ. «Вѣдь вотъ, думалъ онъ: — «не выпадетъ же на мою долю такое счастье? Теперь все понятно, я прозрѣваю»...

— Вотъ бѣсенокъ-то! невольно вскрикнулъ онъ, думая о своей кузинѣ: — что изъ нея будетъ со временемъ? Что будетъ съ тѣмъ несчастнымъ, который назоветъ ее женою? Я бы покрайней мѣрѣ не желалъ быть на его мѣстѣ. Но что же вы намѣрены дѣлать? Нельзя же оставить это дѣло такъ.

— Ну, разумѣется, вскрикнулъ Волынкинъ.

— Нельзя же допустить, чтобы она торжествовала, продолжалъ Сермягинъ, или чтобы она шла въ монастырь.

— Ни въ какомъ случаѣ.

— Да она и не пойдетъ. Развѣ въ мужской! продолжалъ Сермягинъ; — но

порокъ долженъ быть наказанъ, а добродѣтель торжествовать.

— Вы все смѣетесь, Сермягинъ, а я жду отъ васъ одолженія.

— Я готовъ, на все готовъ, отвѣчалъ съ увлеченіемъ юноша; ему хотѣлось быть дѣйствующимъ лицомъ, актеромъ драмы.

— Вразумите вашу кузину.

— Нельзя ли вамъ поручить мнѣ что-нибудь другое?

— Разскажите ей, какъ можно трогательнѣе, романическое начало моей повѣсти. Она ее тронетъ.

— Да кузина-то не трогаетъ ни одной повѣсти.

— Скажите ей, что она ошибалась, что я никогда не любилъ ее, или нѣтъ, — это было бы слишкомъ откровенно, — что я увлекался ею невольно, что это участь всѣхъ, кто только ее видитъ, но что я любилъ другую и что когда случайно встрѣтилъ ее, то натуральнымъ образомъ… но что я говорю? Всего этого сказать ей

нельзя, она еще болѣе разсердится. Не лучше ли убѣдить ее, что я не стою ея любви, что въ монастыряхъ скучно, не танцуютъ, что я пустой свѣтскій человѣкъ, что я....

— Что вы, что вы! перебилъ Волынкина Сермягинъ: — по ея понятіямъ, свѣтскость и пустота въ мужѣ главныя его достоинства. Вотъ пустота кармана — это дѣло другое...

— Неужто вы думаете, что она способна... въ свою очередь перебилъ юношу Волынкинъ.

— Мы живемъ въ такомъ холодномъ вѣкѣ, женщины холодны, очень холодны...

— Но что же дѣлать? Какъ быть? Что сказать ей?

— Не знаю... она расхохочется всему, чтобы я ни сказалъ ей — это ея обыкновенная система со мною — но все равно, я ей скажу, много скажу, горячо, сильно скажу, будьте увѣрены.

— Скажите ей, что она поступаетъ

эгоистически, что она однимъ словомъ уничтожаетъ цѣлую будущность и уничтожаетъ ее безплодно для себя. Развѣ это дружба? Впрочемъ, это ни къ чему не поведетъ. Если кузина ваша и сознается, что поступила жестоко, то отъ словъ своихъ не откажется, чтобы не подать повода къ сомнѣнію на счетъ твердости ея убѣжденій и даже намѣреній.

— Не пойдетъ она въ монастырь. Но я все-таки поговорю съ ней, я употреблю все мое краснорѣчіе.

— И не старайтесь, mon cher monsieur Сермягинъ, это будетъ безполезно, а, главное, извините меня, что я потревожилъ васъ своимъ визитомъ, а еще болѣе драматическимъ разсказомъ моихъ похожденій. Но человѣку въ моемъ положеніи можно потерять голову и хвататься за соломенку.

— Помилуйте, мнѣ очень пріятно, необдуманно сказалъ Сермягинъ, горячась все болѣе и болѣе: — да это ужасно! Это и я бы сошелъ съ ума. Все шло такъ

прекрасно: давнишнее воспоминанiе, эта стѣна, все это такъ поэтично, пѣнiе, сочувствiе, наконецъ встрѣча, сомнѣнiе, борьба даже, точь въ точь какъ въ романѣ и вдругъ — разрывъ... это нестерпимо — я терпѣть не могу разрывовъ! И изъ чего же? Изъ каприза этой дѣвочки идти туда, куда не пойдетъ, не пустятъ. Нѣтъ, я этого такъ не оставлю: я ей наговорю такихъ вещей, что она содрогнется. Я сейчасъ же поѣду къ ней, она меня не ожидаетъ, о! я приведу ее въ ужасъ, увѣряю васъ.

Юноша шагалъ большими шагами по комнатѣ и поспѣшно повязывалъ галстухъ, требуя шляпу и перчатки. Ребяческiй гнѣвъ Сермягина заставилъ улыбнуться Волынкина и пожалѣть, зачѣмъ онъ такъ опрометчиво ввѣрилъ ему свою тайну.

Молодые люди разстались и разъѣхались въ разныя стороны: Волынкинъ домой, а пылающiй гнѣвомъ Сермягинъ къ кузинѣ. Какъ вихрь влетѣлъ онъ по лѣстницѣ, бросилъ шинель въ объятiя оторопѣвшаго

лакея, который, по приказанію барыни, въ отсутствіе гостей, методически вязалъ толстый шерстяной чулокъ; перебѣжалъ залу и неожиданно остановился весьма драматически посреди гостиной, гдѣ думалъ встрѣтить Настеньку и поразить молніеноснымъ взглядомъ.

— Съ нами крестная сила! вскрикнула Аграфена Павловна: — часъ отъ часу не легче! Угорѣли вы что ли, батюшка?

— Извините, сказалъ встревоженный юноша, я совсѣмъ объ васъ не думалъ... то есть, извините, я хотѣлъ сказать, мнѣ вовсе не васъ нужно... опять не то я говорю: кузину мнѣ нужно, гдѣ кузина?...

— Да вы, батюшка, рѣхнулись никакъ? на пожаръ что ли вы спѣшите? Или съ цѣпи сорвались? Развѣ такъ можно поступать? Куда вы ворвались? Ресторація здѣсь, что ли? Перепугали меня до смерти. Ну ужъ молодежь нынѣшняя! Никакаго уваженія къ старшимъ! Да и чего же ожидать! Всѣ вы на одинъ покрой.

— Извините, пожалуйста, я такъ встревоженъ, такъ золъ...

— Злы? спросила внезапно вошедшая Настенька и покатилась со смѣху.

— Да золъ, ужасно золъ, продожалъ Сермягинъ, бросая шляпу на кушетку, съ которой она кубаремъ скатилась на полъ. — И золъ на васъ, прибавилъ онъ шопотомъ, подойдя къ Настенькѣ.

— Подымите шляпу-то, сказала она, продолжая смѣяться: — чѣмъ шляпа виновата?

Но Сермягинъ нарочно пихнулъ шляпу ногою, и она полетѣла въ уголъ.

— Пропадай семь цѣлковыхъ! сказалъ онъ и зашагалъ по комнатѣ, а Настенька такъ и заливалась.

— Что это съ нимъ? Господи! говорила Аграфена Павловна: — совсѣмъ отъ рукъ отбился! Воспитывали въ страхѣ Божіемъ, а онъ вонъ какой молодецъ вышелъ! Если я не напишу къ роднымъ въ деревню, будь я, не я. Напишу, что

это? на что похоже? Скромный мальчикъ былъ такой, вдругъ, натъ-ко какъ расходился! Что за манеры такіе? А отъ чего? Потому что знается съ этой здѣшней молодежью, вотъ она ему голову-то и вскружила.

— Оставь его, maman, вступилась Настенька, походитъ, походитъ — сядетъ. Ребенокъ капризничаетъ — не надо обращать вниманія, онъ и перестанетъ.

— Ахъ! это ужасно! вспыхнувъ, вскрикнулъ Сермягинъ: — этотъ ребенокъ можетъ насказать такихъ вещей, что страшно будетъ, этотъ ребенокъ знаетъ то, чего никто не знаетъ, этотъ ребенокъ...

Сермягинъ старался придать своимъ глазамъ самое страшное выраженіе, отъ котораго Настеньку разбиралъ смѣхъ, и дѣлалъ такіе сильные жесты, что зацѣпилъ наконецъ китайскаго уродца, стоявшаго съ прочими на подзеркальникѣ и уродецъ съ громомъ полетѣлъ на полъ.

— Господи, помилуй! вскрикнула Аграфена Павловна.

— Не ломайте мебели, жалобно умоляла Настенька, хохоча отъ души.

— Смѣйтесь, сказалъ Сермягинъ: — я васъ плакать заставлю...

— Мою-то дочь! вскрикнула Аграфена Павловна: — мое-то дитя невинное? Да что вы въ самомъ дѣлѣ? Или комедію представляете? Нынче свѣтъ такой, что и не поймешь. Хорошаго ни отъ кого не жди, всѣ на одинъ покрой: гроша ломанаго не стоите...

— Да вы то что? перебилъ ее Сермягинъ: — вамъ чего надо? Развѣ я съ вами? Мы съ кузиной знаемъ, что знаемъ, а вы что? Вы про кого?...

— Я про всѣхъ, всѣ хороши. Вотъ хоть бы вашъ знакомый, горячо продолжала Аграфена Павловна: — да вашъ пріятель, бонтонъ-то Волынкинъ, хорошій человѣкъ, нечего сказать, а еще въ большомъ свѣтѣ бываетъ. Ѣздилъ, ѣздилъ въ порядочный домъ, былъ принятъ наилучшимъ манеромъ, ухаживалъ за благородной дѣвицей, съ какими намѣреніями —

Христосъ его знаетъ, а только, казалось, заинтересованъ и вдругъ рѣже, рѣже, а наконецъ и совсѣмъ пересталъ. Что же, это хорошо? Что же это по вашему, батюшка, благородно? Вѣдь, будь моя Настенька хуже воспитана, вѣдь онъ ей, пожалуй, голову бы вскружилъ... Хорошо, что она надъ нимъ смѣялась, да дурачила его разумѣется, не Вѣрочкѣ чета, да и я не такая мать, батюшка, чтобы на богатство польстилась. Богъ съ нимъ и съ богатствомъ, если нравственность не хороша. У Струйскихъ теперь и днюетъ и ночуетъ — срамъ просто.

— Полно, maman, сказала Настенька:— дай Полю излить свое негодованіе, его муха укусила, шляпу свою измялъ, китайца испортилъ... это такъ забавно.

— Да и Вѣрочка-то хороша, продолжала Аграфена Павловна, не слушая дочери: — другомъ тоже называлась, видѣла она, батюшка, чай, какъ Волынкинъ-то вашъ любезный за моей ухаживалъ, ужь, кажется, на что яснѣй, понятное было дѣло,

до того доходило, что я бывало думаю: вотъ, вотъ посватается; такъ нѣтъ, батюшка, зло ее взяло, давай отобью, семъ молъ пѣсенку спою — ишь на какія тонкости пустилась — спѣла, да вотъ и отбила.

— Кто про что, maman, а ты все свое. Сермягина упрекаешь, что онъ сердится, а сама тоже дѣлаешь.. говорила Настенька: — стоитъ ли это того?

— И точно, что они развѣ только плевка стоятъ, сказала Аграфена Павловна и, громко отодвинувъ стулъ, встала, плюнула и пошла было въ другую комнату, но, оглянувшись, прибавила: а вы, батюшка, впередъ остерегитесь, молоды, не хорошо, вбѣжали словно угорѣлый... счастье ваше, что никого не случилось, да и мы-то вамъ не чужія, а то что бы подумали? Настенька моя что ли васъ такъ раздразнила, кто васъ знаетъ? Дитя она невинное, а вы знайте приличіе, съ Волынкинымъ не знайтесь, лучше будетъ. Вы, батюшка, не сердитесь на меня старуху, я попросту, безъ затѣй....

И съ этими словами она поплелась дальше.

— Ушла сказалъ Сермягинъ весьма драматически.

— A nous deux maintenant, тѣмъ же тономъ отвѣтила Настенька: — такъ начинаются всѣ сцены въ комедіяхъ, когда двое остаются одни, проводя третьяго лишняго. Дальше что будетъ?

— Взгляните на меня, кузина.

— Давно гляжу на васъ и на вашу шляпу — ее мнѣ жаль, а вамъ я удивляюсь.

— Да я то ничему не удивляюсь, даже вашему смѣху, началъ съ жаромъ Сермягинъ. Смѣйтесь, торжествуйте, радуйтесь, это въ вашемъ характерѣ. Я все знаю, кузина, все...

— Браво! Какіе страшные глаза: вы годитесь въ драматическіе герои.

— Ну да и вы, кузина, хорошо съиграли свою роль. Когда ваше постриженіе? Не даромъ вы и мнѣ роль предлагали какъ-то разъ на балѣ.

— Роль несчастнаго любовника? Помню.

— Смѣйтесь. Но неужто въ васъ точно нѣтъ сердца? Неужто вы не вѣрите въ возможность чувства? Послушайте: вы вѣрно не знали, что было годъ тому назадъ, или вы не вѣрите, что раздѣленные стѣной пѣли два голоса, бились два сердца, что наконецъ эти сердца встрѣтились, узнали другъ друга, сошлись, влюбились...

— И эти сердца, перебила его Настенька: —принадлежали Волынкину съ Вѣрой? Не такъ ли? Кто сочинилъ эту трогательную идиллію.

— Вы ей не вѣрите?

— Отъ чего же? все можетъ быть. Но вѣрнѣе, что это сочиненіе.

— Ну, конечно, вамъ нельзя же сознаться, что вы вѣрите, да не хотите вѣрить. Иначе какъ оправдать ваши поступки. За что, за чѣмъ разстроили вы эту свадьбу?

— Я? чью?

— Вы спрашиваете? Кузина, вѣдь я все знаю.

— Опять страшные глаза!

— Вѣра отказала Волынкину....

— Въ самомъ дѣлѣ?

— И по вашей милости! Это ужасно! Это безчеловѣчно!

— Вы преувеличиваете, Поль.

— Я никогда ничего не преувеличиваю.

— Вы ошибаетесь, можетъ быть?

— Никогда я не ошибаюсь, кузина.

— Неужто? Да я и забыла, что вы мужчина. Но изъ чего вы хлопочете, мужчина? Не все ли вамъ ровно: женится Волынкинъ или нѣтъ? Вѣдь не вы женитесь, а онъ. Вамъ это невозможно.

— И ему невозможно.

— Человѣку съ характеромъ все возможно.

— Нельзя дѣйствовать прямо, когда ведутъ подземную войну, подкапываются подъ спокойствіе человѣка, ставятъ сѣти, интриги.... и этотъ тайный врагъ—вы!..

— Опять жесты! Опять разобьете китайца.

— Нѣтъ, вы не женщина! вскрикнулъ въ отчаяніи Сермягинъ: — у васъ нѣтъ души — гранитъ какой-то. Двое гибнутъ по ея милости, а она говоритъ о китайцѣ, она смѣется! Бѣдный Волынкинъ!..

— Что съ нимъ? съ притворнымъ чувствомъ спросила Настенька.

— Ему отказано, понимаете ли, отказано.

— Вы почемъ знаете?

— Онъ самъ сказалъ мнѣ; онъ въ отчаяніи. О! будь я на его мѣстѣ, я бы вамъ показалъ дружбу!...

— Такъ вотъ вы отчего въ такомъ пріятномъ расположеніи духа!

— Я очень золъ, кузина, очень золъ и долго буду золъ, увѣряю васъ.

— Ему отказано! сказала Настенька и, вставъ съ кресел, заходила по комнатѣ.

Молодая дѣвушка была въ такомъ волне-

нiи, что не могла скрыть его и только послѣ молчанiя спросила:

— Какую же причину... какой предлогъ она дала этому отказу?

— Вѣра Васильевна слишкомъ благородна, чтобы ловить, заманивать, разчитывать и отбивать жениха у своей прiятельницы, которая идетъ въ монастырь. А къ вамъ пристанетъ черный крепъ, кузина.

Сермягинъ думалъ, что краснорѣчiемъ уничтожаетъ Кузину.

— Вотъ что, сказала она: — меня обвиняютъ? Кто же? Вы или Волынкинъ? Кто могъ быть свидѣтелемъ того, что происходило между мною и Вѣрой, если только что-нибудь происходило между нами. Допустите, что мы были однѣ, и потому, если я и виновна въ этомъ, то доказательствъ ни у кого на это нѣтъ, а потому.... да что и говорить.... свѣтъ дышетъ клеветой.

— Только этого не доставало, громко

смѣясь, сказалъ Сермягинъ: — вы же прикидываетесь жертвой! Ужъ вы въ самомъ дѣлѣ нейдете ли въ монастырь. То-то вы такъ богомольны стали съ нѣкоторыхъ поръ.

— Смѣйтесь, Сермягинъ — это полезно до обѣда. А, вѣдь свадьбы-то не будетъ, продолжала она послѣ молчанья: — нелѣпыя идилліи о сосѣдствѣ, стѣнѣ, голосахъ и проч., которыя было пустили въ-ходъ, не имѣли успѣха — вотъ что смѣшно, Поль, такъ смѣшно.

Настенька засмѣялась въ свою очередь.

— Ну, не будетъ свадьбы, да вамъ то что же? Вѣдь и вы ни причемъ? Милліоны то улыбнулись; а они вамъ очень нравились! И вы можете еще говорить, не краснѣя, что вы любите Волынкина.

— Я не люблю его! вскрикнула Настенька.

— Ну, конечно, нѣтъ; себя вы очень любите, что, впрочемъ, доказываетъ, что любовь слѣпа.

— Это зло. Вы умнѣете, развиваетесь, хотѣла я сказать.

— Она губитъ жизнь человѣка въ отмщеніе за свое неисполнимое желаніе, и еще улыбается, шутитъ, остритъ, и все это такъ граціозно, такъ наивно, съ такимъ милымъ дѣтскимъ выраженіемъ въ лицѣ. Нѣтъ!... это ужасно!...

— Я люблю его! шептала Настенька.

Но Сермягинъ залился смѣхомъ.

— Развѣ я не знаю, что я дѣлаю дурно, продолжала она: — развѣ я не вѣрю, что они любятъ другъ друга, я все вижу, все понимаю, мнѣ страшно иногда самой и больно, и досадно на себя — вѣдь я не такъ ужъ очень дурна, я могла бы быть лучше — но я люблю его, очень люблю, больше ея люблю....

— Докажите: уѣзжайте, оставьте ихъ, хоть въ монастырь, пожалуй.

— Какъ! уступить его Вѣрѣ? Никогда! Пусть они лучше гибнутъ оба. Какъ они смѣли любить другъ друга?...

— Забавная претензія, особенно для монахини!

— Положимъ. Но свадьбы не будетъ.

Это новость очень пріятная, и я вамъ ею обязана. Я не знаю, что васъ сюда влекло, побить вы меня собирались или другое имѣли злостное намѣреніе — и она ударяла на слово злостное — но вы мнѣ сказали то, чего я не знала, я вамъ очень обязана. Вамъ, Поль, кажется, ничто не удается? Чего вы хотѣли, сообщая мнѣ отказъ Вѣры? Объясненій? Я ихъ вамъ не дамъ. Съ упреками вы пріѣхали? Ну, упрекайте, я вамъ позволяю, мнѣ все равно. Оставайтесь лучше обѣдать и поговоримъ о другомъ. Однако, пойдти взглянуть, не заснула ли маменька. Она послѣ болѣзни постоянно дремлетъ, а это ей вредно.

И съ этимъ словомъ она побѣжала было въ другую комнату, но, остановясь, прибавила:

— Подождите меня здѣсь, если хотите, или поѣзжайте утѣшать Волынкина; это удвоитъ комичность его положенія.

Но Сермягинъ, выведенный изъ терпѣнія, поднялъ свою шляпу и бросивъ Ку-

зинѣ весьма огненный взглядъ, пошелъ въ залу.

— Скажите Волынкину, крикнула она ему вслѣдъ: — чтобы онъ подарилъ вамъ новую шляпу.

Но Сермягинъ уже былъ въ передней, онъ чуть не плакалъ съ досады. А Настенька смѣялась, разсказывая матери причину его гнѣва.

III.

На другой день по утру Сермягинъ въ длинномъ монологѣ излилъ передъ Волынкинымъ всю желчь свою противъ Настеньки. Волынкинъ не ожидалъ ничего отъ этого свиданія, онъ начиналъ терять всякую надежду: борьба съ препятствіями становилась не подъ силу его слабому характеру.

«Не судьба ли,» думалъ онъ, разставшись съ Сермягинымъ,—«въ видѣ этой дѣвушки становится между мной и Вѣрой. Развѣ можно спорить съ судьбой? Развѣ

можно идти и поступать наперекоръ ея желаніемъ? Не смириться ли мнѣ? Не отойти ли скромно въ сторону, предоставя этой же самой судьбѣ заботиться о будущемъ Вѣры, а самому искать счастія тамъ, гдѣ оно само напрашивается, то есть вернуться къ Варенькѣ и позабыть въ ея объятіяхъ свѣжую, дѣвственно-чистую красоту Вѣрочки. Нѣтъ, чувство не возвращается и покупное наслажденіе никогда не сравнится даже съ страданьемъ по невинной дѣвушкѣ. Конечно, тамъ нѣтъ этой борьбы, тамъ побѣда достается легко, но за то нѣтъ этого очарованія, нѣтъ этихъ поэтическихъ ожиданій, нѣтъ этой таинственности, нѣтъ этого обаянія. Такъ и быть, попробую еще и, авось, удастся.»

Вліяніе Вѣры пересилило слабость характера, и Волынкинъ, не размышляя долго, поѣхалъ къ Струйскимъ, твердо убѣжденный въ успѣхѣ своего намѣренія. Было семь часовъ вечера, когда Волынкинъ входилъ въ гостиную Степаниды Львовны, только что усѣвшейся играть съ Силой

Савичемъ въ пикетъ. Вѣра была на верху и присутствовала при туалетѣ Дорхенъ, которую, нарядивъ въ бальное платье, собиралась везти нынѣшнимъ вечеромъ на какой-то дѣтскій балъ. Сила Савичъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, разсказалъ Степанидѣ Львовнѣ все, случившееся между Волынкинымъ и Вѣрой, употребя не мало усилій, чтобы успокоить удивленіе, испугъ и наконецъ справедливый гнѣвъ старухи на Настеньку.

— Только вы смотрите, говорилъ Сила Савичъ, — не показывайте, сударыня, и виду, — не выдайте вы меня, а то тогда, извѣстное дѣло, погибъ хорошій человѣкъ, да и Волынкину-то виду не показывайте, вѣдь это онъ звонилъ сію минуту, я ужь и звонъ его призналъ. Идетъ, матушка, прибавилъ Сила Савичъ, заслыша шаги Волынкина въ залѣ и, мгновенно мѣняя тонъ, крикнулъ: — четырнадцать королей, сударыня!

Волынкинъ, блѣдный и разстроенный, во

шелъ въ гостинную и, обмѣнявшись первыми привѣтствіями, подсѣлъ къ играющимъ.

— А Вѣра Васильевна дома или нѣтъ? спросилъ Волынкинъ.

— Почти что нѣтъ, отвѣчала Степанида Львовна: — она наверху, одѣваетъ Дорхенъ, везетъ ее на дѣтскій вечеръ.

— «Вотъ удобная минута,» подумалъ Волынкинъ, и оттѣнокъ удовольствія мелькнулъ на лицѣ его.

Сила Савичъ, слѣдившій за всѣми движеніями Волынкина и вооруженный очками по причинѣ игры въ карты, угадалъ по лицу молодаго человѣка желаніе высказаться.

— А что, сударыня, не бросить ли намъ игру-то, мы только ее начали, я же въ проигрышѣ, я человѣкъ бѣдный, какъ вы думаете? Въ пріятныхъ разговорахъ время провести можно — Петръ же Степановичъ въ карты не играетъ, а ужъ, извѣстное дѣло, одно изъ двухъ—или играть или разговаривать, а то что это за игра?

— Да, пожалуй, сказала Степанида Львовна, не понимая, что значитъ подмигиванье старика и не успѣвъ еще хорошенько оправиться отъ сцены съ нимъ, предшествовавшей появленію Волынкина.

Извинясь, что нарушаетъ ихъ занятія, Волынкинъ скоро перешелъ къ интересовавшему его предмету и въ самыхъ простыхъ, но теплыхъ выраженіяхъ просилъ у Степаниды Львовны руки ея дочери.

— Меня это не удивляетъ, отвѣтила Степанида Львовна: — я давно замѣтила расположеніе ваше къ Вѣрочкѣ и ея къ вамъ.

— Теперь я совершенно счастливъ, вскрикнулъ Волынкинъ: — слышать отъ самой матери о любви ея дочери, значитъ получить самое твердое увѣреніе въ этомъ чувствѣ. Благодарю васъ за то, что вы его одобряете.

— Предложеніе ваше, сказала Степанида Львовна, — дѣлаетъ какъ мнѣ, такъ и дочери моей, большую честь и я, съ моей стороны, могу сказать только, что я

никогда не желала и не мечтала имѣть лучшаго зятя.

Волынкинъ бросился цѣловать ея руки.

— Извѣстное дѣло, говорилъ хлопавшій въ ладоши Сила Савичъ; — и я съ моей стороны очень доволенъ, очень доволенъ.

— Что же касается Вѣры, говорила Степанида Львовна: — я вамъ за нее ручаюсь.

— Ахъ, сказалъ Волынкинъ, — если бы это точно было возможно...

— Я знаю, на что вы намекаете, перебила его Степанида Львовна.

— Возможно ли? вскрикнулъ Волынкинъ.

— Я все знаю, повторила старушка.

— Ахъ, да какой же вы болтунъ, полусерьезно, полушутливо обратился Волынкинъ къ Силѣ Савичу.

— Не вытерпѣлъ, сударь, извините, такъ вотъ языкъ и чесался, долго терпѣлъ и ужъ самъ не знаю, какъ это случилось. Это не я сказалъ, а, извѣстное дѣло, само сказалось, право само...

— Какъ бы то ни было, прервала его Степанида Львовна, — я очень рада, что дѣло объяснилось и хоть я не отвергаю принятой молодыми людьми методы, только убѣдившись въ чувствахъ дочери, обращаться къ матери, нахожу, что въ иныхъ случаяхъ лучше бы поступать наоборотъ.

— Какъ оно вотъ теперь и случилось, замѣтилъ Сила Савичъ.

— Какъ! вскрикнулъ Волынкинъ: — неужели вы полагаете, что Вѣра Васильевна можетъ взять назадъ свое слово, это ужасное слово. Неужъ-то меня ожидаетъ вторичный отказъ?

— Это не былъ отказъ, Петръ Степанычъ, сказала Степанида Львовна; — положеніе Вѣры было самое затруднительное, она не могла поступить иначе, и я еще болѣе начинаю гордиться моею дочерью. Но теперь, когда я вступаюсь въ это дѣло, когда я скажу ей, что въ союзѣ съ вами я вижу ея счастіе, будьте увѣрены, что вліяніе Настеньки потеряетъ свою силу: мы обѣ съ дочерью ошиблись

и любовались лицомъ, не обращая внимания на изнанку.

— Правда, вскрикнулъ Сила Савичъ;— извѣстное дѣло, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

Волынкинъ бросился обнимать старушку.

— А меня-то? Меня-то что же? повторялъ Сила Савичъ, простирая руки. — Я хлопоталъ, я, можно сказать, все сладилъ, а на меня и вниманія никакого не обращаютъ, извѣстное дѣло....

— И васъ, и васъ позвольте мнѣ обнять! вскрикнулъ Волынкинъ, простирая обьятія къ Силѣ Савичу.

— Извольте, извольте, сказалъ старикъ.

Въ это самое время Дорхенъ, завитая въ локоны, хорошенькая, какъ амуръ, въ пышномъ кисейномъ платьѣ, съ широкимъ розовымъ поясомъ, весело вбѣжала въ гостиную. Степанида Львовна обняла дѣвочку и поцѣловала. Дорхенъ показалось, что ее сейчасъ пошлютъ въ дѣвичью посмотрѣть что тамъ дѣлается, но она

ошиблась. Сила Савичь продолжалъ душить Волынкина, когда Вѣра вошла въ гостиную, но, увидавъ объятія, остановилась.

— Что это значитъ? сказала она довольно громко.

— Вѣра! крикнулъ Волынкинъ, вырываясь изъ объятій Силы Савича и быстро подходя къ ней.

— Что съ вами? спросила Вѣра: — чему вы такъ рады? что случилось?..

Но Степанида Львовна уже стояла между ними.

— Дѣти мои, говорила она съ чувствомъ, — Богъ васъ благословитъ! Вѣра, благословеніе матери разрѣшаетъ всякое сомнѣніе; я беру все на себя; отвѣтственность въ отношеніи къ Настенькѣ падаетъ на меня одну. Она была дурнымъ другомъ, пусть Богъ ее проститъ, но я вступилась за правоту дочери, за ея счастье. Богъ васъ благословитъ, дѣти мои! Степанида Львовна обнимала и жениха, и невѣсту, цѣлуя обоихъ.

— Ура! крикнулъ Сила Савичъ, прыгая и хлопая въ лодоши: — шампанскаго! продолжалъ онъ кричать, — извѣстное дѣло, шампанскаго! убѣгая въ залу и распоряжаясь.

А Вѣра не успѣла еще опомниться, какъ уже была въ объятіяхъ Волынкина.

— Не сонъ ли это наконецъ? спросила она.

— Нѣтъ, это не сонъ, сказалъ Волынкинъ, — это дѣйствительность, только похожая на сонъ. Вѣдь вы любите меня, Вѣра?

— И вы можете спрашивать, Pièrre?

— Жаль только, продолжалъ онъ, шутя, — что эта дѣвушка, которая пѣла за стѣной моей комнаты въ Петербургѣ, была не вы....

— Та дѣвушка давно себя выдала, она спросила: «такъ это были вы?»

И онъ не смѣлъ броситься къ ногамъ ея, не смѣлъ сказать: «это былъ я!» говорилъ Волынкинъ, цѣлуя руки Вѣры.

— А вотъ что еще болѣе жаль, вмѣшалась Степанида Львовна, — что та дѣвушка, которая перекликалась черезъ стѣну съ молодымъ человѣкомъ, не сказала этого еще тогда матери.

— Она была съ теткой, вступился Сила Савичъ.

— Она любила, кончила Вѣра, — а кто любитъ, тотъ молчитъ.

— Не потому ли самому, сказалъ Волынкинъ, — и Настасья Ивановна вообразила, что я люблю ее, потому что, касательно любви, съ моей стороны я всегда молчалъ при ней.

— Полноте, Pièrre, это жестоко: она можетъ быть точно васъ любитъ.

Но Волынкинъ и Степанида Львовна громко захохотали.

— Пощадите, говорила Вѣра, — этотъ смѣхъ больно отзывается въ моемъ сердцѣ; я такъ долго ее любила, я такъ привыкла вѣрить ей...

А Дорхенъ между тѣмъ, смутно пони-

мая, что что-то важное совершилось въ домѣ и инстинктивно чувствуя, что слѣдовало бы съ чѣмъ-то поздравить и мать и дочь, находилась въ какомъ-то нерѣшительномъ состояніи, перебѣгая съ одного мѣста на другое и вопросительно смотря всѣмъ въ глаза.

— Ну что же ты, Дорхенъ, поздравляй меня: Вѣра замужъ идетъ, вотъ ея женихъ, присѣдай, поздравляй; недаромъ ты такая нарядная сего дня. Какъ же мнѣ быть съ тобой; нельзя же Вѣрѣ ѣхать теперь съ тобой. Да я сама поѣду; поди скажи, чтобы мнѣ чепецъ приготовили, да кстати посмотри, прибавила она тише, все ли тамъ прилично.

И Дорхенъ, присѣвъ всѣмъ троимъ, поцѣловавъ руку Степаниды Львовны выбѣжала изъ комнаты исполнить приказаніе старушки. Шампанское было наконецъ откупорено и принесено въ гостиную. Бокалы чокались, желанія посылались другъ другу, слышались поцѣлуи. Степанида Львовна плакала, Сила Савичъ въ сильномъ

восторгѣ чуть не плясалъ по паркету, даже лакей, державшій подносъ, весело ухмылялся, когда изъ кабинетной двери показалась чистенькая фигурка Панкратьевны.

— Няня! вскрикнула Вѣра, — голубушка, поди сюда.

— Поздравляю тебя, дитятко, поздравляю, моя золотая, говорила старушка: да и васъ, матушка, Степанида Львовна, тоже поздравить честь имѣю. Золотая моя, серебряная, обращалась она къ Вѣрѣ, а слезы между тѣмъ орошали ея морщинистыя щеки. — И васъ, батюшка, поздравляю, обратилась она къ Волынкину, — какое вы у насъ сокровище отнимаете, вскормили ее, вспоили, не надыхали на нее, а вы ее отнимаете. Ну что же, въ добрый часъ, въ архангельскій; а крупныя слезы все больше и больше орошали лицо старушки. —Дай вамъ Богъ, батюшка, жить да поживать, дѣтей наживать; дай Богъ вамъ, батюшка, имячка я вашего

не знаю, какъ ихъ, матушка, по имени-то и отечеству? обратилась она къ Вѣрѣ.

— Петръ Степанычъ, сказала Вѣра.

— Дай Богъ вамъ, батюшка Петръ Степанычъ... старуха не договорила и залпомъ выпила бокалъ, который ей подалъ Сила Савичъ.

— Это вы, батюшка, Петръ Степенычъ, продолжала она, опрокидывая на головѣ своей пустую рюмку и обращаясь къ Волынкину, — пѣть-то изволили, помнишь, родная моя? обратилась она къ Вѣрѣ, — ты еще пріѣхала съ балу. Вы не повѣрите, батюшка, продолжала она, обращаясь къ Волынкину, — въ какомъ она была сумлѣніи. «Помнишь, говоритъ она мнѣ, помнишь, няня, его голосъ. Чей такой, говорю. Тамъ, говоритъ, за стѣной, онъ пѣлъ, говоритъ, помнишь? А за какой стѣной, за Кремлевской что ли, или другой какой, того не говоритъ; только и слышу: помнишь, няня, говоритъ, онъ пѣлъ. Глупенькая она и не понимаетъ того, гдѣ мнѣ старому человѣку знать...

— Я тотъ самый, тотъ самый, перебилъ Волынкинъ: — прошу любить да жаловать.

И незамѣтнымъ образомъ опустилъ въ руку старушки два полуимперіала.

— Ну, Панкратьевна, сказала Степанида Львовна, — распорядись-ка, поднеси тамъ вина всей дворни, скажи, что Вѣра Васильевна замужъ выходить изволитъ, да смотри, чтобы все это было пристойно, а то гдѣ веселье, да похмѣлье, тамъ и грѣхъ всякій.

— Скажу, матушка, за Петра Степаныча, молъ, выходитъ, а вотъ по фамиліи-то и не знаю.

— Я Волынкинъ.

— Петръ Степанычъ Волынкинъ, продолжала старуха, идя къ двери, — фамилія извѣстная, у насъ всѣ пастухи въ селѣ на волынкахъ играютъ.

— Ну ужъ извините, продолжала Степанида Львовна; — она съ геральдикой не въ ладу. Однакожъ, пойти надѣть мнѣ чепецъ, да свезти Дорхенъ, а то поздно.

А вы, Сила Савичъ, смотрите, въ мое отсутствіе не оставляйте ихъ, а то неприлично.

— Будьте покойны, сударыня, извѣстное дѣло, какъ насѣдка за цыплятами, такъ и я за ними.

И съ этимъ словомъ Степанида Львовна вышла изъ кабинета.

— Что, сударыня, обратился Сила Савичъ къ Вѣрѣ, сидѣвшей рядомъ съ Волынкинымъ: — *поймали птичку голосисту?* недаромъ пѣсня поется.

— А вы, Сила Савичъ, на росказни мастеръ, отвѣчала Вѣра, — повѣрь ему тайну какую-нибудь, всѣмъ разблаговѣститъ.

— Что же, извѣстное дѣло, разблаговѣстилъ, за то теперь отзвонилъ и съ колокольни долой.

Степанида Львовна дѣйствительно скоро уѣхала на вечеръ. Можно себѣ представить, какіе восхитительные, полные очарованія часы провели молодые люди почти

глазъ-на-глазъ, потому что присутствіе Силы Савича ихъ нисколько не стѣсняло. Откровенная, благородная натура этого старика вселяла столько симпатіи, вызывала на такую довѣренность, что молодые люди охотно посвящали его въ тайны своихъ сердечныхъ отношеній. Вѣра сѣла за фортепіано, и не прошло минуты, какъ звуки давно знакомой аріи раздались въ комнатѣ.

— Кто это поетъ за стѣной моей комнаты? говорилъ, шутя, Волынкинъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, прервалъ его Сила Савичъ, — кто бы это была такая, а можетъ быть хорошенькая. Вы бы ей подтянули, сударь. Глядишь, у васъ вдвоемъ-то и лучше бы пошло.... согласнѣе....

Волынкинъ началъ вторить Вѣрѣ.

— Вотъ такъ-то, вотъ такъ — хорошо! повторялъ по-временамъ Сила Савичъ, выбивая тактъ ладонью по колѣнкѣ.

Но арія подходила къ концу.

— Какой чудный голосъ у моего сосѣда, въ свою очередь говорила Вѣра, кончивъ арію; — только, какъ онъ смѣетъ мнѣ вторить?

Очень естественно, что всѣ эти выходки приводились къ одному и тому же знаменателю, то есть Волынкинъ долго и нѣжно цѣловалъ хорошенькія ручки своей невѣсты.

— Однакожъ, говорилъ Сила Савичъ: — если Степанида Львовна часто намѣрена меня оставлять въ вашей компаніи, то это, извѣстное дѣло, она погибели моей доискивается, вѣдь это я, глядя на васъ, самъ помолодѣю. Такъ бы вотъ кого-нибудь и обнялъ.

— Кто же вамъ мѣшаетъ, отвѣчалъ Волынкинъ, подставляя ему щеку.

— Ишь вы ловкіе какіе, возражалъ, шутя, Сила Савичъ, я вамъ, небось, своей бритой щеки не подставляю.

— Постойте, я васъ помирю, вступилась Вѣра, становясь между обоими и

протягивая свои ручки, одну Волынкину, а другую Силѣ Савичу.

И два чуть ли не одинаково страстныхъ поцѣлуя раздались въ комнатѣ.

— Что это за ангелъ! говорилъ Волынкинъ.

— Извѣстное дѣло, вторилъ Сила Савичъ, — и я говорю, что это за ангелъ. Такъ незамѣтно проходило время. Наконецъ и Степанида Львовна вернулась съ Дорхенъ. Часы пробили двѣнадцать, а Волынкинъ все еще не думалъ брать шляпы. Наконецъ и онъ, собравшись съ духомъ, уѣхалъ скрѣпя сердце. Когда, подъѣзжая къ дому и начиная ровняться съ небольшимъ флигелькомъ, занимаемымъ Варенькой, кучеръ обратился къ барину и спросилъ:

— Налѣво, на дворъ-съ?

— Никогда! громко вскрикнулъ Волынкинъ, и онъ промчался мимо, даже не оглянувшись.

А Вѣра, проводивъ Волынкина, взошла наверхъ въ свою комнату и, раздѣвшись, сѣла къ письменному своему столику.

— Все кончено, сказала она самой себѣ, — я невѣста Волынкина. Это сдѣлалось такъ быстро, такъ неожиданно. Но что мнѣ дѣлать теперь съ Настенькой? Друзьями оставаться мы не можемъ, играть комедію, вѣчную комедію, тяжело. Лучше всего разстаться, но разстаться дружески. Напишу ей.

И Вѣра, взявъ перо, нагнулась надъ листомъ почтовой бумаги. Долго писала она, но, недовольная собой, рвала написанное; наконецъ она скрѣпила своею подписью исписанный листъ бумаги и запечатала его розовой оплаткой. Вотъ что на другое утро должна была прочесть Настенька:

«Милый другъ Nastasie! Позволь мнѣ еще разъ, въ послѣдній можетъ быть разъ въ жизни, назвать тебя другомъ, какимъ я тебя давно знала и не отдѣлять этого имени отъ воспоминанія о тебѣ самой. Мы слишкомъ любили другъ друга или, лучше сказать, я слишкомъ была къ тебѣ привязана, чтобы такъ быстро и безмолвно

отречься отъ столькихъ свѣтлыхъ минутъ, проведенныхъ съ тобою, особенно въ дѣтствѣ. Вотъ почему я пишу къ тебѣ, избѣгая, впрочемъ, всякаго изустнаго объясненія, вреднаго намъ обѣимъ. Эти строки подадутъ тебѣ, вѣроятно, поводъ къ насмѣшкамъ и сарказмамъ, которыми ты сыплешь такъ щедро при каждомъ удобномъ случаѣ. И дай Богъ, чтобы задушевныя слова мои вызвали однѣ только насмѣшки, а не слезы и страданія. Моя совѣсть чиста передъ тобою. Я выхожу замужъ, выхожу за Волынкина: ты будешь права, если скажешь, что я не съумѣла устоять противъ убѣжденій моей матери, противъ говора сердца. Что я люблю его, его, Настенька, одного его, забывая обстановку, то это такъ же вѣрно, какъ я любила тебя; что я его не старалась привлечь на свою сторону тоже истина, въ который ты менѣе всѣхъ должна была бы сомнѣваться, помня мое съ нимъ обращеніе и ту незавидную роль, которую я, изъ любви къ тебѣ, играла при

твоей особѣ. Неужели ты думаешь, что я не понимала твоихъ намѣреній? Но ослѣпленіе было такъ сильно, что чуть только мысль эта рождалась въ умѣ моемъ, я тотчасъ же оправдывала твои поступки и придавала имъ иное значеніе, или извиняла ихъ молодостью, живостью характера, игривостью ребенка. А надо сознаться, Настенька, что мы съ тобой далеко уже не ребята. Повторяю и, признаюсь, повторяю съ гордостію, что я невѣста Волынкина. Отъ тебя будетъ зависѣть понять это рѣшеніе такъ или иначе. Это событіе должно или возстановить наши прерванныя сношенія, или навсегда ихъ уничтожить. За мной однако же остается сознаніе правоты и я горжусь имъ. Богъ съ тобой, Настенька. Не поминай меня лихомъ. Вѣра Струйская.»

— Завтра, сказала Вѣра своей горничной, — вели отнести это письмо къ Дебелинымъ.

Но рука молодой дѣвушки дрожала: ей было страшно. Что если она любитъ

его? думала она, — это извѣстіе или убьетъ ее, или озлобитъ. — Но все равно, прибавила она, обращаясь къ горничной, — снести письмо къ Дебелинымъ.

Никогда еще не спала такъ спокойно Вѣра, какъ въ эту ночь, и никогда не было такъ свѣжо ея хорошенькое личико, какъ на другой день поутру, когда пріѣхалъ Волынкинъ и, по праву жениха, привезъ ей подарки. Первымъ былъ старинный кіевскій въ дорогомъ, кованномъ золотомъ и усыпанномъ дорогими каменьями переплетѣ молитвенникъ.

— Съ этимъ, сказалъ Волынкинъ, подавая его Вѣрѣ: идите смѣло за мною. Здѣсь вы найдете отвѣтъ на всякій вопросъ, который задастъ вамъ жизнь, или вы предложите жизни. Здѣсь вы найдете отраду, если горе насъ постигнетъ; здѣсь же почерпнете утѣшеніе, если когда-нибудь во мнѣ ошибетесь. Я хотѣлъ, чтобы религія была основаніемъ нашего союза. По этому молитвеннику молитесь за меня

при жизни, по немъ же молитесь, молитесь и послѣ, когда...

— Довольно, прервала его Вѣра, принимая молитвенникъ и открывая его, но на первой страницѣ ее поразило женское имя, написанное мужскою рукою.

— Елена! невольно произнесла она.

— Это имя моей матери! съ чувствомъ сказалъ Волынкинъ, вписанное отцомъ. Этотъ молитвенникъ принадлежалъ ей. Онъ никогда почти не выходилъ изъ рукъ ея.

— И вы съ нимъ разстаетесь? спросила Вѣра.

— Для васъ. Кто же болѣе оцѣнитъ эту святыню?

— Потому что никто, послѣ матери, конечно, не можетъ такъ любить васъ...

— Вѣра! съ чувствомъ произнесъ Волынкинъ, цѣлуя ея руки, — вы будете за нее молиться?

Двѣ крупныя слезы скатились изъ глазъ молодаго человѣка.

— Вѣдь она насъ видитъ оттуда, продолжалъ онъ, указывая на свѣтлое зимнее небо, — она любуется нами , гордится моимъ выборомъ. Она же такъ желала видѣть меня женатымъ, она такъ мечтала няньчить дѣтей моихъ.... И ее нѣтъ!... Она умерла, Вѣра, умерла....

Молодой человѣкъ быстро вытеръ выступившія слезы и, какъ бы стряхивая съ себя всякое горе, продолжалъ другимъ тономъ:

— Но пойдемте къ вашей матушкѣ, покажите ей эти бриллiанты; и онъ подалъ Вѣрѣ футляръ съ вещами; — а вотъ корзинка съ конфектами; пойдемте въ гостиную, накормимъ ими Силу Савича съ утра, поморщится, а съѣстъ. Пойдемте, моя радость.

И молодые люди весело побѣжали въ гостиную. А между тѣмъ лихая пара сѣрыхъ рысаковъ, запряженная въ крошечную щегольскую каретку Волынкина, плясала отъ нетерпѣнія, усердно вытаптывая снѣгъ у подъѣзда Струйскихъ.

— Шалишь! нехотя и протяжно покрикивалъ съ козелъ плотный, красивый кучеръ на одну изъ лошадей, болѣе шалившую.

— Не балуй! покрикивалъ онъ на другую, ударяя ее возжей и разнообразя интонацію.

Въ это самое время проходила по тротуару женщина среднихъ лѣтъ, въ мѣховомъ салопѣ и довольно нарядной, но поношенной шляпкѣ.

— Чья карета? спросила она, адресуясь къ кучеру.

Онъ, довольно нагло смѣривъ ее взоромъ, отвѣчалъ скороговоркой и едва слышно:

— Волынкина, Петра Степаныча.

— Чья? быстро переспросила женщина, вглядываясь въ кучера.

— Волынкина, повторилъ кучеръ громче и отвернулся.

— Да никакъ это ты, Никита? вскрикнула женщина.

— Наше вамъ-съ, отвѣтилъ кучеръ, снимая шапку.

— Давно не видались, Никитушка. Это вы у кого же теперь?

— Мы-то? переспросилъ кучеръ; — а вамъ на что?

— Я такъ спрашиваю, желательно знать; это чей подъѣздъ, чьи такіе господа живутъ?

— Чьи такіе? Да хоть бы Струйскіе, отвѣтилъ кучеръ, размахивая руками и сильно ударяя ладонь о ладонь.

— Не балуй! крикнулъ онъ еще громче на плясавшую пару.

«Такъ вотъ гдѣ живутъ Струйскіе-то,» подумала женщина.

— А что, голубчикъ, холодно? прибавила она.

— Студено, отвѣчалъ кучеръ, продолжая жестикюлировать.

— Должность-то кучерская, каторжная должность: цѣлый день на козлахъ.

— Вѣстимо цѣлый день.... Стой ты!...

Сволочь!... прибавилъ онъ, обращаясь къ парѣ.

— И чайку-то, чай, выпить некогда? вкрадчиво продолжала женщина.

Кучеръ посмотрѣлъ не нее въ недоумѣніи и только махнулъ рукой.

— А давно вы сюда ѣздите? продолжала женщина.

— Давно-таки.

— И частенько?

— Да почитай что каждый день.

— Вотъ какъ! И по долгу сидитъ баринъ-отъ?

— Сидитъ, лаконически отвѣтилъ кучеръ.

— Ему хорошо тамъ, продолжала женщина,—въ горницѣ-то тепло, чай, а каково тебѣ-то на морозѣ?

— Чтожъ! одежа хорошая, тепло.

— Ну, какой тепло, все не то, что на печкѣ.

— Вѣстимо, что на печи теплѣе, отвѣтилъ кучеръ и, громко засмѣявшись, продолжалъ: — а вы, сударыня, все такія же

на разговоръ-отъ бойкія? Ну, дурачься! другимъ тономъ крикнулъ онъ снова на пару.

— Ты, голубчикъ, чай, ужъ вольную получилъ, аль нѣтъ? продолжала спрашивать женщина.

— Нѣтъ, отвѣчалъ неохотно кучеръ: — не получилъ.

— Ахъ, сердечный! Ну ужъ крѣпостному не то житье?

— Вѣстимо на волѣ лучше, а все, грѣхъ сказать, нашъ-отъ ничего, баринъ хорошій, не то что иные, прочіе, говорилъ кучеръ, — человѣкъ добрѣющій, хоть подъ носомъ у него стяни, не замѣтитъ; сѣно скоро вышло, овесъ, лошади худы, ни по чемъ. Только вотъ насчетъ франтовства, выѣхать, чтобы чисто, ишь закладка-то какая! Это его ужъ взять. Ну, конечно, иной разъ и на него такой стихъ нападетъ, прикрикнетъ, а, впрочемъ, глядишь, и обойдется. Ничего, жить можно. Вотъ у Дебелиныхъ, люди сказываютъ, не

тѣмъ пахнетъ; барыня-то старая ухъ! бѣдовая!

— Дебелина, повторила женщина, — какая такая?

— А вотъ барыня живетъ не подалеку, еще дочка у нихъ такая, сказываютъ, вертлявая. Нашъ-то, слышно, сперва-на-перво ихнюю хотѣлъ взять, да разнравилась, ишь, бойка больно.

— Неподалечку, ты говоришь? повторила еще женщина.

— Вотъ, рукой подать, продолжалъ разболтавшійся кучеръ, — говорятъ, изъ себя выходитъ; оно и точно, досада возметъ, вотъ отсюда какъ если прямо идти налѣво первый переулокъ... сказываютъ: готова все сдѣлать, только бы нашего-то вернуть... еще на углу будка, будку-то пройдешь, тутъ какъ разъ направо-то и есть.

— Свой домъ?

— Нанимаютъ. Какъ бишь домъ-отъ? Не то Квасинъ, не то Кашинъ, а что-то такое есть съѣдомое. Нашъ братъ вѣдь

только на счетъ подъѣздовъ не плошай, а фамиліи знать, лакейское дѣло, они на то народъ грамотный, а мы что? Шалишь ты, чортъ! крикнулъ онъ на лѣвую коренную...—Ишь те разбираетъ.

— Вы, значитъ и туда въ переулокъ-то около будки тоже ѣздите? продолжала женщина.

— Сказываютъ вамъ, бросили. Хотѣли прежде, да нѣтъ, не рука, сказалъ кучеръ, значительно подмигивая.

— Что же такъ?

— Такъ, не рука. Все сюда ѣздимъ.

— А? пропѣла женщина, — видно здѣсь лучше что ли?

— Ужъ на что лучше! вскрикнулъ кучеръ, — вотъ мы и сватаемся.

— Вотъ что?

— Люди говорятъ всему дѣлу конецъ.

— Неужто? вскрикнула женщина; — да какъ же это? А тамъ-то? На Арбатѣ-то?

— Ась? спросилъ удивленный кучеръ.

— Ну, что рожи-то корчишь, точно

не понимаешь? На Арбатѣ-то какъ же? Варвара-то Михаиловна-то чтожъ на это говоритъ? Чай у ней бываете?

— Все «мимо» кричитъ.

— Мимо? Такъ и не ѣздите.

— Бросили! самодовольно отвѣтилъ кучеръ, — законъ принимаемъ. А добрая она барышня была: когда полтинникъ, когда два двугривенныхъ.

— Чтожъ ты ей не скажешь? вскрикнула женщина.

— Ишь вы ловкія какія! отозвался кучеръ. — Намъ господскихъ дѣловъ знать не приходится, мы знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ!

— Небось полтинники-то бралъ?

— Чтожъ, коли даютъ? Вотъ и съ васъ получить слѣдуетъ. Вы, вѣдь, это не спроста рѣчь-то завели, знать. Ну, да кабы раньше знать, да вѣдать, я бы все молчалъ, да помалчивалъ; глядишь, на худой конецъ четвертачкомъ бы и запахло.

— На, возьми, сердито сказала жен-

щина и сунула въ руку свѣсившагося съ козелъ кучера какую-то монету.

— Только-то? сказалъ онъ, усмотрѣвъ пятиалтынный, но все-таки быстро кладя его въ ротъ, взялъ возжи и сталъ проѣзжать прозябшую пару.

— Вотъ какія исторіи? сказала сама себѣ женщина, стоя въ раздумьѣ на тротуарѣ: — этого дѣла мы такъ не оставимъ, Такъ вотъ гдѣ живутъ Струйскіе-то? Наконецъ-то и мы знаемъ. Чей домъ-отъ однакожъ?

И женщина, подойдя къ воротамъ, прочла фамилію и отправилась вдоль по улицѣ, повернула въ первый переулокъ налѣво и, пройдя будку, снова остановилась у воротъ того дома, гдѣ жили Дебелины и, прочтя фамилію ихъ хозяина, крикнула извощика и наняла его на Мясницкую.

— Вотъ случай! говорила самой себѣ женщина, сидя въ крошечныхъ санкахъ и медленно подвигаясь къ мѣсту своего жительства по глубоко взрытому снѣгу.

— Завтра же примусь за дѣло: какъ не помочь несчастнымъ?

И дѣйствительно, Анна Антоновна на другое же утро разными тонкими продѣлкими узнала въ ближайшей отъ Дебелиныхъ лавочкѣ всѣ подробности на счетъ этого семейства, познакомилась тамъ съ горничной Настеньки и выпытала у ней вскорѣ, пригласивъ ее къ себѣ на чай, все, случившееся между Волынкинымъ, Настенькой и Вѣрой. Анна Антоновна предалась размышленіямъ.

IV.

Въ это же самое утро Настенька получила письмо Вѣры, но съ разу не поняла въ чемъ дѣло; ей не вѣрилось. Убѣдившись, она заплакала.

— Дитя, сказала она наконецъ самой себѣ; — о чемъ же я плачу ; надо было ожидать этого. Я ставила карточные домики и вѣрила въ ихъ прочность; я строила цѣлое зданіе на остріѣ иголки, и оно рушилось ; любовь взяла свое! Что дѣлать теперь? Какъ быть? Какъ вывернуться?

Comment sauver les apparences? Прочтемъ еще разъ, что она пишетъ.

И Настенька принялась перечитывать письмо, останавливаясь на каждой фразѣ и строго ее обдумывая.

— Она смѣется надо мной! говорила Настенька, прерывая чтеніе, — въ этомъ смиреніи проглядываетъ насмѣшка. Она избѣгаетъ изустнаго объясненія. Вотъ еще какія нѣжности! Она желаетъ, чтобъ извѣстіе о ея замужествѣ вызвало мои насмѣшки, а не слезы. Какъ она много о себѣ думаетъ! Стану я плакать? Есть о чемъ! Волынкинъ, такъ Волынкинъ: я найду себѣ мужа не хуже.

Обильныя слезы невольно выступили изъ глазъ дѣвушки, но она быстро утерла ихъ и продолжала чтеніе.

— Это ясно, сказала она, снова переставая читать, — издѣвается, признается, что не *умѣла отказаться отъ* жениха, *послушная убѣжденіямъ матери, говору сердца*. Какая покорность! ***Ея совѣсть чиста,*** говоритъ она. Легко же она ее

успокоиваетъ! И вмѣстѣ съ тѣмъ, что хуже всего, упрекаетъ меня въ господствѣ надъ нею и себя обвиняетъ въ ослѣпленіи. Кто же ей велѣлъ... Она предоставляетъ мнѣ выборъ, прибавила Настенька, докончивъ письмо: *возстановить* или *прервать* наши отношенія; но развѣ я этого не знаю. Разумѣется, отъ меня зависитъ. Преглупое письмо! *Съ сознаньемъ правоты своей*; она меня какъ будто прощаетъ.

Настенька громко захохотала.

— Надо къ нимъ ѣхать, рѣшительно сказала она послѣ долгаго раздумья, — приличіе того требуетъ. Надо показать видъ, что этого событія мы если и не ожидали, то нисколько ему не удивляемся. Чему же нынче удивляются? И не такія еще глупыя исторіи проходятъ незамѣченными. Непремѣнно надо ѣхать и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Этотъ визитъ будетъ замѣчательный: я буду такъ весела, такъ развязна, такъ наивна и счастлива, что совершенно собью ихъ съ толку. Я

одурачу ихъ непремѣнно. Je vois d'ici leurs tristes figures. Это превесело!

Настенька опять громко засмѣялась, но въ этомъ смѣхѣ было что-то желчное, ядовитое, натянутое, неестественное. Больно было слышать этотъ смѣхъ не только постороннему, даже самой Настенькѣ; она охотно промѣняла бы его на слезы, но ихъ уже не было, онѣ истощились.

— Пойти, сказать обо всемъ матери, сказала она и, захвативъ письмо, вбѣжала въ комнату Аграфены Павловны:

— Знаешь ли ты, что я тебѣ скажу? спросила ее Настенька.

— Ну! отозвалась старуха.

— Слушай.

Она прочла письмо.

— Что ты на это скажешь?

— Что же я скажу? сердито отвѣтила старуха, — всякаго имъ счастья. Какъ христіанка, я могу только это сказать, но не могу не выговорить, что этотъ Волынкинъ дрянь и больше ничего. Да чего и ждать отъ этихъ свѣтскихъ шелопаевъ.

— А Вѣрочка, Вѣра-то Васильевна! вскрикнула Настенька.

— Я ее не виню, душа моя, отвѣтила старуха, — молода, неопытна: нажужжалъ онъ ей въ уши, къ тому же и воспитана-то она по середнему. Нѣтъ, я вотъ кого виню, я виню мать. Что за слабая, безхарактерная женщина! Какъ позволить дѣвченкѣ дѣлать что она хочетъ. Зная очень хорошо наши прежнія съ Волынкинымъ отношенія, какъ допустить дочь до такого поступка. Отбивать жениха... фи! Впрочемъ, въ неправомъ дѣлѣ никогда проку не бываетъ. Ее Господь накажетъ за то, что она у тебя, моего сокровища, счастіе отняла.

— Я и не сержусь, maman, я только удивляюсь.

— И то сказать, радость моя, видно все къ лучшему: такого женишка найдемъ, что не хуже Волынкина будетъ, если не лучше. До весны еще далеко, авось набѣжитъ. Однакожь отъ этихъ Струйскихъ надо подальше, дитя мое. Интригу опять

какую нибудь подведутъ. Ни ногой къ нимъ больше. Отойди отъ зла, сотвори благо.

— Это нельзя, maman.

— Какъ? вскрикнула Аграфена Павловна.

— Надо къ нимъ съѣздить и скоро, если не нынче, то завтра непремѣнно. Поѣдемъ.

— Что? Къ нимъ поѣхать? Мнѣ? Ни за что. Да я тамъ такую кутерьму подыму, что только держись. Я имъ тамъ всѣмъ, за тебя, мое дѣтище, глаза повыцарапаю — я за себя не ручаюсь.

— Это ни къ чему не поведетъ, maman, а ѣхать необходимо.

— За какимъ шутомъ? горячо спросила Аграфена Павловна.

— Поздравить, maman, невѣсту.

— Я стану поздравлять?

— Непремѣнно. Иначе онѣ подумаютъ, что мы сердимся, что насъ эта свадьба огорчаетъ.

— А что ты думаешь? Въ самомъ дѣлѣ подумаютъ. А мы очень равнодушны, мы плевать хотѣли.

— И докажемъ это, maman.

— Умница ты у меня, Настенька, вся ты этимъ въ отца уродилась. Тотъ, бывало, всегда такъ это тонко придумаетъ, когда если одурачитъ кого или надъ кѣмъ насмѣяться....

—Послѣ, со-временемъ, мы можемъ совсѣмъ прекратить съ ними знакомство, только постепенно, а вдругъ нельзя. Не такъ ли, maman?

— Дурочка ты, дурочка! нѣжно отвѣтила старушка: — я понимаю, отчего ты это говоришь. Ты такой ангелъ, такъ ты любила эту неблагодарную дѣвчонку, что тебѣ тяжело вдругъ съ нею разстаться. Это похвально, красавица моя, а, впрочемъ, вотъ тебѣ урокъ: не дружись черезъчуръ, не ввѣряйся, не осмотрѣвшись, всякой дѣвчонкѣ, особенно хуже тебя воспитанной. Хорошо еще, что у тебя

есть мать, которая дурному не научитъ во-время остановитъ, а не будь меня — пропала бы ты, сердечная: этотъ другъ тебѣ бы такую штучку подвелъ, что и жизни была бы не рада. А, вѣдь, поглядѣть на нее — тихоня такая, воды на замутитъ. То-то въ тихомъ-то омутѣ — не здѣсь будь сказано — всегда они, окаянные, водятся.

Однакожъ слова матери больно отозвались въ сердцѣ дѣвушки. Она сознавала всю ихъ неосновательность, понимала всю ложность взгляда матери, все пристрастіе ея къ ней и не смѣла возражать, а утверждать и поддерживать мнѣніе старушки — не могла, не хотѣла. Это была пытка, моральная казнь. Въ искреннихъ, но далеко незаслуженныхъ похвалахъ матери Настенька находила свое наказаніе. Она понимала слабость своей матери, не умѣвшей отличить дурное отъ хорошаго даже въ своей дочери и принимавшей одно за другое. Настенька очень страдала, однакожъ раненное самолюбіе не дозволило ей

обвинить себя, раскаяться, и она на другой же день отправилась съ матерью къ Струйскимъ. Сильно билось сердце дѣвушки, когда она всходила на знакомую лѣстницу, но сила воли побѣдила лихорадочную дрожь, и Настенька, какъ прежде, какъ всегда, веселая, беззаботная впорхнула въ гостиную, гдѣ сидѣла Степанида Львовна, окруженная своими; гостей никого не было. Волынкинъ сидѣлъ подлѣ Вѣры, а Сила Савичъ, стоя передъ ними, объяснялъ имъ что то такое въ свойственныхъ ему выраженіяхъ. Степанида Львовна встала, замѣтя входившую Аграфену Павловну, которая очень холодно и сухо поздравила ее съ радостью, и старушки усѣлись.

— Я получила твое письмо, начала весело Настенька, обращаясь къ Вѣрѣ: — оно меня удивило: видно счастье помрачаетъ идеи—въ твоемъ посланіи онѣ нѣсколько темноваты — я многаго не поняла, впрочемъ и не мудрено: я такъ глупа стала это время. Хотѣла отвѣчать, но раз-

думала. Я сама живой отвѣтъ, и отвѣтъ очень длинный и безтолковый — болтовня моя слабость.

— Я очень рада, сказала Вѣра, сажая Настеньку подлѣ себѣ: — очень рада тебя видѣть.

— Да? Но что же это я тебя не поздравляю и васъ также, М-г Волынкинъ. — Здравствуйте, человѣкъ съ мудренымъ именемъ, весело продолжала она, обращаясь къ Силѣ Савичу.

— «Ну, загрохотала!» подумалъ онъ, кланяясь.

— Я все никакъ не выучу вашего имени.... Мудреное оно, ваше имя....

— Такъ попъ назвалъ, сударыня, извѣстное дѣло.

— Вы, я думаю, Сава Силычъ, очень ради свадьбѣ Вѣрочки?

— Больше васъ, сударыня, извѣстное дѣло.

— Вы думаете? спросила она: — ну чтожъ, можете.

— Извѣстное дѣло, могу, сударыня.

— Я, впрочемъ, признаюсь, не была нисколько удивлена рѣшенію Вѣрочки, продолжала Настенька.

— Потому что и удивляться-то не чему, сударыня: оказія, извѣстное дѣло, обыкновенная.

— Потому что я давно предвидѣла эту оказію.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Волынкинъ:—а я думалъ противное. Какъ люди способны ошибаться.

— На чемъ же вы основывали эти предположенія, M-r Волынкинъ?

— На вашихъ же словахъ. Теперь дѣло прошлое—помните, сколько разъ бывало вы выражали мнѣ удивленіе, какъ я могу находить особенное удовольствіе въ исключительномъ обществѣ Вѣры.

Она послала Волынкину умоляющій взглядъ.

— И вы приняли это за чистую монету? Какъ вы наивны, M-r Волынкинъ, сказала, смѣясь, Настенька.

Вѣра вспыхнула.

— Я этимъ самымъ хотѣла заставить васъ обратить особенное, еще большое вниманіе на Вѣру и, кажется, успѣла. Вотъ какъ люди неблагодарны, продолжала Настенька, смѣясь еще громче.

— Въ такомъ случаѣ, извините, отвѣтилъ Волынкинъ: — мы и не подозрѣвали съ Вѣрой, что нашимъ счастьемъ вамъ обязаны.

— Вотъ, видите, не даромъ же мы друзья съ Вѣрой были и будемъ, конечно.

— И я могъ такъ ошибиться! вскрикнулъ Волынкинъ.

— Вы, можетъ быть, даже увлеченные любовью, обвиняли меня въ противномъ? Признайтесь.

— Признаюсь.

Настенька захохотала.

— Это не дѣлаетъ чести вашей проницательности, продолжала она: — и даже не даетъ хорошаго понятія о мнѣніи вашемъ касательно Вѣры.

— Что вы хотите сказать? тревожно спросилъ Волынкинъ.

— Приписывая мнѣ такую коварную роль, вы обижали Вѣру.

— Я васъ не понимаю.

— Вы, значитъ, продолжала Настенька: — считали ее на столько безхарактерною, чтобы соединиться узами самой тѣсной дружбы съ созданьемъ, далеко этого недостойнымъ.

— Нѣтъ, я этого не думалъ, но всегда сознавалъ, что бываютъ натуры, которыя..

— Помню, помню, M-r Волынкинъ, перебила его Настенька: — вы ужъ разъ какъ-то въ четвергъ развивали эту же самую идею- Нэ я не понимаю, какъ вы съ разу не отгадали въ чемъ дѣло. Я давно слѣдила за вами, мнѣ давно казалось страннымъ, что вы отъ скуки, вѣроятно, занимаетесь только мною въ то время, когда около меня было существо, гораздо болѣе меня заслуживавшее ваше вниманіе. Я знаю себѣ цѣну, повѣрьте. Мнѣ было

досадно на васъ, M-r Волынкинъ, и я признаюсь, долго думала, какъ бы сблизить васъ съ Вѣрочкой. Мнѣ казалось, что вы созданы для ея счастья. Вотъ я и придумала хитрость — я стала нарочно, съ умысломъ выставлять Вѣру въ невыгодномъ свѣтѣ въ глазахъ вашихъ, я силою дружбы умѣла заставить Вѣру какъ будто подчиняться мнѣ, и хитрость удалась. Вы поневолѣ обратили вниманіе на исключительное положеніе интересной дѣвушки, пожелали узнать ее короче и, разумѣется, я осталась въ тѣни.

Но тутъ-то и настало торжество мое: я молча радовалась успѣхамъ Вѣры и моей выдумкѣ и вотъ ея разультаты: Вѣра ваша невѣста.

Кровь прилила къ щекамъ Волынкина: онъ понималъ, что въ длинной рѣчи Настеньки не было ни одного слова правды, а между тѣмъ эта дѣвушка съ такой изумительной простотой, такъ искусно переиначивала свои поступки, что негодованіе долго душило молодаго человѣка, и

онъ не могъ выговорить ни слова. Вѣра страдала за Волынкина — она сознавала его побѣжденнымъ и угадывала торжество Настеньки.

— Кто бы могъ подумать, сказалъ Волынкинъ: — что вы были нашимъ ангеломъ-хранителемъ, добрымъ геніемъ, покровительствующимъ любви, какъ въ мистеріяхъ съ полетами, превращеніями и великолѣпнымъ спектаклемъ.

— Это доказываетъ только, что подобныя пьесы не такъ невозможны, какъ объ нихъ думаютъ, замѣтила Настенька: — я бы не должна была открывать вамъ моихъ дѣйствій, чтобы не лишать ихъ правдоподобія, но я такъ счастлива, видя ваше счастье, что не вытерпѣла, проболталась.

Вѣра не могла ничего отвѣтить — такъ ей было тяжело угадывать, сознавать притворство созданія, которое она такъ долго и такъ упорно любила. Она убѣждалась, что мнѣнія Волынкина и Силы Савича на счетъ Настеньки были справедливы, но даже и теперь, слушая и удивляясь, она

боялась допустить, чтобы ложь могла достигать такихъ размѣровъ; ей стало страшно, мгновенный холодъ обдалъ ея душу. Съ этой минуты она положила себѣ за правило не вѣрить больше ни одному слову Настеньки.

— А нашъ разговоръ, на верху, въ моей комнатѣ, помнишь его? спросила Вѣра въ видѣ испытанія.

— Ну что же?

— Ты его помнишь?

— Отъ слова до слова.

— Что же это было такое?

— Испытаніе, конечно. Я хотѣла убѣдиться, на сколько ты любишь, какія препятствія ты побѣдить можешь, и я горжусь тобой. Ты всѣмъ пожертвовала любви, даже мною. Это залогъ за счастіе Петра Степаныча.

— Возможно ли? вскрикнула Вѣра, краснѣя за пріятельницу: — однакожъ это было жестоко Настенька,—сколько я выстрадала!

— А поставила на своемъ. Но я удивляюсь, какъ ты не поняла, что я играла комедію, что я притворялась. Это, впрочемъ, доказываетъ только, какъ ты сильно было увлечена любовью. Чего мнѣ стоило тогда, чтобы не расхохотаться. За то ужъ дома я натѣшилась вдоволь — отвела душу.

— Не вѣрьте вы ей, сударыня, шепнулъ Сила Савичъ на ухо Вѣрѣ: — брешетъ она, извѣстное дѣло, брешетъ, людей морочитъ, вывернуться хочетъ.

Но съ послѣднимъ словомъ Настеньки Аграфена Павловна, сидѣвшая, какъ на иголкахъ и подпускавшая разныя шпилечки хозяйкѣ, кивнула дочери, встала и поплелась изъ гостиной. Степанида Львовна проводила старуху до двери передней и вернулась, а Вѣра осталась, пока мать и дочь надѣнутъ салопы. Аграфена Павловна вышла на лѣстницу, а Настенька, пользуясь удобной минутой, шепнула Вѣрѣ:

— Ты теперь понимаешь, какъ меня растрогало и огорчило твое жестокое письмо. Только несправедливые, незаслуженные упреки больно отзываются въ душѣ — я очень плакала, Вѣра. Ты сама посуди: я старалась, я хлопотала, и я же осталась виновата!

— Виновата, сказала Вѣра съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи: — прости меня, я ошибалась, я не знала.

Вѣра не могла даже скрыть улыбки.

— Въ томъ-то и дѣло, душа моя, сказала Настенька: — что ты ошибалась, а мнѣ обидно..

— Ну, полно, перестань, Настенька.

Вѣрѣ было невыносимо тяжело. Она страдала.

— Ты не думай, отвѣчала Настенька: — я ни сколько не сержусь: я такъ счастлива, такъ рада знать тебя невѣстой. Да къ тому же, можно ли сердиться на ребенка. Но, прощай, однако же.

— Прощай, сказала съ чувствомъ Вѣра.

Настенька кинулась къ ней на шею. Невольная дрожь передернула худенькія плечики Вѣры.

— Тебя бы стоило пожурить, наказать немножко, говорила Настенька: — но такъ и быть, ты сознаешь свою вину, и я все забуду.

«Но я не могу забыть,» подумала Вѣра, послѣднимъ жестомъ провожая пріятельницу.

Вѣра вернулась въ гостиную и, подойдя къ Волынкину, грустно сказала:

— Ахъ, Пьеръ! какъ мнѣ грустно, какъ мнѣ больно, если бы вы знали! Какъ я страдаю за нее. Зачѣмъ она прибѣгала къ такимъ натянутымъ средствамъ оправданія.

Вѣра заплакала.

— Не все еще потеряно, твердила Настенька, прыгая по ступенямъ: — я, кажется, начинаю ее опять забирать въ свои

руки. — Ну что, обратилась она къ матери, когда онѣ сѣли въ карету: — каково я себя вела?

— Что-жь, дитя мое, какъ слѣдуетъ вела себя, говорила имъ правду. Я, право, наконецъ начинаю думать, что ты дѣйствительно сама устроила эту свадьбу. Ты, точно, по добротѣ своей, можешь забыть себя, чтобы пристроить подругу, только подруга-то этого и не стоила. И ужь въ какомъ онѣ восхищеніи —мать и дочь, даже смѣшно, да оно и натурально: могли ли ожидать. Я думаю и теперь-то еще не вѣрятъ, все думаютъ — не шутитъ ли Волынкинъ-то. Ну да Христосъ съ ними, надоѣло это мнѣ все, да и устала я очень.

Но оставимъ ихъ на время и заглянемъ въ тотъ маленькій, сѣренькій домикъ, гдѣ живетъ Варенька. Она сидитъ задумавшись, въ своей роскошной комнаткѣ, не обращая даже вниманія на ребенка, котораго кормилица пестаетъ передъ окошкомъ. Ребенокъ пискливымъ голоскомъ старается подражать голосу кормилицы.

— Что стоишь у окна? обратилась Варенька къ кормилицѣ: — тамъ дуетъ, простудишь ребенка. Да и чего смотрѣть въ окно? Какъ Петръ Степанычъ на рысакахъ катаетъ. Онъ, вѣдь, только все мимо ѣздитъ — и то сказать, вѣдь, некогда ему: дѣла, свѣтъ!

И Варенька засмѣялась, а кормилица, зная, что съ нѣкоторыхъ поръ характеръ барыни сталъ весьма раздражителенъ, сочла за лучшее не отвѣчать ничего и выдти въ другую комнату.

— «Что бы значило однакожъ, думала Варенька, оставшись одна: — что бы значило, что Петруша почти совершенно перестал къ намъ ѣздить; а между тѣмъ онъ отвѣчаетъ же на мои записки, недальше какъ вчера прислалъ мнѣ мѣсячное содержанiе, а Колинькѣ игрушку. Значитъ, онъ не сердитъ на меня, значитъ, онъ помнитъ обо мнѣ, а не ѣздитъ. Да это-то и ужасно, что онъ не ѣздитъ. Не знаю, на что и подумать.»

Звонокъ у двери прервалъ ея размышленія.

— Не онъ ли? вскрикнула Варенька, поспѣшно вскакивая съ креселъ и бросаясь къ окну: — нѣтъ, сказала она: —извощикъ: онъ на извощикахъ не ѣздитъ.

Въ передней слышался уже шорохъ снимаемаго салопа и поправляемаго платья. Дверь въ залу отворилась, и женщина, довольно нарядно одѣтая, вошла въ комнату. Варенька узнала ее только тогда, когда она откинула вуаль и подошла къ ней ближе.

— Анна Антоновна, воскликнула она: — какими судьбами? Садитесь, прошу покорно. Чѣмъ васъ подчивать? Варвара! кликнула она въ дверь: — кофе, поскорѣй, кофе.

— Не безпокойтесь, душечка, сказала Анна Антоновна, садясь на диванъ: — сейчасъ только пила. Ну что, какъ вы поживаете?

— Слава Богу, Анна Антоновна.

— Слава Богу лучше всего, душечка; только вы что-то блѣдны, грустныя такія, какъ будто?

— Нѣтъ, это... такъ... ничего... пройдетъ, бормотала Варенька: — а вы какъ? продолжала она: — какъ ваши дѣла?

— Э! душечка! какія нынѣ дѣла? ни у кого денегъ нѣтъ. Конечно, меня доброта моя губитъ. Вы лучше про себя разскажите мнѣ, душечка, вы-то какъ живете?

— Я ничего, какъ видите.

— Вижу, душечка, вижу, горница прекрасная, все это такъ богатой рукой, да и капотъ-то на васъ рублей сто по малой мѣрѣ стоитъ. Все это хорошо, душечка, да, вѣдь, и сквозь золото слезы льются.

Варенька ничего не отвѣчала, потому что закуривала папироску.

— А вы все курите? продолжала Анна

Антоновна: — чай, это вамъ вредно, душечка, ишь какія худыя, да блѣдныя.

— Туда мнѣ и дорога... Анна Антоновна.

— Что вы это говорите? Али съ своимъ-то что вышло? Ну какъ вы съ нимъ? Ладно?

— Понемножку, Анна Антоновна.

— И ничего между вами этакого, такого не было?

— Нѣтъ... а что? Конечно иногда повздоримъ, вмѣстѣ живучи, а тамъ и помиримся.

— Ну и онъ съ вами все также ласковъ?

— Ласковъ, Анна Антоновна: — да вы къ чему это?

— Ну и ѣздитъ и возитъ все, что слѣдуетъ?

— Я ни въ чемъ не нуждаюсь, грѣхъ сказать.

— Когда же онъ былъ, душечка? въ послѣдній-то разъ когда былъ? вчера, или сегодня?

— Онъ былъ... когда, бишь, онъ былъ..- Какъ-то на дняхъ онъ былъ, Анна Антоновна.

— На дняхъ?.. и съ тѣхъ поръ нѣтъ?

— Онъ очень занятъ, Анна Антоновна.

— Да, душечка, да, конечно, занятъ. Охъ! эти мужчины, мужчины! съ глубокимъ вздохомъ произнесла Анна Антоновна, и принялась за чашку кофе, которую ей подавала кривая Варвара.

Этотъ сердобольный вздохъ, какъ искрой, пронзилъ насквозь сердце Вареньки: она вся вспыхнула и тревожно взглянула на Анну Антоновну.

— Вы что же такъ вздыхаете? сказала Варенька: — что вы хотите этимъ сказать? На что вы намекаете? Развѣ вы что-нибудь знаете? Что-нибудь слышали? Да говорите же, Анна Антоновна, говорите!

— А славный у васъ, душечка, кофій, сказала Анна Антоновна: — или это я, ѣздимши-то проголодалась.

— Кушайте на здоровье, сказала Варенька: — только о чемъ вы вздыхали? меня это тревожитъ.

— Нѣтъ это, душечка, я такъ говорю къ примѣру, отъ нынѣшнихъ мужчинъ добра не жди. И такъ мнѣ всѣхъ васъ, глупенькихъ, жаль: врѣжетесь въ человѣка, души въ немъ не чаете, а онъ, глядишь, пострѣлъ, или другую на сторонѣ заведетъ, или женится пожалуй. Вѣдь мужчины-то всѣ на одну стать—сама я, душечка, была молода, знаю ихъ. Мужчины, что тогда, что теперь — все едино; по опыту сужу, душечка, по опыту.

— Что вы этимъ хотите сказать, Анна Антоновна? вы ужъ мнѣ не въ первый разъ намекаете на что-то, говорите прямо.

— Не надо ихъ баловать, душечка, не надо и виду показывать, что любишь: помыкай, какъ тряпкой, командуй въ свое удовольствіе — шелковый будетъ, а только потворствуй мало-мальски — сейчасъ носъ подыметъ. Мнѣ какъ не знать!

— Да къ чему вы это все? Что у васъ

на умѣ? громко вскрикнула Варенька, вставая съ дивана и прохаживаясь по комнатѣ.

— А къ тому, душечка, что вы со мною не откровенны. Я ли мало для васъ дѣлала? помните прошлое? Я, вѣдь, и Волынкина-то въ ту пору съ вами познакомила— издыхалъ по васъ, издыхалъ. Анъ и не хорошо, душечка. Говорите: «ничего, слава Богу,» а на душѣ-то у васъ, душечка, другое; знаю я все — не можетъ быть.

— Да что же вы знаете? Что вы знаете? съ нетерпѣніемъ прерывала ее Варенька.

— Отъ чего онъ къ вамъ не ѣдетъ? тѣмъ же тономъ спрашивала Анна Антоновна.

— Занятъ.

— Чѣмъ? Какія такія дѣла?

— Онъ человѣкъ свѣтскій, знакомства, связи.

— Знакомства? Знаемъ мы эти знакомства.

— Что вы говорите?

— То-то онъ и торчитъ все у Струйскихъ.

— Ну такъ чтожь?

— Ну больше ничего. Ѣздитъ къ нимъ каждый день, да и дѣлу конецъ.

— Можетъ быть, родня?

— Да, глядишь, вотъ скоро и породнятся.

— Какъ? громко вскрикнула Варенька.

— Ну какъ? разумѣется веселымъ пиркомъ, да и за свадебку.

— Анна Антоновна! вскрикнула Варенька: — вспомните, что вы говорите? Если вы намекаете на то, что Петруша женится, то, вѣдь, этимъ не шутятъ, такихъ словъ на вѣтеръ не говорятъ....

— Какой тутъ вѣтеръ, прервала сердито Анна Антоновна: — у него вѣтеръ въ головѣ: онъ дрянь человѣкъ. Я, душечка, такъ вѣрно знаю, какъ на этомъ мѣстѣ стою. Сама своими глазами видѣла: карета его стоитъ у подъѣзда...

— Это еще не доказательство, быстро прервала ее Варенька: — мало-ли у какихъ подъѣздовъ можетъ стоять его карета.

— Да вы погодите, глупенькая, дайте мнѣ слово-то выговорить. Вижу я, стоитъ карета, спрашиваю у кучера: чья, молъ? Говоритъ: Волынкина. Постой, думаю, давай-ка я кучера-то распрошу, авось, что-нибудь узнаю. Я и такъ и сякъ, знаете, молчитъ парень. Вижу — дѣло плохо. Ну, думаю себѣ, ничего я для этой дѣвочки не пожалѣю — люблю эту дѣвочку — а ужъ спасу же я ее, вѣдь, я знаю, душечка, что вы меня не обидите. Вотъ съ этимъ-то мнѣніемъ я ему и отвѣсь пятнадцать цѣлковыхъ. Разумѣется, народъ избалованный, деньги ни почемъ, а все-таки пятнадцать цѣлковыхъ на улицѣ не подымешь. Разболтался мой кучеръ. Такъ и такъ, говоритъ, ѣздимъ, каждый день ѣздимъ, сватаемся, говоритъ. Я такъ и всплеснула руками. — Какъ же, говорю, Варвара-то Михайловна на Арбатѣ? А куч[illegible]-то мнѣ, подлецъ,

и говоритъ: мы законъ принимаемъ, а ее, молъ, къ черту пошлемъ.

— Меня? вскрикнула Варенька: —меня! Послѣ того, что я для него дѣлала! Послѣ всѣхъ моихъ жертвъ!

Глухой и страшный стонъ вырвался изъ груди молодой женщины, смертная блѣдность покрыла ея щечки. Она зашаталась и, схватясь одной рукой за этажерку, почти безъ всякихъ чувствъ упала на кресло. Анна Антоновна послала было Варвару за одеколономъ, но Варенька, уже опомнившаяся, громко рыдала, закрывъ лицо руками. Безсвязныя рѣчи вылетали изъ хорошенькаго ея ротика, упреки, жалобы сыпались на Волынкина, но наконецъ чувство брало верхъ, и съ словами: Петруша! Петруша! ты забылъ меня! новыя слезы орошали хорошенькое личико Вареньки. Она не слушала увѣщаній Анны Антоновны и Варвары и продолжала плакать, то вскакивая съ дивана и ходя по комнатѣ, то снова бросаясь на него.

— Да полноте, душечка, говорила ей

Анна Антоновна; — что вы такъ тревожитесь?

— Слышите, вскрикнула Варенька: — у женщины отнимаютъ все, бросаютъ, пускаютъ по міру, да еще не одну, а съ груднымъ ребенкомъ и у нея же спрашиваютъ: чего она такъ тревожится? Громкій смѣхъ Вареньки раздался въ комнатѣ.

— Вѣдь они еще не обвѣнчаны, говорила Анна Антоновна: — вѣдь это дѣло еще поправное.

Варенька, вмѣсто отвѣта, снова разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Ну, чего вы, душенька, убиваетесь? Чего надсаживаетесь? Разумѣется, дѣло поправное. Вы развѣ меня не знаете, какъ я васъ люблю? Развѣ вы меня позабудете? Я ничего не пожалѣю, а свадьбу-то разстрою.

— Вы? вскрикнула Варенька, вскакивая съ дивана: — вы, Анна Антоновна, разстроите эту свадьбу? Да какъ же вы?

— Это, душечка, мое дѣло. Вы на

этотъ счетъ не безпокойтесь. Только меня не оставьте, а я готова дѣйствовать.

— Что же вамъ нужно? быстро прервала ее Варенька: — денегъ? Я заложу все, отдамъ послѣднее. Сколько вы дали этому кучеру?

— Да это бездѣлица, я и не помню хорошенько: пятнадцать ли, двадцать ли пять цѣлковыхъ. Варенька опустила руки въ карманъ и, доставъ изящный портъмоне, вынула изъ него двадцати-пяти-рублевую ассигнацію.

— Вотъ возьмите, сказала она, бросая ассигнацію на столъ, стоявшій около Анны Антоновны, — а вотъ еще вамъ на извощика, прибавила Варенька, бросая другую ассигнацію на столъ: — больше у меня денегъ нѣтъ. Да, впрочемъ, вотъ мантилья — и она сбросила съ себя на диванъ горностаевую кардиналку — она настоящая — прибавила она, указывая на мантилью — заплочена полтораста цѣлковыхъ. Возьмите это все, если мало, еще берите, берите.

И Варенька, срывая съ себя брошку, браслеты и кольца, бросала, куда попало, драгоцѣнныя вещи.

— Хотите платьевъ? и ихъ отдамъ. Все отдамъ, только разстройте эту свадьбу. Онъ мнѣ нуженъ, понимаете ли вы, не для меня, потому что онъ меня не любитъ, я ему противна — но у меня есть сынъ, ребенокъ, у котораго я не смѣю отнять отца, ребенокъ, который выростетъ и спроситъ у меня: гдѣ мой отецъ? Кто мой отецъ? Берите же это все и ступайте, ступайте, дѣйствуйте, хлопочите.

— Да успокойтесь, душечка, прервала ее Анна Антоновна: — это можно и послѣ, конечно, вы меня не оставите. Волынкинъ знаетъ всѣ эти вещи, можетъ спросить: гдѣ онѣ? Узнаетъ, что онѣ у меня — это можетъ навлечь мнѣ непріятности, я, вѣдь, не такая женщина. Вотъ послѣ, какъ все устроится, отъ чего же и не принять что-нибудь на знакъ памяти. Вотъ двадцать пять рублей я возьму, душечка, потому

что свои издержала, а вещей то мнѣ не надо,

И Анна Антоновна, дѣйствительно взявъ двадцать пятъ рублей, положила ихъ въ карманъ, а горничной приказала убрать разбросанныя Варенькой вещи.

— Вы мнѣ вотъ лучше скажите, душечка, продолжала Анна Антоновна на на прощаньи: — нѣтъ ли у васъ хоть одной записочки отъ Волынкина?

— Какъ же, помилуйте, у меня даже для нихъ есть особый ящикъ: я ихъ нарочно берегла; есть такія, гдѣ онъ упоминаетъ о ребенкѣ, а, вѣдь, это документъ, доказательство.

— Умно, душечка, вотъ что умно, то умно. Гдѣ же у тебя эти записочки?

— Сейчасъ, Анна Антоновна, я принесу этотъ ящикъ.

И Варенька, выбѣжавъ въ другую комнату, черезъ минуту принесла небольшой фарфоровый голубой ящичекъ, изъ котораго вынула штукъ 40 или 50 разныхъ писемъ и записокъ.

— Только я не дамъ вамъ Анна Антоновна, говорила Варенька: — тѣхъ, гдѣ упоминается о моемъ Колинькѣ.

— Да мнѣ, душечка, и не надо. Вотъ первую попавшуюся только его руки, да съ подписью.

— Ну на это вы, Анна Антоновна, не надѣйтесь: — онъ или совсѣмъ не подписывается или подписывается такъ, что и не разберешь, по крайней мѣрѣ я не разбираю.

— Да, вѣдь, онъ не откажется отъ своей руки, какія бы тамъ каракули ни стояли.

— Не думаю. Меня, вѣдь, что мучаетъ, не то, что онъ хочетъ жениться — я ему не пара — но отъ чего онъ не хочетъ мнѣ признаться, отъ чего не обезпечиваетъ своего ребенка. Отъ того, что послѣ свадьбы онъ дастъ мнѣ, что хочетъ, и я должна молчать, а до свадьбы онъ долженъ будетъ дать, что я потребую. Вотъ почему, Анна Антоновна, я хочу, чтобы

вы вступились въ это дѣло. Конечно, мы не разстроимъ этой свадьбы, но я-то буду покойна. Какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ. Кажется, я какъ его любила, а вотъ нашелъ себѣ другую.

Варенька горько заплакала, а Анна Антоновна, взявъ одну изъ первыхъ попавшихся ей записокъ, бережно завязала ее въ уголокъ платка и положила въ карманъ.

— Ну, теперь, прощайте, душечка, мнѣ пора, сказала она, обнимая Вареньку.

— Записку-то вы взяли, Анна Антоновна?

— Какъ-же, душечка, какъ же. Только вы смотрите ни гугу, и виду не подавайте, что знаете. Даже если и онъ прiѣдетъ, будьте съ нимъ какъ ни въ чемъ не бывало.

— Разумѣется, Анна Антоновна, развѣ я не знаю. А желала бы я, чтобы этотъ человѣкъ прiѣхалъ: какими бы глазами онъ сталъ смотрѣть на меня?

— Э! душечка! сказала Анна Антоновна, взявъ муфту: — мало вы мужчинъ знаете: у нихъ всегда на языкѣ одно, на дѣлѣ другое, помяните мое слово—если прiѣдетъ, такой лисой прикинется, что бѣда. Ну, прощайте же, душечка.

— Вы когда же ко мнѣ, Анна Антоновна?

— На дняхъ, душечка, на дняхъ прiѣду съ отвѣтомъ, говорила Анна Антоновна, надѣвая салопъ въ передней: — а Николиньку-то вашего я такъ и не видала.

— Онъ, кажется, спитъ, сказала Варенька: — его не слыхать что-то. Этотъ ангелъ и не подозрѣваетъ, что на свѣтѣ дѣлается! А мнѣ-то каково Анна Антоновна! Мнѣ-то каково!

Варенька снова заплакала.

— Повремените, душечка, денька три, увидимъ, что будетъ. Однако пора; извините, что васъ обезпокоила. У меня ужъ такой характеръ — не могу не помочь несчастнымъ. Вы только меня, душечка, не

забудьте. Вѣдь я своими трудами себѣ хлѣбъ зарабатываю.

— Прощайте, сказала Варенька, цѣлуя Анну Антоновну и провожая до дверей сѣней.

— Ахъ да! вскрикнула Анна Антоновна, вернувшись шага на два: — сказать вамъ, душечка, на всякій случай, если, паче чаянія, неудача выйдетъ какая, вы не убивайтесь — ко мнѣ милости просимъ. У меня, знаете, все на недѣлѣ-то раза два, три собранія бываютъ — молодежи, видимо-не-видимо, ну и дамы, и дѣвицы изъ степенныхъ тоже бываютъ, самая что ни есть лучшая компанія, могу даже и музыку пригласить. Весело бываетъ, душечка, очень весело: шампанское то и дѣло откупариваютъ. Такъ вы не очень огорчайтесь, душечка: я ужъ постараюсь...

И Анна Антоновна, поцѣловавъ снова Вареньку, поспѣшно вышла въ сѣни. А она вернулась къ себѣ и стала перечиты-

вать разбросанныя на столѣ давнишнія письма Волынкина.

— Это ты все лгалъ, сказала она, прочитавъ нѣсколько нѣжныхъ строкъ: — ты никогда не любилъ меня.

И крупныя слезы, закапавъ на мелко исписанный листокъ, смывали завѣтныя строки.

V.

На другой день утромъ Настенька ходила по залѣ, когда торжествующій Сермягинъ, вбѣжавъ опрометью, остановился передъ нею на одной ногѣ, весьма весело пируэтируя.

— Не были ли вы вчера въ балетѣ? спросила она его: — не увлеклись ли сценическимъ успѣхомъ какой-нибудь плясуньи? Бывали примѣры, что мальчики вашихъ лѣтъ влюблялись въ танцовщицъ. Она бы васъ выправила.

— Кончили вы? спросилъ Сермягинъ, танцуя польку съ легкимъ камышевымъ стуломъ.

— Уроните! говорила она: — маменьку разбудите...

Но Сермягинъ быстро поставилъ стулъ посреди залы и, тотчасъ же сѣвъ на него, сказалъ:

— Ну-съ.

— Что такое?

— Какъ вы въ своемъ здоровьи?

— А что?

— Развѣ вы не знаете? продолжалъ, смѣясь, Сермягинъ: — да, конечно, не знаете, иначе что бы это было! Вы бы пришли въ волненіе—да и есть отъ чего, по правдѣ сказать — положеніе-то такое драматическое, то есть для васъ, ну, а для насъ зрителей, комическое...

И онъ снова залился громкимъ смѣхомъ.

— Что съ вами, Поль, корабли приплыли, или что такое случилось? Отчего вы такъ неестественно веселы?

— Что случилось? говорилъ онъ: —какъ это вы не въ трауръ?

— По комъ?

— Да хоть бы по милліонамъ Волынкина. Отъ васъ отплыли корабли, кузина; какъ это должно быть досадно?

— Я понимаю, объ чемъ вы стараетесь говорить какъ можно злѣе.

— Можетъ быть. Я говорю, кузина, что Волынкинъ женится. Это вѣрно. Не смотря на то, что вы въ Москвѣ, онъ въ этой же самой Москвѣ женится, и женится-то не на васъ,—на Струйской. Знаете, эта добрая дѣвочка, которую вы протижеровали, удостоивъ своей дружбы,—вотъ на этой самой. Она, за все ваше къ ней вниманіе, осмѣлилась разрушить ваши планы и выйдти замужъ за Волынкина, котораго милліоны такъ вамъ нравились. Вѣдь это ужасно, кузина! Не правда ли?...

И злой хохотъ покрылъ рѣчь юноши. Настенька не ожидала такой выходки. Она была поражена. Насмѣшка тронула самую свѣжую рану. Настенька чувствова-

ла, что противъ нея самой употребляютъ ея же оружіе, и очень страдала.

— За что вы такъ озлоблены на меня? спросила она его.

— Вотъ это мнѣ нравится!

— Повѣрьте, Поль, что я стою сострадания. Онъ женится, я была у нея. Я ее поздравляла... это ужасно!

— Точно... это ужасно... смѣшно...

— Вы жестоки, Поль.

— А вы, кузина, вѣроятно, только были граціозно-насмѣшливы, дѣтски-наивны, когда намедни, помните, я, встревоженный неудачей Волынкина, прибѣжалъ объявить вамъ объ отказѣ Вѣры.

— Вы были смѣшны тогда, Поль.

— Какъ вы смѣшны теперь, отвѣтилъ онъ: — позвольте же мнѣ отвести душу. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, что дѣло повернулось иначе, я сожалѣю, что я не художникъ: я бы создалъ аллегорическую картину огромныхъ размѣровъ. На облакахъ изобразилъ бы я счастливую чету, дышащую одною любовью, а внизу, среди

земной обстановки, женщину въ бальномъ платьи, въ отчаяніи простирающую руки за цѣлой тучей пестрыхъ, сѣрыхъ и другихъ ассигнацій, отлетающей отъ нея навѣки. Это было бы презабавно!...

Сермягинъ помиралъ со смѣху, а Настенька тревожно ходила по комнатѣ.

— Это ужъ слишкомъ! сказала она. — Но вашъ минутный перевѣсъ я уничтожу однимъ словомъ: я не положила еще оружія.

— Какъ? опять воевать? Но съ кѣмъ же? Съ будущими дѣтьми Волынкина? Это вендетта?

— Если они выиграли тѣмъ, что женятся, то и я не въ накладѣ: я ихъ ловко одурачила. Поймете ли вы, что я ихъ увѣрила, будто всѣ мои поступки клонились въ ихъ пользу, будто въ нихъ была затаенная мысль: желаніе этой свадьбы. Понимаете, что я спасла мои знамена.

— Вы, точно, наивны, кузина; маменька ваша права, что вы дитя. Неужто вы думаете, что вамъ повѣрили?

— Положимъ, что нѣтъ. Но, вѣдь, они не смѣли выразить мнѣ въ глаза своего сомнѣнія, и съ меня этого довольно. Надо же было спасти приличія.

— И удовольствоваться только кажущейся побѣдой, докончилъ Сермягинъ.

— Что дѣлать, cousin, не я одна испытываю такія побѣды. Ваша надъ княгиней была тоже только кажущеюся побѣдой, сколько я понимаю.

Сермягинъ вспыхнулъ, а Настенька захохотала.

— Теперь моя очередь смѣяться. Если бы вы слышали, что она говорила про васъ, Поль.

— Княгиня? вскрикнулъ юноша.

— Какъ она отрекалась отъ васъ, продолжала Настенька:—какъ смѣялась....

— Это, вѣрно, надъ моимъ халатомъ, подумалъ Сермягинъ.

— Какъ она смѣялась надъ моимъ предположеніемъ, что она можетъ любить васъ.

— Если она и смѣялась, то не такъ зло, какъ вы теперь смѣетесь, кузина.

— Зна́ете, какъ она васъ величаетъ? Несовершенно-лѣтнимъ!

Настенька еще громче захохотала.

— Въ самомъ дѣлѣ? вскрикнулъ Сермягинъ въ отчаяніи: —ну что-же, кузина, я съ вами поквитаюсь: знаете-ли вы, что объ васъ думаетъ Волынкинъ? Что вы— кокетка безъ души и правилъ; а знаете-ли, что онъ говоритъ объ васъ? Что вы демонъ, извините меня, это Волынкинъ говоритъ—я хоть и раздѣляю его мнѣніе, но молчу—онъ говоритъ, что вы эгоистка, натура испорченная, неразвитая, способная на одно злое и безпощадное. Вы этого не знали, кузина? Ну, знайте-же. Вѣдь это такъ смѣшно! Да? смѣшно? что же вы не смѣетесь?

Сермягинъ захохоталъ черезъ силу, но Настенька грустно опустила голову.

Слезы невольно блеснули на глазахъ Настеньки, она ихъ не скрывала. Она страдала въ эту минуту. Она любила Волынкина, дорожила его мнѣніемъ; наказаніе было заслуженное, но все-таки же-

стокое. Въ это самое время неуклюжій лакей робко вошелъ въ залу съ письмомъ въ рукахъ.

— Что такое? спросила Настенька, поднимая голову.

— Съ почты-съ, угрюмо отвѣчалъ лакей.

— Вѣрно къ маменькѣ.

— Къ вамъ-съ. По городской, также угрюмо продолжалъ лакей.

— По городской! повторила она: — какъ это странно! И, взявъ письмо, она выслала лакея.

— Посмотримъ, что это такое? сказала она, срывая пакетъ.

— Ну, полноте въ окно смотрѣть и дуться, Поль, это скучно, прибавила Настенька. Давайте лучше вмѣстѣ читать это посланіе. Все-таки развлеченіе.

— Вѣрно на бѣдность просятъ, съ приложеніемъ сомнительныхъ аттестацій. Городская почта обильно разноситъ пакеты такого содержанія по всѣмъ лицамъ, болѣе или менѣе славящимся добродѣтель-

ными. И какъ эти письма краснорѣчиво льстятъ самолюбію! Читайте–же свой панегирикъ. Онъ принесенъ кстати....

— Вы, Поль, въ тридцать лѣтъ, будете человѣкомъ замѣчательно-опаснымъ.

— Я привыкъ къ подобнымъ комплиментамъ. Читайте лучше, какъ васъ хвалятъ.

— Письмо безъ подписи! вскрикнула Настенька:—ко мнѣ! Я не стану читать! Это, вѣрно, ошибка. Нѣтъ. Адрессъ нашъ. Что–бы это значило?

— Прочтите и узнаете....

— «Вполнѣ зная благородство возвышенной души вашей,» начала было Настенька.

— Что, я вамъ сказалъ? перебилъ ее Сермягинъ:—вся Москва знаетъ благородство вашей возвышенной души....

— «Но какъ христіанка, желая предупредить готовящееся бѣдствіе,» продолжала Настенька, не слушая Сермягина, «я взяла смѣлость обратиться къ вамъ, какъ къ искреннему и преданнѣй шему дру-

гу погибающей. Съ свойственнымъ вамъ христіанскимъ самоотверженіемъ спѣшите спасти Вѣру Васильевну Струйскую....»

— Что такое? сказала Настенька и продолжала: —«Связавъ судьбу свою на вѣки съ судьбою господина Волынкина, сія достойная дѣвица погибнетъ въ цвѣтѣ лѣтъ и молодости....

— Во цвѣтѣ лѣтъ и молодости, перебилъ Сермягинъ: **gilet blanc, blanc gilet.**

— «Мнѣ, какъ христіанкѣ,» продолжала читать Настенька, «достовѣрно извѣстно, что сей Волынкинъ тѣсно связанъ недоступными пониманію вашего просвѣщеннаго ума и преисполненнаго благородныхъ стремленій сердца, узами преступной любви съ танцовщицею здѣшняго театра, нѣкоею дѣвицею Варварою Мордкиною, отъ коей имѣется и плодъ ихъ взаимныхъ отношеній, именованный Николаемъ. Въ доказательство приводимыхъ словъ, беру смѣлость приложить при семъ собственноручную записку означеннаго Волынкина къ поименованной танцовщицѣ·

Съ симъ оружіемъ въ рукахъ, руководимыя Провидѣніемъ, освѣтите свѣтомъ истины помраченный разумъ госпожи Струйской и уничтожьте козни г. Волынкина, внушенныя самимъ дьяволомъ на погибель невинности и торжество порока».

— Какая дерзость! вскрикнулъ Сермягинъ: —это ложь! Кто-же вѣритъ анонимнымъ письмамъ.

— Но эта записка? посмотрите.

И Сермягинъ прочелъ слѣдующее: «милый другъ Варинька, посылаю тебѣ цвѣ-«ты и ленты для сегодншняго спектак-«ля. Черезъ часъ пришлю карету. Съѣз-«ди, куда тебѣ нужно и пріѣзжай ко мнѣ «обѣдать; будутъ рябчики жареные, на-«рочно для тебя: я не велю никого при-«нимать, и мы проведемъ вдвоемъ нѣ-«сколько восхитительныхъ часовъ. Я такъ «давно не цѣловалъ хорошенькихъ тво-«ихъ губокъ. Жду тебя съ нетерпѣніемъ. «Люблю тебя и обнимаю. Весь твой Во-«лынкинъ».

— Что вы на это скажете? спросила Настенька.

— Что же на это сказать?

— Вы знаете руку Волынкина?

— Нѣтъ.

— Точно ?

— Ей Богу не знаю.

— Значитъ, это еще подвержено сомнѣнію, онъ ли писалъ эту записку, или нѣтъ.

— Конечно.

— Однакожъ видно, что женщина, писавшая это письмо, знаетъ мои отношенія къ Вѣрѣ. Иначе зачѣмъ бы ей именно меня выбрать, а не другую.

— По пословицѣ, вѣроятно: рыбакъ рыбака видитъ издалека.

— Вы не только злы, даже неучтивы. Но мнѣ не до того. Говорите: существуетъ точно танцовщица Мордкина?

— Можетъ быть.

— А какъ вы думаете, могутъ существовать между Волынкинымъ и этой танцовщицей подобныя отношенія?

— Онъ, можетъ быть, покровительствуетъ ея таланту.

— Чѣмъ? цвѣтами, лентами, жареными рябчиками? Это неприлично, Поль. Онъ говоритъ, что онъ давно не цѣловалъ ея хорошенькихъ губокъ? Развѣ она ему это позволяетъ?

— Видно, позволяетъ, если объ этомъ вамъ пишутъ.

— Это ужасно!

— Не нахожу, кузина. Надо разорвать это письмо.

— Какъ же онъ смѣетъ послѣ этого ухаживать за дѣвицами нашего круга? Вѣдь, онъ за мной ухаживалъ, Поль. Вѣдь, меня Богъ спасъ, Поль. Вѣдь, онъ ужасный человѣкъ, Поль. Да еще женится. Онъ, вѣдь, и Вѣрочку погубитъ, Поль. Она же его такъ любитъ. Нѣтъ, Поль, какъ хотите, а надо помѣшать ихъ свадьбѣ. За что же, въ самомъ дѣлѣ, погибать Вѣрѣ? Пусть это докажетъ ей, какъ я люблю ее: я скажу ей, что прежде сама желала ее пристроить за Волынкина, но ко-

гда случайно узнала, что онъ за человѣкъ, когда получила эту записку, я сочла долгомъ открыть ей глаза, остановить во-время, предупредить несчастіе. Вѣдь она стоитъ на краю пропасти. Я покажу Вѣрѣ эту записку, Поль, да? Она откажетъ Волынкину, свадьба не состоится, Вѣра будетъ спасена. Ахъ, какое счастье, Поль! Вотъ, нѣтъ худа безъ добра! Ахъ, какое счастье! Отдайте записку. И она, вырвавъ ее изъ рукъ Сермягина, весело запрыгала съ нею по комнатѣ.

— Что, Поль, продолжала она:—не рано ли вы смѣялись? Вѣдь свадьбы-то не будетъ?

— А что, эта танцовщица любитъ Волынкина?

— Можетъ быть. Впрочемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, больше расчитываетъ.

— На что? И какъ онѣ смѣютъ, эти креатуры, любить и разсчитывать. На что онѣ надѣются?

— На деньги, разумѣется.

— А? Ну въ такомъ случаѣ, Поль, она неопасна. Съ ней легче сражаться, чѣмъ съ Вѣрой. Кто знаетъ, что будетъ. Я отдамъ Вѣрѣ записку.

— Вы эгоистка, кузина.

— Вотъ прекрасно! Это спасетъ Вѣру.

— Или погубитъ.

— А если такъ, то не все-ли равно ей погибать, будучи за Волынкинымъ, или не будучи....

— Логично, кузина, но жестоко.

— Вѣдь я люблю его, Поль.

— Даже послѣ этой записки?....

— Еще болѣе....

— Я васъ не понимаю.

— То есть, вы не понимаете женскаго сердца.

— Что же это? будемъ мы нынче обѣдать? послышался голосъ входящей Аграфены Павловны: — пятый часъ на дворѣ, темно, хоть свѣчи зажигай, тошно даже стало! Эка мода глупая какая! То ли дѣло въ деревнѣ.... Ахъ, батюшка, обра-

тилась она къ Сермягину: — вы здѣсь? здравствуйте. У насъ что ли кушаете?

— Извините, не могу, далъ слово, ѣду, говорилъ Сермягинъ, отъискивая шляпу.

— Жаль, батюшка, а у насъ сегодня щи: наконецъ-то докторъ позволилъ, а то все супъ, да супъ.... терпѣть его не могу.... Да что же кушать-то?

— Ну, не ворчи, maman, я пойду, велю давать кушать, сказала Настенька, пока Сермягинъ откланивался старушкѣ, и вышла въ столовую, куда и онъ послѣдовалъ за ней.

— На что вы рѣшились? спросилъ онъ ее мимоходомъ:—опять воевать, опять....

— Вы очень любопытны.

— Записка, конечно, будетъ у Струйской? вы постараетесь....

— Непремѣнно.

— И вамъ не жаль бѣдной дѣвушки?

— Потому-то, что мнѣ жаль ее, записка и будетъ у ней.

— Не придавайте поступку инаго значенія.

— Можете понимать его, какъ хотите.

— На что вы надѣетесь? Чего вы ожидаете? Ничего не будетъ.... милліоны не вернутся.

— Кто знаетъ!

Сермягинъ расхохотался.

— Полно вамъ тараторить-то, послышался изъ гостиной голосъ Аграфены Павловны: —обѣдать пора.

— Несутъ, maman, отозвалась Настенька.

— Однако прощайте. Не желаю вамъ успѣха. Да и быть его не можетъ... сказалъ, уходя, Сермягинъ.

— До свиданія, заѣзжайте узнать, что будетъ.

— Непремѣнно, доставлю себѣ удовольствіе еще разъ потрунить надъ вами, отвѣтилъ Сермягинъ уже въ передней и уѣхалъ въ ту минуту, когда полновѣсная миска щей уже стояла на столѣ, а Аграфена Павловна съ душевнымъ трепетомъ садилась за столъ.

— Подумаешь, сказала самой себѣ Настенька: — пустое обстоятельство. . . . и сколько надежды, сколько удовольствія и разныхъ ощущеній на новомъ поприщѣ дѣйствій—очень весело.

— Эки щи какія! восклицала по временамъ Аграфена Павловна:—уже не съ супомъ сравнить.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, перебила ее Настенька.

— Небось, скажешь, щи не хороши?

— Нѣтъ, не то. Волынкинъ-то....

— Ну? быстро перебила ее старушка, не донеся ложки до рта.

— Извергъ, злодѣй, чудовище....

— Правда, душа моя, правда, негодяй, безпутный. Ѣздилъ, ѣздилъ, вдругъ....

— Это бы еще ничего.

— Какъ ничего? То-то ребенокъ: ничего, говоритъ.

— Онъ, вѣдь, **mamаn**, и Вѣрочку тоже обманетъ.

— Какъ? вскрикнула старушка.

— Онъ ее не любитъ....

— Вотъ тебѣ разъ!

— Онъ любитъ какую-то Вареньку.

— Чья же такая?

— Танцовщица.

— Что! всплеснувъ руками, провозгласила Аграфена Павловна: — Ахъ онъ!.... Ты почемъ знаешь? Ахъ онъ.... Кто тебѣ сказалъ.... ахъ.... не говори ты этого, ты не должна понимать, ты такое дитя невинное; кто это болтаетъ такіе пустяки? Сермягинъ, вѣрно? Вотъ я его! Вздоръ это, плюнь, не слушай. Конечно, бываетъ. Такіе люди въ адъ, прямо къ сатанѣ, отъ такихъ людей подальше, тебя Господь спасъ. Прежде я жалѣла—досадно было—а теперь.... той по-дѣломъ. То-то неправое дѣло никогда въ прокъ нейдетъ; думала, благополучіе, анъ погибель себѣ накликала. Богъ наказалъ—не отбивай. Да, правду сказать, убила бобра, хорошъ, очень хорошъ, по-дѣломъ. Какъ, не узнавши, не разспросивши, покончили дѣло и радуются. Нѣтъ, чего мать-то смотрѣла! Я дѣвочки не виню—влюбилась,

ну а мать-то! Слабая, безхарактерная женщина!

Старушка пришла въ такой азартъ, что даже забыла про щи, которыя стыли въ ея тарелкѣ.

— Видишь, maman, Сермягинъ говоритъ....

— Сермягину я голову вымою: можно ли невинному ребенку такія вещи разсказывать.

— Онъ говоритъ, что Волынкинъ покровительствуетъ....

— Ш.... ш.... шшъ! произнесла старушка.

— Таланту покровительствуетъ....

— Ш.... ш.... шъ!

— Какъ любитель, maman....

— Ш.... ш.... шъ! продолжала Аграфена Павловна, затыкая уши: — не говори, ты — дитя, ты не понимаешь, что лепечешь, не проговорись при комъ-нибудь. Что подумаютъ? Господи! какое время! ребенка съ пути совращаютъ, всякую мерзость ему поясняютъ. То ли дѣло въ де-

ревнѣ: живутъ себѣ въ невѣденіи, а здѣсь —Вавилонъ проклятый—чортъ знаетъ, чему научатъ, погубятъ у меня ребенка, съ толку собьютъ.... нѣтъ, надо въ деревню скорѣе улепетывать, отъ грѣха, отъ соблазна.

Волненіе Аграфены Павловны совершенно сбило съ толку Настеньку: она разумѣется, не понимала отношеній Волынкина къ Варинькѣ и удивлялась, чему сердится старуха. Настенька видѣла въ нихъ забвеніе приличій и только удивлялась, какъ такой человѣкъ, какъ Волынкинъ, могъ до того отступить отъ законовъ такъ называемаго comme il faut. Порядочной дѣвицѣ нельзя было, по ея понятіямъ, выдти за мужъ, не компрометируя себя, за человѣка дурнаго тона и другаго круга, потому что человѣкъ, посѣщающій и поощряющій актрисъ, не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ, по мнѣнію многихъ, и свѣтскихъ дѣвицъ въ особенности. По ихъ понятіямъ, актриса — не женщина, а какая-то смѣсь всего дурнаго и порочна-

го. Жалкое, грустное понятіе, убивающее искусство, не дающее ему ходу. Но не въ томъ дѣло. Настенька, не зная Вариньки, *презирала* ее за то только, что она смѣла отнимать Волынкина, хоть и на короткое время, у свѣта и завлекать молодаго денди въ свои хитро-разставленныя сѣти.

Настенька думала даже отослать записку къ Волынкину, чтобы только не допустить Вариньку торжествовать надъ нимъ—такъ сильно негодовала свѣтская дѣвушка на танцовщицу; но мысль, что эта записка можетъ разстроить свадьбу Вѣры, не вернувъ, разумѣется, Волынкина къ Варинькѣ, а напротивъ, оставя его между небомъ и землей снова свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ, побѣдила первую счастливую мысль, и надежда снова привлечь отверженнаго и оскорбленнаго молодаго человѣаа на свою сторону съ новой силой поселилась въ сердцѣ дѣвушки.

А Сермягинъ въ это время думалъ въ свою очередь, что ему дѣлать. Сама судь-

ла выдавала ему тайну человѣка, котораго онъ зналъ мало, но къ которому питалъ сочувствіе и даже нѣкотораго рода уваженіе: молодой человѣкъ, не оперившійся, не составившій еще себѣ репутаціи, мечталъ со временемъ уподобиться Волынкину, принятому имъ за образецъ, но уподобиться только одною внѣшностію, разумѣется. Юный Сермягинъ думалъ, что быть свѣтскимъ львомъ—значитъ достичь недосягаемаго величія. Онъ сознавалъ, что въ настоящую минуту судьба Волынкина и Вѣры въ его рукахъ, въ рукахъ Сермягина; значитъ онъ, Сермягинъ, хоть чѣмъ-нибудь да выходитъ же изъ разряда людей самыхъ обыкновенныхъ. Мальчикъ гордился такимъ выгоднымъ положеніемъ въ отношеніи къ Волынкину, но не зналъ, что ему дѣлать. Сказать Волынкину, что онъ знаетъ тайну его отношеній къ Варинькѣ — было неловко. Оставить всѣ эти лица на произволъ судьбы и Настеньки, то же казалось ему невозможнымъ. А главное, какъ же ему, Сермягину упу-

стить такой рѣдкій и удобный случай *дѣйствовать*, показать, что и онъ что-нибудь да значитъ. Какъ отказаться отъ удовольствія *спасти* или *погубить* столькихъ людей. Сермягинъ считалъ себя ***сильнымъ*** въ эту минуту, ***великимъ***, хотя и не зналъ, что ему дѣлать. «Не съѣздить ли къ Варинькѣ этой, она, можетъ быть, хорошенькая? думалъ онъ, поправляя волосы: — можетъ быть я ей понравлюсь? Только отецъ давно денегъ не шлетъ: пишетъ, дороги плохи, сбытъ хлѣба невозможенъ. А то бы съѣздилъ. Нѣтъ, еще наживешь исторію съ Волынкинымъ, погубишь дѣвочку... Нѣтъ, Богъ съ ней, не хочу. А счастливецъ этотъ Волынкинъ — любимъ тремя вдругъ! Это счастье и больше ничего.» Сермягинъ подошелъ къ зеркалу.

Въ такомъ раздумьи прошло два, три дня. Ни Сермягинъ, ни Настенька не знали, что имъ дѣлать, на что рѣшиться. Послѣдняя, видя волненіе матери, скрыла полученіе анонимнаго письма и не только не показала записки, но даже и не на-

мекнула о ней, хотя она и день и ночь занимала мысли молодой дѣвушки. Наконецъ она рѣшилась дѣйствовать, но совершенно иначе, нежели прежде предполагала. Случай навелъ ее на мысль, которую она сознала счастливою, которую упрочила. Афиша, извѣщавшая о назначенномъ на слѣдующій день маскарадѣ въ собраніи и попавшаяся на глаза Настеньки, рѣшила многое; планъ составился, созрѣлъ, оставалось только привести его въ исполненіе. Но какъ? Позволитъ ли Аграфена Павловна? Врядъ ли. Однакожъ надо попробовать.

— Знаешь ли, maman, сказала Настенька матери:—знаешь, что я тебѣ скажу?

— Ну?

— Завтра балъ въ собраньи.

— Что жъ что балъ.

— И съ маскарадомъ.

— Пускай себѣ.

— Мнѣ пришла фантазія поѣхать.

— Что? вскрикнула Аграфена Павловна въ ужасѣ:—куда?

— Въ маскарадъ.

— Господи, помилуй! Ты ли говоришь, я ли слышу? Въ маскарадъ? Ты?

— Да, maman, мнѣ хочется.

— Мало ли чего хочется.

— Что же тутъ дурнаго?

— Дурочка! Ну прилично ли? Вѣдь это омутъ, вѣдь туда только ѣздятъ.... э! да что и говорить, вѣдь тамъ развратъ одинъ, соблазнъ, да и только. А грѣхъ-то, грѣхъ-то какой!

— Это тебѣ такъ кажется, maman, что за устарѣлыя понятія такія!

— Ну, положимъ, что устарѣлыя. Да кто это тебѣ внушаетъ такія соблазнительныя вещи? Да какъ это можно? Да что скажутъ?

— Кто же меня узнаетъ? Я буду въ маскѣ.

— Въ маскѣ? крикнула Аграфена Павловна: —въ маскѣ! Лицо свое такою дрянью прикрывать! Ахъ страсти какія! Кого, вѣдь, эти всѣ грѣховодницы изъ себя представля ? ъю Черное все это и лицо

черное, одни глаза свѣтятся. Тьфу! страшно даже. Только, прости, Господи, хвоста не достаетъ.

— Э! полно, maman, я, пожалуй цвѣтные банты надѣну.

— И не думай, и не надѣйся. Банты цвѣтные она надѣнетъ! Развѣ носятъ такъ? И будто хорошо это, душа моя. Да и балахона-то у тебя этакаго нѣтъ, какъ бишь онъ называется-то?

— Домино, maman. Я какъ-нибудь устрою. Хорошо будетъ. Какъ я буду мила, maman, умна, развязна, я хочу быть развязной и главное умной, это необходимо, интриговать буду, съ-ума всѣхъ сведу!....

— То-то молодость-то! Все это привлекаетъ, все-то нравится! Да и нравится-то все то, что грѣховно—такой ужъ свѣтъ: о душѣ не думаютъ, сами въ омутъ лезутъ, прямо въ адъ норовятъ.

— Ну, пусти меня въ этотъ адъ, maman.

— Ни, ни, ни....

— Ну, пожалуйста....

— Не проси, не пущу.

— Голубушка, душечка, миленькая!....

Настенька повисла на шеѣ матери.

— Дитя ты мое! говорила она, разнѣжась: —глупое дитя. И кто это тебя подзадорилъ? Это врагъ тебя смущаетъ—силенъ онъ, силенъ. И на что тебѣ тамъ быть?

— Мнѣ хочется. Я никогда не была— всѣ ѣздятъ, и я хочу.

— Мало ли что всѣ дѣлаютъ?

— Ну, пусти, пожалуйста.

— И съ кѣмъ ты поѣдешь? Я ужъ слуга покорная, да и тетка-то, тоже женщина съ правилами, чай на старости лѣтъ не захочетъ себя опозорить....

— Я бы съ княгиней....

— А она туда ѣздитъ?

— Каждый разъ, говорятъ, бываетъ.

— Замужняя женщина! Оно скверно, но возможно, а дѣвушкѣ, ребенку....

— Я буду съ нею; она меня не оставитъ.

— Все-таки страшно.

— Пусти, maman, одинъ только разъ, я больше не поѣду.

— Охъ, грѣшно!

— Нисколько. А какъ весело-то, какъ весело!

— Ты по чемъ знаешь?

— Я воображаю! Ну, позволь же! Позволяешь?

— Ахъ, не знаю....

— Миленькая, добренькая, ангелъ....

— Что съ тобой дѣлать?...

— Позволила?

— Разъ, только одинъ разъ и больше никогда.

— Ну, хорошо, только завтра пусти.

— Такъ и быть ужъ! Не могу тебѣ отказать, особенно съ княгиней. Она хоть и сидитъ въ уголкѣ съ мущинами, а все таки женщина умная, хорошаго тона, въ предосудительное мѣсто не поѣдетъ. И не все же тамъ, въ самомъ дѣлѣ, безобразіе одно, есть же и хорошіе люди. Кто грѣшить ѣздитъ, а кто просто веселить-

ся. Васъ же никто не узнаетъ. Разъ, отчего же не побаловать дѣвочки, но ужъ больше ни, ни, ни. Ты знаешь, мое слово—законъ. Я, вѣдь, не Струйская—она безхарактерная женщина, а я не то—я не позволю дочери дѣлать все, что она ни захочетъ, нѣтъ—я не такого характера.

Такъ утѣшала себя Аграфена Павловна, а черезъ полчаса Настенька уже условливалась съ княгиней, какъ имъ вмѣстѣ ѣхать въ маскарадъ и, вернувшись домой, занялась приготовленіями къ предстоящему вечеру.

Волынкинъ въ свою очередь, вернувшись въ этотъ же день поздно вечеромъ отъ Струйскихъ, нашелъ на столѣ своемъ полученную по городской почтѣ записку слѣдующаго содержанія:

«Завтра въ полночь будьте въ маскарадѣ благороднаго собранья, дѣло крайней важности, касающееся васъ самихъ, требуетъ вашего присутствія. Черная маска съ розовыми бантами и букетомъ розъ, будетъ ожидать васъ у второй колонны

на право отъ ограды. Не пріѣхать нельзя иначе многое измѣнится, и вы можете погибнуть во мнѣніи любимой вами женщины.»

— Безъ подписи, сказалъ себѣ Волынкинъ, прочтя два раза таинственную записку:—мистификація какая-нибудь, нынче же святки—это понятно. Не поѣду.

Волынкинъ раздѣлся и легъ въ постель, но долго не могъ заснуть.

— Не шутки ли это Вариньки? спрашивалъ онъ самого себя? Но что я говорю. Записка писана по французски. Не Вѣра ли шалитъ? думалъ Волынкинъ послѣ тщетныхъ попытокъ заснуть:—не можетъ быть, это не въ ея характерѣ. Рѣшительно ничего не понимаю. «Дѣло крайней важности требуетъ вашего присутствія,» говоритъ мой незнакомый геній, «не пріѣхать нельзя,» а я тутъ-то и не поѣду, докажу, что можно. «Иначе, говоритъ онъ, вы можете потерять во мнѣніи любимой вами женщины.» Это ужасная шутка, если это шутка; тутъ замѣ-

тано имя Вѣры—«любимая мною женщина,» вѣдь это Вѣра.... надо ѣхать. Кого подразумѣвалъ писавшій эти строки подъ именемъ любимой мною женщины? Не Вариньку же, никто почти не знаетъ нашихъ отношеній; а если кто и знаетъ, то, конечно, понимаетъ на сколько они прочны и задушевны. Нѣтъ, надо ѣхать. Поѣду, но, разумѣется, скажу Вѣрѣ, что я ѣду въ маскарадъ, иначе мнѣ было бы не прилично туда показаться, какъ жениху. Конечно, наша свадьба еще не объявлена, мы еще не дѣлали визитовъ, Струйскіе просятъ до помолвки держать дѣло въ секретѣ, но все равно: Москва говоритъ и какъ давно и какъ много!

Однакожъ Волынкинъ, сидя на другой день вечеромъ у Струйскихъ, не рѣшился сказать имъ своего намѣренія; онъ чего-то боялся, понятное дѣло: камень лежалъ у него на сердцѣ, цѣлая глыба въ лицѣ Вариньки и ея ребенка давила грудь его, онъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ невѣстою, онъ сознавалъ, что

пока еще не сбросилъ съ себя оковъ, онъ недостоинъ дѣвственной чистоты Вѣры; онъ былъ еще грязенъ морально, а она такъ непорочно-прекрасна. А высказать прямо душившее его горе, признаться во всемъ, стряхнуть съ себя это бремя, онъ не могъ, не смѣлъ, боялся. Онъ боялся испортить все дѣло, боялся признаться Вѣрѣ, чтобы не потерять ея, а Вариньку боялся бросить до извѣстной минуты, чтобы не навлечь себѣ исторіи, скандала и такимъ образомъ въ одно и то же время, вопреки желанію, обманывалъ двухъ любившихъ его женщинъ. И все это съ благою цѣлью, съ добрымъ намѣреніемъ, оправдывая свои поступки говоромъ разсудка, внушеніями чести, сердцемъ и прочимъ. Бѣдный молодой человѣкъ не сознавалъ за собой отсутствія воли, твердости убѣжденій, стойкости характера.

— Знаете, куда я ѣду отсюда? спросилъ Волынкинъ у провожавшаго его въ

переднюю Силы Савича, на пути въ свою комнату.

— Да куда же, какъ не домой, сударь, извѣстное дѣло, отвѣчалъ онъ.

— Анъ нѣтъ.

— Куда же, сударь?

— Угадайте.

— На балъ что-ли куда?

— Почти.

— Какъ, сударь, почти?

— Въ маскарадъ.

— А? понимаю, сударь, это въ тотъ самый маскарадъ, что на Садовой, знаю, славно, извѣстное дѣло, роскошь, говорятъ, такая, что ужасти: мраморъ это знаете, накладное серебро—самъ не видалъ, сударь, нашему брату, извѣстное дѣло, дорого.

— Нѣтъ, я не на Садовую, смѣясь, отвѣчалъ Волынкинъ: — я въ собранье.

— Можетъ ли быть, сударь?

— А что?

— Да, вѣдь, въ эти маскарады, говорятъ, только такъ, для блезиру, ѣздятъ,

амуры тамъ, слышно, разные происходятъ, соблазнительныя женщины сѣти свои разставляютъ, дебошъ одинъ, извѣстное дѣло....

— Ну что жъ?

— Какъ, сударь, ну что жъ!

— Покутить, Сила Савичъ, захотѣлось.

— Да, нѣтъ, вы шутите, сударь, продолжалъ старикъ: — морочите меня, стараго, а я-то и уши развѣсилъ. Вѣдь вы шутите?

— Ну, конечно, шучу.

— То-то, сударь, то-то.

— Я нарочно, а вы и повѣрили.

— Ну, вотъ, ужъ и повѣрилъ. . . . не на такого напали, сударь, я, вѣдь, тертый калачъ.

— Вы, пожалуй, этакъ, Сила Савичъ, всему повѣрите, что бы вамъ кто обо мнѣ ни сказалъ.

— Вотъ ужъ нѣтъ, горой за васъ, извѣстное дѣло.

— Смотрите же, не говорите Вѣрѣ, что я въ маскарадъ ѣду.

— Нѣтъ, сударь, не скажу, что ее тре-

вожить? смѣясь, отвѣтилъ старикъ, и они разстались.

— Какъ я его искусно настроилъ, думалъ Волынкинъ, ѣдучи домой, гдѣ только перемѣнивъ черный галстухъ на бѣлый и взявъ свѣжія перчатки, выкурилъ папироску и, снова сѣвъ въ сани, уѣхалъ въ собранье.

А Анна Антоновна этимъ временемъ, на дняхъ, успѣла побывать у Вариньки и сообщить ей, какое она прекрасное сочинила письмо и какъ его при запискѣ Волынкина отправила по городской къ Дебелиной.

— Ну и что же? спросила Анну Антоновну встревоженная дѣвушка.

— Не знаю еще, душечка, повремените немножко, узнаю, сообщу.

— А что вы, душечка, съ своимъ-то, съ злодѣемъ-то?

— Да такъ, все по прежнему.

— Видаетесь?

— Съ тѣхъ поръ, какъ вы были, пріѣзжалъ.

— Ну и что же, душечка, ласковъ, ничего?

— На минуту пріѣзжалъ, повертѣлся и прощай!

— А объ свадьбѣ-то, душечка, не говорилъ?

— Ни слова.

— Вотъ они мужчины-то! вскрикнула Анна Антоновна: — изверги, тираны, разбойники! Чай, нѣжничаетъ, а на душѣ-то у него чортъ знаетъ что.

— Какое нѣжничаетъ! Ледъ сущій.

— И какъ это вы только выносите, душечка, я не знаю.

— Не завидная моя жизнь, нечего сказать! отвѣтила Варинька и залилась слезами.

— Вы бы развлеклись, душечка.

— Слѣдовало бы по настоящему, да его-то жаль, Анна Антоновна. Вѣдь я люблю его! Да какъ люблю-то! Ужасъ, какъ люблю: ужъ, кажется, лучше его нѣтъ никого въ мірѣ.

— Э! душечка! продолжала Анна Антоновна: — Москва-то не клиномъ сошлась. Посмотрите, какіе есть хваты. Да вотъ хоть бы изъ моихъ знакомыхъ мало ли есть? Да возьмемъ къ примѣру, самаго худшенькаго: Сермягинъ есть у меня знакомый по фамиліи — и молодъ, и смазливъ, и состояньице есть, и въ свѣтѣ бываетъ, а этотъ, что ни на есть, поплоше. Да какъ это не найти? была бы охота! Дома-то сидя, разумѣется, ничего не сдѣлаешь. А вы, душечка, начните-ка выѣзжать, да ко мнѣ милости просимъ, въ театръ, эдакъ, или въ маскерадъ, къ примѣру — вотъ на-дняхъ маскарадъ въ собраніи; пріѣзжайте, поинтригуйте, душечка, посмотрите. Ухъ, какіе хваты есть—чудо!

— А что вы думеете, Анна Антоновна, поѣду! рѣшительно сказала Варинька: — право, поѣду! что ему потакать-то! Съ горя поѣду. Вскружу кому-нибудь голову, ужинать съ нимъ буду, шампанское пить буду, съ горя до пьяна напьюсь. Ну, ей Богуже напьюсь.

Она громко засмѣялась и продолжала:

— Ну, а если я тамъ встрѣчу Петрушу? Ну что жъ? пусть себѣ видитъ, авось это его тронетъ, разсердитъ; онъ приревнуетъ—вѣдь, годъ и три мѣсяца жили вмѣстѣ — приревнуетъ, отобьетъ у кавалера, увезетъ съ собой. Да, Анна Антоновна, вѣдь онъ это сдѣлаетъ? Тогда, ну ихъ всѣхъ къ чорту! Ѣду въ маскарадъ! Ѣду!

Варинька быстро заходила по комнатѣ.

— Только съ кѣмъ? продолжала она:— только если Петруши тамъ не будетъ, а онъ послѣ узнаетъ, что я была—бѣда? Скажетъ: зачѣмъ? Не повѣритъ, что съ горя. Нѣтъ, не поѣду. Да мнѣ и не съ кѣмъ.

— А я-то, душечка, на что?

— А не то, такъ поѣдемте, Анна Антоновна, право поѣдемте.

— Только я человѣкъ бѣдный, вы, душечка, знаете, ни маски у меня нѣтъ, ни *домина*, ничего у меня нѣтъ.

— Вотъ деньги. Вотъ возмите. Сколько нужно? На что мнѣ деньги? Мнѣ Петрушу отдайте. Не надо мнѣ его денегъ. Ихъ-то у меня много, а его-то нѣтъ!

Варинька безъ счету бросила Аннѣ Антоновнѣ нѣсколько мелкихъ ассигнацій и онѣ разстались до самаго маскарада, на который отправился и Волынкинъ.

А Вѣрочка въ этотъ самый вечеръ, проводя Волынкина, простившись съ матерью, ушла въ свою комнату, гдѣ, счастливая и беззаботная, долго еще мечтала о своемъ миломъ Петрушѣ, о прошломъ и будущемъ: настоящее было такъ прекрасно. Вѣра была счастлива. Она такъ кротко, такъ безмятежно предавалась своему счастію, такъ горячо молилась за любимаго ею человѣка, такъ тепло любила его, такъ свято въ него вѣровала. Ей, бѣдной, и въ голову не приходило, что въ этотъ самый вечеръ, въ эту самую минуту можетъ быть, не далеко отъ нея, въ томъ же городѣ, рѣшается ея участь, она не вѣдала, что надъ бѣдной ея головушкой со-

бирается черная страшная туча, которой суждено разразиться дождемъ и молніей. Такъ часто разгнѣванныя стихіи застаютъ врасплохъ веселую молодую птичку, беззаботно щебечущую свою завѣтную пѣснь, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку и косыя, холодныя, дождевыя иглы сѣкутъ ее, она прячется подъ защиту листвы, но и туда проникаютъ докучныя капли, птичка мокнетъ, хохлится — ей холодно и больно. Птичка перестаетъ щебетать, пѣснь ея прерывается на самомъ нѣжномъ мѣстѣ, до перваго луча солнца, до перваго ведра. Туча еще не застала Вѣру, нагрянетъ ли туча? Но если нагрянетъ, то врядъ ли ее скоро смѣнитъ солнечный лучъ—этотъ лучъ счастья врядъ ли возможенъ для Вѣры; она слишкомъ счастлива въ эту минуту, а счастье, говорятъ, не возвращается, улыбается только однажды и разъ отвернувшись, никогда не оглядывается. Тихо и спокойно заснула въ эту ночь Вѣра съ именемъ Петруши на устахъ, съ его образомъ въ сердцѣ: она не знала, что

есть маскарадъ, что онъ въ маскарадѣ; она забыла, что Настенька не дремлетъ, что она стережетъ ея счастье съ безстрастнымъ упорствомъ эвнуха, она все забыла.... Слабый свѣтъ лампады падалъ на хорошенькое личико дѣвушки, граціозно раскинувшейся на своей бѣлой постелькѣ, все было тихо и спокойно, только изъ-за плетеныхъ ширмъ слышалось тяжелое дыханіе старушки Панкратьевны. Волшебникъ — сонъ леталъ незримый въ этой комнаткѣ, разстилая надъ изголовьями спавшихъ свои прихотливыя видѣнья; темная ночь бросала на нихъ свою плотную фату и тихо спорила съ дрожащимъ свѣтомъ мерцавшей лампады.

КОНЕЦЪ III-Й ЧАСТИ.

ПОСТОРОННЕЕ

ВЛІЯНІЕ.

IV.

ПОСТОРОННЕЕ ВЛІЯНІЕ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ,

СЪ ЭПИЛОГОМЪ,

Соч. князя Г. В. Кугушева

(«АВТОРА КОРНЕТА ОТЛЕТАЕВА»).

ЧАСТЬ IV.

МОСКВА.
Въ типогр. Вѣд. Моск. Гор. Полиціи.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюля 22 дня 1858 года.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА САЛАЕВА.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Ярко блистала зала благороднаго собранія; тысячи огней отражались свѣтлыми пятнами въ бѣломъ мраморѣ колоннъ; оркестръ гремѣлъ съ одной эстрады, на другой чопорно сидѣла пестрая цыганская семья, цыганская только по названію, но давно обрусѣвшая и только пародирующая непередаваемую удаль дикаго племени. Нѣтъ въ современныхъ хорахъ первобытной ихъ энергіи, удальства, молодечества, въ женщинахъ-пѣвицахъ нѣтъ ни огня, ни увлеченія, ни восторга, а если и есть

мгновенныя вспышки чего-то похожаго на вдохновеніе, то эти минуты натянуты, неестественны, куплены цѣною золота. Рубли убили все, даже самую природу; за нихъ цыганка продаетъ и честь, и совѣсть, и убѣжденія, даже самую любовь къ своему собрату. Ея голосъ, не откликъ души — приманка; пляска, не влеченіе, не страсть — обязанность, цѣль, средство. Гдѣ же вдохновеніе, гдѣ же поэзія? Они поютъ, а толпа движется туда, сюда, шумъ, визгъ, бряцанье сабель, звяканье шпоръ, шелестъ женскихъ ножекъ по паркету — все это вмѣстѣ походитъ на отдаленный грохотъ медленно падающаго съ уступа на уступъ водопада. Жаръ въ залѣ такой, что кажется будто тонкое облако пара стоитъ надъ ликующей толпой и какъ дымкой застилаетъ безчисленные огни громадныхъ люстръ. Лѣнь обдаетъ каждаго своимъ снотворнымъ обаяніемъ; пары, соединенныя случаемъ, любовью, ревностью, шалостью, всѣмъ на свѣтѣ наконецъ, двигаются медленнѣе, говорятъ

отрывистѣе, всякое чувство, кажется, становится мягче, снисходительнѣе, только платки и вѣера постояннымъ движеніемъ освѣжаютъ на мгновенье подъ ревнивымъ картономъ душной шелковой маски раскраснѣвшіяся щечки красавицъ. Время проходитъ незамѣтно. Вотъ и полночь. Волынкинъ стоитъ, прислонившись къ колоннѣ, направо отъ одной изъ эстрадъ, весьма равнодушнымъ взглядомъ встрѣчая и провожая мелькающихъ мимо его масокъ. Лорнетъ его не пропускаетъ однакожь ни одной изъ нихъ. Замѣтно, что молодой человѣкъ ждетъ кого-то.

— Ба! раздается около него чей-то голосъ: — Волынкинъ? Ты ли это? въ маскарадѣ?

— А что? спрашиваетъ Волынкинъ у подошедшаго какого-то адъютанта.

— Ты, говорятъ, женишься.

— Неужъ-то говорятъ?

— Право.

— Ну, пусть говорятъ.

— Стало быть это правда?

— Можетъ быть.

Адъютантъ засмѣялся, но маска, которую онъ держалъ подъ руку, пискнула ему что-то на ухо, и онъ, удаляясь, прибавилъ:

— Кто говоритъ: «можетъ быть», говоритъ: «да».

Но Волынкинъ не отвѣчалъ ничего и повернулся въ другую сторону. Передъ нимъ стоялъ другой оффицеръ.

— Ты ужиналъ? спросилъ онъ его.

— Нѣтъ.

— Пойдемъ.

— Не могу, — рано.

— Не свиданіе ли?

— Можетъ быть.

Въ это самое время возвращавшійся адъютантъ и слышавшій отвѣтъ Волынкина бросилъ, проходя, лукавый взглядъ и сказалъ:

— Ты, кажется, нынче рѣшился отвѣчать всѣмъ одно и то же.

— Можетъ быть, крикнулъ ему вслѣдъ Волынкинъ.

— Нѣтъ, не можетъ быть, продолжалъ оставшійся съ нимъ офицеръ: — чтобы у тебя было назначено свиданіе.

— Отчего же?

— Да, вѣдь, ты женишься?

— Въ самомъ дѣлѣ? Кто же это тебѣ сказалъ?

— Да всѣ говорятъ.

— Ну скажи всѣмъ, что это вздоръ. Скажи, что я могу жениться, но еще не женюсь.

— Ты скрываешь.

— За то ты не скрываешь.

— Ну такъ пойдемъ ужинать.

— Не хочу, не пойду.

— Но отъ чего же?... настаивалъ офицеръ, когда средняго роста маска съ розовымъ бантомъ на плечѣ и букетомъ розъ въ ручкѣ подошла къ Волынкину и слегка ударила его вѣеромъ по плечу.

— А?... понимаю, сказалъ офицеръ и, вставя въ глазъ стеклушко, началъ довольно нагло осматривать съ ногъ до головы подошедшую маску.

— Мила, очень мила, продолжалъ онъ: — кто бы это?

И, нѣсколько нагнувшись, офицеръ старался заглянуть подъ кружево маски.

— Какой ротикъ! прелесть! Ты меня знаешь, маска? продолжалъ онъ: — не Clemance ли это? Хочешь ужинать съ нами?

Но маска была такъ взволнована, что не могла выговорить ни слова.

— Славная маска! восклицалъ офицеръ: — букетъ прекрасный! Тащи ее, шепнулъ онъ очень громко Волынкину: — выпьемъ шампанскаго, это ей развяжетъ языкъ.

Маска вздрогнула и ухватилась за руку Волынкина.

— Кто это? сказала она, едва дыша: — что онъ говоритъ? мнѣ страшно!

— Ей страшно! вскрикнулъ офицеръ и засмѣялся громкимъ смѣхомъ.

— Уведите меня, прошу васъ, ради Бога! говорила маска, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— «Вы»! вскрикнулъ офицеръ:—какая наивность! Она тебѣ говоритъ: «вы»? Ты долженъ знать кто это.

— Я знаю только, что ты себѣ слишкомъ много позволяешь, сухо замѣтилъ Волынкинъ, и быстро отошелъ съ маской въ сторону, ломая себѣ голову, кто бы она могла быть такая.

— Пойдемте, скорѣе пойдемте куда-нибудь, гдѣ не такъ шумно, найдемте мѣсто, сядемте, я устала, я боюсь..., лепетала маска, увлекая своего кавалера сама не зная куда. Они молча перебѣжали залу и очутились въ средней круглой комнатѣ, гдѣ всегда менѣе свѣтло, менѣе людно, но болѣе просторно и удобно. По счастію, въ комнатѣ нашелся незанятый уголокъ. Волынкинъ усадилъ свою маску на диванъ и сѣлъ съ ней рядомъ въ то время, когда какое-то розовое домино большаго роста поспѣшно взошло въ ту же комнату, гдѣ, тревожно пройдясь нѣсколько разъ взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи,

сѣло поодаль въ углу на одно изъ стоявшихъ вдоль стѣны желтыхъ креселъ.

— Успокойтесь, сказалъ Волынкинъ: — вы, вѣрно, не привыкли къ шуму маскарада, къ этой суетѣ, нѣсколько легкимъ разговорамъ....

— Признаюсь, прервала его маска голосомъ, который она замѣтно старалась измѣнить: — но это не удивительно — я въ первый разъ въ маскарадѣ.

— Провинціалка! подумалъ Волынкинъ, и только повторилъ: — въ первый разъ!

— Да въ первый разъ въ жизни.

— Ну, конечно, не въ послѣдній?

— Не знаю. Но не въ томъ дѣло. Меня отпустили на время: въ часъ я должна быть дома, а мнѣ нужно говорить съ вами долго и серьезно. Стало быть намъ нельзя терять времени. Получили вы вчера записку?

— Получилъ и, какъ видите, пріѣхалъ.

— Чего же вы ожидали? похожденія? амуретки, приключенія, да? Говорите же....

— Таинственность записки такъ меня завлекла, бормоталъ Волынкинъ: — что я, теряясь въ догадкахъ, рѣшился....

— И хорошо сдѣлали. Но разочаруйтесь: васъ не ожидаетъ никакое происшествіе. Эту записку писала я. Необходимость видѣть васъ я облекла въ таинственную форму, чтобы заставить васъ пріѣхать. Безъ маски я врядъ ли рѣшилась бы сказать вамъ то, что вы услышите. Впрочемъ.... извините, что я говорю съ вами, какъ будто бы я не была замаскирована, но я интриговать не умѣю, и потому буду говорить прямо; я знаю все.

— То есть что же? Меня вы знаете?

— Васъ я знаю очень хорошо, ваше прошедшее и настоящее, все я знаю....

— Напримѣръ?

— Я знаю, напримѣръ, что вы очень любите Терпсихору.

Волынкинъ смутился:

«Кто же это»? подумалъ онъ.

— Что вы часто ѣздили на Арбатъ.... продолжала маска, — что тамъ живетъ

одно существо и даже два, которыя вамъ были милы когда-то и которыхъ вы теперь, вѣроятно, бросили, забыли, кинули на произволъ судьбы.

— Варинька! это ты! невольно вскрикнулъ Волынкинъ: — что за комедіи такія, полно, что за глупости!

— Такъ это правда! вскрикнула маска: — но успокойтесь, я не Варинька, я только хочу говорить съ вами о ней.

— Да полно же, Варинька! продолжалъ Волынкинъ, — что за мысль пришла тебѣ въ голову. Вѣдь я узналъ же тебя. Ну, полно же, признайся. Ну, сними маску— здѣсь всѣ такъ заняты, что не увидятъ— и пойдемъ ужинать.

— Я вамъ говорю, что вы ошибаетесь.

— Быть не можетъ! Да все равно, я, вѣдь, узнаю, на тебѣ, вѣрно, есть какой-нибудь браслетъ, кольцо, покажи....

И Волынкинъ, нагнувшись къ маскѣ, хотѣлъ было поднять рукавъ домино, но маска быстро отдернула руку. Розовое

домино тоже вскочило было съ своего мѣста, но снова сѣло.

— А! вскрикнулъ Волынкинъ; — вотъ платокъ, я по немъ узнаю тебя.

Но на платкѣ не оказалось ни буквы, ни мѣтки.

— Ошиблись, говорила маска: — и подѣломъ, я очень рада.

— Однакожъ это странно. Кто же можетъ знать....

— Ваши отношенія къ Варинькѣ? Многіе, если я знаю, случайно, разумѣется.

— Но какъ можетъ васъ интересовать все это?

— Очень можетъ, и вы понимаете, что вы теперь у меня въ рукахъ.

— Я? это забавно.

— Нисколько, М. Волынкинъ. Вы женитесь, не такъ ли?

— По словамъ Москвы....

— Не отпирайтесь, я знаю даже на комъ вы женитесь.

— Возможно ли?

— На Вѣрѣ Струйской.

— Кто же вы наконецъ? И какъ вы можете знать?

— Я знакома съ Вѣрой.

— Вы? вскрикнулъ Волынкинъ.

— Да, я знаю вашу невѣсту и, конечно, открою ей глаза.

— О! маска! я не знаю, кто ты, но все равно, ты этого не сдѣлаешь, это было бы ужасно! И что можетъ заставить тебя это сдѣлать? Какое чувство? Да что я говорю! Вѣра не повѣритъ слуху, основанному на однихъ только предположеніяхъ.

— А если я представлю доказательства?

— Быть не можетъ!

— А если вы опять ошибаетесь?

— Я увѣренъ.

— Чья это рука? сказала маска, доставая изъ кармана небольшую записку и представляя ее удивленнымъ глазамъ Волынкина: — какъ честный человѣкъ, отвѣчайте мнѣ: кѣмъ писана эта записка?...

— Мною, сказалъ наконецъ Волынкинъ, послѣ долгаго молчанія, во время котораго розовое домино, пройдясь снова по комнатѣ, заняло прежнее мѣсто. Это домино, казалось, ждало кого-то, прислушиваясь къ малѣйшему шороху въ комнатѣ.

— Теперь вы видите, сказала маска Волынкину, пряча записку въ карманъ, что я знаю болѣе, нежели бы желала, что я владѣю сильнымъ оружіемъ....

— Какъ вы пріобрѣли его?

— Это моя тайна, она, впрочемъ, принадлежитъ не мнѣ одной. Васъ хотѣли погубить. Эту записочку доставили мнѣ съ этою цѣлью, но мнѣ стало жаль васъ, ваша невѣста не узнаетъ вашей тайны, я пощажу ея сердце и вашу будущность. Но знайте, что я спасаю васъ не для васъ самихъ, а для бѣдной Вѣры, которую можетъ убить разочарованіе въ столь близкомъ ей человѣкѣ....

— Но кто же вы, Боже мой! Вы ангелъ, божество....

— Ни то, ни другое, я свѣтская дѣвушка.

— Я могъ бы подумать....

— Что?

— Что вы.... извините меня....

— Говорите.... не даромъ же я въ маскѣ....

— Я могъ бы подумать, что вы меня любите.

— Я! вскрикнула маска: — люблю ли я васъ!...

— Какъ вы это говорите.... этотъ голосъ.... гдѣ я его слышалъ? а слышалъ я его гдѣ-то.

И дѣйствительно маска измѣнила себѣ и отъ пискливой фистулы перешла къ болѣе положительнымъ нотамъ своего голоса.

— Конечно, сказала маска:—вы знаете мой голосъ, ужъ если онъ измѣнилъ мнѣ, то я не буду мѣнять его — вы меня знаете и очень коротко, или лучше сказать, вы, зная, не знали меня....

— Эта фраза также таинственна, также загадочна, какъ вы сами, она также умна,

какъ вы, но я все таки теряюсь въ заключеніяхъ, я перебираю въ умѣ моемъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ свѣтскихъ дѣвицъ, чтобы приписать одной изъ нихъ всѣ качества ангела-хранителя, но не знаю на комъ остановиться....

— Въ такомъ случаѣ вы никогда меня не узнаете, потому что я далеко не ангелъ, по мнѣнію обо мнѣ всѣхъ вообще и по вашему въ особенности.

— Вы нарочно хотите сбить меня съ толку, но послушайте: разговоръ нашъ далеко не маскарадный; васъ привлекло сюда въ первый разъ, какъ вы сами говорите, одно благородное стремленіе — спасти Вѣру и предупредить меня. Вы заставили меня страдать и раскаяваться. Я глубоко тронутъ, глубоко вамъ обязанъ, еще глубже благодаренъ и потому мудрено ли, что я хотѣлъ бы видѣть черты того ангела, который такъ безкорыстно спасаетъ меня отъ погибели. Подумайте, вѣдь иначе я могу, встрѣтивъ васъ въ обществѣ, пройти мимо, не выразивъ

вамъ хоть взглядомъ, хоть намекомъ, сколько я чувствую къ вамъ благодарности и удивленія. Не даромъ же мы говорили другъ съ другомъ какъ знакомые, какъ друзья, сжальтесь же надо мною....

— Чего же вы хотите?

— Скажите мнѣ....

— Кто я?...

— Я не смѣю требовать болѣе....

— А именно: чтобы я сняла маску. Не такъ ли? Но скажите мнѣ въ свою очередь точно ли вы этого хотите тронутые моимъ поступкамъ, въ сущности весьма простымъ и натуральнымъ или изъ боязни быть игрушкою мистификаціи, встрѣтить во мнѣ какого-нибудь маскированнаго шалуна, посвященнаго случайно или съ умысломъ во всѣ тайны вашихъ отношеній къ этой танцовщицѣ?

— Можете ли вы думать? Я хотѣлъ бы видѣть васъ, чтобы убѣдиться: вашъ голосъ такъ знакомъ — этотъ голосъ я приписывалъ, но нѣтъ.... это невозможно: та, которой я мысленно отдаю его, не вы....

— А если? сказало домино, вставая и быстрымъ движеніемъ подымая маску.

— Великій Боже! вскрикнулъ Волынкинъ.

Передъ нимъ стояла Настенька, съ пылавшими яркимъ румянцемъ щечками, съ блиставшими глазами, разбитыми прядками волосъ, выбивавшихся изъ-подъ чернаго капюшона, съ ясной и безмятежной улыбкою на розовыхъ губкахъ. Она была восхитительна въ эту минуту. Розовое домино сдѣлало нѣсколько быстрыхъ шаговъ какъ будто съ намѣреніемъ тоже полюбоваться свѣженькимъ личикомъ хорошенькой дѣвушки, но оно уже сново юркнуло подъ ревнивый картонъ, только глазки блистали также весело изъ своихъ продолговатыхъ отверстій.

— **Mademoiselle Débéline**! вскрикнулъ было ошеломленный Волынкинъ, но она его остановила.

— Ни слова болѣе! сказала она: — я не ищу благодарности. За что же? Поймите только, какъ я люблю....

Она замялась на минуту.

— Поймите, какъ я люблю Вѣру.... и васъ.... кончила Настенька. — Но я надѣюсь, что это останется между нами. Ни ей, никогда, никому вы не скажете про то, что было....

— Могу ли?

— Вашу руку.

Настенька быстро и крѣпко пожала протянутую ей руку и легкая дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу.

— Поздно, сказала она: — пора, нейдите за мной: я не хочу, чтобы княгиня, съ которой я пріѣхала, видѣла насъ вмѣстѣ, она можетъ вывести какія-нибудь заключенія, обидныя для Вѣры, васъ и даже для меня, хотя послѣдними я дорожу гораздо менѣе. Adieu.

И не дожидаясь отвѣта, она юркнула въ залу, гдѣ скоро скрылась отъ глазъ Волынкина. «Онъ мой!» подумала Настенька, отъискивая княгиню.

«Вѣра была права — я ошибался; а все виноватъ этотъ старый чудакъ Сила Са-

вичъ: онъ сбилъ меня съ толку, да еще этотъ мальчишка Сермягинъ. Теперь я припоминаю всѣ поступки этой дѣвушки, какъ ни казались странными, а клонились къ добру. Мы всѣ несправедливы и неблагодарны.»

Все это передумалъ Волынкинъ въ одну минуту, но розовое домино, не давши ему опомниться, тотчасъ же послѣ ухода Настеньки, повисло на рукѣ его и задыхающимся голосомъ говорило:

— Кто эта женщина? Какъ ты ее знаешъ? Что у тебя съ нею за тайны? Какія такія записочки вы другъ другу показываете? О чемъ вы говорили? Кто эта женщина? Да говори же, говори....

Домино было въ сильномъ волненіи, черные глаза, какъ раскаленные уголья, горѣли изъ-подъ розовой маски, голосъ дрожалъ, становясь все громче и громче съ каждымъ вопросомъ. Волынкинъ вздрогнулъ.

— Варинька! невольно вскрикнулъ онъ.

— Узналъ? продолжало домино: — а? я тебя поймала? Теперь я все знаю!

«И эта то же говоритъ», подумалъ Волынкинъ.

— Вотъ для кого ты меня бросаешь. Видѣла, не отопрешься, своими глазами видѣла. Это была твоя любовница!

— Варинька! Тише, ради Бога, видишь; ходятъ, смотрятъ.

— Пусть смотрятъ, что мнѣ за дѣло.

— Не кричи такъ громко по крайней мѣрѣ.

— Хочу кричать; силъ моихъ нѣтъ.

— Чего ты хочешь отъ меня наконецъ, а главное, зачѣмъ ты здѣсь?

— А ты зачѣмъ?...

— Это не твое дѣло.

— Не мое дѣло? Какъ не мое дѣло? Ты волочишься за другими, да не мое дѣло? чье же? Ея что ли? Зачѣмъ она здѣсь? Кто она?

— Почемъ я знаю? маска, мало ли масокъ?

— Хитришь, Петруша. Я, вѣдь, видѣла, какъ вы разговаривали-то. Я, вѣдь, слышала кое-что.

— Неужели? вскрикнулъ невольно Волынкинъ.

— А? испугался? значитъ вы что-нибудь такое говорили, чего я не должна была знать.

— «Оплошалъ», подумалъ Волынкинъ.

— Значитъ, у васъ съ нею секреты есть?

«Успокою ее теперь», подумалъ онъ: — «а то до скандалу дѣло дойдетъ, а тамъ письменно откажусь отъ нея на вѣки, надо же кончить, но сію минуту — невозможно».

— Значитъ у васъ съ ней шашни? продолжала горячоВаринька.

— Ахъ, Варинька! изъ чего ты только себя тревожишь? Ну, я знаю эту маску, ну я тебѣ скажу....

— Не-бось скажешь, что эта какая-нибудь свѣтская дама, сочинишь какую-нибудь исторію, станешь увѣрять, что она

пожаловала сюда съ какой-нибудь благородной причиной. Какъ же! знаемъ мы этихъ свѣтскихъ: святоши все, водой не замутишь, а по маскарадамъ туда же, все у нашей сестры любовниковъ отбиваютъ.

— Вотъ и ошибаешься. Она хоть и свѣтская дѣвушка....

— Дѣвушка! вскрикнула Варинька: — хороши ваши свѣтскія дѣвушки! по маскарадамъ!

— Дай мнѣ выговорить.... она....

— Ну....

— Она, ты, конечно, слыхала, я столько разъ говорилъ тебѣ объ ней, она — моя кузина....

— Поливодская!

— Ну, вотъ это кто. А ты подумала Богъ знаетъ что. Мы говорили объ очень важномъ дѣлѣ.... Она выходитъ замужъ, показывала мнѣ письмо жениха. Вотъ и все....

— Неужто, Петруша?

— Ну, разумѣется.

— Побожись, Петруша.

— Э! Варинька! это наконецъ скучно, ты скоро на каждомъ шагу будеть требовать клятвъ и божбы. Это невыносимо: обидно даже. Право, я не знаю, что съ тобою дѣлается.

— Виновата, Петруша, душечка, голубчикъ.

— Ты бери примѣръ съ меня: развѣ я тебя ревную? Развѣ я у тебя спрашиваю: зачѣмъ ты въ маскарадѣ?

— Отъ скуки, Петруша: ты не ѣдешь. Отъ ревности: гдѣ же ты. Съ горя, Петруша, все думается: не разлюбилъ ли, не бросилъ ли? Пріѣзжаю и вдругъ ты! Гляжу—глазамъ не вѣрю. И не одинъ, съ маской! Какъ-же мнѣ не ревновать, Петруша, мнѣ не терзаться? Съ одной стороны одно про тебя говорятъ, съ другой-другое, наконецъ своими глазами вижу тебя съ маской, хоть кого возьметъ досада.

— А ты больше слушай пустые розсказни, вѣрь больше всякимъ сплетнямъ! А отъ чего это все? Отъ того, что мало мнѣ вѣришь. Съ кѣмъ ты здѣсь?

— Съ Анной Антоновной.

— Нашла компанію. Въ чемъ?

— Въ каретѣ. А что? У тебя развѣ нѣтъ здѣсь экипажа? Поѣдемъ вмѣстѣ, я брошу Анну—она найметъ Ваньку, а ты ко мнѣ ужинать, чай пить, махнемъ, Петруша!...

— Нѣтъ, завези домой Анну Антоновну и возвращайся къ себѣ своимъ чередомъ, а я послѣ....

— Ко мнѣ?

— Можетъ быть.

— Будешь, Петруша? О! душка, пріѣзжай. Я велю самоваръ. Пріѣдешь?

— Если не поздно будетъ....

— Такъ поѣдемъ сейчасъ....

— Мнѣ нужно еще видѣть князя Бутакова.... дѣло есть.

— Вѣчно эти дѣла.... я подожду.

— Нѣтъ, ступай, я пріѣду....

— Бѣгу! Только смотри, Петруша, не надуй опять по намеднишнему, право я разсержусь.

И Варинька обвила ручками шею Волынкина и начала что-то нашептывать ему на ухо.

— Ну, полно, перестань, говорилъ онъ, улыбаясь: — какое ты дитя; увидятъ, что подумаютъ?

— Бѣгу, сказала Варинька: — сыщу Анну и домой. Смотри же, Петруша, обѣщалъ, сдержи слово.

— Постойка на минуту, крикнулъ ей вслѣдъ Волынкинъ: —скажи-ка мнѣ.... куда ты дѣваешь мои письма?

— Что? быстро прервала Варинька, краснѣя подъ маской.

— Какое ты дѣлаешь изъ нихъ употребленіе?

— Берегу, отвѣтила она и подумала: — «ужъ не знаетъ ли онъ, что я отдала одну его записку Аннѣ? Да, нѣтъ, быть не можетъ.

— Жги ихъ, душа моя, рви на папильотки, только не бросай зря, не хорошо: попадутся кому нибудь на глаза— не хорошо.

— А ты боишься?

— Чего?

— Чтобъ твоя записка не попалась кому-нибудь.

— Не то что боюсь, а, конечно, непріятно: я бы не желалъ, чтобы то, что я пишу тебѣ, знали другіе.

— Только по этому, Петруша?

— А то почему же?

— Мнѣ странно, отъ чего ты вдругъ заговорилъ о своихъ письмахъ.

— Это я тебѣ объясню послѣ.

— У меня?

— Да.

— Бѣгу!

И съ этимъ словомъ Варинька, пославъ Волынкину летучій поцалуй, скрылась въ залѣ.

«Жди! прошепталъ онъ ей вслѣдъ и серьезно задумался: онъ никакъ не могъ себѣ представить, какимъ чудомъ одна изъ его записокъ попалась въ руки Дебелиной. Волынкинъ терялъ голову, осажденную разными предположеніями и совершенно

разстроенный очутился въ залѣ, начинавшей замѣтно рѣдѣть. Скучающій Сермягинъ удивлялся въ душѣ и не могъ понять, что бы значило, что онъ не производилъ никакого особеннаго впечатлѣнія ни на одну порядочную маску, а потому уныло двигался по заламъ, не зная уѣхать ему или еще оставаться? Усталость говорила: «ѣхать», но надежда на какую-нибудь позднюю, возможную, впрочемъ, еще встрѣчу убѣждала оставаться.

«Какъ не во время», подумалъ Волынкинъ, подавая руку Сермягину, и прибавилъ: — ваша кузина здѣсь.

— Быть не можетъ!

— Я говорилъ съ ней.

— Ну если говорили, сказалъ Сермягинъ, думая: «а ко мнѣ-то и не подошла. Увидалъ бы кто—сказалъ бы: Сермягинъ-то съ маской ходитъ».

— Ну и что же? обратился онъ къ Волынкину.

— Ничего, отвѣчалъ Волынкинъ: —

ваша кузина все также остра и привлекательна.

— Вы находите?

— Да, чего и вамъ совѣтую.

— Позвольте мнѣ не принять этого совѣта.

— Напрасно.

— Вы шутите?

— Нисколько. Пора отдать ей справедливость, пора увидать ее въ настоящемъ свѣтѣ.

— Вы, кажется, лучше всѣхъ ее оцѣнили.

— Особенно сего-дня и докажу это.

— Женясь? сказалъ Сермягинъ. Кстати поздравляю васъ....

— Мнѣ нравится это «кстати». Но все равно благодарю васъ, за одно ужъ.

«Проврался я, подумалъ Сермягинъ: — не могу не провраться».—Скажите, обратился онъ къ Волынкину: — кузина была вчера у Вѣры Васильевны?

— Нѣтъ, не знаю, не была, кажется.

— И нынче не была?

— Не видалъ. А что?

— Нѣтъ, я такъ. Вѣра Васильевна какъ въ своемъ здоровьи: весела, ничего?

— Слава Богу.

«Видно она ей не отдавала записки», подумалъ Сермягинъ: — вѣрно мое краснорѣчіе убѣдило наконецъ кузину. Это похвально. И Волынкинъ такъ покоенъ.... бури не было. Если встрѣчу кузину, поглажу по головкѣ.» — Знаете что я вамъ скажу, обратился онъ къ Волынкину: — городская почта — установленіе полезное и вредное вмѣстѣ съ тѣмъ. Я терпѣть не могу городской почты. Сколько я примѣровъ знаю, что она скромно разносила по разнымъ лицамъ въ видѣ писемъ одинъ раздоръ, одно несчастіе....

«Что это съ нимъ, подумалъ Волынкинъ: —къ чему тутъ почта и прочее.» —Я, сказалъ онъ ему: —люблю напротивъ городскую почту: я по ней получалъ любо[illegible] записочки.

— Получали? И [illegible]

— И самъ по[illegible]

ч. [illegible]

«Не догадывается», подумалъ Сермягинъ: — а ужъ на что я ему тонко намекнулъ.» — За то теперь, продолжалъ онъ громко: — пора остепениться: вы человѣкъ почти женатый. Бѣда, если какая-нибудь заблудшая записочка попадется въ женнины руки....

Волынкинъ вздрогнулъ невольно. Ему пришла мысль, что еще сію минуту была рѣчь о запискѣ, назначенной для его погибели и счастливымъ образомъ попавшей въ хорошія руки. «Настенька могла погубить меня, подумалъ онъ: — и не сдѣлала этого». — Вы правы, обратился онъ къ Сермягину: — мужнина записка въ женниныхъ рукахъ всегда разрывается, но вмѣстѣ съ нею рвется и счастье, рвется и развѣвается въ разныя стороны, какъ бѣлые лоскутки по вѣтру. Это точно ужасно!...

И съ этимъ словомъ онъ отошелъ отъ ...рмягина, который гордо поднялъ голову. ...бы только служить по дипломати- ...думалъ онъ, прохаживаясь.

А Волынкинъ ломалъ себѣ голову и никакъ не могъ понять, откуда Настенька достала его записку.

«Напрасно я не спросилъ у ней», думалъ онъ: — да я, кажется, и спрашивалъ, но она отвѣчала, что это ея тайна. Ахъ, Боже мой! вскрикнулъ онъ невольно: — Сермягинъ говорилъ о городской почтѣ? Съ какою цѣлью? Не знаетъ ли онъ? А записка точно моя. Неужто Варинька? быть не можетъ. Она не знаетъ даже о существованіи Дебелиной. Не могу постичь. Но это дѣло должно же когда-нибудь объясниться».

И Волынкинъ сѣлъ ужинать.

Въ это самое время въ другомъ концѣ залы Варинька, съискавшая Анну Антоновну, пестро и съ претензіями замаскированную, умоляла ее ѣхать, представляя ей въ резонъ обѣщаніе Волынкина.

— Съ вами, душечка, пива не сваришь, говорила Анна Антоновна, жаждавшая ужина, какъ Богъ знаетъ чего: — съ этихъ поръ домой? Да что вы это? И охота

вамъ вѣрить! Наговорилъ съ три короба, а вы и разстаяли. Поѣзжайте однѣ, если хотите, а я ѣсть хочу: одинъ гусаръ обѣщалъ ужиномъ покормить, да боюсь обманетъ, разбойникъ. Такъ-то и вашъ соколикъ-то, душечка, надуетъ. Ужъ не пріѣдетъ онъ, помяните мое слово.

— Это мы увидимъ, сказала Варинька. Такъ вы остаетесь?

— Остаюсь, душечка.

— Ну, прощайте.

— Эхъ, душечка, время вы только понапрасну тратите, хорошихъ людей упускаете. Вотъ идетъ, вотъ, смотрите.

— Гдѣ? спросила Варинька.

— Вотъ подходитъ.

— Кто такой?

— Сермягинъ — человѣкъ славный.

— Мальчишка.

— Ну, душечка, эти надежнѣе: влюбится — все отдастъ, а взрослые-то нынче себѣ-на-умѣ.

Сермягинъ подошелъ къ разговаривающимъ и впился глазами въ Вариньку.

— Такая прелестная маска и безъ кавалера? сказалъ онъ ей: — позволь мнѣ предложить тебѣ мою руку. Походимъ.

— Пожалуй, отвѣчала она, принимая руку: — доведи меня до низу, съищи моего человѣка, посади меня въ карету.

— Свѣтская женщина, подумалъ Сермягинъ: — человѣкъ, карета....

И они пошли, оставя Анну Антоновну въ надеждѣ поужинать на счетъ влюбленнаго гусара. Долго шли они, молча. Можно было подумать, что рѣзкій переходъ отъ жаркой атмосферы залы въ прохладную сѣней гибельно подѣйствовалъ на краснорѣчіе Сермягина: онъ не зналъ, что сказать своей маскѣ. Она остановилась на первой площадкѣ лѣстницы и, обратясь къ Сермягину, сказала:

— Будь же такъ добръ: покричи моего человѣка.

— Но я не знаю.... какъ его зовутъ.

— Покричи: Волынкина человѣка.

— Какъ? вскрикнулъ юноша.

— Волынкина. Что же это такъ тебя удивляетъ? Ты развѣ его знаешь?

— Еще бы!

— Тѣмъ лучше для тебя. Однакожь здѣсь холодно, покричи моего человѣка.

— Сейчасъ. А, вѣдь, я тебя знаю.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Разумѣется: маска съ его человѣкомъ, въ его каретѣ не можетъ быть никто иная, какъ....

— Кто? быстро спросила Варинька, но Сермягинъ замялся и только послѣ молчанія отвѣчалъ:

— Тебя зовутъ Варинькой.

— Положимъ что такъ.

— Ну, я тебя знаю.

— Это меня не согрѣетъ.

— Иду. Только слушай, маска, мнѣ жаль тебя: твоя хитрость не удалась.

И съ этимъ словомъ Сермягинъ, таинственно приложа палецъ ко рту, сбѣжалъ съ лѣстницы и сталъ звать человѣка. Варинька приросла къ мѣсту.

«Что онъ хотѣлъ сказать? думала она: — какая хитрость не удалась мнѣ? Что это значитъ? Прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ она сошла внизъ и встрѣтила Сермягина въ сопровожденіи лакея съ шубой и ботинками. Когда онъ убѣжалъ отъискивать карету, что было не трудно, потому что многіе уже разъѣхались, Варинька обратилась къ Сермягину.

— Ты говоришь, что моя хитрость....

— Не удалась, не удалась, перебилъ ее Сермягинъ: — записка получена....

— Ну вотъ, видишь.

— А входъ не пущена....

— Ну и что же изъ этого?

— Она ничего не знаетъ.

— Кто?

— Его невѣста.

— Чья невеста?

— Волынкина.

— Онъ женится?

— Непремѣнно. Это вѣрно. Я хлопочу, а ужъ если я о чемъ похлопочу, то это будетъ.

— Неужто? Какой ты злой!

— А тебѣ жаль Волынкина? Вѣдь онъ тебя не любитъ.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Я знаю. Они давно любятъ другъ друга. Видишь ли: была одна стѣна, а они пѣли, но это долго разсказывать.... я когда-нибудь въ другое время.

— Вотъ что? Она молода? хороша? какъ ее зовутъ? Ты ее знаешь?

— Я всѣхъ знаю. Зовутъ ее Вѣрой, она хороша и молода, но врядъ ли лучше тебя.

— Безъ нѣжностей. Ты не лжешь?

— Ну, вотъ еще. А ты знаешь Анну Антоновну.

— Знаю.

— Ты у ней бываешь?

— Нѣтъ.

— Пріѣзжай.

— Зачѣмъ?

— Я бы желалъ тебя видѣть безъ маски.

— О! да ты пребѣдовый! вскрикнула

Варинька: — погоди, я тебя выдамъ Петрушѣ.

— Какъ? Послѣ того, какъ онъ съ тобой поступаетъ, ты его все-таки любишь?

— А ты бы хотѣлъ, чтобы я тебя любила?

— Я бы не отказался.

— Я думаю; а все-таки покорно благодарю за одолженіе. Не откажись, сдѣлай милость, полюби меня, когда Волынкинъ женится.

— Ты какъ будто не вѣришь тому, что онъ женится?

— И не вѣрю.

— Отъ чего же?

— Отъ того, что онъ сейчасъ изъ маскарада пріѣдетъ ко мнѣ. Понимаешь?

— Какъ? онъ? къ тебѣ?

— Да, такъ, онъ, ко мнѣ, отвѣчала смѣясь Варинька, и пошла за лакеемъ, прибѣжавшимъ сказать, что карета подана къ большому подъѣзду.

— Прощай! крикнула Варинька Сермягину: — не забудь же, что я поздно или

рано, когда-нибудь приду за твоимъ сердцемъ.

И съ этимъ словомъ она порхнула въ сѣни.

«Вотъ какъ надо поступать съ женщинами, подумалъ Сермягинъ: — послѣдую примѣру Волынкина, и для пробы, въ скоромъ времени, постараюсь обмануть заразъ трехъ швеекъ съ Кузнецкаго моста».

Но Варинька напрасно ждала Волынкина — онъ не пріѣхалъ. За то Настенька торжествовала; княгиня была не въ духѣ: она видѣла Сермягина въ маскарадѣ и по старой памяти подошла къ нему. Обрадовавшійся юноша и тутъ оплошалъ: узналъ княгиню и громко назвалъ ее по имени; она отъ него убѣжала. Бѣдный Сермягинъ!

II.

По прежнему горѣлъ карсель въ гостиной Степаниды Львовны. Она, надѣвая чепчикъ передъ зеркаломъ, давала весьма поучительныя нравоученія прислуживавшей Аришкѣ и въ то же время крупно спорила съ Силой Савичемъ по поводу разряженной Дорхенъ, весело прыгавшей по комнатѣ.

— Ишь ее подмываетъ, говорилъ старикъ, указывая на Дорхенъ: — нарядили дѣвченку, платье аршинъ шесть въ округу. И на какой это конецъ? По разнымъ вечерамъ дѣвочку возятъ, да по комедіямъ всякимъ, все это ей внушаютъ, голову набиваютъ, а тамъ еще ученья требуютъ!

Ужъ какое тутъ ученье на умъ пойдетъ. Дребедень одна въ головѣ, извѣстное дѣло.

— Позвольте мнѣ лучше знать, что я дѣлаю, Сила Савичъ, замѣтила Степанида Львовна:

— Избалуете, сударыня, ребенка.

— Хочу баловать, прихоть моя....

— Погубите дѣвченку-то, сударыня, продолжалъ старикъ: — не за нюхъ табаку погубите, къ роскоши пріучите, а тамъ, вдругъ, бацъ — отъ слова не сдѣлается — Боже сохрани, что она тогда сударка? Изъ сапогъ да въ лапти? Иди опять чуть не въ избу къ отцу Карлу Ивановичу, а, вѣдь онъ то же не милліонеръ какой, тѣмъ и живъ, что заслужитъ, да что дадутъ, да что, глядишь, самъ стянетъ. Онъ, извѣстное дѣло, что не безъ того.

Степанида Львовна вспылила было не на шутку, но Вѣра уладила дѣло.

— Оставьте, какое вамъ дѣло? шопотомъ, подойдя къ Силѣ Савичу, говорила она, и старикъ вышелъ въ залу; начинав-

шаяся буря за сборами улеглась сама собою.

Къ счастью, Степанида Львовна съ Дорхенъ скоро уѣхали. Какой-то *механикъ*, по словамъ афиши прибывшій откуда-то, *давалъ* въ *тепломъ* зданіи на Лубянкѣ, какое-то *механико-метаморфозическое* представленіе съ превращеніями, при *блистательномъ освѣщеніи*, въ которомъ (т. е. освѣщеніи) *примутъ участіе* двухъ-аршинные *автоматы*. Въ заключеніе же обѣщаны были какіе-то *хромотропы* въ разноцвѣтныхъ огняхъ. Понятно, какъ столько непонятнаго должно было заинтересовать Дорхенъ. Впрочемъ безграмотность афиши способна была заинтересовать не только что ребенка, хотя, увы, то же самое встрѣчается и не въ однихъ только балаганныхъ объявленіяхъ. Однакожъ на это намъ могутъ сказать тѣ, кого это касается, **que la critique est aisée, mais l'art est difficile.**

— Легче вамъ теперь стало? спросила Вѣра Силу Савича, когда они остались одни.

— Легче, не легче, сударыня, а всегда скажу: погубитъ она дѣвку, извѣстное дѣло.

— Не могу понять, какъ это вамъ съ маменькой не надоѣстъ вѣчно ссориться!

— Э! сударыня, это мы, любя другъ друга, извѣстное дѣло. Вы не безпокойтесь. Пора привыкнуть. Цѣлый вѣкъ такъ прожили.

— Чѣмъ же это кончится?

— А ужъ и не знаю, сударыня. Вотъ какъ васъ замужъ выдадимъ и ума не приложу, какъ это мы вдвоемъ съ ней жить останемся. Все это у насъ, извѣстное дѣло, пойдемъ наперекоръ, да надвое. А ужъ за картами не дай Богъ. Ступить, вѣдь, не умѣетъ, а воображаетъ, что она-то первая мастерица. Ну какъ тутъ съ нею жить можно, помилуйте!

— Не знаю какъ другіе, а по моему, на васъ нельзя сердиться, замѣтила Вѣра.

Но въ это самое время раздался сильный звонокъ у двери передней.

— Петръ Степанычъ! вскрикнулъ ста-

рикъ, весело потирая руки. — Однакожъ, сударыня, что же это вы не идете къ нему на-встрѣчу, такъ, въ припрыжечку, какъ это вы за-частую.

Но Вѣра не трогалась съ мѣста.

— Ну-съ что же, вы, сударыня?

— Не пойду; я на него сердита.

— На Петра Степаныча? За что же? началъ было старикъ, но, заслыша въ залѣ легкій шумъ шелковаго платья, замолчалъ, смѣшался и только вопросительно взглянулъ на Вѣру.

— Кто бы это? сказала она, когда Настенька быстро вбѣжала въ гостиную.

— **Bon soir**, начала она, обнимая оторопѣвшую Вѣру: — ты смотришь такъ, какъ будто удивляешься, какъ будто не ждала меня, что не совсѣмъ для меня лестно, или какъ будто думала встрѣтить одно лицо, а встрѣчаешь другое — мое. Но все равно, здравствуй. Мнѣ очень хотѣлось тебя видѣть, и я водворяюсь у тебя на время, какъ будто это тебѣ пріятно, по старому, хотя прошлаго не воротишь.

Я, впрочемъ, все та же; видно нужно быть невѣстой, чтобы измѣниться. Не такъ ли? Ахъ, я съ вами еще не поздаровалась.... какъ бишь васъ? опять забыла? не мудрено, впрочемъ: рѣже имѣю счастье видѣть васъ, человѣкъ съ мудренымъ именемъ, но все равно, здравствуйте.

Настенька говорила все это по своему обыкновенію быстро, бойко, вертясь, садясь, вставая и снова садясь, снимая перчатки, поправляя волосы.

«За какимъ шутомъ пожаловала?» подумалъ Сила Савичъ и, низко поклонясь Настенькѣ, молча сѣлъ поодаль.

— Ну, что ты, какъ? здорова? продолжала она.

— Слава Богу; какъ видишь. Maman уѣхала съ Дорхенъ.

— А я подъѣзжаю, смотрю, все освѣщено, думаю: есть кто-нибудь.... вхожу.... никого.... ты одна.

— То-есть со мною, сударыня, вмѣшался Сила Савичъ: — не совсѣмъ, чтобы одна.

— А почти? лукаво спросила Настенька.

— Даже и не почти, сударыня, я не знаю, какъ по вашему, а я все-таки человѣкъ, извѣстное дѣло, хорошій.

— Я и не сомнѣваюсь, Сомъ Салычъ.... такъ кажется?

— Сила Савичъ, сударыня, Сила Савичъ. Сомъ—рыба, а сало—сало; мой отецъ былъ—Сава, а я Силъ, вотъ и вышелъ я Сила Савичъ, извѣстное дѣло. А то: Сомъ Салычъ.... оно даже и неостроумно, сударыня.

— Да вы, кажется, сердитесь? спросила его Настенька;—извините, я думала, что вы понимаете шутку. Я впередъ никогда не позволю себѣ шутить съ вами.

— Оно и лучше будетъ, сударыня, потому я человѣкъ старый, вы дѣвица молодая, значитъ компанія не равная.

Но Настенька, не слушая старика, надула губки и, отвернувшись отъ него, обратилась къ Вѣрѣ.

— Когда ты видѣла жениха своего?

— Вчера; онъ уѣхалъ раньше обыкновеннаго.

— То есть?

— Часовъ въ одиннадцать.

— А обыкновенно онъ сидитъ долѣе?

— Какъ случится: до часу, до двухъ.... отвѣтила Вѣра.

— Вѣрно у него было дѣло?

— Не знаю; ночью какія же дѣла?

— Не былъ ли званъ куда-нибудь?

— Не знаю, не говорилъ.

— Не говорилъ, куда ѣдетъ?

— Нѣтъ, да я и не спрашивала.

«Не сказалъ, подумала Настенька, и оттѣнокъ удовольствія мелкнулъ на ея нѣсколько озабоченномъ личикѣ.

— И съ тѣхъ поръ, продолжала она: — ты его не видала?

— Нѣтъ.

— Онъ не былъ сегодня поутру?

— Не былъ.

— Не былъ и вечеромъ?

— Нѣтъ еще.

— И ты не плачешь?

— Объ чемъ?

— Какъ же? Развѣ это не ужасно? Уѣхалъ вчера получасомъ раньше обыкновеннаго, не былъ нынче по утру, насталъ вечеръ и его нѣтъ еще! Невыносимо! Какая долгая разлука. Какъ смѣшны эти влюбленные! Изъ пустяковъ обыкновенно создаютъ себѣ мученія и мучаются, убиваются.

Настенька залилась звучнымъ громкимъ смѣхомъ. Замѣтно было, что ея личико потеряло внезапно оттѣнокъ всякой озабоченности. Настенька боялась, что Волынкинъ увидитъ Вѣру раньше ея и въ минуту увлеченія, признавшись во всемъ, разскажетъ по своему вчерашнюю маскарадную сцену. Цѣлое утро страдала дѣвушка отъ этой мысли, не имѣя возможности уѣхать изъ дому, а писать Вѣрѣ она не хотѣла по весьма важной причинѣ: эта записка могла открыть глаза ослѣпленному въ настоящую минуту на счетъ Настеньки Волынкину и погубить всѣ ея планы.

— Ты напрасно такъ думаешь, вступилась за себя Вѣра: — я вовсе не безпокоюсь и не мучаюсь.

— И прекрасно. Однакожъ, пока онъ еще не пріѣхалъ, мнѣ нужно поговорить съ тобой.

— Я тебя слушаю, нѣсколько взволнованнымъ голосомъ сказала Вѣра.

— Но говорить наединѣ, прибавила Настенька, поглядывая искоса на Силу Савича, который не двигался съ мѣста. Вѣрѣ было неловко.

— Что же это такое? спросила она: — если это касается меня, то Сила Савичъ знаетъ всѣ мои чувства и намѣренія, мысли даже, онъ свой человѣкъ, другъ нашъ, ты можешь говорить при немъ все, что хочешь, нестѣсняясь.

— Какъ будто бы она, сказалъ старикъ, указывая на Вѣру: — была совершенно одна, потому вы же сами, сударыня, давно ли дѣло было, говорили, заставъ насъ вдвоемъ· ты молъ одна—запомните, сударыня.

— Тогда я шутила, можетъ быть, а теперь я говорю серьёзно и если вы желаете добра Вѣрѣ — потому что то, что я скажу ей, касается близко ея счастья— вы уйдете сами, не заставя себя просить объ этомъ. Видите, какъ я высоко ставлю васъ въ моемъ мнѣніи—можетъ быть это все равно для васъ, но я, по крайней мѣрѣ, горжусь моимъ убѣжденіемъ.

Старикъ всталъ и долгимъ взглядомъ спрашивалъ у Вѣры, что ему дѣлать. Она кивнула ему дружески на дверь, и старикъ вышелъ.

— Мы однѣ, я тебя слушаю, сказала Вѣра.

— Во-первыхъ, начала Настенька: — нужна оговорка: ты предупреждена противъ меня, какъ твой женихъ, какъ этотъ господинъ, какъ многіе, я это знаю—это понятно. Но ты можешь вѣрить мнѣ или нѣтъ — это все равно; но я люблю тебя слишкомъ много, я это доказала.

— Ты? невольно вскрикнула Вѣра.

— Смѣшно было бы мнѣ исчислять са-

мой свои поступки; но что дѣлать. »Вспомни прошлое. Я вела себя въ отношеніи тебя такъ, что, конечно, это поведеніе можно было понять двояко. Но чего же, при желаніи, нельзя перевернуть по-своему? Однимъ словомъ, я выбивалась изъ силъ, чтобы устроить твое счастье такъ или иначе, я этого хотѣла и достигла цѣли. Сколько я желала добра, столько мнѣ приписали зла и притворства — это меня огорчало, но я тебя очень любила, Вѣра.

— А я-то? спросила она, и въ этомъ вопросѣ, какъ въ одномъ аккордѣ, прозвучало все прошедшее дѣвушки, вся ея любовь къ неблагодарному другу, всѣ ея пожертвованія, всѣ страданія, прозвучало и замерло; звуки не оставили слѣда по себѣ, все смолкло, любовь прошла, поселилось недовѣріе, сердце было холодно, дружбы не существовало: Вѣра не вѣрила.

— Ты не вѣришь мнѣ? спросила Настенька, понявъ инстинктивно сердечный переворотъ подруги.

— Нѣтъ, отвѣтила она: —извини меня—

не вѣрю. Ты сама его любила, любишь, можетъ быть и теперь.... но что же дѣлать.... онъ мой, я не отдамъ его.... чего ты хочешь? оставь меня.

— Неблагодарная! воскликнула съ чувствомъ Настенька. Но все равно, ты должна будешь оцѣнить меня, ты повѣришь мнѣ....

— Чего ты хочешь?

— Спасти тебя.

— Не надо, оставь меня. Думай, что я гибну, если это тебѣ нравится, только не спасай меня — это было бы жестоко.

— Я не могу допустить, чтобы ты гибла, слушай....

— Сжалься, Настенька, чего ты еще отъ меня потребуешь?

— Ничего ровно. Я должна, я обязана сказать тебѣ только одно: Волынкинъ не стоитъ тебя.

— Пускай!

— Онъ тебя обманываетъ.

— Нужды нѣтъ.

— У него есть любовница.

— Больше.... больше!... двѣ! нѣсколько! съ отчаяннымъ смѣхомъ повторяла Вѣра.

— Она танцовщица....

— И пѣвица въ одно время....

— Ее зовутъ Варинькой....

— А меня Вѣрой.... близко.

— Она живетъ на Арбатѣ....

— Тоже близко.

— Ты не вѣришь?

— Нѣтъ.

— Ты все-таки пойдешь за Волынкина?

— Разумѣется.

— Но, вѣдь, ты погибнешь.

— Это ложь! вскрикнула Вѣра: — хитрость, придуманная нарочно и придуманная тобою, чтобы разлучить меня съ Петрушей, котораго я люблю, обожаю, чтобы отнять у меня счастье, купленное столькими страданьями. Это ложь! Твоя ложь! Онъ меня любитъ, любитъ давно. Годъ тому назадъ ужъ онъ любилъ меня, не зная, кто я. Ты знаешь начало, тэму этой любви; мы сошлись, узнали другъ друга,

любовь взяла свое и насъ не разлучитъ никто, ни злость, ни хитрость, ни ложь, ничто на свѣтѣ. Я люблю его, слышишь ли ты, онъ мой.... пѣняй на себя, если тебѣ невсегда удаются хитрости.

Но Настенька, смѣясь, ходила по комнатѣ и громко декламировала:

«Кто бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
Люблю тебя.

— Довольно, прервала ее Вѣра: — не издѣвайся надо мною, надъ нашей любовью, не оскорбляй поэта — тебѣ не доступна поэзія, такъ оставь ее въ покоѣ.

— Успокойся и ты въ свою очередь, сказала Настенька: —умѣрь свои восторги, читай; эти строки при твоемъ волненіи равносильны стакану воды. Читай же.

И Настенька подала Вѣрѣ анонимное письмо и ту самую записку, которая со стола Вариньки, чрезъ посредство Анны Антоновны, перешла въ завѣдываніе Настеньки, играла роль во вчерашнемъ маскарадѣ и наконецъ попала въ трепещущія ручки Вѣры. Она взяла письмо и записку

и долго на нихъ смотрѣла, но не могла прочесть ни слова: точно слой движущагося тумана ходилъ по мелко исписаннымъ строкамъ и превращалъ ихъ въ подвижной скачущій хаосъ. Наконецъ она могла прочесть нѣсколько строкъ письма и приняться за записку. Почеркъ не поразилъ ее, но прочтя имя Волынкина, она судорожно сжала записку въ кулачкѣ своемъ.

— Теперь ты мнѣ вѣришь? спросила Настенька.

Но Вѣра долго не могла отвѣтить: она не знала руки Волынкина, сомнѣніе ее тревожило, но она такъ сильно не довѣряла Настенькѣ, что не рѣшалась произнести окончательнаго приговора Волынкину. Страданіе дѣвушки было невыносимо: она была такъ поражена, что даже слезы не навертывались на глазахъ ея; смертная блѣдность покрыла ея щечки, она откинула голову на спинку креселъ, смятая записка, какъ раскаленное желѣзо, жгла ея хорошенькую ручку.

— Вѣришь ли ты мнѣ? наконецъ повторила снова Настенька.

Но Вѣра, быстро прочитавъ еще разъ записку, сильно спросила:

— Откуда у тебя эта записка?

— Этого я не вижу надобности говорить тебѣ. И не все ли тебѣ равно. Ты должна знать его руку. А не знаешь — сличи. Я у тебя только одно спрашиваю: вѣришь ты мнѣ теперь?

— А я у тебя спрашиваю другое: кто доставилъ тебѣ эту записку?

— Я получила ее по городской почтѣ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ.

— Какая таинственность!

— Положимъ, что это странно, но отвѣчай мнѣ: ты знаешь руку Волынкина?

— Знаю! сказала Вѣра послѣ молчанія.

— И прекрасно. Больше я ничего не желаю. Теперь ты не можешь не вѣрить мнѣ.

— Могу, сказала Вѣра.

— Что? вскрикнула Настенька.

— Это ложъ! Записка писана не имъ.

Это подлогъ! Рука похожа, но не его. Мистификація не удалась. Умыселъ очернить Петрушу задуманъ прекрасно, но успѣха не имѣлъ: эту записку писалъ не онъ.... на, возьми её.... возьми.

И Вѣра, бросивъ записку на стоявшій около Настеньки столикъ, въ изнеможеніи опустилась на длинное кресло, какъ разъ противъ пылавшаго изъ послѣднихъ силъ камина.

«Она его любитъ, подумала Настенька: — рука его, самъ признался, а она отказазалась, не зная его почерка, сказала, что записка писана не имъ. Однимъ словомъ я бы могла уничтожить ея торжество, да не смѣю — благоразуміе не велитъ.

— Такъ это не его рука? спросила она Вѣру.

— Конечно.... я сказала....

— Въ такомъ случаѣ нечего и говорить.

— Но въ это самое время раздался сильный звонокъ у двери. Вѣра вздрогнула.

— Это онъ! невольно вырвалось у ней.

— Волынкинъ! вскрикнула Настенька и поспѣшно схвативъ со стола письмо и записку, сложенныя вмѣстѣ, бросила ихъ въ каминъ на груду потухавшихъ угольевъ.

— Что ты дѣлаешь? вскрикнула Вѣра, удерживая руку молодой дѣвушки, но вспыхнувшее пламя, прорѣзавъ бумагу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, обхватило ее всю и вскорѣ превратилась въ черную, съ трескомъ разсыпающуюся массу. Тутъ только Настенька вздохнула свободно. Волынкинъ вошелъ въ гостинную.

— **Bon soir, chère,** сказалъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ, безсознательно смотрѣвшей въ каминъ, гдѣ черные лоскутки сожженной бумажки судорожно корчились на горячихъ угольяхъ и, какъ пухъ, улетали въ трубу. Она отвела глаза отъ камина и грустно взглянула на своего жениха; но лицо его было такъ весело и беззаботно. Она подала ему свою трепещущую ручку, и онъ страстно поцѣловалъ ее.

— Что съ вами? спросилъ онъ: — ваша ручка холодна, не озябли ли вы?

— Нѣтъ, отвѣчала Вѣра: — мнѣ, напротивъ, жарко.

— Да ручки-то холодны, продолжалъ Волынкинъ, цѣлуя обѣ ручки дѣвушки:

— Сердце горячо, замѣтила Настенька.

— Ахъ, **mademoiselle Débèline, bon soir**, здоровье ваше?

И Волынкинъ протянулъ руку молодой дѣвушкѣ. Это пустое въ сущности обстоятельство, еще болѣе встревожило Вѣру.

— Вы нынче въ хорошемъ расположеніи духа, сказала ему Настенька.

— А что? спросилъ онъ: — я, кажется, стараюсь быть всегда одинаковымъ.

— Можетъ быть, но мнѣ такъ кажется.

— А вы, Вѣра, напротивъ, началъ Волынкинъ: — кажется не въ духѣ сего-дня? Право вы нездоровы; что съ вами?

— Со мной? сказала она, стараясь оправиться отъ невольнаго волненія: — право ничего — я здорова.

— Дай Богъ, сказалъ Волынкинъ. —

Вы давно здѣсь, mademoiselle Débéline? обратился онъ къ Настенькѣ.

— Съ часъ, не больше.

— Застали Вѣру также разстроенною?

— Кажется, но я не замѣчаю особеннаго разстройства. Влюбленные всѣ таковы: не въ духѣ. Скажите, М-r Волынкинъ, неужели вамъ не надоѣло быть женихомъ — это, говорятъ, самое поэтическое, и самое скучное время. Обвѣнчайтесь, пожалуйста поскорѣй, а то мнѣ за васъ скучно.

— Это зависитъ отъ Вѣры, сказалъ Волынкинъ, и я постараюсь упросить ее поскорѣе назначить день нашей свадьбы....

— Жаль только, что на теперешнихъ свадьбахъ не танцуютъ, перебила его Настенька: — а то бы я запаслась лишней парой башмаковъ.

— Какія вы добрыя, сказалъ Волынкинъ, и снова пожалъ ей руку.

— «Опять? подумала Вѣра: — что бы значила перемѣна обращенія съ нею?»

— Однакожъ, замѣтила Настенька: —

мнѣ пора, да и вы думаете то же самое, что мнѣ пора. Влюбленные обыкновенно желаютъ отсутствія всѣмъ постороннимъ свидѣтелямъ ихъ счастья.

— Мы съ Вѣрой напротивъ всегда очень ради, когда есть кто-нибудь, а вамъ ради въ особенности.

— Нельзя же вамъ въ самомъ дѣлѣ сказать мнѣ: уѣзжайте! Но я должна ѣхать къ теткѣ: она больна, ея воспитанницы нѣтъ дома и бѣдной старушкѣ некому подать лекарства. Представте: тетушка такъ больна, что даже третій день не румянится!

— Какое вы странное созданье! воскликнулъ Волынкинъ: — удивительный у васъ характеръ: вы всякому своему прекрасному намѣренію, которыхъ у васъ, какъ я начинаю замѣчать, очень много, стараетесь придать ложное, несвойственное ему значеніе и вслѣдъ за похвальнымъ порывомъ души посылаете насмѣшку, а это не хорошо съ вашей стороны, вы вводите людей въ заблужденіе, вы сами

хотите, чтобы васъ осуждали—это, впрочемъ, добродѣтель.

— Вы говорите такъ, M-r Волынкинъ, какъ будто сами принадлежали къ числу людей заблуждавшихся и наконецъ прозрѣвшихъ.

— Что же, раскаяніе всегда находило себѣ сочувствіе.

— Какое темное сознаніе. Однако мнѣ пора.

— Ты все-таки ѣдешь? вмѣшалась Вѣра.

— Какое темное предложеніе остаться? шутя, сказала Настенька: — но я все-таки не могу принять его: меня ждетъ больная тетушка.

— Которую вы очень любите, если предпочитаете скуку просидѣть вечеръ съ больной старухою скукѣ провести его съ нами. Вы изъ двухъ золъ все-таки избираете меньшее.

— Вы нынче очень любезны, M-r Волынкинъ.

— Только не со мною, замѣтила Вѣра.

— У! да какже ты ревнива! воскликнула Настенька: — уѣду поскорѣе! Говорятъ, нѣтъ ничего несноснѣе ревнивой жены. Прощай, ревнивица, обратилась она къ Вѣрѣ, нѣжно цѣлуя ее въ лобъ. Прощайте, несчастный человѣкъ! сказала она Волынкину, граціозно протягивая ему руку.

— До свиданія! отвѣтилъ онъ и, взявъ Вѣру подъ руку, вышелъ въ залу за порхнувшей туда Настенькой.

— Полноте дуться, человѣкъ съ мудренымъ именемъ, обратилась она къ Силѣ Савичу, угрюмо сидѣвшему на стулѣ у стѣнки: — если бы вы знали, какъ меня убиваетъ вашъ несправедливый гнѣвъ, ночей не сплю, аппетитъ потеряла. И съ этимъ словомъ Настенька порхнула въ переднюю.

— Э! егоза каторжная! шепнулъ ей вслѣдъ Сила Савича: — не сносить, этой дѣвкѣ головушки, извѣстное дѣло.

Волынкинъ подалъ салопъ Настенькѣ, и она уѣхала. Но Вѣра страдала невыно-

симо—сомнѣніе, какъ аспидъ, всасывалось ей въ сердце, ревность била тревогу.

— Какое рѣзвое созданье! сказалъ Волынкинъ, возвращаясь въ гостиную съ Вѣрой и Силой Савичемъ.

— Да, сударь, можно сказать, сатана въ юбкѣ.

— Знаете, что я вамъ скажу, Сила Савичъ, сказалъ Волынкинъ — вѣдь мы въ ней съ вами ошибались: у ней прекрасное сердце, но слишкомъ бойкій умъ, вотъ почему всѣмъ и кажется, что въ ней больше ума, чѣмъ сердца, но это неправда. Я имѣю неопровержимыя доказательства ея преданности къ Вѣрѣ и за это самое начинаю уважать эту дѣвушку. Она широкая русская натура, она женщина, способная на самоотверженіе; эта дѣвушка выходитъ изъ разряда обыкновенныхъ, увѣряю васъ.

— Ужъ точно, сударь, необыкновенная она стрекоза, извѣстное дѣло.

— Васъ, вѣдь, не переувѣришь, Сила Савичъ, да я этого и не желаю: ученаго

учить, говорятъ, только портить, а вотъ васъ, Вѣра, я бы попросилъ забыть все то дурное, что я вамъ говорилъ о вашемъ другѣ и напротивъ запомнить все то хорошее, что теперь говорю. Я бы желалъ васъ видѣть по прежнему — она этого, право, стоитъ.

— Вы, вѣроятно, Pierre, имѣете сильныя доказательства ея преданности ко мнѣ, что такъ внезапно можете мѣнять ваши мнѣнія. Но мнѣ кажется, что вы говорите о ней съ слишкомъ большимъ увлеченіемъ — это мени пугаетъ, Pierre, я боюсь за себя, можетъ-быть я недостаточно широкая натура, недостаточно способна на самоотверженіе.

— Это ревность, Вѣра, благодарю васъ. Но что съ вами, вы какъ будто разстроены, огорчены, недовольны? Что съ нею, Сила Савичъ, сегодня?

— Не знаю, сударь. Была весела все время, васъ поджидала, извѣстное дѣло, вдругъ эта пріѣхала. Меня удалили, объ чемъ рѣчь шла не знаю.

— Что же такое случилось? О чемъ вы говорили? спрашивалъ Волынкинъ, обращаясь то къ Силѣ Савичу, то къ Вѣрѣ.

— Ничего, ровно ничего не случилось: мы говорили такъ, между собой о пустякахъ—женскія тайны, о нарядахъ, цвѣтахъ....

— Что же могло васъ разстроить?

— Не могу же я, Pierre, всегда быть веселой: иногда бываетъ грустно безъ причины.

— Это однакожъ довольно странно.

— Конечно, Настенькѣ бываетъ постоянно весело, замѣтила Вѣра: — она умѣетъ смѣяться безъ причины, и это никому не кажется страннымъ. А если мнѣ сгрустнется....

Она не могла кончить мысли: крупныя слезы оросили ея хорошенькое личико.

— Вы окончательно не въ духѣ! Или вы нездоровы, Вѣра, скажите ради Бога. Не послать ли за докторомъ? — вы страдаете?

— Я плачу, Pierre, я плачу и мнѣ

легче, сказала, задыхаясь Вѣра, и громкое рыданье раздалось въ гостиной.

— Господи, Боже мой! вскрикнулъ Сила Савичъ, вскакивая съ кресელъ: — перестаньте, душечка; что такое съ вами приключилось? вѣдь и я разрюмюсь.

— Это истерическій припадокъ, сказалъ Волынкинъ.

— Слезы—удѣлъ женщины! замѣтила Вѣра.

— Но не вашъ. О чемъ вы плачете? скажите мнѣ, если вы меня любите—скажите.

— Если я люблю васъ.... вотъ потому то я и плачу, всхлипывая сказала Вѣра.— Впрочемъ, прибавила она: — я сейчасъ приду, подождите меня, я могу перестать плакать; я, можетъ быть, перестану, прибавила она, нѣжно взглянувъ на Волынкина и быстро убѣгая въ сосѣднюю комнату.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю, сказалъ Волынкинъ, оставшись съ Силою Савичемъ.

— Я такъ понимаю, сударь, отвѣтилъ онъ: — ужъ не напѣла ли ей въ уши эта Дебелина, прости Господи, грѣха.

— Нѣтъ, Сила Савичъ, вы ошибаетесь. Это такъ, разстройство нервъ, капризъ маленькій.

Это слово сильно не понравилось старику.

— Капризъ, ворчалъ онъ про себя: — да можетъ быть она отъ роду не капризничала. Капризъ, говоритъ.

Черезъ минуту Вѣра входила въ комнату, держа въ одной рукѣ продолговатую книжку, переплетенную въ пунцовый бархатъ, а въ другой крѣпко закрытую чернильницу и стальное перушко, вставленное въ костяную ручку.

— Вотъ и прошло! притворно весело, и уже съ сухими глазами сказала Вѣра, останавливаясь передъ Волынкинымъ: — станемъ говорить о другомъ. Напишите мнѣ въ альбомъ—я такъ люблю, когда мнѣ пишутъ въ альбомѣ.... Онъ почти полонъ.... только ваша страница пуста.

Вотъ и у Настеньки весь альбомъ исписанъ; дѣвицы всѣ одинаковы: любятъ альбомы.

— Я готовъ, я сію минуту, весело сказалъ Волынкинъ: — лишь бы вы не плакали. И объ чемъ вы плакали?

— Я перестала. Могу перестать на долго.

— А я постараюсь, чтобы вы перестали навсегда.

— Вотъ такъ-то лучше, вмѣшался Сила Савичъ, а то «капризъ», говоритъ.

— Садитесь же, пишите, сказала Вѣра.

— Сію минуту, отвѣтилъ Волынкинъ и, взявъ у Вѣры альбомъ, чернильницу и перо, сѣлъ къ столу и принялся за дѣло.— Жаль, что я не поэтъ, сказалъ онъ: — и долженъ писать чужое.

— Знаете вы, спросила его Вѣра: — стихотвореніе Лермантова: «Кто бъ ни былъ ты»....

«Печальный мой сосѣдъ», продолжалъ Волынкинъ.

— Это самое.

— Написать его?

— Пишите.

Волынкинъ взялъ перо и нагнулся надъ альбомомъ, а Вѣра, облокотясь на спинку его креселъ, нагнулась нѣсколько и черезъ плечо Волынкина слѣдила за движеніями руки его.

Кто бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
Люблю тебя....

Написалъ было Волынкинъ, но холодный потъ выступилъ на лбу Вѣры, она одною рукою судорожно схватила спинку креселъ, за которую держалась, а другою остановила руку Волынкина.

— Довольно, сказала она: — больше ничего не надо. Подпишите внизу вашу фамилію.

— Но, вѣдь, это стихотвореніе Лермантова

— Нужды нѣтъ, я васъ прошу, подпишите.

Волынкинъ снова взялъ перо и нагнулся къ альбому.

«Записка писана его рукою», подумала Вѣра.

Волынкинъ подписалъ свое имя и подалъ ей альбомъ.

«И подпись та же», думала она: —«такъ это правда! О! я несчастная! несчастная!»

Молодая дѣвушка въ изнеможенiи опустилась на кресло и долго, молча, глядѣла въ лицо Волынкина.

— Merçi, Pierre, наконецъ сказала она ему, и довольно спокойно съ альбомомъ въ рукахъ, который прижимала къ сердцу, вышла изъ комнаты.

Въ это время Степанида Львовна съ Дорхенъ возвращалась домой и громко требовала чаю, что весьма обрадовало Силу Савича, любившаго покушать и попить и ровно ничего не понимавшаго, что про-

изошло между Вѣрой и Волынкинымъ, но онъ и самъ, по правдѣ сказать, ничего не замѣтилъ и только подумалъ:

«Какъ однакожъ она еще молода и малодушна».

III.

Цѣлое утро передъ описаннымъ выше вечеромъ у Струйскихъ Волынкинъ былъ занятъ серьезно: онъ думалъ окончательно покончить съ Варинькой, но долго не зналъ, какъ взяться за это щекотливое, по его мнѣнію, дѣло. Сначала онъ рѣшился было отправиться къ ней, но побоялся сценъ, слезъ, жалобъ, упрековъ.... и раздумалъ, а кончить слѣдовало. Волынкинъ взялъ перо и нѣсколькими строками рѣшился разомъ произнести приговоръ надъ участью цѣлой жизни. Ему было больно, и досадно, и грустно, и стыдно. А между тѣмъ Настенька знала его тайну, надо было ее уничтожить, очистить себя въ

глазахъ дѣвушки, выросшей такъ гигантски въ его ошибочномъ, шаткомъ мнѣніи. Надо было пожертвовать Варинькой изъ любви къ Вѣрѣ, изъ уваженья къ Настенькѣ. Волынкинъ рѣшился, перо заскрипѣло; вотъ что изъ-подъ него вылилось:

«Милый, добрый другъ мой Варинька!

«То, что я хочу сказать тебѣ, не должно удивить тебя, я, покрайней мѣрѣ, давно, особенно послѣднее время, старался пріучить тебя къ мысли, что поздно или рано, а намъ должно разстаться. Какъ честный человѣкъ, не хочу тебя обманывать: я нашелъ въ обществѣ дѣвушку, которая согласилась быть моею женою. Что заставляетъ меня жениться — пусть останется для тебя источникомъ загадокъ. И такъ, прощай, Варинька. Благодарю тебя за многое, за все. Говорить о деньгахъ въ эту минуту считаю неумѣстнымъ и оскорбительнымъ для тебя. Участь нашего ребенка обезпечена: мой повѣренный доставитъ тебѣ на дняхъ назначен-

ный мною капиталъ на этотъ предметъ. Положи эти деньги въ ломбартъ на свое имя, во избѣжаніе опеки. Я знаю тебя, ты слишкомъ нѣжная мать, чтобы воспользоваться достояніемъ твоего ребенка. Береги его, люби его и за себя, и за меня. Тебѣ я ничего не назначаю, кромѣ памяти и признательности. Ты, я знаю, сильно любила меня — такая любовь не покупается. Забудь меня, какъ любовника, помни, какъ друга, и знай, что всегда, женатый, какъ свободный, я, по первому призыву, готовъ протянуть тебѣ руку. И такъ, все кончено, Варинька. Будь счастлива, прощай. Если можешь, если хочешь мнѣ сдѣлать одолженіе, возврати мнѣ портретъ мой. Замѣни его скорѣе другимъ — тебѣ и мнѣ будетъ легче. Отплати мнѣ тѣмъ же — полюби другаго. Прощай.

Волынкинъ.

Написавъ и запечатавъ это письмо, онъ долго не отсылалъ его; наконецъ на звонъ барина явился каммердинеръ.

— Къ Варинькѣ! сейчасъ! сказалъ ему Волынкинъ: —отвѣта не нужно.—Кончено, прибавилъ онъ, оставшись одинъ. Ему стало грустно, что-то тяжелое какъ будто легло на грудь его.

«Что значитъ привычка однакожь», подумалъ онъ и хотѣлъ улыбнуться, но что-то горькое отразилось въ этой гримасѣ, которая, вмѣсто улыбки, сложилась на блѣдныхъ губахъ его.

«Какой вздоръ! подумалъ онъ: — я, вѣдь, не люблю ее больше. Я ее даже не уважаю; но за что же однакожъ мнѣ не уважать ее? Она любила меня искренно, не требуя ничего — она это доказала. Я видѣлъ жертвы, я понималъ, я цѣнилъ ихъ и, конечно, не встрѣть я Вѣры, не полюби я ее такъ глубоко, я бы призадумался прежде нежели бы написалъ такое письмо, которое послалъ сейчасъ. Разумѣется, жертвы ея не такъ велики, но развѣ всегда любовь познается только ими? Вотъ Вѣра не принесла мнѣ ни одной жертвы, а, вѣдь, любитъ же она меня?

О! я безумецъ! Какъ я смѣю сравнивать ее и....

Волынкинъ не договорилъ и задумался.

«Настенька то же любитъ меня, сказалъ онъ самому себѣ послѣ молчанія: — я въ этомъ увѣренъ, она это доказала. Намедни въ маскарадѣ я узналъ ее вполнѣ, тутъ только оцѣнилъ я ее по достоинству. Удивительное созданье! Твердый характеръ! Совершенный контрасть съ Вѣрой! Но что же я говорю? Я какъ будто обвиняю Вѣру? Нѣтъ, она ангелъ, существо любящее, тихое, преданное, покорное. Конечно, ей нуженъ руководитель, она создана подчиняться: я буду этимъ руководителемъ, я разовью это слабое созданье, вдохну въ него энергію, дамъ силу, волю, создамъ характеръ.

Такъ утѣшалъ себя Волынкинъ, приписывая даже любимой женщинѣ свои собственныя, несознаваемыя слабыя стороны. Эти мысли удалили его отъ ихъ источника — Вариньки, насталъ вечеръ, и

онъ отправился къ Струйскимъ, гдѣ мы его уже видѣли.

Но пока онъ любезничалъ съ Настенькой и писалъ на свою бѣду въ альбомъ Вѣры, Варинька, съ утра уѣхавшая и обѣдавшая у знакомой чиновницы — имянинницы, вернулась и нашла на столѣ своемъ письмо Волынкина.

— Отъ Петруши! вскрикнула она и быстро сорвала печать съ пакета; но радостное выраженіе лица ея исчезло въ одно мгновенье и смертная блѣдность покрыла ея смуглыя щечки. Ручки дѣвушки дрожали, ноги подгибались; она безсознательно опустилась на первое кресло и молча продолжала чтеніе. Громко щелкнула быстро перевернутая страница и большіе черные глаза дѣвушки забѣгали по мелко написаннымъ строчкамъ. Прочтя письмо, дѣвушка опустила руки и дико оглянула комнату, не останавливая особенно взора ни на одномъ предметѣ и какъ будто не понимая ни того, что она читала, ни того, что случилось. Осмотрѣв-

шись и проведя рукою по лбу, она снова принялась читать письмо и медленно, но спокойно, по видимому, прочла его до конца, бережно сложила по прежнимъ складкамъ и положила возлѣ себя на столикъ.

— Бросилъ! наконецъ сказала она и засмѣялась.

— Бросилъ! прибавила она послѣ молчанія, и легкое дрожанье въ подбородкѣ выдало весь накипъ души ея.

— Бросилъ! вырвалось у ней еще разъ, и слезы брызнули изъ черныхъ глазъ ея. Долго и громко рыдала дѣвушка, склонясь лицомъ къ письму и орошая его слезами.

— Я ли тебя не любила! вырывалось у ней между рыданьями. — Развѣ она иначе любитъ? Иначе, можетъ быть, но не больше. Нѣтъ! Ахъ, Петруша, Петруша!

Хохотъ отчаянія душилъ дѣвушку: она захлебывалась отъ слезъ и смѣха, громкій кашель прерывалъ то и другое.

— Что я буду дѣлать? говорила она: — брошена, забыта! И какъ жестоко! Онъ даже не пріѣхалъ проститься, не поцѣловалъ меня даже на прощаньи! Въ послѣдній разъ куда ужъ бы не шло! Нѣтъ, не хотѣлъ!

Безсвязныя рѣчи вырывались изъ груди дѣвушки, когда въ сосѣдней комнатѣ раздался плачъ ребенка.

— Колинька! вскрикнула она, и быстро бросилась было къ двери, но вдругъ, остановясь среди комнаты, сказала: — онъ плачетъ, мой родимый, онъ тоже плачетъ: чувствуетъ, что горе ждетъ его. А я то, дура, о себѣ убиваюсь! Что-жъ съ нимъ будетъ! Боже мой! Петруша женится? Не можетъ быть! Какъ онъ смѣетъ жениться, когда у него есть ребенокъ? И что же я-то такое? Я мать! Я не позволю! Нѣтъ, Петруша! Варвара! вскрикнула она: — шляпку! Скорѣй, духомъ! кричала она оторопѣвшей горничной: — салопъ, что-нибудь, да поворачивайся же. И съ этими словами, схвативъ со стола письмо Во-

лынкина, она вырвала изъ рукъ горничной шляпку, шаль, накинула салопъ и выбѣжала въ переднюю.

— Ботинки-то надѣть извольте, ботинки-то....

Но Варинька уже отперла дверь на улицу.

— Варвара Михайловна! кричала ей вслѣдъ горничная, потрясая ботинками въ воздухѣ.

Но Вариньки уже не было: она бѣжала по тротуару.

— Извощикъ! кричала она изъ всей мочи: — извощикъ!

— Далеко ли? далеко ли? раздалось со всѣхъ сторонъ и нѣсколько отчаянныхъ ванекъ слетѣлось въ одно мгновенье, безжалостно задувая въ галопъ на своихъ тощихъ кляченкахъ.

— Со мной! кричалъ одинъ: —куда надо то?...

— Я свезу, перебилъ другой: — не первый разъ.

— Куда ему? кричалъ третій: — ишь лошадь-то у него какая.

— Твоя что ли лучше? возражалъ обиженный.

— Я свезу! со мной, барышня! лихо прокачу! слышалось со всѣхъ сторонъ.

Варинька прыгнула въ первые, ближайшія къ ней сани.

— Полтинникъ! сказала она: — только пошелъ.

— Куда пошол-отъ? спросилъ возница.

— Туда, такъ, прямо, лепетала дѣвушка, не вспомнивъ вдругъ улицы, куда ѣхала.

Извощикъ первымъ дѣломъ счелъ ударить изо всей мочи своего гнѣдка и передернуть возжи.

— Ну, ты, шевелись, что ли? говорилъ онъ, поводя плечами и подпрыгивая, какъ бы съ цѣлью помочь этимъ лошадкѣ, но она едва плелась по глубокому снѣгу.

— Ну, пошелъ же, говорятъ тебѣ, пошелъ! раздавалось за его спиною.

Кнутъ свисталъ немилосердно: лошадь не прибавляла рыси.

— Это нестерпимо! говорила Варинька: — пошелъ!

— Да и радъ бы пошелъ. Ишь дорога-то какая! Ну ты! говорилъ возница, отвѣчая и въ то же время понукая лошадку.

— Стой! крикнула выведенная изъ терпѣнія Варинька и, выпрыгнувъ изъ саней, бросила ванькѣ полтинникъ и пустилась бѣжать по тротуару. На углу улицы она увидала лихача—извощика, медленно возвращавшагося съ биржи.

— На Мясницкую! крикнула она ему.

— Цѣлковый! лѣниво отвѣчалъ лихачь, не желавшій сѣдока, ѣхавшій до дому и думавшій баснословнымъ требованіемъ отдѣлаться отъ поѣздки.

— Давай! крикнула Варинька.

— Садитесь, такъ и быть, говорилъ онъ: — заодно лошадь мучить.

Этого цѣлковаго онъ рѣшился не показывать хозяину.

— Только пошелъ! сказала Варинька, садясь въ сани.

— Только держитесь! отвѣтилъ малый, и сани понеслись вдоль темной улицы.

На Мясницкой Варинька остановила извозщика у подъѣзда какого-то дома. Расплатившись, она взялась за ручку висѣвшаго у двери колокольчика.

— На чаекъ-то что же? съ обычнымъ безстыдствомъ спросилъ извощикъ и, не слыша отвѣта, медленно сталъ поворачивать назадъ. Прозябшая Варинька снова и еще сильнѣе дернула ручку. Сильный звонокъ раздался за дверью. Тутъ жила Анна Антоновна въ довольно помѣстительной и прилично обставленной квартирѣ, нанятой иждивеніемъ таинственнаго благотворителя изъ купцовъ, прельщеннаго увядающими прелестями женщины. Она, для избѣжанія огласки, толковъ и пересудовъ насчетъ лицъ, ее посѣщавшихъ, и встрѣчь ихъ между собою, держала одну только женскую прислугу, состоявшую изъ кухарки, никогда не покидавшей кухни, и горнич-

ной Акульки, существа рябаго, грязнаго, имѣвшаго привычку ворчать себѣ подъ носъ и въ отсутствіи барыни спать на ея диванѣ. Знакомство у Анны Антоновны было огромное и сонъ Акульки нарушался ежеминутно.

Варинька позвонила еще разъ.

— Эка пакость какая! вскрикнула Акулька, вскакивая въ просонкахъ съ дивана: — не дадутъ человѣку уснуть мало-мальски. Что за домъ такой каторжный: только знай двери отпирай, *цѣльный* день только и слышишь звонъ одинъ....

Съ этимъ словомъ она отперла дверь.

— Дома Анна Антоновна? спросила Варинька.

— Нѣту-ти, удрамши.

— Куда?

— А чертъ ее знаетъ.

— Скоро будетъ?

— Сказывала: самоваръ чтобъ былъ; ужъ такая охотница чаи расхлебывать, что на-поди.

— Такъ я ее подожду.

— Отъ чего жъ, отвѣтила Акулька и, пропустивъ Вариньку въ сѣни, заперла за нею дверь.

Дѣвушка сбросила съ себя въ передней дорогой чернобурый салопъ и вошла въ темную комнату. Эта темнота тяжело подѣйствовала на дѣвушку: ей казалось, что она дышетъ тяжелѣе, какая-то тоска томила ея грудь, ей мнилось, что стѣны шатаются изъ стороны въ сторону, и потолокъ готовъ обрушиться на ея бѣдную голову. Настроеніе ли духа тому способствуетъ, потрясеніе ли нервной системы, только чѣмъ глубже страдаетъ человѣкъ, а женщина въ особенности, тѣмъ болѣе онъ не можетъ сносить темноты. Страшно становится, жутко, тяжело.

— Какой ужасъ! говорила она: — точно я въ могилѣ.

Но Акулька взошла съ зажженною свѣчкой въ рукѣ и мгновенный потокъ свѣта, скользнувъ по паркету, отразился въ зеркалѣ и наконецъ обдалъ всѣ предметы своимъ слабымъ дрожащимъ свѣтомъ. Ва-

ринька вздохнула свободнѣе и сѣла на первое кресло, пока Акулька принялась зажигать другія свѣчи, находившіяся въ канделябрахъ изъ выбивной бронзы, расположенныхъ мѣстами вдоль стѣнъ и по угламъ комнаты.

— Къ чему это? сказала Варинька: — и съ одной свѣчкой посижу.

— Ничего, матушка, отвѣтила Акулька: —не бось, не раззорится она скаредная. Ужъ такъ она скупа, такъ скупа, что я и не знаю; все это въ обрѣзъ. А ужъ жалованья и не проси. А велико ли, спроси? курамъ смѣхъ: два цѣлковыхъ! Ну, куда ихъ дѣнешь, два-то цѣлковыхъ? Сама чай, кохій, день деньской лопаетъ, лопаетъ, хошь бы тебѣ на смѣхъ когда чашечку дала, ласку какую сдѣлала: «на, молъ, тебѣ, Акулина Дементьевна, а то нѣтъ, все какъ съ дубу рветъ: ей! на! поди! бѣги! Да все бѣги, точно у меня ногъ-то больше, чѣмъ у другихъ, все бѣги.... да, вотъ оно что....

Но Варинька не слушала жалобъ Акуль-

ки, которая, впрочемъ, и не требовала вниманія. Она присвоила себѣ привычку постоянно, когда бодрствовала, жаловаться вслухъ себѣ самой на свое собственное житье-бытье. Такъ и теперь, проговоря, что желала, она прибавила:

— Такъ вы посидите, а я пойду; и дѣйствительно ушла въ смежную съ залой темную гостиную, гдѣ, вѣрная себѣ, не стѣснясь присутствіемъ посторонняго лица, преспокойно улеглась на однажды навсегда избранномъ ею диванѣ.

Варинька, отъ нечего дѣлать, принялась перечитывать письмо Волынкина. И что же ей, бѣдной, оставалось болѣе дѣлать? Отъ всего ея скоро прожитаго прошедшаго оставался только мелко исписанный лоскутокъ бумажки....

Прошло полчаса. Горько плакала въ залѣ молодая дѣвушка, сладко спалось въ гостиной свирѣпой Акулькѣ. Сильный звонокъ раздался у двери. Акулька вскочила на ноги.

— Опять! сказала она и, сильно плюнувъ, прошла по залѣ въ сѣни, прибавя:

— Уморитъ она меня, каторжная. Что за жизнь человѣку, когда ему сна нѣту-ти!

Черезъ минуту Анна Антоновна вошла въ залу.

— Что я вижу? вскрикнула хозяйка: — вы ли это, душечка? Вотъ не ожидала-то? Вотъ *суприз*ъ, могу сказать. Да чѣмъ васъ подчивать, душечка? Акулька! самоваръ! Бѣги! Ну, живѣе!

— Бѣги, все бѣги! бормотала Акулька, уходя въ кухню: — ужъ и такъ совсѣмъ съ ногъ сбилась.

— Да что это вы такія скучныя, душечка? продолжала Анна Антоновна: — глазки такіе красные, ужъ не плакали ли вы?

— Еще бы не плакать, Анна Антоновна.

— Полноте, душечка. Что же такое случилось. Стоитъ ли того? Плюньте. Вѣрно опять съ Волынкинымъ что-нибудь вышло такое?

— Бросилъ, Анна Антоновна.

— Ахъ, мерзавецъ! Да давно ли дѣло было, изъ маскарада быть хотѣлъ, и все такое.

— Не былъ.

— Ахъ, подлецъ! Что я вамъ, душечка, говорила? Да что же за причина?

— Женится, Анна Антоновна.

— Какъ женится?

— Такъ-таки женится.

— Значитъ: хлопоты-то мои пропали даромъ? значитъ....

— Я ужъ не знаю, только все кончено.

— Ну, душечка, отчего же все?

— Оттого, что вотъ его письмо—прочтите.

Анна Антоновна взяла письмо Волынкина и громко прочла его.

— Ну, не ожидала я отъ него такой низости, сказала она наконецъ;—не ожидала....

— Не говорите этого, прервала ее Варинька:—не браните его: онъ не виноватъ. Развѣ я ему пара? Онъ такъ образованъ,

такъ уменъ, а я что? Танцовщица и больше ничего. Любила я его, да, но не понимала. Воспитаніе другое. А ужъ какъ благороденъ-то! Вотъ, хоть бы это письмо. Вѣдь другой такъ не напишетъ. Такъ это все умно, даже трогаетъ, право, за сердце хватаетъ: чувствительно очень написано. Ахъ, Петруша, Петруша!...

Варинька горько заплакала, пока Акулька накрывала столъ и ставила чайную посуду, ворча что-то подъ носъ.

— То-то молоды вы еще, душечка, людей не знаете. Словно онъ колдунъ какой, приворожилъ васъ къ себѣ, говорила Анна Антоновна: — не видите вы, что это за человѣкъ! фальшивый, самый, что ни есть фальшивый. Ну что онъ тутъ пишетъ? Съ чѣмъ онъ васъ оставляетъ? Ни при чемъ.

— Какъ ни при чемъ?

— Да вы однѣ, что ли, душечка?

— Вы говорите о Колинькѣ?

— А то объ комъ же?

— Что же мнѣ дѣлать, Анна Антоновна? Научите вы меня, что дѣлать.

— Да что дѣлать? Ошельмовать его, какъ подлеца, надѣлать ему страму, къ оберъ-полиціймейстеру просьбу что ли подать на него, негодяя: всякія просьбы принимаютъ....

— Да за что же, Анна Антоновна, такъ поступать съ Петрушей? Конечно, тяжело перенести, да, вѣдь, не на мнѣ же ему жениться, въ самомъ дѣлѣ?

— Какъ за что, душечка, да развѣ вы не понимаете, что онъ пишетъ такое?

И она прочла изъ письма «говорить о деньгахъ въ эту минуту считаю неумѣстнымъ и оскорбительнымъ для тебя»....

— Ну и это не подлецъ? сказала она: — ишь онъ о деньгахъ говорить считаетъ неумѣстнымъ. Да о чемъ же и говорить, если не о деньгахъ? Что онъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, онъ что ли нуженъ очень? онъ—чертъ съ нимъ, а денегъ давай.

— Да онъ пишетъ же дальше, пере-

била ее Варинька, вырывая письмо, что участь нашего ребенка обезпечена....

— Чѣмъ? перебила Вариньку въ свою очередь Анна Антоновна.

— Деньгами.

— Какими? гдѣ онѣ?

— Онъ пишетъ, что его повѣренный доставитъ на-дняхъ.

— Кто этотъ повѣренный?

— Я не знаю.

— А? не знаю? А сколько онъ доставитъ? Да еще либо доставитъ, либо нѣтъ, бабушка-то надвое сказала. А если и доставитъ, то что онъ дастъ, на томъ и спасибо, да еще себѣ, чай, половинку отсчитаетъ. Нѣтъ, душечка, такъ дѣла не дѣлаются. Нѣтъ, это не такъ: ишь какія нѣжности: *тебѣ*, говоритъ, *я ничего не назначаю, кромѣ памяти и признательности*. Да что, изъ памяти-то его шубу сошьешь? Признательностью его проживешь что ли? Нѣтъ, душечка, это дѣло темное. Надуваетъ онъ васъ, сядете вы, какъ ракъ на мели, я вамъ говорю.

— Вы меня пугаете, Анна Антоновна.

— Чего тутъ и говорить, дѣло ясное, въ письмѣ написалъ.

— Неужъ-то онъ на это способенъ?

— Способенъ, душечка, мужчины всѣ на одну стать, гроша мѣднаго не стоятъ.

— Да мнѣ ничего и не надо. Онъ любилъ меня, я была счастлива, я и не требую, но мой ребенокъ. Если онъ ему ничего не оставитъ, мнѣ кажется, я готова на все рѣшиться. За сына я забуду Петрушу, себя, все.... да, нѣтъ, невозможно.

— Ну, не ручайтесь, душечка, повѣрьте вы моей опытности, прошла я сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы, черезъ все я прошла. Какъ мнѣ не знать! Обманетъ онъ васъ, подниметъ на фу-фу, повѣреннаго нѣтъ никакаго, вздоръ все, вранье одно, денегъ то же, видно, нѣтъ большихъ, вотъ онъ и хитритъ.

— Быть не можетъ.

— Зачѣмъ тутъ, душечка, повѣренный? На что? Положилъ бы деньги просто въ

конверъ и прислалъ: нà, молъ, — и дѣлу конецъ. А то ишь что выдумалъ: на дняхъ, говоритъ. Дней, вѣдь много въ году, душечка.

— Это было бы ужасно!

— Такъ оно и будетъ.

— А вотъ подождемъ.

— Ждите, душечка. Долго прождете и свадебки дождетесь, а тамъ съ него взятки гладки: ждите, душечка.

— Что же мнѣ дѣлать, Анна Антоновна, что же мнѣ дѣлать? съ отчаяніемъ повторяла Варинька: — я хоть и не вѣрю тому, что вы говорите, но все-таки сомнительно. Все можетъ быть. Я боюсь, Анна Антоновна. У меня ребенокъ. Не погубить же его? Чѣмъ я стану кормить его, воспитывать? Жалованье небольшое, бенефиса не имѣю. Что я буду дѣлать? Боже мой!

Но въ это самое время Акулька внесла черезъ силу огромный мѣдный самоваръ и, предварительно поставя его на полъ, нагнулась, понатужилась и всею силою сво-

ихъ толстыхъ рукъ, однимъ взмахомъ, помѣстила его на столѣ, отъ чего вся кровь прилила ей въ голову и широкое лицо ея уподобилось окончательно распустившемуся піону.

— Ишь чертъ! обратилась она къ самовару: — ушатъ цѣлый, впору лошади везти, а я-то тебя, дьявола въ день-то раза четыре.... какъ еще животъ только цѣлъ?... чудеса....

— Что же мнѣ дѣлать, Анна Антоновна, научите вы меня, продолжала Варинька.

— Не слѣдъ ему, душечка, жениться, дурь на него напала, надо ему помѣшать.... отвѣчала Анна Антоновна, стуча чашками и приготовляя чай.

— Но какъ же?

— А вотъ, подумаемъ, душечка. Съ чаемъ-то и мысли всегда хорошія.

Она разлила чай. Акулька принесла корзинку съ сухарями и стала поодаль, прислонясь къ стѣнкѣ. Варинька была рада выпить чашку чаю: бѣдную дѣвушку

била лихорадка, ножки ея были холодны, какъ ледъ — она не могла согрѣться.

— Ахъ! вскрикнула Анна Антоновна.

— Что съ вами?

— Придумала, душечка.

— Что такое?

— Волынкинъ женатъ не будетъ.

— Но какъ же? Не грѣшно ли, Анна Антоновна? Можетъ быть въ этомъ его счастье? зачѣмъ отнимать его у Петруши?

— Э! душечка! отозвалась Анна Антоновна, спрося другимъ тономъ: — хотите вы жить опять по прежнему? или не хотите?

— Но развѣ это возможно?

— Одно слово?

— Ну, конечно, какъ не хотѣть?

— Хорошо, душечка. Только вотъ что вы мнѣ скажите: готовы ли вы сдѣлать все, чего бы я отъ васъ ни потребовала?

— То есть что же, напримѣръ?

— Это мое дѣло.

— Если только могу, если не грѣшно. Не хорошаго не сдѣлаю, Анна Антонов-

на, къ колдунамъ и колдуньямъ не поѣду, подъ подушки класть угольковъ и травъ не стану — Богъ накажетъ.

— Э! да что! Пустяки! Одно слово: готовы вы, или нѣтъ? Подумайте, дѣло идетъ объ вашемъ ребенкѣ.

— Все!... вскрикнула Варинька: — все для него!...

— Завтра поутру я буду у васъ, и мы все устроимъ.

— Да что же такое, скажите. Отъ чего не теперь?

— По правдѣ вамъ сказать: надо мнѣ съѣздить: *Онъ*, знаете, боленъ, пишетъ. Надо его, черта, провѣдать.

— Что же вы не сказали? Я васъ задержала?

— Э, душечка, подождетъ, не велика персона.

— Такъ, завтра? спросила Варинька, вставая.

И съ этими словами онѣ обѣ вышли въ

переднюю, гдѣ Варинька по привычкѣ начала искать своихъ ботинокъ.

— Что стоишь? крикнула Анна Антоновна на Акульку, стоявшую въ залѣ, прислонясь къ стѣнкѣ: — салопъ подай, ботинки поищи, чучело.

Но Акулька не откликалась. Она обладала счастливою способностью спать во всякомъ положеніи.

— Посмотрите, душечка, вскрикнула Анна Антоновна, указывая на Акульку: — вѣдь спитъ, стоя, спитъ, ну не подлая, не мерзская дѣвка? Вотъ, я ей задамъ спать.

И быстро подбѣжавъ къ спящей, она энергически разбудила Акульку. Оказалось, что Варинька забыла ботинки дома. Анна Антоновна одолжила ей свои и проводила танцовщицу до сѣней. Акулька, накинувъ платокъ на голову, вышла съ нею на улицу и крикнула извощика.

Варинька сѣла въ сани и дала горничной какую-то монету.

— Вотъ душа! твердила Акулька, воз-

вращаясь: — христіанская душа. Не то, что наша.

И по обыкновенію, ворча себѣ подъ носъ, вернулась во свояси, гдѣ, вскорѣ проводивъ барыню, легла отдохнуть на ея диванѣ. На этотъ разъ богатырскій сонъ Акульки былъ прерванъ не прежде часу, но и тутъ, вскочивъ на ноги и предварительно плюнувъ, она громко воскликнула:

— Нѣтъ человѣку покоя!

Если-бъ Акулькѣ пришлось проспать цѣлые сутки, она, проснувшись, конечно сказала бы то же самое.

На другое утро Анна Антоновна, вѣрная своему слову, явилась къ Варинькѣ, и онѣ долго объ чемъ-то разговаривали, объ чемъ то совѣтовались, что-то рѣшали. Анна Антоновна на чемъ-то настаивала; Варинька колебалась, но любовь матери побѣдила всякое замѣшательство: Варинька рѣшилась. На этотъ совѣтъ была позвана и Варвара, горничная Вариньки. Ей что-то толковали, спрашивали: пони-

маетъ ли она, растолковывали и наконецъ сказали, чтобъ она была готова. Уходя, Анна Антоновна написала нѣсколько строкъ на лоскуткѣ бумажки и оставила ее, сложенную вчетверо, въ рукахъ Вариньки. Дѣло было слажено, заговоръ составленъ.

Но оставимъ ихъ на-время, чтобы заняться другими лицами этого романа.

Волынкинъ уѣхалъ недовольный Вѣрой. Онъ не понималъ значенія сцены съ альбомомъ, и волненіе молодой дѣвушки принималъ за дурное расположеніе духа, за капризъ, за ребячество.

Но Вѣра страдала глубоко, сама не понимая, что ее волнуетъ, отъ чего ей такъ больно, такъ грустно, такъ плакать хочется. Она, при всемъ желаніи, не могла понять, какого рода была женщина, къ которой адресована записка Волынкина, какія существуютъ отношенія между имъ и этой Варинькой. Не вѣритъ болѣе она не могла — доказательство было не-

сомнѣнно: раскрытый альбомъ постоянно лежалъ передъ ней.

«Кто-бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ».

Читала она: «люблю тебя». «Да, думала она, я люблю тебя, кто бы ты ни былъ, потому что ты не можешь не быть такимъ, какимъ я тебя знаю. Ты благогороденъ, ты не способенъ на низкое дѣло, ты не обманешь меня. А между тѣмъ эта записка говоритъ противъ тебя. Что связываетъ тебя съ этой женщиной? Ахъ, Петруша, Петруша! зачѣмъ не ты самъ признался мнѣ, не открылъ твоего прошедшаго, почему? Отъ недовѣрія ли, изъ боязни ли? Я бы простила....

И дѣвушка обращала свой чудный, блиставшій слезами взглядъ на довольно большой овальный портретъ Волынкина, висѣвшій въ золоченой рѣзной рамѣ надъ письменнымъ ея столикомъ и присланный ей однажды въ числѣ прочихъ подарковъ. Въ этомъ взглядѣ отразилась вся душа дѣвушки: въ немъ читались и любовь, и сомнѣніе, и ревность, и упрекъ, въ немъ

проглядывало страдальческое любопытство, отражалось оскорбленіе, досада, но въ немъ же видѣлось и желаніе, потребность ошибиться, забыть, простить, чтобъ снова взглянуть свѣтло и весело. Блѣдное лицо Волынкина смотрѣло также задумчиво изъ своей фигурной рамки.

«Не даромъ», думала Вѣра: — «на лицѣ его есть отпечатокъ какой-то всегдашней задумчивости: Богъ знаетъ, какое горе тяготѣетъ надъ нимъ, какая затаенная мысль живетъ въ умѣ его? Можетъ быть онъ пережилъ въ прошедшемъ страшныя минуты, въ которыхъ не въ силахъ сознаться, которыя самъ желалъ бы позабыть и не можетъ. Можетъ быть эта самая женщина и была причиною его страданій. Кто знаетъ, что его связываетъ съ нею. Вѣдь онъ любитъ меня, если просилъ руки моей? Одна любовь только понудила его къ этому, разсчитывать онъ не могъ — не́ на что было. А между тѣмъ онъ не прервалъ сношеній съ этой женщиной. Впрочемъ записка безъ числа.

Можетъ быть это новыя сѣти Настеньки? И что значитъ перемѣна его къ ней? Что дѣлать? И вѣра задумалась надъ этимъ вопросомъ.

— Любить его, отвѣтила она самой себѣ: — любить долго, всегда. Что мнѣ за дѣло до его прошедшаго? Кто же вѣритъ анонимнымъ письмамъ? Рука его однакожъ. Зачѣмъ Настенька сожгла записку? Во всемъ этомъ что-то кроется.... но что будетъ, что будетъ? Тревожные дни, тревожныя ночи проводила Вѣра.

Въ одно прекрасное утро Вѣра, совсѣмъ одѣтая, сидѣла внизу въ кабинетѣ, а Сила Савичъ тревожно прохаживался по комнатѣ, пользуясь отсутствіемъ Степаниды Львовны, уѣхавшей къ обѣдни, и слушая безсвязный разсказъ молодой дѣвушки о непрочности счастья на землѣ, о разочарованіи, утраченныхъ надеждахъ и многомъ другомъ въ этомъ родѣ.

— Убей Богъ мою душу, сударыня, говорилъ старикъ, закидывая руки за спину, если я хоть что-нибудь понимаю.

Эти экивоки не при мнѣ писаны, сударыня. Говорили бы лучше прямо, да просто. А то что это такое? Фанаберія, извѣстное дѣло.

— Извольте, я буду говорить проще, сказала Вѣра: —вы думали онъ любилъ меня? Я сама то же думала, но мы ошибались.

— Чего-съ? спросилъ Сила Савичъ: — кто кого любилъ, сударыня?

— Я говорю, что Волынкинъ никогда не любилъ меня.

— Шутите, сударыня. Да, нѣтъ не изъ таковскихъ: меня трудно провести, извѣстное дѣлс.

— А если и любилъ, то очень мало, продолжала дѣвушка: — если и теперь любитъ, то недостаточно сильно....

— Совсѣмъ не любитъ, прервалъ ее старикъ: ненавидитъ просто, видѣть не можетъ равнодушно. Какъ вы этого, сударыня, давно не замѣтили! Э-э эхъ! продолжалъ онъ другимъ тономъ: — какъ войдетъ человѣку дурь въ голову, изви-

ните вы меня, и пошелъ онъ пустое городить, извѣстное дѣло.

— Я говорю серьезно, говорю это вамъ однимъ. Неужто мнѣ весело сознаться въ моемъ несчастіи.

— Да вы и впрямь никакъ плачете, сударыня?

— Что же мнѣ больше дѣлать, Сила Савичъ?

— Резонъ, сударыня, извѣстное дѣло. Дешевы, видно, у васъ слезы-то, ни по чемъ.

— Богъ знаетъ, Сила Савичъ, можетъ быть каждая изъ нихъ стоитъ мнѣ мѣсяцъ жизни. Да и Богъ съ нею, съ жизнью: безъ него что за жизнь!

— Да перестаньте, сударыня, Бога вы не боитесь!

— Онъ его не боится, Сила, Савичъ.

— Что же онъ сдѣлалъ такое, сударыня?

— Не любитъ онъ меня, больше ничего. Только не любитъ.

— Кто же это вамъ навралъ.... съ позволенія сказать?

— Я, вѣрно знаю.

— Полноте грѣшить, сударыня. Ревность что ли въ васъ играетъ? Поговорилъ вчера съ Дебелиной, а вы ужъ и Богъ знаетъ, что подумали.

— Я имѣла доказательство, Сила Савичъ.

— Чего, сударыня? чего доказательство?

— Того, что онъ.... что у него....

— Да говорите же, сударыня.

— Я не знаю, какъ сказать вамъ.

— Ужъ заодно, потому чего ужъ я не переслушалъ.

— Этого вы не ожидаете.... у него, Сила Савичъ, есть, какъ это говорится, я даже не знаю хорошенько, что этимъ словомъ опредѣляется, только у него....

— Да что же такое, сударыня? подучая болѣзнь что ли, прости, Господи....

— Хуже, Сила Савичъ.... у него

есть.... любовница, вотъ вамъ.... сказала....

— Что вы это? вскрикнулъ старикъ, отмахиваясь руками:—вашимъ ли устамъ произносить такія рѣчи? ай, ай, ай! Этого слова вы не говорите, не хорошее оно, извѣстное дѣло. То-то ребенокъ-то: мелетъ, что въ голову придетъ. Только вы, сударыня, при комъ-нибудь остерегитесь. Мнѣ вы бухнули — была не была — ну, а чужой осудитъ, пожалуй. Да гдѣ вы такихъ словъ наслушались только, сударыня? Чай Панкратьевна по глупости—стара, извѣстное дѣло, наплела что-нибудь, а вы и вѣрите, или другая какая. То-то языки у нихъ длинны. А все кто виноватъ? Матушка ваша. Ужъ куда подъ старость-то, не въ осужденіе, всякіе разговоры слушать любитъ. А вы не перенимайте, сударыня, не хорошо, извѣстное дѣло.

— Можно ли не вѣрить, Сила Савичъ, когда я знаю даже, что эта женщина танцовщица.... что....

— Не такой онъ человѣкъ, сударыня, перебилъ ее старикъ: — чтобы съ плясуньей связался.

— Что ее зовутъ Варинькой.

— Имя тутъ — ничего: у этихъ плясуньевъ, сударыня, именъ много бываетъ, что ни день, то имя...

— Какъ же это такъ?

— Да такъ, сударыня. Вамъ этого не понять, да и Христосъ съ ними, имъ же лучше, больше именъ — чаще имянины справлять могутъ, извѣстное дѣло.

— Вамъ смѣшно, Сила Савичъ, а каково мнѣ-то?

— Плюньте, сударыня, плюньте. Кто вамъ сказалъ, сударыня, кто васъ увѣрилъ? Да и я-то хорошъ: спрашиваю? Дебелина. Кому-жъ больше? Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ! Доказано вамъ разъ, что̀ она есть за птица, нѣтъ, вы, опять вдаетесь.

— Да вѣдь я люблю его, Сила Савичъ, люблю съ каждымъ днемъ сильнѣе и вдругъ.... Сила Савичь! внезапно сказала

Вѣра другимъ тономъ, вставая: — вѣдь я все-таки пойду за него! Я не могу не идти за него: я люблю его. Спросить—то же не могу. Зачѣмъ никто раньше не позаботился узнать, что онъ за человѣкъ. Вы то хороши, а еще говорите, что любите меня. А теперь ужъ поздно. Смотрите же: не раскайтесь, если я буду несчастлива. Слово дано.... сердце.... сердце то же отдано.... а онъ.... у него..., это ужасно.... нѣтъ, я должна знать.... надо кончить чѣмъ-нибудь.... или я буду за нимъ или нѣтъ. Ахъ, что дѣлать, Сила Савичъ, что дѣлать!

Вѣра заплакала. Сила Савичъ не зналъ, что дѣлать, тѣмъ болѣе, что Степанида Львовна взошла въ гостиную и могла замѣтить слезы дочери. Но Вѣра, заслыша шаги матери, быстро юркнула въ корридоръ и убѣжала на верхъ въ свою комнату.

— Вотъ человѣкъ! сказала старушка, указывая на Силу Савича: — вотъ человѣкъ, храма Божьяго не знаетъ, воскре-

сенье, праздникъ, изволитъ дома сидѣть. Пора бы о душѣ подумать. Старъ, слабъ, нѣтъ, все одинъ вѣтеръ въ головѣ. Жаль мнѣ васъ, батюшка, какъ это вамъ придется отвѣтъ Богу отдавать, я ужъ и не знаю.

— Вотъ женщина! въ томъ же тонѣ отвѣчалъ старикъ, указывая на Степаниду Львовну: — вотъ женщина, къ обѣдни ѣздитъ, молится, а домой пріѣдетъ—дѣвокъ то и дѣло по загривкамъ колотитъ. Безъ нее шить, да гладь, да Божья благодать, при ней не видать ни зги, хоть вонъ бѣги.

И старики, довольные, что начали день перебранкой, разошлись по своимъ угламъ до новой встрѣчи. Часу во второмъ Степанида Львовна опять выѣхала по какому-то дѣлу, касавшемуся предполагаемой свадьбы. Въ ея отсутствіе пріѣхалъ Волынкинъ. Что-то тяжелое легло на сердце Вѣры при его появленіи; она грустно взглянула на него, но старалась казаться веселою. Сила Савичъ усердно ей подмигивалъ, обдумывая только-что мелькнув-

шую въ головѣ его мысль. Вернувшись, Степанида Львовна пошла въ свою комнату замѣнить шляпу чепцомъ и нашла Дорхенъ, занятую своими куклами.

— Ну, что спросила она ее по обыкновенію:—не было ли чего безъ меня?

— Ничего не было-съ, отвѣчала дѣвочка.

— Вездѣ было смирно?

— Вездѣ-съ.

— Въ дѣвичей не кричали?

— Нѣтъ-съ, не кричали.

— Лакеи по корридору не бѣгали?

— Нѣтъ-съ, не бѣгали, робко отвѣчала Дорхенъ, озираясь во всѣ стороны и усматривая прямо предъ собою въ неплотно притворенную дверь мощный кулакъ горничной Лизаветы Карповны, которымъ она грозила ребенку, мимически намекая на послѣдствія его нескромности.

Окончивъ допросъ, барыня ушла въ гостиную, а Дорхенъ подбѣжала къ двери, за которой стояли Лизавета.

— Видишь, сказала дѣвочка горнич-

ной: — я умница, я ничего не сказала, а все видѣла, какъ Антонъ съ вами чай пилъ, какъ Даша сидѣла у него на колѣнахъ, какъ ты Степаниду Львовну дразнила, я все видѣла....

— Мало ли что, грубо отвѣчала Лизавета: —на то глаза. А говорить не смѣете. Да и Боже васъ сохрани.

— Вѣдь я не сказала. Ты не сердись.

— То-то не сердись. Не постращай васъ, такъ нивѣсть что наскажете. Ну, что смотрите? ступайте въ гостиную. Что здѣсь-то дѣлать? Дѣвичья близко? Подслушивать? Извольте, извольте идти.

— Сейчасъ пойду, сказала дѣвочка, подбирая куклы и тяжело вздыхая. — Однакожь, прибавила она уходя: — завтра я что-нибудь скажу; ты сама придумай, что сказать, а то, если долго ничего не говорить, она не вѣритъ, сердится. Я, право, не знаю какъ быть, скажешь, ты грозишь, не скажешь — она грозитъ. Никто меня здѣсь не любитъ, какъ папенька съ маменькой. Въ голосѣ дѣвочки

слышались слезы. Она выбѣжала изъ комнаты, не слушая напутственныхъ словъ Лизаветы.

— Легко ли! говорила она: — папенька-то твой шмерцъ нѣмецкій, да и маменька-то то же недалеко отъ шмерца ушла. То-то ты такая хитрая и родилась!

Долго ворчала Лизавета, убирая комнату, пока въ гостиной происходило другое, другое испытывалось. Отъ Волынкина не скрылось, конечно, странное настроеніе духа его невѣсты. Она не умѣла притворяться, ей было неловко, ея хорошенькое личико невольно отражало состояніе души. «Что съ нею?» думалъ Волынкинъ: — неужто я въ ней ошибался? Кто знаетъ ея прошедшее. Кто знаетъ, что таится въ ея памяти, даже въ ея сердцѣ? Не любила ли она прежде? И когда больше? тогда или теперь?»

Какъ онъ ошибался! Какъ она страдала, думая почти то же. Одна Степанида Львовна ничего не замѣчала, прислушиваясь къ малѣйшему шуму въ корридорѣ.

Когда поздно вечеромъ Волынкинъ, распростившись со всѣмъ семействомъ, вышелъ въ переднюю, Сила Савичъ не далъ ему надѣть шубы и, принявъ довольно драматическую позу, сказалъ:

— Милостивый государь! Я имѣю говорить съ вами.

Торжественный тонъ старика заставилъ улыбнуться Волынкина, но Сила Савичъ, не обращая на это никакаго вниманія, очень важно перешагнулъ порогъ своей комнаты и жестомъ пригласилъ молодаго человѣка слѣдовать за собою, повторяя:

— Я имѣю говорить съ вами.

IV.

— Да, милостивый государь, повторилъ тѣмъ же тономъ старикъ, запирая за собою дверь своей комнаты.

— Слышу, милый Сила Савичъ, смѣясь замѣтилъ Волынкинъ.

— Да вы не лебезите, сударь. Что я вамъ за милый? замѣтили, что я гнѣвенъ, задобрить хотите? Нѣтъ, сударь, меня провести трудно. Я ни на какія нѣжности не сдамся. Вотъ и все.

— Я васъ слушаю, вотъ и все.

— Да вы не куражтесь, сударь. Что вы мои слова-то повторяете. Смѣяться тутъ нечему — мнѣ не до смѣха, я вамъ скажу.

— Въ чемъ же дѣло наконецъ? нѣсколько нетерпѣливо спросилъ Волынкинъ.

— Не ожидалъ я этого отъ васъ, сударь. Думалъ: вы хорошій человѣкъ, а вы, извѣстное дѣло, все равно, какъ и прочіе другіе, а я васъ выше почиталъ.

— Что же случилось? Что я сдѣлалъ? Я васъ не понимаю.

— Да я то васъ хорошо понимаю, сударь. Все я знаю, всю подноготную знаю. Слухомъ земля полнится, извѣстное дѣло. Одно скажу: дурно, сударь, неблагородно даже можно сказать. Да и конечно можно: да-съ, не ожидалъ, извините.

— Вы, кажется, переходите за положенныя шуткой границы, Сила Савичъ?

— Перехожу, сударь. Да я и не начиналъ шутить съ вами. Я, извѣстное дѣло, говорилъ серьёзно, а вы-то отшучиваться изволили, а ужъ кто отшучивается, значитъ виноватъ.

— Я? въ чемъ? передъ вами?

— Виноваты, сударь, извѣстное дѣло. Не только передо мной, потому я, хоть

и хорошій человѣкъ, но все-таки птица не великая—передъ людьми вы виноваты, передъ цѣлымъ свѣтомъ, передъ нею, передъ Богомъ, сударь!

— По какому праву вы говорите со мной такимъ тономъ?

— По праву старика, сударь: седьмой десятокъ на свѣтъ живу; да и ее-то я больше вашего люблю, на рукахъ нянчилъ — сироткой послѣ отца по пятому году осталась — я былъ ей и дядька, и слуга, и отецъ, и опекунъ, и все я былъ одинъ. Вотъ по какому праву, извѣстное дѣло.

— О комъ вы говорите? Не угрожаетъ ли что Вѣрѣ? Что случилось? Не мучьте меня, говорите проще и скорѣе.

— Вы думаете, никто не знаетъ, что вы есть за человѣкъ? Вы думаете, можно скрыть что-нибудь? Ну-ка отопритесь: какую такую мамзельку завели? Что? Да еще плясунью? Да и какъ зовутъ-то ее я знаю, да и гдѣ живетъ-то она — знаю,

да и что она дѣлаетъ-то знаю, все я знаю, извѣстное дѣло.

Старикъ нарочно усиливалъ степень своихъ данныхъ на счетъ Вариньки — Вѣра, какъ извѣстно, не сказала ему, какъ узнала истину—Волынкинъ смутился было на одну только минуту.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло? спросилъ онъ наконецъ: — вотъ та опасность, которая угрожаетъ Вѣрѣ. Сколько шуму изъ пустяковъ! Выстрѣлъ изъ пушки по воробью. Мнѣ жаль вашего напрасно израсходаваннаго гнѣва, Сила Савичъ.

— Слышите! вскрикнулъ онъ: — это по вашему пустяки! Меня же жалѣетъ. Васъ жаль, сударь, вдвое больше: куда душа-то ваша пойдетъ!...

— Было время, Сила Савичъ, и прошло.

— То есть что это? Какъ?

— Ну, понимаете, я, какъ молодой человѣкъ, я не думалъ жениться и понимаете....

— Да, да, да, ну это извѣстное дѣло....

— Къ тому же я, Сила Савичъ, смотрю на это дѣло другими глазами.

И Волынкинъ засмѣялся. Что, если бы Варинька слышала, какъ отзывался объ ней человѣкъ, котораго она такъ горячо, такъ пламенно любила? Инстинктъ любви однакожъ подсказалъ бы ей, что Волынкинъ въ эту минуту не былъ чистосердеченъ. Онъ говорилъ не то, что думалъ. Было время, когда онъ любилъ ее, но теперь не смѣлъ, боялся сознаться въ этомъ чувствѣ и взносилъ на себя напраслину.

— Такъ это вы такъ только, сударь, продолжалъ старикъ:—изъ шалости, а не то, чтобы по чувствительности какой?

— Нѣтъ, не по чувствительности, я такъ....

— Ну и на какой же это конецъ, сударь?

— Конецъ такой, что встрѣтилъ я Вѣру, полюбилъ ее, женюсь и кончено.

— А та, эта, то есть, которая....

— Я этой, той, которой пожелалъ всякаго счастья.

— По нашему—вы ее учтивымъ образомъ по шапкѣ? Похвально, сударь. Чай, медицина-то эта вамъ не дешево стоила, извѣстное дѣло.

— Разумѣется, не безъ того.

— Конечно, сударь, вы человѣкъ богатый. Вотъ у насъ въ провинціи такъ больше наровятъ домашними средствами, какъ ни на есть. И точно вы ее спровадили, сударь?

— Увѣряю васъ.

— Нѣтъ, вы побожитесь.

— Честное слово.

— Руку, сударь! вскрикнулъ старикъ:—отлегло у меня отъ сердца, а то чувствую, душитъ меня, скажу ему, думаю, прямо, авось узнаю.

— Однакожъ пора, поздно становится, сказалъ Волынкинъ, прибавя другимъ тономъ: — шутки всторону, надѣюсь, что Вѣра и не подозрѣваетъ ничего. Я замѣ-

чаю, что она что-то грустна послѣднее время. Отчего это?

— Отъ чего грустна? Ну такъ грустна, не все же ей веселой быть, взгрустнулось, извѣстное дѣло. Замужъ выдти—не воды стаканъ выпить. А тутъ можетъ быть Дебелина съ чѣмъ-нибудь не подъѣхала ли?

— Нѣтъ, вы этого не говорите. Это рѣдкая дѣвушка въ наше время, ее не понимаютъ. Мы ошибались.

— Полно, такъ ли, сударь?

— Я вамъ говорю.

— Странно, сударь, а давно ли....

— Я убѣдился....

— Жаль, сударь. Осѣтила она и васъ, извѣстное дѣло. Поставила на своемъ.

— Ну меня осѣтить трудно, Сила Савичъ. Я не такой человѣкъ, я не поддамся ни чьему вліянію.

— Это вы на счетъ Вѣры Васильевны?

— Нисколько. Я думалъ прежде, что она покорялась Настенькѣ, но это было не такъ. Вы не знаете этого существа, время вамъ докажетъ, что она такое. Вѣдь,

кто насъ свелъ съ Вѣрой? Она. Кто устроилъ наше счастье? Она. Все она. Рѣдкая дѣвушка.

— Охъ, сударь, не къ добру вы ее такъ хвалите. Или ужъ старъ я очень, людей не понимаю, настойчивъ очень сталъ. Дурно ли, хорошо ли, по крайности свое мыслю, никто не собьетъ, извѣстное дѣло.

— Васъ не переспоришь. Прощайте!

— Извините вы меня, что я васъ на счетъ этой, то-есть той-то погонялъ немножко.

— Сочтемся, Сила Савичъ.

— Я не имѣю болѣе говорить съ вами.

— Да и пора, поздно.

— Возвращаю вамъ мое уваженіе! смѣясь крикнулъ старикъ вслѣдъ уходившему Волынкину.

— Очень вамъ обязанъ! отвѣчалъ онъ громко на лѣстницѣ и, быстро сбѣжавъ съ нея, уѣхалъ.

А Сила Савичъ, очень довольный собою, раздѣлся, помолился и легъ въ постель,

гдѣ скоро заснулъ безмятежномъ сномъ младенца. Во снѣ ему видѣлись его несчастныя три души, вернувшіяся съ повинными головами къ ногамъ своего барина, и лицо его оживилось пріятною улыбкой. Волынкинъ былъ очень радъ объясненію съ старикомъ. Съ этимъ признаніемъ, какъ гора свалилась съ плечь молодаго человѣка. Онъ вздохнулъ свободнѣе, тѣмъ болѣе, что послѣ этого разговора онъ самъ какъ будто убѣдился, что все неминуемо кончено между нимъ и Варинькой, что отношенія ихъ невозвратно прерваны. Всю дорогу, сидя въ саняхъ, Волынкинъ насвистывалъ какую-то арію къ крайнему удивленію своего кучера. Войдя въ кабинетъ свой, Волынкинъ нашелъ на открытомъ бюро чью-то записку.

«Отъ Вариньки», подумалъ онъ, срывая печать: — что ей еще нужно?»

Вотъ что писала дѣвушка:

«Жестокій другъ Петруша!»

Волынкинъ имѣлъ духъ остановиться на

этихъ трехъ словахъ и только пропѣвъ первый стихъ извѣстнаго романса:

Коварный другъ, но сердцу милый!

Продолжалъ чтеніе:

«Твое письмо меня поразило. Я не ожидала потерять тебя такъ скоро. Ты поймешь, въ какомъ я отчаяніи, ты поймешь, какъ я плакала. Богъ тебя проститъ, Петруша, а я прощаю. Благодарю тебя за нашего ребенка — онъ не понимаетъ, о чемъ я плачу. Но вотъ, что не проститъ тебѣ Самъ Богъ, что ты меня, любившую тебя такъ безумно, мать твоего ребенка, безжалостно увѣдомляешь письмомъ о твоемъ намѣреніи разстаться съ нами навсегда. Не говорю о себѣ. Ты, можетъ быть, не знаю только за что, считаешь меня недостойною твоего послѣдняго прощальнаго поцѣлуя, одного на всю жизнь, но за что такая немилость къ младенцу? покинуть его навсегда, не приголубя — ужасно, Петруша! Сжалься же надъ нимъ, надъ нами обоими, заѣзжай завтра, хоть на

минуту, вечеромъ, тебя никто не увидитъ, я велю закрыть ставни, никто не узнаетъ, только простись со мною дружески, позволь мнѣ пожать твою руку, благослови твоего сына, на всегдашнюю разлуку съ тобой. Я больна, я насилу пишу — ты возвратишь мнѣ силы. Пріѣзжай, Петруша. Не откажи мнѣ въ моей послѣдней просьбѣ, и я всю жизнь буду молиться за тебя, даже за ту, которой суждено упрочить твое будущее счастье. Дай Богъ его тебѣ взамѣнъ того отчаянія, которое выпадаетъ на мою долю. Пріѣдешь ли? Давно твоя

Bариньκа.»

Это письмо, какъ отголосокъ души, какъ безъискуственный крикъ сердца, тронуло Волынкина. Оно ему было мило даже тѣми ошибками, которыя его пестрили и которыхъ мы не приводимъ.

«Не умѣетъ она писать, подумалъ онъ: — но любить умѣетъ. Счастливъ будетъ тотъ, кого изберетъ ея седце. Жаль

ее бѣдную. Надуетъ ее какой-нибудь франтикъ, увлечетъ, броситъ. Ей трудно будетъ найти человѣка, который бы съумѣлъ отдѣлить мысль объ деньгахъ, какъ о неизбѣжномъ средствѣ къ жизни, отъ ея искренней привязанности. Я увѣренъ, что если бы можно было существовать только воздухомъ и любовью, она не потребовала бы ничего отъ меня. Вотъ за что я всегда цѣнилъ эту дѣвушку. Чудная у ней натура, сердце ея стоило бы осыпать бриллiантами. Сколько въ немъ любви, сколько преданности. Несчастное созданiе! Что съ нимъ будетъ, когда выростетъ? Нищимъ онъ не можетъ быть, но въ замѣнъ той корки хлѣба, которую я даю ему на всю жизнь, сколько я у него отнимаю. Ни имени не будетъ онъ имѣть, ни воспитанiя хорошаго получить не можетъ, будетъ чужимъ, лишнимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Жаль мнѣ его, жаль мнѣ обоихъ. Но что дѣлать! Судьба!

И Волынкинъ снова принимался перечитывать письмо Вариньки.

— «А я дѣйствительно поступилъ жестоко, думалъ онъ, ложась въ постель: — отъ чего было не съѣздить, не проститься, какъ слѣдуетъ. Чѣмъ она виновата? Она дѣлала все, что могла, чтобы доказать мнѣ свою преданность, а я отталкиваю ее отъ себя, даже не простясь. Поѣду къ ней. Тѣмъ болѣе поѣду, что Сила Савичъ успокоился: ему сказано, что все кончено. Никто этого не узнаетъ. Да если бы и узнали? Что же тутъ предосудительнаго? Въ томъ то и бѣда, что люди хотятъ во всемъ видѣть одно только дурное, не обращая вниманія на свѣтлыя стороны поступка. Впрочемъ на это способны однѣ только черствыя, закоснѣлыя души, одни матеріалисты, не допускающіе ни въ чемъ поэзіи. Надо быть выше этихъ несчастныхъ, пренебречь мнѣніемъ толпы, дѣйствовать всегда согласно съ своимъ собственнымъ убѣжденіемъ. Я поѣду къ ней, посвящу ей цѣлый вечеръ — это самое меньшее, что я могу сдѣлать для нея. Каково ей, бѣдной, въ самомъ дѣлѣ? Надо

войти въ ея положеніе, грѣшно быть до такой степени эгоистомъ, чтобы, увлекаясь своимъ собственнымъ счастьемъ, забывать чужое горе и какъ будто насмѣхаться надъ нимъ. Нѣтъ, я поѣду. Не хочу, чтобы она имѣла малѣйшій поводъ хоть въ чемъ-нибудь когда-либо упрекнуть меня. Конечно, я не сказалъ бы всего этого при комъ бы то ни было, потому что это показалось бы смѣшнымъ современнымъ людямъ — они такъ дурны, современные люди—я даже при Силѣ Савичѣ отозвался болѣе, чѣмъ легко о Варинькѣ, но говорить и мыслить двѣ вещи разныя. Я поѣду».

Такъ думалъ Волынкинъ, засыпая. И на другое утро послалъ сказать танцовщицѣ, что онъ у нее будетъ завтра вечеромъ во столько-то часовъ. Варинька торжествовала. Кромѣ желанія видѣть Волынкина, видѣть еще въ послѣдній разъ у себя, ее волновало другое чувство, отодвигавшее первое на второй планъ. Она хоть и сильно любила Волынкина, но все

таки не достаточно довѣряла ему. Искра сомнѣнія, зароненная Анной Антоновной въ ея сердце, разгоралась; повѣренный не являлся, ребенокъ не былъ еще обезпеченъ, а разрывъ уже совершился. Борьба была сильна въ сердцѣ Вариньки, но любовь матери взяла верхъ надъ всякимъ чувствомъ, и она радовалась обѣщанію Волынкина пріѣхать, не за себя уже, а за него, за своего ребенка. Что замышляла дѣвушка, чего она хотѣла, чего ожидала, на что надѣялась? Всѣхъ этихъ чувствъ, вмѣстѣ взятыхъ, достаточно было, чтобы подѣйствовать на всякую натуру, не только что на слабый организмъ Вариньки, не совсѣмъ еще здоровой. Неосторожный выѣздъ къ Аннѣ Антоновнѣ безъ ботинокъ имѣлъ свои послѣдствія: Варинька чувствовала то жаръ, то ознобъ, но не обращая на все это особеннаго вниманія, отказывалась даже отъ всякихъ домашнихъ медицинскихъ снадобій, которыя предлагала ей горничная. Тревожные часы переживала молодая дѣвушка, но не

менѣе ея страдала и Настенька. Она не знала, убѣдилась ли Вѣра, что записка Волынкина была дѣйствительно имъ писана.

— «Что-то будетъ?» думала Настенька: — на что она рѣшится, чѣмъ кончится вся эта запутанная исторія?»

Одно только радовало молодую дѣвушку, что Волынкинъ перемѣнилъ свое объ ней мнѣніе.

«И Сермягинъ не ѣдетъ, думала она: — хоть бы съ нимъ поговорить, его помуштровать, надъ нимъ посмѣяться, все бы легче было.

И дѣвушка съ горя принялась разсказывать матери, какъ до нея дошли будто бы слухи, что сама Вѣра узнала о существованіи танцовщицы и что теперь надо ожидать разрыва этой свадьбы.

— И по дѣломъ ей, говорила Аграфена Павловна: — не спросясь броду, не суйся въ воду. Чего мать-то смотритъ? Вотъ слабая, безхарактерная женщина!

А Вѣрѣ стало легче, когда она подѣ-

ялась своимъ горемъ съ почтеннымъ Силой Савичемъ. Ей стало легче, когда ея сомнѣніе встрѣтило такое упорное сопротивленіе въ увѣренности старика. Надежда робкимъ лучемъ своимъ освѣтила ея сердце, и она ждала той минуты, когда Сила Савичъ придетъ и разувѣритъ, успокоитъ ее. Ей такъ хотѣлось разувѣриться, ей такъ было грустно отказываться отъ всего того, что обѣщала было жизнь и что вдругъ отнимала, какъ няня, которая, играя съ ребенкомъ, то приближаетъ къ нему игрушку, и онъ ловитъ ее, то снова отдаляетъ, и онъ за ней тянется. Сначала это нравится ребенку, онъ улыбается, скоро гримаска перекашиваетъ его розовыя губки, наконецъ слезы показываются на глазахъ, и ребенокъ плачетъ; но няня отдаетъ ему игрушку, слезы исчезаютъ, подрожавъ на длинныхъ рѣсницахъ и рѣзвый дѣтскій смѣхъ звучитъ металлической трелью. Многаго ждала Вѣра отъ жизни, но жизнь играла ея счастьемъ, какъ мячикомъ. Вѣра ловила этотъ мячикъ, пой-

мала его, но онъ былъ слишкомъ великъ: ея маленькія ручки не удержали столько счастья, и оно рухнулось, отскочило, запрыгало, укатилось. Кто подниметъ мячикъ, кто подастъ его Вѣрѣ, только не подбрасывая, иначе ей опять не поймать его: онъ вырвется, ускользнетъ. Отдайте мячикъ Вѣрочкѣ. Онъ въ рукахъ Силы Савича...

— Что, сударыня, сказалъ онъ ей на другое утро послѣ сцены съ Волынкинымъ въ своей комнатѣ, когда Вѣра вышла въ гостиную: — не говорилъ я вамъ вчера, что цыплятъ-то по осени щупаютъ, извѣстное дѣло.

— То есть, что это значитъ? спросила Вѣра—я васъ не понимаю.

— А я васъ, сударыня, не понимаю, какъ это въ васъ никакой положительности нѣтъ: сегодня одно мыслите, завтра другое. А того не знаете, что можно человѣка обидѣть. Скажетъ вамъ кто что, всему вы вѣрите... чудеса, сударыня.

— Я васъ еще меньше понимаю.

— Полно такъ ли, сударыня? Въ несправедливости я васъ упрекаю, всему вы вѣрите, хорошихъ людей обижаете.

— Да чѣмъ же? Кого?

— Не знаете? Скажите: какой столбнякъ напалъ! Полноте, сударыня, фокусы-то строить. Говорилъ я вамъ вчера, и теперь еще лучше скажу: пустяки, плюньте, извѣстное дѣло. Вся эта исторія про Волынкина — дрянь, гроша ломанаго не стоитъ.

— Почемъ вы знаете? Какъ вы можете такъ утвердительно увѣрять меня?

— Могу, сударыня, узнавалъ, знаю, досконально знаю. Плюньте, больше ничего. Наговоры, вотъ что. Чистъ онъ передъ вами, ну такъ чистъ, какъ бы я теперь, все равно. Ну, скажи вамъ теперь кто-нибудь: «у Силы Савича, дискать, хоть онъ и хорошій человѣкъ, а амуры завелись. Плюнули бы, вѣдь вы?

— Плюнула бы, Сила Савичъ, смѣясь отвѣтила Вѣра: — если бы я только этимъ

могла доказать, что не вѣрю подобному слуху.

— Ну, такъ плюньте и теперь. Я вамъ говорю, ужъ я вамъ зла не пожелаю, непороченъ онъ, дѣвушка красная, младенецъ, ну?

— Вѣрю вамъ, Сила Савичъ.

— Слава тебѣ, Господи!

— Если бы вы знали, какъ вы облегчили мое сердце? Если бы вы только знали!

— Знаю, сударыня, понимаю.

— Я вамъ вѣрю, мнѣ хочется вамъ вѣрить, хоть я и имѣла въ рукахъ доказательство.

— Опять, сударыня?

— Записку его руки къ этой женщинѣ.

— Ну, положимъ, ну что жъ, ну записку имѣли....

— Значитъ....

— Ничего не значитъ. Мало ли что молодые люди пишутъ. Ну чтожъ? Ну попишутъ и перестанутъ, не все жъ писать, извѣстное дѣло.

— Да какъ же это такъ, Сила Савичъ?

— Такъ ужъ это, сударыня, съ поконъ вѣку такъ.

— Какія же отношенія связывали его съ этою женщиной?

— Ну, какія, сударыня, отношенія. Такъ это.... блажь значитъ.... пустяки одни, а серьёзнаго ничего. Скучно, знаете, человѣку; вотъ и вся недолга.

— Значитъ онъ не любилъ ее, Сила Савичъ?

— Ну, какое любилъ! Что ужъ тутъ за любовь.... столькихъ любить, сердца не хватитъ.... а такъ, забава одна.

— Обманывать женщину — забава? А если она его любила?

— Ну, гдѣ ей, помилуйте. Она всѣ роли знаетъ.

— Что же ихъ влекло другъ къ другу?

— Что влекло-то, сударыня? Какъ это вамъ сказать, что влекло? Такъ ужъ ихъ влекло. Это ужъ такъ, извѣстное дѣло, влечетъ. Молоды — вотъ и влечетъ.

— Онъ писалъ въ этой запискѣ, что посылаетъ ей ленты и цвѣты, звалъ ее обѣдать. Какая же женщина поѣдетъ къ холостому обѣдать? Онъ писалъ, что желаетъ ее видѣть, что давно не цѣловалъ ея губокъ. Да развѣ это можно?

— Можно, сударыня, это можно.

— И Петруша цѣловалъ эту женщину?

— Можетъ, что и цѣловалъ, сударыня.

— Да, вѣдь, это ужасно, Сила Савичъ.

— Ничего, сударыня. Это только такъ кажется. Изволите видѣть: цѣловать-то онъ ее цѣловалъ; а любить-то ужъ нѣтъ, зачѣмъ же? Потому уваженія не питаетъ, извѣстное дѣло. Женщинъ много, сударыня. Однѣхъ цѣлуютъ и отойди подальше, а другихъ любятъ, въ подруги себѣ избираютъ, всю жизнь съ ними проводятъ, вотъ она статья-то какая. Вамъ, конечно, это дѣло темное, потому вы ангелъ есть, чистота непорочная. Оно такъ и должно. А мужчина, все мужчина. Онъ чрезъ все произошелъ, сударыня, да тотъ и надежнѣе, сударыня, который все-то произо-

шелъ, такому жена вѣкъ не прискучитъ, потому, что онъ тертый калачъ, извѣстное дѣло.

— Я васъ не понимаю, Сила Савичъ, но, мнѣ кажется, что такой человѣкъ, который такъ часто въ жизни увлекался, привыкъ ухаживать за многими женщинами, тотъ не можетъ любить искренно и глубоко, а главное—долго. Ему будетъ казаться, что и женясь, онъ поддался минутному увлеченію. Трудно вѣрить любви такого человѣка.

— Значитъ никому нельзя вѣрить, сударыня?

— Какъ? развѣ всѣ мужчины непремѣнно....

— Непремѣнно, сударыня. Это ужъ такъ.... да ужъ на что я хорошій человѣкъ.... вѣдь хорошій?

— Отличный.

— Будь я помоложе, да пообтесаннѣе, да не будь у меня три души, а три тысячи, пошли бы вы за меня?

— Пошла бы, если бы только любила васъ такъ, какъ люблю Петрушу.

— Ну, сударыня, я смолоду то же, грѣшный человѣкъ, за женщинами такъ вотъ и вился, и записочки писалъ, и цѣловалъ женщинъ, ей Богу цѣловалъ. Ну, вотъ вамъ и примѣръ. Все это я дѣлалъ, извѣстное дѣло, а хорошій человѣкъ былъ и буду.... а ужъ на что съ-молоду кутилъ! А батюшка-то вашъ? Вмѣстѣ служили, полкъ стоялъ около Варшавы — матушки вашей и въ-поминѣ тогда не было—какія чудеса творилъ: увезъ одну, да еще съ балу; а я помогалъ, извѣстное дѣло. Да что! не человѣкъ я былъ, просто, чортъ на эти дѣла!

— Вѣчно у васъ эта мерзость на языкѣ, замѣтила Степанида Львовна, входя въ гостиную: — и что вы это только говорите — какъ я за дверью послушала — волосъ дыбомъ становится.

— А вы, сударыня, этой благородной привычки еще не оставили, за дверью-то подслушивать?

— Нашли, сударь, объ чемъ съ дѣвицей разговаривать! Еще бы мнѣ не слушать: вѣдь, она мнѣ не чужая. Я для блага дочери, а не съ дурнымъ намѣреніемъ. Иначе было бы грѣшно. Я за нравственность стою, я людямъ въ домѣ не позволяю лишняго шага, а вы вдругъ дочери моей такія вещи говорите, что страшно даже. Стыдитесь, сударь, до сѣдыхъ волосъ дожили, а все дурь въ головѣ.

По счастью, Дорхенъ вбѣжала въ гостиную и прервала начинавшуюся размолвку. Начался урокъ, и Сила Савичъ вышелъ къ себѣ. Вѣра начинала отдыхать отъ всего, испытаннаго въ это послѣднее время. Что то отрадное прозвучало въ ея сердцѣ и отразилось улыбкой, которой молодая дѣвушка, весело глядя въ окно, встрѣчала каждаго прохожаго, каждаго ползуна—ваньку. Ей такъ нравилась эта давно знакомая улица, какъ будто она ее видитъ впервые: ей казалось, что со вчерашняго дня сосѣдніе противуположные домы помолодѣли; черная вывѣска съ над-

писью «винная продажа» измѣнилась и на ней написано: «безвинная напраслина». Золотой крендель, качавшійся на длинномъ шестѣ и молчаливо свидѣтельствовавшій о близкомъ и скромномъ пребываніи нѣмецкаго булочника, принималъ въ глазахъ дѣвушки форму буквы В. Въ каждомъ проѣзжавшемъ франтѣ она узнавала Волынкина. Она жила имъ и для него. Наконецъ онъ пріѣхалъ. Она выбѣжала къ нему на-встрѣчу, она чуть не бросилась къ нему на шею. Волынкинъ пробылъ у нихъ до полуночи. Однимъ поэтическимъ свѣтлымъ днемъ въ жизни Вѣры стало больше. Настенька, заѣхавъ на минуту вечеромъ, съ удивленіемъ замѣтила веселость Вѣры и съ досады закусила губки. Даже любезность Волынкина не выкупила удовольствія сознать, что продѣлка съ запиской не произвела ожидаемаго результата. Степанида Львовна выразила желаніе сдѣлать на-дняхъ помолвку и черезъ недѣлю назначить день свадьбы. Это рѣшеніе окончательно сбило съ толку Настень-

ку и она потеряла всякую надежду. Ей было тяжело, она дѣлала невѣроятныя усилія, чтобы скрыть свое волненіе, проглотить навертывавшіяся слезы и казаться веселою; она побѣдила себя: она смѣялась. Но Волынкинъ понялъ, по-своему, поэтизируя, какъ всегда, ея положеніе, и ему стало жаль бѣдной дѣвушки. Однакожь онъ, разумѣется, не выразилъ своей мысли, хотя подвижное лицо его приняло невольно оттѣнокъ грусти и большіе глаза его, остановясь на Настенькѣ, сказали ей очень ясно, что онъ сочувствуетъ ей и цѣнитъ приносимую ею жертву. Настенькѣ было довольно и этого. На одномъ взглядѣ построила она тысячи надеждъ и уѣхала нѣсколько успокоенная.

«Странно, думала она, сидя въ кабинетѣ: — ничто не удается. Она весела, спокойна. Свадьба будетъ, я лишусь его. Какъ счастлива эта дѣвчёнка! Теперь все кончено: запасъ моихъ средствъ истощился. Если послѣднее было недѣйствительно, все будетъ слабо и смѣшно. За-

писка не разстроила свадьбы. Послѣ этого я не знаю, что̀ дѣлать. Пусть будетъ, что будетъ. Но все-таки я люблю его и какъ люблю! Слезы брызнули изъ глазъ дѣвушки—она ихъ не скрывала: она была одна въ эту минуту.

На другой день вечеромъ Волынкинъ, вѣрный своему слову, подъ какимъ-то предлогомъ раньше распростившійся съ Струйскими, заѣхалъ къ Варинькѣ.

— Петруша! крикнула она: — милый Петруша! и бросилась къ нему на шею. Обильныя слезы оросили прелестное личико дѣвушки; она цѣловала его въ голову, въ шею, рыдая и произнося безсвязныя рѣчи. Это движеніе было искренне, задушевно: тутъ она забыла все и всѣхъ, тутъ она была женщиной—она любила, она оплакивала будущее, страдала и радовалась за себя.

— Полно, Варинька, перестань, какъ тебѣ не стыдно, говорилъ ей Волынкинъ: вотъ почему я не ѣхалъ къ тебѣ — я зналъ, что ты не станешь беречь себя.

Я и теперь сожалѣю, что пріѣхалъ. Мнѣ грустно видѣть тебя въ такомъ положеніи. Я не стóю такого отчаянія. Варинька, перестань, я прошу тебя.

Но Варинька, не выпуская его изъ своихъ объятій, не переставала плакать.

— Прощай, сказалъ онъ:—я уѣду.

— Нѣтъ! вскрикнула она:—нѣтъ, я не буду плакать, я не буду жаловаться, упрекать тебя, только останься, проведи со мной этотъ вечеръ, послѣдній въ жизни.

И Варинька, взявъ его подъ руку, повлекла съ собою въ гостиную.

— Пойдемъ сюда, лепетала она: — ты любилъ эту комнату. Ты вообще больше любилъ то, что меня окружало, чѣмъ меня самоё. Богъ съ тобою, Петруша! Садись. Тебѣ нравилось это кресло. Я подвину столикъ. Хочешь чаю? Я сама налью его въ твою чашку, видишь, все уже готово, и столъ накрытъ. Я ждала тебя, какъ всегда, какъ будто ты еще мой. А ты ужъ не мой, Петруша, нѣтъ. То есть

теперь въ эту минуту ты мой. Да, на это время ты мой, я не отдамъ тебя никому, ни за что. Что же ты не куришь? Дай, я зажгу твою папироску. Бѣдный! тебѣ тамъ, вѣрно, и курить-то не позволяютъ, потому бон-тонъ, чай, штофъ, позолота, а дымъ коптитъ. Тамъ, Петруша, вѣдь, то же, чай, знаютъ, что штофъ-то стóитъ? Кури, мой милый, пусть у меня все коптится. На что мнѣ все это? Тебя мнѣ было надо. Ты не хочешь, Богъ съ тобой. Я тебя любила, Петруша. Я и теперь еще.... не сердись, никто не услышитъ. Ты вѣришь, что я тебя любила? Не положить ли тебѣ подушку за спину? Не дуетъ ли отъ окна? Отодвинься. Не свѣтло ли отъ лампы? Не надѣть ли абажуръ? Ахъ, Петруша! Это точно сонъ! Ты здѣсь, ты опять здѣсь! Со мной!...... О! мой Петруша!

И Варинька съ каждой фразой цѣловала молодаго человѣка поминутно стараясь услужить ему.

— Вотъ теперь тебѣ покойно, хорошо?

спрашивала она , наливъ ему чаю , придвинувъ столикъ, бросивъ абажуръ на лампу, опустивъ гардины: — теперь позволь мнѣ, какъ прежде, какъ бывало, посидѣть въ послѣднiй разъ на твоихъ колѣнахъ. Позволь, Петруша.

И она , не дожидаясь позволенiя, легко и грацiозно помѣстилась съ нимъ вмѣстѣ на одномъ и томъ же длинномъ креслѣ.

— Ребенокъ ! говорилъ Волынкинъ: — поговоримъ лучше серьезно.

— Объ чемъ ? безпечно спросила она.

— О многомъ, другъ мой. О ребенкѣ.

— О сынѣ ? вскрикнула она и соскочила съ кресла. Въ одно мгновенiе хорошенькое личико ея приняло другое выраженiе, смертельная блѣдность покрыла ея раскраснѣвшiяся щечки—женщины уже не было: передъ Волынкинымъ стояла мать.

— О ребенкѣ? повторила она: —что ты хочешь сказать, Петруша? ты не думай, я не отдамъ его.

— Я не то хотѣлъ сказать, душа моя.

— Что же такое?

— Я хотѣлъ просить тебя замѣнить ему, если не отца, то мужчину, котораго вліяніе всегда необходимо при всякомъ воспитаніи. Не изнѣжь его очень. Я бы совѣтовалъ тебѣ даже отдать его на воспитаніе. Тебѣ нéкогда — ты занята при театрѣ, нянѣ довѣриться нельзя. Средства у тебя есть....

— Какія, Петруша?

— Которыя тебѣ доставилъ Николай Андреевъ.

— Кто это Андреевъ? Я не знаю никакихъ Андреевыхъ. Вѣрно насплетничали? Давно ли между нами все кончено, вдругъ, ужъ у меня Андреевъ, видите ли, какой-то!

— Ты не такъ понимаешь: я говорю про моего повѣреннаго.

— Я никакаго повѣреннаго не видала.

— Быть не можетъ?

— Увѣряю тебя, Петруша.

— Помилуй, я дней шесть, больше

тому назадъ, велѣлъ ему доставить тебѣ капиталъ въ десять тысячъ.

— Серебромъ? спросила Варинька.

— Разумѣется. Больше я не могу, не имѣю. Со временемъ, если дѣла пойдутъ хорошо—я строю заводъ—я прибавлю съ удовольствіемъ, но теперь не могу.

— Спасибо и на этомъ, Петруша. Съ меня и одного желанья довольно. Мнѣ ничего не надо.

— Какъ желанья! вскрикнулъ молодой человѣкъ:—я не понимаю, что могло задержать этого человѣка? Это правда, что я велѣлъ ему положить деньги въ ломбардъ на твое имя и доставить тебѣ билетами, что гораздо проще. Развѣ это его задержало? Да, позволь, прибавилъ онъ послѣ размышленія: — на дняхъ было два праздника къ-ряду, такъ и есть: четвергъ и пятница, въ субботу нѣтъ присутствія, въ воскресенье то же, сегодня понедѣльникъ, сегодня онъ положитъ деньги, и то, если успѣетъ, потому что это не такъ скоро дѣлается, какъ кажется, и конечно

завтра, или послѣ завтра привезетъ тебѣ билеты.

Варинька не перебивала длинной рѣчи Волынкина и только долгимъ взглядомъ слѣдила за выраженіемъ лица его. Казалось, этимъ взглядомъ она хотѣла заглянуть въ самую душу молодаго человѣка. Варинькѣ хотѣлось вѣрить ему безусловно, но вмѣстѣ съ тѣмъ она боялась слѣпымъ довѣріемъ сгубить ребенка. Эта борьба давила больную грудь дѣвушки. Слова Анны Антоновны приходили ей на память, сомнѣніе возрастало: Варинька не знала на что ей рѣшиться.

— Мнѣ очень досадно, что это такъ случилось, продолжалъ Волынкинъ: — я былъ почти увѣренъ, что ты получила деньги, иначе я бы не пріѣхалъ даже.

«Надуваетъ!» подумала Варинька.

— Мнѣ ужасно совѣстно, говорилъ онъ: — извини, прошу тебя.

«Извиняется», продолжала она думать.

— Впрочемъ не все ли тебѣ равно?

«Каково покажется?» думала Варинька.

— Днемъ раньше, днемъ позже, разницы не составитъ большой. Ты не можешь сомнѣваться въ моемъ словѣ, не должна по крайней мѣрѣ.

«Должна», подумала Варинька: — «должна спасти ребенка. Кто ихъ знаетъ, можетъ быть они завтра вѣнчаются, правда, завтра вторникъ, ну послѣ завтра. Нѣтъ, лучше онъ погибнетъ, а не ребенокъ. Да и чѣмъ же онъ погибнетъ — объяснится и кончено. А если я упущу время, тогда все пропало.

— Что же ты примолкла? спросилъ ее Волынкинъ: —неужто это можетъ огорчать тебя—ты никогда не любила денегъ.

— Я не одна, Петруша! сказала она, снова садясь къ нему.

— Знаю! Да, вѣдь, ты получишь ихъ....

— Получу когда-нибудь.

— Не когда-нибудь, а скоро, завтра.

— Что же ты сердишься, Петруша?

— Я не сержусь, а мнѣ досадно. Ты какъ будто не вѣришь мнѣ.

— Вѣрю, вѣрю, принужденно-весело

сказала Варинька: — поговоримъ о другомъ. Ну, скажи мнѣ, ты очень любишь свою невѣсту? Больше, нежели любилъ меня?

Волынкинъ улыбнулся. Эта улыбка пронзила насквозь бѣдное сердце Вариньки. Любовь ея, какъ ртуть въ сифонѣ, понизилась на много градусовъ, а сомнѣніе росло все выше и выше.

— Могу я видѣть ребенка? спросилъ Волынкинъ: — проститься съ нимъ?

— Не теперь, быстро отвѣтила она: — онъ спитъ теперь. Ну, скажи же мнѣ, продолжала она, играя его волосами: — ты очень ее любишь? Много ты подарилъ ей? И она тебѣ? Вѣрно кошелекъ? И предрянной? Да? Говори же, Петруша? Васъ обручили? Или нѣтъ? Покажи руку? Гдѣ же кольцо? На этой нѣтъ. Покажи другую. А? вотъ кольцо. Только это не обручальное. Какое это кольцо? Она подарила?

— Какой вздоръ! Тысячу лѣтъ ношу. Ты его знаешь: гербъ вырѣзанъ и больше ничего.

— Покажи, Петруша, сними его.

— Что за фантазія, ты его сто разъ видала.

— Ну, покажи, въ послѣдній разъ. Вѣдь я его больше никогда не увижу.

— Возьми, пожалуй.

— Подари мнѣ его, Петруша.

— Не могу, душа моя.

— Ну, пожалуйста, на память.

— Я пришлю тебѣ другое, а это не могу.

— Отчего? Я не хочу другаго. Я это хочу.

— Это кольцо отцовское, наслѣдственное.

— Да, ну если такъ, говорила Варинька: — а славное оно, большое! И съ этимъ словомъ она надѣвала его на два свои пальчика.

— Видишь, какъ оно тебѣ велико. Я пришлю тебѣ маленькое.

Но Варинька уже соскочила съ колѣнъ Волынкина и, пройдясь раза два по комнатѣ, задѣвала съ намѣреніемъ неболь-

шую вазу, стоявшую на самомъ углу письменнаго столика. Наконецъ ваза упала и разбилась.

— Ахъ, какая я неловкая! вскрикнула Варинька:—позвони, Петруша.

На звонъ вошла Варвара.

— Посмотри, сказала ей барыня:—разбилась, такая жалость, подними, унеси.

Горничная медленно подобрала черепки и значительно взглянула на госпожу свою, которая ей очень выразительно мигнула. Волынкинъ не видалъ этихъ продѣлокъ. Черезъ минуту та же горничная вбѣжала въ комнату.

— Къ вамъ письмо-съ, сказала она, подавая Варинькѣ небольшую записочку, сложенную вчетверо.

— Отъ кого? спросила Варинька.

— Отъ Анны Антоновны-съ.

— Ахъ! вскрикнула Варинька, прочтя записку и незамѣтно опуская кольцо Волынкина въ карманъ своего платья.

— Что такое? спросилъ онъ.

— Какое несчастіе! вскрикнула она.— прочти.

Волынкинъ прочелъ слѣдующее:

«Самый ужасный случай: лошадь понесла, сани на бокъ, я упала, ушиблась, лежу. Пріѣзжайте, душечка, хоть на минуту — вы знаете, я одна на свѣтѣ.... Акулька не человѣкъ.... Не откажите больной въ ея просьбѣ. Я, какъ благородная женщина, никогда этого не забуду.»

— Что мнѣ дѣлать? спросила Варинька.

— Ѣхать, разумѣется.

— Да какъ-же? А ты-то? Мнѣ жаль тебя оставить. Да и она-то, бѣдная, больна. Я ей такъ обязана.

— Ступай, душа моя. Такой случай....

— Да въ чемъ же? Твои сани здѣсь?

— Разумѣется.

— Вотъ и прекрасно. Ты посидишь минуточку, а я съѣзжу. Можно взять ихъ?

— Ступай

— Ты не разсердишься, подождешь меня?

— Ступай, ступай....

— Я сію минуту! сказала Варинька и, порхнувъ въ дѣтскую, скрылась.

Черезъ минуту скрыпъ саней раздался подъ окномъ.

Она уѣхала.

V.

Варинька, сидя въ саняхъ Волынкина, диктовала кучеру дорогу, которую съ умысломъ, вѣроятно, старалась удлиннить, что и оказалось послѣ, потому что къ тому мѣсту, гдѣ она остановила сани, можно было проѣхать гораздо ближе. На углу какой-то улицы Варинька вышла изъ саней и, обратясь къ кучеру, сказала:

— Жди меня здѣсь, сколько бы тебѣ ни пришлось ждать, и никуда не ѣзди, ни домой, ни ко мнѣ. Можетъ быть я приду скоро, а можетъ быть и нѣтъ. Жди же меня, слышишь?

— Слушаю-съ, отвѣчалъ кучеръ: —понятное дѣло.

— То-то, смотри. Да никому ни слова. Иначе берегись!

И съ этимъ словомь Варинька пустилаль почти бѣгомъ по троттуару.

— Испугался, какъ же! бормоталъ ей вслѣдъ кучеръ: — а никакъ она опять свой форсъ забрала? прибавилъ онъ послѣ молчанія, когда Варинька уже повернула за уголъ и совершенно скрылась изъ глазъ его. Пройдя еще три четыре дома, она перешла улицу и быстро юркнула въ ворота какого-то каменнаго строенія. Говоръ дворника послышался на дворѣ, да лай цѣпной собаки. Скоро и она смолкла. На противуположной сторонѣ улицы какое-то таинственное существо подставляло лѣстницу къ толстому шесту, на которомъ горделиво торчалъ фонарь и, взобравшись на самый верхъ ея, усердно и долго надъ чѣмъ-то трудилось. Наконецъ вспыхнулъ въ фонарѣ слабый огонекъ и освѣтилъ кой-какъ пустынный переулокъ и домъ, куда скрылась Варинька, выходившій главнымъ фасадомъ на большую улицу. Только

этотъ домъ по всѣмъ примѣтамъ былъ не тотъ, гдѣ жила Анна Антоповна, да и улица была то же другая. Ужъ не перемѣнила ли Анна Антоновна квартиры? Да и когда же было? Неужто Варинька обманула Волынкина? Гдѣ же она? У кого? зачѣмъ?

Прошелъ часъ, Варинька не выходила; сани Волынкина стояли на томъ же мѣстѣ, а самъ онъ тревожно ходилъ взадъ и впередъ по тѣсной, заставленной мебелью комнаткѣ.

«Какъ долго она», подумалъ онъ наконецъ: —«и что такъ долго дѣлать? Не такъ же она опасно больна, не умираетъ же въ самомъ дѣлѣ. Да если бы и умирала? Надо то понять, я здѣсь одинъ, что мнѣ скучно.»

Такъ думалъ Волынкинъ, глотая холодный чай изъ давно простывшей чашки. Варинька не возвращалась.

«Какое глупое положеніе!» подумалъ Волынкинъ — да и поздно становится.

Оставаться долѣе неприлично. Уйду. Однакожь, куда она дѣвала кольцо мое?»

И Волынкинъ принимался искать его.

«Не могла же она взять его съ собою?» думалъ онъ, продолжая искать: — и на что оно ей?»—Варвара! крикнулъ онъ:— не видала ты кольца моего?

— Никакъ нѣтъ-съ! отвѣчала горничная.

— Не бросила ли тамъ его гдѣ-нибудь Варвара Михайловна?

— Не видать! крикнула послѣ тщетныхъ поисковъ горничная.

— Удивительное дѣло! На что ей кольцо мое? такъ, шалость. А между тѣмъ потеряетъ, тогда что я буду дѣлать? Я дорожу имъ. Не въ карманъ ли она его положила? Ну, какъ съ платкомъ выронитъ? Бѣда! Да не здѣсь ли гдѣ-нибудь?

Волынкинъ снова принимался за поиски на всѣхъ столахъ, во всевозможныхъ ящикахъ. — Увезла, рѣшилъ онъ: — какая вѣтреница! Потеряетъ! Однакожъ пойду я домой. Пусть пеняетъ на себя, что такъ

долго заставляетъ ждать меня. Варвара! крикнулъ онъ:—шубу!

— Развѣ барышни не дождетесь? спросила горничная.

— Нѣтъ. Скажи ей, что я завтра опять заѣду. Да спроси у ней кольцо мое. Пусть пришлетъ — я привыкъ къ нему. Слышишь? Кучеру скажи, чтобы домой ѣхалъ.

— А вы-то какже? спросила горничная, свѣтя ему въ подъѣздъ.

— Пѣшкомъ! крикнулъ онъ, выходя на улицу. Вскорѣ погасли огоньки въ окнахъ сѣренькаго домика. Варинька еще не возвращалась.

Тѣмъ же вечеромъ, проводя Волынкина раньше обыкновеннаго, Вѣра совершенно довольная и спокойная, сѣла за фортепіано и послѣ долгихъ капризныхъ фіоритуръ и прелюдій, взяла нѣсколько минорныхъ аккордовъ и давнишняя завѣтная арія послышалась въ комнатѣ. Сила Савичъ стоялъ облокотясь на инструментъ и слушалъ: улыбка удовольствія освѣтила морщинистое лицо старика, глазки совершенно

исчезли. Не музыка собственно — онъ былъ плохой цѣнитель — не эта арія — онъ не различалъ цыганской пѣсни отъ аріи Россини — но голосъ Вѣры производилъ это впечатлѣніе. Она пѣла, этого было довольно. Что бы она ни пѣла, ему было все равно—онъ восхищался. Разряженная Степанида Львовна проходила по залѣ: она ѣхала на карточный званый вечеръ къ княгинѣ Рогожской, пользовавшейся въ Москвѣ особеннымъ авторитетомъ разнообразить свои вечера, приглашая то однѣхъ старухъ, то женъ безъ мужей, то мужей безъ женъ, то дочерей безъ родителей и такъ далѣе. Подобные вечера, съ легкой руки княгини, все болѣе и болѣе начинаютъ входить въ употребленіе, въ ущербъ нравственности и здраваго смысла.

Съ отъѣздомъ барыни, въ видахъ экономіи, погасъ карсель въ гостиной. Одна лампа скупо освѣщала длинную большую залу. Сила Савичъ, притая дыханіе, слушалъ вдохновенную игру Вѣры; даже

Дорхенъ и та бросила игрушки и, прижавшись между роялью и игравшей, слѣдила за быстрымъ исполненіемъ пьэсы. Вѣра импровизировала: вся душа ея выливалась въ звуки. Долго играла она. Наконецъ, усталая, взяла нѣсколько аккордовъ, встала, закрыла рояль, взяла Дорхенъ за руку и пошла съ ней къ двери.

— Прощайте, Сила Савичъ, сказала Вѣра.

— Какъ? Ужъ совсѣмъ? Внизъ не сойдете? вскрикнулъ старикъ.

— Нѣтъ; Дорхенъ спать пора. Велите тушить лампы.

— Неужто съ этихъ поръ почивать?

— Нѣтъ, какъ можно.

— Видите, вмѣшалась Дорхенъ: — сами не хотите, а меня посылаете.

— Еще бы тебя, сударка, съ нами сравнить? Ты на то дитя, чтобы рано спать ложиться, извѣстное дѣло.

— Я не дитя, я большая! лепетала Дорхенъ, выходя съ Вѣрой въ корридоръ.

— Такъ и не сойдете больше? крикнулъ Сила Савичъ вслѣдъ уходившимъ.

— Нѣтъ; а что?

— Да такъ, сударыня, что-то рано больно. Никого это нѣтъ: она удрала, онъ то же, вы на верху, одинъ я тутъ — скучно, извѣстное дѣло. Гранъ-пассьянсъ бы разложилъ, картъ нѣтъ, не даетъ ваша старая Панкратьевна-то, куда скупа стала.

—Да войдите ко мнѣ наверхъ, посидимъ вмѣстѣ, поболтаемъ, симпатію разложимъ.... хотите?

— Пассіансъ хорошій — эта симпатія. Отчего же.

— Ну, идите....

И Вѣра стала входить съ Дорхенъ по лѣстницѣ.

— Я сейчасъ; только огни велю тушить, сказалъ Сила Савичъ и, позвавъ человѣка, отдалъ приказанія.

Вѣра, сдавъ Дорхенъ съ рукъ на руки свирѣпой Лизаветѣ, вошла въ свою комнату и, помѣстясь съ ножкими на диванѣ

взяла работу. Черезъ минуту вошелъ и Сила Савичъ.

— Хотите чаю? спросила его Вѣра: — здѣсь что-то холодно.

— Да хоть бы и тепло было, сударыня, чай—питье безвредное, извѣстное дѣло.

На звонъ барышни явилась горничная и, получивъ приказанiе подать чай, вернулась вскорѣ со всѣми принадлежностями, потребными для подобнаго препровожденiя времени.

Не успѣлъ однакожь Сила Савичъ осушить до дна своей *кадушки* (такъ онъ называлъ , если помнитъ читатель , свою огромную чашку), какъ озабоченная чѣмъ-то Панкратьевна вошла въ комнату и предварительно кашлянула , чтобы этимъ невиннымъ маневромъ обратить на себя вниманiе незамѣчавшей ея барышни.

— Это ты? спросила она: — что ты? чаю хочешь?

— Э! родная, отвѣтила старуха: —что за чай? Пила въ свое время.

— Это она на мой счетъ, замѣтилъ старикъ! — Ну чтожъ? обратился онъ къ ней: — съ тебя будетъ разъ напиться, а съ меня будетъ два. Я вотъ пью, а тебѣ завидно.

— Легко ли, невидаль какая! отвѣтила Панкратьевна: — чаю я не видала что ли? Да я по милости моей госпожи, да ненагляднаго моего солнышка, ничѣмъ не обижена. Кушайте, батюшка, намъ не въ диковинку.

Вѣра не могла удержать улыбки: такъ наивны казались ей старички, дожившіе вмѣстѣ до того, что снова возвращались къ дѣтству.

— Полно ворчать, обратилась она кротко къ нянѣ: — молодая ты моя, не спать ли ты хочешь?

— Какое спать, дитятко, рано еще.

— Ну, чего жъ тебѣ? Въ карточки мнѣ погадать пришла? Ну, погадай.

— Что ты это? Какой нынче день-то? Люди говорятъ: понедѣльникъ.

— Ну, такъ чтожъ?

— Страшный день, дитятко. Вотъ *вторникъ* ничего, легкій.

— Что же ты, чулокъ здѣсь забыла, что-ли?

— Да ты это, сердечная, чего добиваешься? Зачѣмъ я пришла-то?

— Да.

— Она и сама не знаетъ, зачѣмъ пришла, извѣстное дѣло. Такъ пришла: чашками стучатъ, вдругъ лишній кусокъ сахару выдетъ, вотъ и пришла, потому скупа, ужъ такъ скупа, что я и не знаю, какъ скупа.

— Полноте грѣшить-то! Старый вы грѣховодникъ! Мнѣ что? Барскій сахаръ, барская и воля — не я покупаю. А что много выходитъ, всегда скажу. Шла-то я вѣдь не за этимъ, дитятко.

— Такъ зачѣмъ же, няня?

— Вотъ спроси: зачѣмъ? Знала, дитятко, шла-то я—знала, а пришла....

— И забыла?

— Дай Богъ память....

— Пришить ее надо, извѣстное дѣло,

— Языкъ свой пришейте, сударь, а то языкъ мой—врагъ мой....

— Да ты откуда шла-то, няня?

— Изъ дѣвичьей, дитятко. Откуда же мнѣ больше? А зачѣмъ пришла-то я, дитятко, вспомнила: женщина тамъ какая-то изъ мамзелей что ли, или изъ другихъ какихъ, я со слѣпу-то и не разглядѣла.

— Что же надобно, няня? Бѣдная, вѣрно.

— Просить, она не проситъ, дитятко, а только говоритъ: «здѣсь, говоритъ, живетъ Струйская?» Здѣсь, говорю. Вамъ которую? «Барышню», говоритъ. Да вамъ что надо-то, говорю. А она говоритъ: «нужно, говоритъ, повидаться», говоритъ. Знать, изъ магазина, дитятко, какая.

— Странно! сказала Вѣра: — не платье ли принесли примѣрить? Да поздно что-то. Да, что она съ картонкой? По русски хорошо говоритъ? Какъ одѣта?

— Да какъ одѣта? Я, вѣдь, слѣпа, дитятко. Кажись чисто одѣта: салопъ на ней, сама видная такая, подъ салопомъ-

то кортонъ, не кортонъ, а узелъ знать; что-то у ней есть подъ салопомъ.

— Не на бѣдность ли проситъ?

— Да нѣтъ же, говорятъ тебѣ, дитятко. «Доложите,» говоритъ, «барышнѣ: очень, молъ, нужно повидаться.» Постойте, говорю, пойду доложу. Вотъ я и пришла. А теперь ты говори.

— Что же я скажу?

— Я не знаю, дитятко, твоя воля.

— Ну, позови, няня. Посмотримъ, кто такая?

— Сейчасъ, дитятко. Чай-то вы еще долго тутъ распивать будете? обратилась она, уходя къ Силѣ Савичу: — Люди говорятъ: спать пора, а вы тутъ прохлаждаетесь. Шли бы къ себѣ, сударь, на мужскую половину, потому оно лучше.

И старушка, ворча, вышла на лѣстницу, гдѣ, ухватясь за перилы, осторожно спускала каждую ногу со ступеньки на ступеньку.

— Экой кропотливый характеръ какой! замѣтилъ Сила Савичъ: — до всего-то ей

дѣло, все-то не по ней. Изъ ума выжила, извѣстное дѣло. Бѣда дожить до ея лѣтъ: такимъ же ворчуномъ, пожалуй, будешь.

Вѣра не могла удержать улыбки, но она скоро исчезла.

— Странное дѣло! сказала молодая дѣвушка: — я не знаю, что со мной дѣлается, мнѣ холодно. Чего хочетъ отъ меня эта женщина? Мнѣ страшно. Отъ чего такъ бьется мое сердце? Да что же она нейдетъ? Гдѣ Петруша? Вы не знаете?

Но Сила Савичъ допивалъ третью кадушку.

— Вѣдь онъ меня любитъ, Сила Савичъ, продолжала дѣвушка, да? Онъ любитъ?....

Но съ этимъ словомъ дверь съ лѣстницы быстро отворилась и въ комнату вошла молодая женщина. Она была высокаго роста; мѣховой салопъ, покрытый старымъ чернымъ атласомъ, скрывалъ ее всю и то, что она, казалось, держала на рукахъ своихъ. Большой пунцовый турецкій платокъ, сложенный кой-какъ толстыми склад-

ками, драпировалъ голову и шею женщины. Двѣ пряди глянцовитыхъ черныхъ волосъ выбивались изъ красной рамки, окаймлявшей свѣжее миловидное личико женщины. Два черные глаза блистали изъ-подъ густыхъ бровей ея, какъ двѣ звѣзды изъ-за темной тучи. Широкія розовыя ноздри женщины, казалось, были налиты кровью, тревожное дыханіе слышалось издали. Очаровательно-прекрасно было оживленное подвижное личико женщины: оно было— олицетворенная страсть, заключенная въ огненную рамку. Женщина быстро вошла въ комнату и, окинувъ ее бѣглымъ, блуждающимъ взглядомъ, остановилась лицомъ къ лицу съ Вѣрой, которая безсознательно встала и, сдѣлавъ два шага впередъ, то же остановилась прикованная къ мѣсту. Лицо женщины было ей незнакомо, но поражало ее красотой своей. Сила Савичъ то же перемѣнилъ мѣсто, не допивъ кадушки.

— Что вамъ угодно? наконецъ съ усиліемъ спросила Вѣра.

— Мнѣ? переспросила женщина и горько улыбнулась.—Вы очень хороши! продолжала она послѣ молчанія.

«Ужъ не съумасшедшая ли какая?» подумалъ Сила Савичъ и подошелъ ближе.

— Вы очень хороши, твердила женщина: — и любимы, но я.... я тоже была любима.

— Послушайте однакожь, сударыня, вступился Сила Савичъ:—если вы только за этимъ пришли сюда, то напрасно безпокоились, извѣстное дѣло. Какое намъ дѣло до того, были вы любимы или нѣтъ. Что вамъ надобно? Кто вы такія? Прòсите что ли? Такъ и говорите. А то ишь какія нѣжности!...

— Кто этотъ человѣкъ? спросила женщина, обращаясь къ Вѣрѣ: — отецъ онъ вамъ что ли? Или такъ, родня дальная? Могу я говорить при немъ?... А не то, такъ....

И она указала старику на дверь.

— Сударыня! вскрикнулъ онъ: — въ своемъ ли вы умѣ, извѣстное дѣло? Сами

то вы кто такія, чортъ меня возьми! продолжалъ онъ: — за какимъ дьяволомъ пожаловали? Что вамъ нужно? Что за сцены разъигрываете? Знаемъ мы вашу братью!

— Оставьте ее, Сила Савичъ, замѣтила Вѣра.—Говорите, прибавила она, обращаясь къ женщинѣ: — что вамъ отъ меня нужно?

— Вы выходите замужъ? спросила женщина:—я знаю, за Волынкина....

— Какое вамъ дѣло? Что можетъ быть общаго?...

— Вы думаете? прервала ее женщина и прибавила:—отвѣчайте мнѣ, вы выходите за него по любви, конечно?

— Это ужъ слишкомъ! Что за исповѣдь такая? И по какому праву?...

— Мнѣ жаль васъ.... любите его, какъ можно меньше, прервала ее женщина: — онъ не понимаетъ любви, не цѣнитъ ее. Онъ такъ привыкъ быть любимымъ!

— Вы подосланы Дебелиной?

— Нѣтъ. Я ее не знаю. Я сама пришла. Вѣдь я его то же любила! Я и те-

нерь.... нѣтъ.... не его я люблю теперь.... но я любила и что же. Не любите его, онъ васъ погубитъ!

Сила Савичъ расхохотался.

— Кто вы? спрашивала Вѣра.

— Погибшая, несчастная женщина!...

— Ваше имя?

— Я Мордкина, танцовщица московскихъ театровъ, сказала женщина, сбрасывая съ себя шубу на первое кресло и обнаруживая на рукахъ своихъ дремавшаго ребенка.

— Я любовница Волынкина,—мать его ребенка.

Страшный крикъ вырвался изъ груди Вѣры и разбудилъ ребенка. Она оперлась на плечо обезумѣвшаго Силы Савича, но не лишилась чувствъ—она устояла на ногахъ, смертная блѣдность покрыла ея щечки—не вѣрить было невозможно, но Вѣра еще не вѣрила. А Варинька между тѣмъ пестала ребенка, который протиралъ рученками свои заспанныя глазки. —

Жизнь ты моя! говорила она:—бай, бай.

хочешь? Погоди, посмотри на какую красавицу нась промѣнялъ папаша.... Улыбнись же ей, дитя мое, она не виновата, попроси ее, скажи ей: барыня! не отнимай у меня куска хлѣба, скажи моему папашѣ: грѣшно покидать ребенка, улыбнись, моя крошка; онъ ее любитъ, онъ для нея все сдѣлаетъ. Слышите ли вы, сударыня, обращалась она къ Вѣрѣ — участь наша въ рукахъ вашихъ: внушите жениху вашему состраданіе, прикажите ему обезпечить моего сына и будьте счастливы съ Волынкинымъ. Онъ вашъ, я ему не пара. Но взгляните на этого ангела, онъ вамъ улыбается — онъ мало говоритъ еще, онъ такъ малъ еще. Сударыня, имѣйте жалость къ бѣдной матери: я, конечно, танцовщица, но и танцовщицы имѣютъ чувства Не однимъ благороднымъ любить дѣтей своихъ. Взгляните на моего ребенка. Вотъ онъ, вотъ онъ!...

И женщина ползала на колѣнахъ передъ Вѣрой, высоко надъ головою поднимая ребенка и поднося его къ молодой дѣвушкѣ.

Каждое слово этой бѣдной пронизывало насквозь сердце Вѣры; но она все-таки не хотѣла вѣрить. Долго не могла она собраться съ силами; наконецъ, послѣ страшныхъ усилій, ужасное слово вырвалось изъ груди ея:

— Ложь! крикнула она: — кѣмъ вы посланы, кто подкупилъ васъ? Сколько взяли вы за эту комедію? Возьмите вдвое, только откажитесь отъ словъ своихъ.

— Мнѣ отказаться! вскрикнула Варинька въ свою очередь: — мнѣ уморить ребенка? Никогда! Повторяю вамъ: я любовница Волынкина, а вотъ его ребенокъ. Да развѣ вы не видите сходства?

— Дѣти всѣ на одно лицо, сказала Вѣра: — я не вѣрю. Гдѣ доказательства?

— Боже мой! прервала ее Варинька: — если вы мнѣ не вѣрите, ребенокъ не солжетъ, онъ ангелъ, онъ не понимаетъ, что здѣсь происходитъ.... Вотъ портретъ Волынкина. . . , ребенокъ его узнаетъ, онъ укажетъ вамъ на него. . . , — Колинька! жизнь моя! обратилась она къ ребенку: —

замолвь за себя словечко, скажи ей, докажи ей, Колинька. Гдѣ папаша, гдѣ папаша?

Ребенокъ уставилъ глазёнки на стѣну и искалъ ими знакомой рамы.

— Гдѣ же папаша? продолжала спрашивать Варинька.

Ребенокъ сыскалъ надъ письменнымъ столикомъ портретъ, приблизительно похожій по величинѣ и прочему на тотъ, который онъ привыкъ видѣть дома ежедневно, и потянулся по направленію къ нему.

— Видите? спросила Варинька и, поднеся ребенка къ портрету, прибавила: — кто это? жизнь моя, кто это?

— Папа, лепеталъ ребенокъ: папа.

— Слышите?

— Быть не можетъ! ребенка давно учили говорить это, поднося къ какой-нибудь картинѣ. Это навыкъ и больше ничего. Ребенокъ не понимаетъ.... нѣтъ, я не вѣрю, не вѣрю!

— Это жестоко, сударыня, сказала Варинька;—но если я рѣшилась придти — впрочемъ на что не рѣшится мать—я все предвидѣла. Не вынуждайте меня быть тоже жестокой. У меня есть доказательство, которое убѣдитъ всякое недовѣріе...

— Гдѣ оно?

— Обезпечитъ ли Волынкинъ моего ребенка?

— Доказательство?...

— А мой ребенокъ?...

— Даю вамъ слово... доказательство?..

— Вотъ оно.

И Варинька, вынувъ изъ кармана кольцо Волынкина, подала его Вѣрѣ.

— Кольцо.... это кольцо?

— Его? не правда ли?

— Его!... сказала, задыхаясь, Вѣра:— вы мнѣ его отдадите? Иначе я могу подумать, что кольцо у него украли, безъ его вѣдома, нарочно, чтобы показать мнѣ и снова тайкомъ возвратить ему.

— Возьмите. Оно дано добровольно. Скажу вамъ больше: оно взято сейчасъ. Онъ

у меня. Я въ его саняхъ; они близко, на углу. Пошлите, узнайте.

— Бѣгите! обратилась Вѣра къ Силѣ Савичу, указывая ему на дверь:—бѣгите!

— Зачѣмъ? сказалъ онъ: — чего ужъ? Ясно, извѣстное дѣло....

— Правда, прошептала Вѣра:—все кончено!

И она упала въ кресло.

— Повѣрили? спросила Варинька, подойдя къ ней:—ахъ, сударыня, жаль мнѣ васъ. Понимаю, что вы чувствуете, если точно его любите. Сама любила — знаю. Жаль мнѣ васъ. Я бы не пришла, я бы не сказала, но у меня ребенокъ. Вамъ легче моего, вы не знаете чувствъ матери. Не такъ за себя больно, какъ за него, моего ангела, душа изныла. Для него я выдала Петрушу!...

— Не произносите этого имени! вскрикнула Вѣра вскакивая.

— Виновата, сударыня, привыкла, сорвалось съ языка. Я понимаю, какъ вамъ тяжко, сударыня.

— Не жалѣйте обо мнѣ... это жестоко

— Вы меня пожалѣйте, сударыня.

— Хорошо, ступайте, оставьте меня.. это кольцо я отдамъ ему сама... я скажу ему... только уйдите... уйдите... вы свое дѣло сдѣлали, чего же вамъ еще?

— Иду, сударыня. Не гнѣвайтесь на меня, вы бы то же на моемъ мѣстѣ сдѣлали.... Прощайте, сударыня, не поминайте лихомъ бѣдную женщину, бѣдную мать, не забудьте моего ребенка... дай Богъ вамъ счастія. Онъ вамъ пошлетъ его, если вы не забудете моего сына, сына Петруши.

— Его сына! вскрикнула Вѣра и, быстро нагнувшись, страстно прижалась губами къ пухленькой щечкѣ ребенка. — Теперь все кончено, все прервано! — Ступайте... постарайтесь снова завладѣть его сердцемъ, подчинить его своему вліянію, будьте счастливы. . . . вы же испытали счастье съ нимъ... а я нѣтъ... вы мать... вы имѣете больше правъ на него, а я, я только любила... вы принесли себя ему

въ жертву... а я, я не принесла никакой жертвы... я любила, очень любила... я тоже вѣрила ему... ахъ... идите, ради Бога, идите... оставьте меня одну съ моимъ отчаяніемъ, съ моими слезами....

И она повернула Вариньку къ двери; но танцовщица, быстро схвативъ руку Вѣры, поднесла ее къ губамъ своимъ.

— Благодарю васъ, сказала она: —благодарю васъ.

И слезы оросили ея смуглое личико.

— Вы поцѣловали моего ребенка. Вы его поцѣловали? Ахъ, сударыня, въ эту минуту я готова была отдать за васъ жизнь мою. Вы—ангелъ! Онъ не могъ не полюбить васъ. Я ненавидѣла васъ заочно, я шла сюда, думала наговорить вамъ много непріятнаго, но теперь я сама люблю васъ... да, сударыня, я простая дѣвушка—не вамъ чета, но у меня сердце не злое. Клянусь вамъ Богомъ, не будь у меня сына, я бы не пришла сюда, я бы не разстроила вашего счастія. Имѣй я что-нибудь, хоть немного, я бы то же не по-

шла. А то, сами посудите, жалованье мое небольшое, я не настоящая солистка, бенефиса не имѣю, чѣмъ же жить, да еще съ ребенкомъ? Обезпечь онъ его, дай хоть что-нибудь, я бы молчала. Онъ и обѣщалъ, сударыня, много обѣщалъ, я бы на половинѣ помирилась, только дай, а не сули.... Не то, чтобы я ему не вѣрила, нѣтъ... да ребенка-то жаль, если въ случаѣ—вамъ не это понятно—выдите замужъ поймете, сударыня. Всегда скажу: не дай Богъ имѣть дѣтей. Сладки они, утѣшны, но и горьки же подъ-часъ, сердце все изноетъ, на нихъ глядя. Охъ, дитя мое, дитя мое, горе ты мое, пойдемъ отсюда, дай я тебя укрою, ложись на ручки, такъ-то, жизнь моя, баиньки, сокровище мое, баиньки!

И Варинька, одною рукою укладывая сына, другою старалась накинуть на себя шубу. Сила Савичъ помогъ ей. Слезы текли ручьями по морщинистымъ щекамъ старика. Вѣра рыдала въ другомъ углу комнаты.

— Благодарю васъ, сказала Варинька уходя: — вы меня обидѣли сначала, Богъ съ вами, поручаю вамъ моего ребенка... не забудьте его, вы стары, у васъ вѣрно есть грудные внуки, я буду за нихъ молиться, прощайте!

И съ этимъ словомъ она переступила порогъ комнаты, осторожно сошла съ лѣстницы и, быстро пройдя дѣвичью, выбѣжала на дворъ. Черезъ десять минутъ она была уже дома и бережно укладывала въ люльку спавшаго сына.

— Сила Савичъ! другъ вы мой! крикнула Вѣра, оставшись одна съ нимъ и бросилась къ нему на шею.

— Сердечная! простоналъ онъ, заключая ее въ объятія.

И оба они горько заплакали.

— Увлеклись... ошиблись мы... говорила Вѣра.

— Разтаяли! прибавилъ старикъ.

И рыданія обоихъ перешли въ судорожный горькій хохотъ.

— Не любилъ онъ меня! стонала Вѣра.

— Мы-то за что его любили, сударыня, а ты чего смотрѣлъ, старый хрычъ? Руку сжечь далъ бы за него, голову бы отрубить позволилъ. Вотъ и отрубили бы.

— Нѣтъ Петруши!... Нѣтъ его! Отняли! Навсегда отняли! вырвалось у Вѣры и новыя слезы смѣняли прежнія.

— Богъ съ нимъ! говорилъ Сила Савичь, захлебываясь—Богъ съ нимъ!

И съ каждымъ словомъ почтенный старикъ тѣснѣе прижималъ къ своему сердцу несчастную дѣвушку, съ каждымъ словомъ рыданія обоихъ становились громче и прерывистѣе. Панкратьевна давно уже стояла у двери и, сама не зная объ чемъ, навзрыдъ плакала. Вѣра услыхала ея голосъ.

— Няня! вскрикнула она и, вырвавшись изъ объятій Силы Савича, бросилась къ ней:—няня! повторяла она:—помнишь ты мою комнату? Онъ пѣлъ за стѣной, а я его любила—ты это помнишь? Ну, этого не было, это пустяки, вздоръ, это мнѣ

казалось. Это были шутки: я надъ тобой смѣялась. Да....

И Вѣра покатилась со смѣху.

— Царица небесная! вопила старушка: — что это съ нею такое?

— Да, продолжала Вѣра: — я шутила.... помнишь послѣ, это было вечеромъ, насъ помолвили, я была такъ счастлива.... ну, это мнѣ казалось....это былъ сонъ.... какой смѣшной сонъ, да, смѣшной?...

Новый залпъ смѣха прервалъ ея рѣчи.

— Это припадокъ! говорилъ Сила Савичъ, наливая воду и смачивая ею горячіе виски дѣвушки.

— Господи, помилуй! лепетала Панкратьевна, подавая стклянку со спиртами.

Но Вѣра потеряла сознаніе: припадокъ усиливался, она ломала руки, рвала на себѣ волосы, а хохотъ между тѣмъ все увеличивался.

— Сонъ! кричала она: — записку дали — я не вѣрила.... доказали — не повѣрила, а это было. Да. Не смѣшно ли? Няня!....

Это его рука была? Онъ писалъ ей и мнѣ.... одной рукой писалъ!

Дѣвушка задыхалась.

— Ктобъ ни былъ ты.... продолжала она: люблю тебя.... Нѣтъ.... я шутила, я не любила. Могла ли я? Онъ не свободенъ. Танцовщица и сынъ! у него сынъ! у холостаго? Смѣшно! Это не правда? Нѣтъ, это я на-смѣхъ. Ахъ! я умру отъ смѣха! Няня! и ты смѣешься? Да? Сила Савичъ! Какъ онъ хохочетъ! Ахъ, какъ хохочетъ!

Но ужъ не хохотъ, а какіе-то болѣзненные стоны вырывались изъ груди бѣдной дѣвушки. Явилась прислуга и Вѣру положили въ постель, гдѣ, послѣ часа безплодныхъ усилій, припадокъ сталъ утихать: она впала въ какое-то лихорадочное состояніе, потомъ въ безпамятство, наконецъ въ апатію. Всю ночь Сила Савичъ простоялъ на колѣнкахъ у ея постели. Только къ утру заснула Вѣра, и онъ вздохнулъ свободнѣе.

VI.

Всю ночь не спала Варинька; она не могла согрѣться, ее била лихорадка; бѣдная дѣвушка давно уже перемогалась, а именно съ того тяжелаго вечера, когда она впервые узнала о намѣреніи Волынкина жениться и безъ ботинокъ отправилась къ Аннѣ Антоновнѣ. Моральныя страданія увеличивали тоже ея физическій недугъ. Варинька страдала. Высказавъ душу, она успокоилась сначала за участь сына, но ей стало жаль Вѣры, этого слабаго, любящаго, беззащитнаго созданія, котораго

будущность она уничтожила двумя-тремя словами.

— «Зачѣмъ, думала она: —Волынкинъ не былъ откровененъ со мною, не сказалъ прямо, что онъ любитъ ее: я бы поняла его положеніе. Въ немъ не было довѣрія ко мнѣ, онъ хитрилъ, лукавилъ. Зачѣмъ всѣ эти выдумки о повѣренномъ? Сказалъ бы, что дѣла его плохи, просилъ бы подождать, далъ бы вексель, я бы повѣрила, я бы подождала, согласилась бы на всякую уступку. Но, нѣтъ, не друга онъ во мнѣ видѣлъ, а женщину, разсчитывающую на карманъ его. Это тяжело, обидно! Его гордость не позволила ему объясниться со мной прямо, потому, вѣроятно, что я ничтожная танцовщица. Онъ хотѣлъ доказать, что онъ, какъ и всѣ, такихъ женщинъ, какъ я, бросаютъ когда имъ вздумается, и доказалъ, но это жестоко!»

Страшные сны видѣлись ей всю ночь въ то короткое время, на которое она забывалась.

На другое утро она едва могла встать съ постели и черезъ силу вышла въ гостиную. Нетронутая чашка чаю остывала передъ нею, когда раздался сильный звонокъ у двери. Варинька поспѣшно запахнула раскинувшіяся-было полы турецкаго пестраго капота и поправила крошечный кружевной чепчикъ, покрывавшій ея черную косу.

«Кто бы это былъ? подумала она и невольно дрожь пробѣжала по всему существу ея. Она ждала, она боялась неминуемой развязки вчерашней сцены.

— Здѣсь живетъ танцовщица Мордкина? послышался мужской голосъ изъ передней.

— Здѣсь-сь, отвѣчала Варвара: — какъ объ васъ доложить прикажете?

— Это ты отставь. Я самъ... гдѣ онѣ? продолжалъ спрашивать голосъ.

— Въ гостиной. Пожалуйте-съ, отвѣчала Варвара.

— Однѣ онѣ? вопрошалъ голосъ уже въ залѣ.

— Однѣ-съ.

Шаги приближались. Выринька, не узнавъ голоса, встала съ намѣреніемъ стоя принять посѣтителя, вѣроятно ошибшагося и принимавшаго ее за другую.... Маленькое, приземистое существо, не старое еще, но съ лицомъ болѣзненно-желтымъ, съ рѣдкими бѣлокурыми волосами, подвитыми на вискахъ, въ очкахъ на довольно длинномъ тонкомъ носѣ, съ улыбающеюся физіономіей, тонкими ножками въ родѣ тычинокъ, обтянутыхъ узенькими панталонцами подъ форменнымъ виц-мундиромъ, засеменило по ковру гостиной, разсшаркиваясь и помахивая шляпой, довольно поношенной и помятой.

— Честь имѣю представиться, говорило худенькое существо весьма крикливымъ голосомъ: —очень пріятно познакомиться, извините, что такъ рано, дѣла, занятъ, обязанности службы и другія хожденія, впрочемъ, при первой возможности, долгомъ себѣ поставилъ представиться, искать расположенія.

— Позвольте узнать, перебила его Варинька: —съ кѣмъ я имѣю удовольствіе.... вы, вѣроятно, ошиблись....я, кажется, никогда не имѣла случая.

— Справедливо! крикнуло существо: — до сей поры находясь на вашъ счетъ въ невѣденіи, не имѣлъ случая, но въ настоящій день счастливымъ себя почитаю, что могу....

— Не съ авторомъ ли новой драмы: «Юпитеръ громовержецъ,» куда введены танцы и гдѣ я танцую, имѣю я удовольствіе....

— Нѣтъ-съ, не имѣя піитическаго настроенія, я сими отношеніями не занимаюсь. Моя часть совершенно другаго свойства, слогъ свой имѣю и могу сказать: ясность и сжатость пріобрѣлъ навыкомъ и стараніемъ-съ. Предметы серьёзные обсуживаю. По одному изъ такихъ и у васъ присутствіе имѣю, чего, конечно, не пріобрѣлъ бы иначе, къ крайнему, смѣю сказать, соболѣзнованію, потому что—извините простоту изрѣченій—кто же при

воззрѣніи на васъ, сударыня, не возрадуется и не умилится?

— Что вамъ угодно? Кто вы? быстро и холодно перебила Варинька худенькое существо, котораго лиловые глазки бросали что-то въ родѣ молній изъ-подъ синихъ очковъ въ стальной сизой оправѣ.

— Позвольте объясниться! сказалъ худенькій человѣкъ, нѣжно смотря на Вариньку:—зная, или лучше сказать, посвященный въ ваши—извините ясность выраженій—ваши бывшія и прерванныя отношенія къ особѣ его высокоблагородія Петра Степановича....

— Вы отъ него? вы отъ Волынкина? быстро перебила его Варинька.

— Прошу васъ обратить вниманіе на сжатость повѣствованія.... посвященный въ прерванныя....

— Вы имѣете мнѣ передать что-нибудь? сообщить?

— Истину изрѣчь изволили! Имѣю передать вамъ.... но позвольте приступить къ сему серьезному дѣлу съ достодолж-

ною аккуратностью.... лицо довѣренное и—льщу себя—близкое къ особѣ его высокоблагородія, лицо, утверждаю, проникнутый чувствомъ признательности, облагодѣтельствванный покойнымъ—дай Богъ ему царствія небеснаго—родителемъ Петра Степановича, какъ сынъ—не скрываю темноты своего происхожденія—какъ сынъ приходскаго дьячка въ ихъ имѣніи, по фамиліи Вздвиженскій, по имени Николай, по отчеству Андреевъ—батюшку зовутъ Андрей Селиверстычь — учиняю по силѣ возможности все угодное извѣстной вамъ и всей Москвѣ, скажу болѣе, всей Европѣ извѣстной особѣ и по сему, точнѣе, на сей конецъ и являюсь къ вамъ, сударыня, чтобы быть посредникомъ воли его высокоблагородія въ отношеніи къ вашимъ—простите точность выраженій—къ вашимъ заслугамъ.

— Вы повѣренный Волынкина? вскрикнула Варинька.

— Его высокоблагородія.... поправилъ ее человѣчекъ.

— Ваша фамилія Вздвиженскій?

— Или Воздвиженскій—это тожъ. Хоша по настоящему фамилія наша издревле зачиналась: Грошавоздвиженскій, но какъ не приличная, сокращена и упрощена.

— Съ какимъ же вы порученіемъ?

— Съ наипріятнѣйшимъ, сударыня, потому надо полагать—прошу васъ вникнуть въ точность выраженія—деньги суть безспорно отраднѣйшее осуществленіе жизненной потребности.

— Вы мнѣ привезли деньги?

— И какія еще сударыня! Не называя суммы—если сжато выразить — капиталъ вручить вамъ имѣю, каковые куши не всякому смертному на долю выпадаютъ, какими только отъ щедротъ его высокоблагородія одна только красота земная и прелести видимыя—извините точность — по заслугамъ вознагражденіе получаютъ.

И съ этимъ словомъ худенькій человѣчекъ, вынувъ бумажникъ, положилъ его на столъ, прибавя:

— Здѣсь, сударыня, заключаются ломбардные билеты на благородное имя ваше....

— Деньги! вскрикнула Варинька: — о! Боже мой! Боже мой! Что вы сдѣлали? Зачѣмъ вы не пришли вчера? Зачѣмъ вы опоздали? Какъ вы смѣли опоздать? Вы это нарочно сдѣлали? Деньги! Сегодня! Когда уже поздно!.... Когда все кончено, слово сказано! О! Боже мой! Боже мой!

И Варинька въ совершенномъ отчаяніи опустилась на диванъ, закрывъ лице руками.

— Волненіе сіе мнѣ понятно, говорилъ Воздвиженскій: — чѣмъ раньше пріобрѣтешь десять тысячъ рублей—прибавя: серебромъ, для точности—тѣмъ оно пріятнѣе. Что же касается замедленія съ моей стороны, то не оплошность тому причиной или нерадѣніе, а невозможность: празднества чтимыя, стеченіе обстоятельствъ, ничто иное.

— Что я сдѣлала! Боже мой! За что я растерзала ея сердце? За что я погу-

била его, ихъ обоихъ? Его! Онъ такъ благороденъ! А я! Все эта женщина виновата. О! Боже мой! Что я сдѣлала! повторяла Варинька въ сильномъ волненіи, ломая руки.

— Радость, говорилъ Воздвиженскій: — производитъ, по моимъ понятіямъ, эту сбивчивость рѣчей вашихъ, сударыня. Но позвольте однакожъ вручить вамъ по принадлежности сіи документы. Согласно съ волей его высокоблагородія сумма, поименованная мною и вамъ извѣстная, раздроблена на три неравныя части, что свидѣтельствуютъ билеты, одинъ въ пять тысячъ, другой въ три, а два въ тысячу каждый, въ сложности оказываются тѣ же десять тысячь. Соблаговолите получить.

— Ахъ, Боже мой! До того ли мнѣ?

— Взглянуть удостойте: деньги счетъ любятъ-съ.

— Хорошо; я послѣ, благодарю васъ.

— Принять извольте. Мнѣ приказано доставить въ собственныя—простите точность выраженія—прекрасныя руки ваши.

— Это все равно; бросьте куда-нибудь на столъ, сюда или туда бросьте.

— Деньги-то, сударыня? Конечно я, по понятіямъ моимъ, усматриваю въ такомъ съ вашей стороны поступкѣ одно похвальное безкорыстіе, но съ другой стороны долгомъ считаю выразить мое къ нему удивленіе.

— Благодарите Волынкина, сказала Варинька, вставая и тѣмъ желая отдѣлаться отъ докучнаго свидѣтеля ея мученій: — скажите ему, что я не стою, что я не хотѣла, что я должна была вѣрить; что вы опоздали, иначе я бы не говорила; что я мать—вотъ одно оправданіе... или нѣтъ, не говорите ничего, что я получила молча, холодно... за одно ужь презирать ему меня. Прощайте, извините, я больна, встревожена, я очень страдаю, прощайте.

— Позвольте замѣтить, сказалъ повѣренный: — что словесныя объясненія въ дѣлѣ такой важности значенія не имѣютъ. Смѣю замѣтить, что для оправданія себя самого предъ особой его высокоблагородія

въ случаѣ, если бы — извините точность выраженія — встрѣтилось какое недоразумѣніе—чего я и допустить даже не дерзаю—мнѣ нужно болѣе неопровержимое доказательство.

— Чего же вы хотите? Что я должна сдѣлать?

— А вотъ-съ. Не соблаговолите ли, прочтя сію краткую, заблаговременно составленную мною записку о полученіи вами отъ чиновника 14 класса Николая Андреева сына Вздвиженскаго всей суммы сполна, скрѣпить ее подписью руки вашей съ поименованіемъ чина, если таковой значится, имени, отчества и фамиліи, съ обозначеніемъ числа, мѣсяца и года. Простите точность исполненія.

И онъ подавалъ Варинькѣ исписанный листъ почтовой бумаги, гдѣ значилось все, имъ объясненное. Варинька быстро схватила перо и подписала свою фамилію на запискѣ, которую Воздвиженскій тщательно засыпалъ пескомъ и, осторожно спря-

тавъ въ бумажникъ, положилъ его въ карманъ.

— Радъ очень, сударыня, прибавилъ повѣренный: —что этотъ пріятный случай доставилъ мнѣ возможность выразить вамъ мое высокопочитаніе.

— Благодарю васъ.

— Дозвольте и впредь надѣяться на продолженіе знакомства.

— Почему же.

— За счастье сочту дѣлить съ вами компанію, потому кто же—простите точность выраженія—можетъ оставаться нечувствительнымъ къ совершенствамъ, въ васъ однѣхъ соединеннымъ.

— До свиданія , лепетала Варинька, чтобъ отдѣлаться.

— Не лишите милостиваго расположенія, говорилъ Воздвиженскій, расшаркиваясь: —въ случаѣ процесса какого—чего пошли вамъ, Господи—или такъ бумаженки какой, прошу васъ обратиться ко мнѣ:. краткость, сжатость и точность выраженій моего слога всегда къ вашимъ услу-

гамъ. Буду льстить себя надеждой и пребуду въ упованіи.

— Благодарю васъ, сказала Варинька, провожая его къ двери передней.

— Не утруждайте себя, сударыня, говорилъ онъ, уходя:—до наипріятнѣйшаго въ будущемъ времени свиданія.

— Деньги! проклятыя деньги! вскрикнула Варинька, вернувшись въ гостиную и сжавъ въ рукѣ оставленные на столикѣ Воздвиженскимъ билеты.

— Какою страшною цѣною я пріобрѣла васъ!

Она закрыла лицо руками и крупныя слезы оросили штемпельную бумагу.

— И послѣ того, что я вчера сдѣлала, продолжала она:—я взяла деньги! я должна была взять ихъ, росписаться въ полученіи! О! если-бъ ребенокъ мой могъ жить однимъ только воздухомъ, а я любовью! Зачѣмъ этотъ человѣкъ не пришелъ вчера? Я бы радовалась, я была бы почти счастлива. Не за себя, конечно, а за ребенка. Но теперь, теперь эти деньги

жгутъ мои руки. Они выручены цѣной его несчастія, его безславья даже! И я взяла ихъ! Не могла не взять! Зачѣмъ я вѣрила этой женщинѣ, а не ему? Зачѣмъ я такъ слаба? Ему надо было вѣрить, какъ Богу.... Онъ меня накажетъ за Петрушу, за его невѣсту, она ангелъ... она цѣловала моего ребенка. Богъ меня накажетъ... Онъ можетъ отнять у меня сына!.... О! Господи!... Не отдать ли этихъ денегъ, только пусть будетъ живъ Колинька? Не бѣжать ли къ Струйской? Сказать, что я солгала, что это кольцо я взяла тайкомъ, что этотъ ребенокъ не мой.... Нѣтъ, онъ мой, мой! Не могу, слабость, дурно, темно. . . .

И Варинька въ изнеможеніи почти упала на диванъ.

«Преплѣнительная особа,» думалъ уходя Воздвиженскій:—капиталъ звонкій имѣютъ, да и на счетъ внутренняго устройства горницъ большую послѣдовательность соблюдаютъ. Вотъ бы нашему брату. . . чистоты только этой въ нихъ нѣтъ, за то

душевныя качества, потому: духъ бодръ, плоть немощна. Съ точностью можно бы было въ скорое время удвоить капиталецъ-то.

Такъ думалъ повѣренный чужихъ капиталовъ, направляясь къ Волынкину, котораго не засталъ уже дома: онъ выѣхалъ ранѣе обыкновеннаго. Уѣзжая, онъ спросилъ своего каммердинера.

— Никто не приходилъ отъ Вариньки?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Не приносили кольца моего?

— Не слыхать было-съ.

— Пришлютъ—спрячь.

— Слушаю-съ.

— Вздвиженскій не былъ?

— Нѣтъ-съ.

— Придетъ—вели подождать.

— Слушаю-съ.

— Скажи ему, что я золъ на него.

И съ этимъ словомъ Волынкинъ отправился къ Струйскимъ, ни сколько не подозрѣвая, что̀ его тамъ ожидало. А между тѣмъ страшная сцена уже разъигра-

лась: Вѣра блѣдная, какъ смерть, въ бѣломъ утреннемъ капотѣ тихо и спокойно вошла въ кабинетъ матери и также тихо и ясно разсказала ей все, что случилось вчера въ присутствіи Силы Савича. Старикъ подтвердилъ несчастной матери горькую истину. Степанида Львовна не поняла сначала, потомъ не повѣрила, вздумала отшучиваться, но видя, сознавая наконецъ, что съ нею говорятъ серьезно, она встала съ своего мѣста, молча подошла къ образамъ и тяжело опустилась на колѣни.

— Господи! вскрикнула она: — спаси дочь мою! Отврати тучу, да пройдетъ она мимо! Сохрани мнѣ ее, Господи!

Старушка заплакала, силы ей измѣнили, и она безъ всякихъ чувствъ упала навзничь на коверъ. Сила Савичъ, съ помощію Вѣры, поднялъ старушку и уложилъ въ постель. Вскорѣ явившійся, по приглашенію, докторъ прописалъ спокойствіе и какія-то капли. Сильная головная

боль удержала Степаниду Львовну въ постели.

— Пережила! говорилъ Сила Савичъ: — а я такъ и думалъ: прихлопнетъ ее сердечную. Стара, извѣстное дѣло.

Больная заснула, а Вѣра съ Силой Савичемъ вышли въ гостиную. Въ это самое время раздался подъ окнами стукъ санныхъ подрѣзовъ о камни мостовой, чуть, чуть только прикрытой еще тонкой коркой таявшаго и съ каждымъ днемъ исчезавшаго снѣга.

— Это онъ! сказалъ Сила Савичъ: — примете, сударыня, али нѣтъ?

— Приму, отвѣчала Вѣра: — еще одно послѣднее испытаніе.

Шаги Волынкина послышались въ залѣ. Сердце Вѣры іокнуло такъ больно, точно оно висѣло на ниточкѣ, которая оборвалась, и оно, падая, ударилось обо что-то.

Волынкинъ вошелъ весело въ гостиную.

— Что съ вами? спросилъ онъ, видя статуальную неподвижность Вѣры.

Она не могла выговорить ни слова.

— Не больна ли Степанида Львовна?

— Да, отвѣтила наконецъ съ усиліемъ Вѣра:—она все знаетъ.

— Что же такое?

— И вы спрашиваете?

— Объясните, ради Бога. Вы смотрите на меня такимъ страннымъ взглядомъ. Скажите хоть вы, Сила Савичъ, да кстати и здравствуйте, вашу руку.

— Милостивый государь! гордо и спокойно, не подавая руки Волынкину, сказалъ Сила Савичъ:—было время, я имѣлъ говорить съ вами, теперь все кончено, извѣстное дѣло. Было время, я любилъ васъ, такъ любилъ, какъ только стариковское сердце умѣетъ любить, за нее любилъ....

Глаза его заблистали слезами, и онъ указалъ на Вѣру.

— Теперь, продолжалъ онъ:—да что и говорить! Я когда-то просилъ васъ быть ходатаемъ объ отысканіи моихъ трехъ душъ—я только-что и имѣю три души—но теперь я не хочу быть вамъ обязан-

нымъ, прекратите всякое ходатайство. Я и безъ васъ не пропаду: я самъ найду мои три души. А вы заботьтесь о себѣ...

— Что вы говорите такое? вскрикнулъ Волынкинъ.

— Заботьтесь о своемъ семействѣ, продолжалъ старикъ:—вѣдь оно то же не велико: съ вами считая, тѣ же три души, извѣстное дѣло.

Волынкинъ смутился, хотя и не желалъ понять темнаго намека въ словахъ Силы Савича.

— Что же вы молчите, сударь? вскрикнулъ онъ:—что же вы по намеднишнему не заступаетесь за себя? А? сказалъ бы я вамъ слово, сударь, да удерживаюсь, назвалъ бы васъ, да не хочу, извѣстное дѣло.

— Сила Савичъ! вскрикнулъ Волынкинъ.

— Тубò! отозвался старикъ, красный отъ гнѣва, сжимая кулаки и подступая къ молодому человѣку:—не на дуэль ли вы меня вызываете? Что-жъ? Убейте старика. Умру за нее, ее любя, потому дочь она,

мнѣ почти, извѣстное дѣло. Берите еще грѣхъ на душу, за одно ужъ вамъ! И чего вы хотѣли? Зачѣмъ вы знакомились? Какъ вы смѣли? Отвѣчайте, извѣстное дѣло.

— Вы съ ума сошли! сказалъ Волынкинъ.

— Есть съ чего, сударь, умереть даже могъ, извѣстное дѣло.

— Объясните мнѣ, обратился Волынкинъ къ Вѣрѣ.

— Вы не понимаете? спросила она черезъ силу: —ахъ, Волынкинъ, что вы со мной сдѣлали? Я васъ такъ любила, вы это знали и чѣмъ вы мнѣ отплатили? Скрытностью, недовѣріемъ.... я бы простила, я бы все простила, если бы вы мнѣ сами сказали или черезъ кого-нибудь... мнѣ бы растолковали.... я бы поняла какъ-нибудь.... и вдругъ.... нѣтъ, вы жестоки, Волынкинъ! Богъ вамъ судья!

Волынкинъ страдалъ невыносимо. Онъ понялъ, что тайна его прошедшаго открыта. Онъ не могъ выговорить ни слова.

— И теперь, продолжала Вѣра: — при первыхъ словахъ Силы Савича я ждала раскаянія, слезы, слова — не могли же вы не понять, что я все знаю. Эта женщина была у меня....

— Возможно ли! вскрикнулъ Волынкинъ, закрывъ лице руками, и упалъ въ кресло.

— И не одна, Волынкинъ: она была съ нимъ, съ ребенкомъ....

— О! Боже мой! простоналъ Волынкинъ.

И громкое рыданіе раздалось въ комнатѣ.

— Она плакала, ребенокъ лепеталъ ваше имя, она просила куска хлѣба, у меня, Волынкинъ. Вы ее бросили.... для меня, не правда ли, безъ угла, безъ крова.... и она пришла.

— Это ложъ! вскрикнулъ молодой человѣкъ: — она солгала, это ошибка; я богатъ, вы знаете, я бросилъ имъ денегъ, много денегъ, но ей все мало, или она ихъ еще не получала....вотъ почему она пришла къ вамъ; она осмѣлилась придти!

Какая дерзость! О! Боже мой! Вѣдь, эти отношенія давно прерваны, давно, съ тѣхъ поръ, какъ мы объявлены женихомъ и невѣстой.... я не знаю этой женщины, я забылъ объ ней.... я не любилъ ее никогда, а съ тѣхъ поръ, какъ узналъ васъ, я не могъ ее видѣть. Вѣдь, я покупалъ ея страсть, купилъ, заплатилъ, чего же она хочетъ? Какъ она смѣетъ? Какое право она имѣетъ? Какъ допускаютъ къ вамъ такихъ женщинъ? Ихъ много въ Москвѣ. Да, наконецъ, какія у ней доказательства?

— Вы не были у ней вчера, Волынкинъ?

— Нѣтъ! рѣшился сказать онъ.

— Однакожъ она, оставя васъ у себя, пріѣзжала въ саняхъ вашихъ.

Все стало понятно Волынкину: записка Анны Антоновны была фальшивая, тревога, все было заранѣе придумано. Онъ, молча, опустилъ голову.

— Она привезла два доказательства, продолжала Вариньк а:—одно живое—ребенка; другое—вотъ оно.

— Чье это кольцо? спросила она: — вы молчите.... отопритесь отъ него, если смѣете.

— Мое оно, мое! вскрикнулъ Волынкинъ, принимая кольцо изъ рукъ Вѣры: — но мы оба — игрушка ужасной, адской интриги, западня удалась, я попался въ нее безъ средствъ къ оправданію. Но я не виноватъ. Богъ видитъ мою душу. Онъ внушитъ вамъ ясновидѣніе: загляните и вы въ мое сердце, вы увидите, что оно билось и бьется только вами. О! Вѣра! Вѣра! сжальтесь надо мною. Простите меня. Что же мнѣ остается больше, какъ только просить прощенія, хотя одно только время докажетъ вамъ, что я не виноватъ передъ вами, Вѣра! Вѣра!

И Волынкинъ упалъ передъ ней на оба колѣна.

— Поздно! сказала она: — не мнѣ васъ прощать — Богу. Но ни время, ничто не измѣнитъ моего рѣшенія. Встаньте, Волынкинъ, будьте счастливы. Забудьте меня. Я любила васъ. Прощайте.

— Вѣра! Вѣра! кричалъ ей вслѣдъ Волынкинъ, простирая руки и удерживая ее: —это не можетъ такъ кончиться. Неужто вамъ не жаль меня? Лишиться васъ, Вѣра! Дайте мнѣ годъ, два испытанія. Вѣрьте мнѣ, одному мнѣ. Не отказывайтесь отъ счастья. Оно возможно, оно вѣрно.... да, не правда ли?

— Никогда! сказала Вѣра: —возвратитесь къ ней, къ вашему сыну.

— Неужто все кончено?

— Все. Эта женщина всю жизнь становилась бы между нами. Если не она, то воспоминаніе о ней, о ребенкѣ. Нѣтъ, кончено! Прощайте, Богъ съ вами! Оставьте меня.... забудьте....

Она быстро выбѣжала въ другую комнату.

Волынкинъ въ отчаяніи упалъ на первое кресло.

— Милостивый государь! сказалъ Сила Савичъ, остановясь передъ нимъ: —я буду имѣть честь сегодня же возвратить вамъ все то, чѣмъ вы, извѣстное дѣло, думали

задарить искреннее къ вамъ сочувствіе. Если же вы думали, что я сожалѣю о разстроившейся свадьбѣ вашей, вы крупно ошибаетесь, извѣстное дѣло. Жаль мнѣ только ее бѣдную. Да и то Богъ милостивъ. Степанида Львовна слегла, видѣть васъ не можетъ, да и не желаетъ, я одинъ за всѣхъ на-лицо. Я же и выражу вамъ, милостивый государь, что мы всѣ чуствуемъ къ вамъ ровно на столько уваженія, на сколько вы его заслуживаете. Больше я не имѣю говорить съ вами!

И Сила Савичъ пошелъ было къ двери, но вернулся.

— Накажетъ васъ Богъ, сказалъ онъ.

И крупныя слезы повисли на его сѣдыхъ рѣсницахъ. Но онъ быстро отеръ ихъ ладонью и важно вышелъ изъ комнаты. Волынкинъ не слыхалъ длинной его рѣчи: онъ страдалъ слишкомъ сильно. Когда онъ былъ одинъ, онъ созналъ свое одиночество въ томъ домѣ, гдѣ давно ли его ждало счастіе семейной жизни.

— Все кончено! сказалъ онъ: —неужто

все кончено? Но за что же? Боже мой! за что? Она не знаетъ истины и вѣритъ, отталкиваетъ человѣка, который такъ любилъ ее. Нѣтъ, она меня не любила! О! Вѣра! Вѣра!...

Волынкинъ судорожно схватилъ свою шляпу и выбѣжалъ въ залъ. Небольшой, брошенный вкось, рояль обратилъ его вниманіе, и прошлые, свѣтлые дни его жизни мелькнули длинной вереницей въ его памяти. За этимъ роялемъ проводили они вмѣстѣ цѣлые часы, съ нимъ пѣли они свою завѣтную арію. Сердце Волынкина тревожно и сильно металось въ груди его, какъ бы желая прорвавъ оболочку, вырваться наружу. Волынкинъ отошелъ отъ рояля. На этажеркѣ у стѣны лежалъ батистовый платокъ Вѣры, забытый еще вчера вечеромъ. Онъ схватилъ этотъ кусокъ батиста и закрылъ имъ пылавшее лицо свое; знакомое благоуханіе обдало его горячую голову. Дрожавшія губы молодаго человѣка прильнули къ завѣтнымъ буквамъ, вышитымъ на углу платка.

Ихъ было двѣ: V. V. красовались въ медальонѣ изъ мелкихъ цвѣтовъ.

— Вѣра! сказалъ онъ, прибавя: Волынкина! И слезы, слезы, какъ жемчугъ, падали въ складки батиста.

Волынкинъ пошелъ далѣе къ двери. Игрушки Дорхенъ валялись въ одномъ углу и граціозный образъ дѣвочки мелькнулъ какъ живой въ его памяти.

«Одна изъ этихъ куколъ», подумалъ онъ: —названа была Петромъ Степановичемъ, дѣвочка станетъ играть имъ, Петра Степановича у ней отнимутъ, не позволятъ произносить его имя.... А давно ли?

И Волынкинъ отворилъ дверь въ переднюю.

Въ корридорѣ раздался голосъ Панкратьевны, журившей кого то по обыкновенію.

«Няня! подумалъ онъ: — ей не долго жить; она, умирая, быть можетъ проклянетъ меня. А за что?

Онъ вышелъ въ переднюю. Лакей подалъ ему шубу съ грустной улыбкою.

весь домъ зналъ, какъ это всегда бываетъ, о случившемся.

— Прощай, сказалъ Волынкинъ лакею, надѣвая шубу: — тебѣ не жаль меня?

Лакей молчалъ, не понимая.

«Здѣсь никому меня не жаль!» подумалъ Волынкинъ и выбѣжалъ на лѣстницу. Два ряда растеній, стоявшихъ по обѣимъ сторонамъ ея, казалось, насмѣшливо наклонялись, желая бѣжавшему счастливаго пути. Онъ безсознательно сорвалъ первую вѣтку, которая ближе другихъ попалась подъ его руку и, выйдя на крыльцо, бросилъ ее на улицу.

— Куда прикажете? спросилъ кучеръ Волынкина, когда онъ сѣлъ въ сани.

— Куда? Никуда.... такъ, прямо куда-нибудь.... говорилъ Волынкинъ, едва переводя дыханіе.

Кучеръ поѣхалъ прямо. Сѣрый рысакъ отважно шагалъ по ухабамъ, только третій былъ слышанъ: первые два проскакивали незамѣчанными. Куски мокрой снѣжной грязи летали надъ рысакомъ и голо-

вами скакавшихъ, какъ головни вкругъ пожарища.

— Налѣво, на дворъ, зло и отрывисто крикнулъ Волынкинъ.

И сани его остановились у небольшаго сѣренькаго домика, который занимала Варинька. Она лежала почти безъ всякаго движенія на диванѣ въ гостиной, когда блѣдный, дрожащій и неистовый Волынкинъ, сжавъ кулаки, отчаянно вбѣжалъ въ комнату. Варинька сдѣлала усиліе подняться и не могла: болѣзнь гигантскими шагами шла впередъ. Варинька горѣла, какъ въ огнѣ; она только протянула руку по направленію къ Волынкину.

— Не умираешь ли? спросилъ онъ ее: — вотъ было бы кстати.

— Петруша! съ усиліемъ произнесла Варинька.

— Гдѣ ты была вчера? спрашивалъ онъ отрывисто: — зачѣмъ тебѣ понадобилось кольцо мое? Западню устроила? Поймала? выдала?

— Я не знала, я думала....

— Радуйся! крикнулъ онъ: —ты хотѣла разстроить мое счастье—успѣла! Радуйся!

— Приди вчера Вздвиженскій....

— А онъ не былъ.... испугалась?

— Только сегодня.... говорила Варинька.

— Принесъ деньги.... перебивалъ ее Волынкинъ: — когда уже дѣло было сдѣлано.... покойна ты теперь? Обезпечена и удовлетворена.... одинъ только я страдаю, потому что я любилъ Вѣру, люблю и теперь. Слышишь-ли ты, я люблю ее, одну ее. Не тебя же любить въ самомъ дѣлѣ!

— Пощади, сжалься!

— А ты что сдѣлала? Ты меня щадила? Боялась, деньги твои пропадутъ, думала я тебя надую, но себѣ, вѣрно, о другихъ судишь. Ты продала меня за деньги и ты еще смѣла утверждать, что ты меня любила! Деньги ты любила, а не меня!

— Я! вскрикнула Варинька, подымаясь черезъ силу и снова падая въ подушки.

— Не играй комедій, отвѣтилъ онъ: —

знаемъ васъ. Скажите: какая чувствительность напала. А отъ чего? Отъ того, что ты не образована, глупа, вотъ отчего, у тебя и хватило дерзости осмѣлиться тревожить Вѣру, этого ангела. Да еще хитрости какія придумала.

— Не я.... не для себя....

— Кто же? Для кого же?

— Для ребенка! Допусти, что я люблю его....

— Ты? вскрикнулъ Волынкинъ: — ты можешь развѣ любить кого-нибудь, кромѣ себя? Ты смѣешь сказать, что любишь ребенка? Ты любишь только тѣ средства, которыя онъ тебѣ доставляетъ. У тебя нѣтъ ни сердца, ни души.... вотъ ты какая женщина! Вотъ какъ я тебя понимаю.

— Петруша! Ради Бога пощади меня, я такъ больна, умираю.... ты не можешь чувствовать того, что говоришь—это было бы слишкомъ жестоко. Я виновата передъ тобою, но виновата только въ томъ, что пожертвовала тобою въ пользу моего ре-

бенка. Я однакожь сильно любила тебя, одного тебя, да и ты это знаешь; ты это все сказалъ сгоряча, я тебѣ прощаю. Ты самъ любилъ меня.

— Никогда! крикнулъ онъ.

— Не теперь, прежде, да, Петруша? не убивай меня.

— Полно нѣжничать, не бось, не умрешь....

— Замолчи, Петруша, не унижай себя.

— Ты молчи! крикнулъ онъ.

— Слушай, Петруша....

— Ты слушай, какъ я тебя ненавижу, какъ я тебя презираю.

— Петруша!

— Проклинаю я тебя, слышишь ли ты: проклинаю!

— О! вскрикнула она: — это ужасно! но пусть такъ; если ты такъ озлобленъ, я снесу всѣ твои обиды.... только ребенка.... не оставь его, онъ спитъ теперь.... Онъ не увидитъ.... войди.... благослови его.... Петруша....

— Слабъ я былъ къ тебѣ, началъ Волын-

кинъ: —и эта слабость меня сгубила. Разнѣжничался, какъ школьникъ, оставилъ ребенка при тебѣ, не пошелъ избитой дорогой....

— Что ты хочешь сказать, Петруша?

— Заважничалась, барыня стала, домъ, прислуга, кружева, тряпки, что ни платье— сто цѣлковыхъ. А помнишь прошлое? На чердакѣ жила; печка по три дня не топлена стояла. Что? Нашелся человѣкъ, вывелъ изъ ничтожества, а ты чѣмъ ему платишь? Жила бы и теперь на чердакѣ. Небось, родись у тебя тогда ребенокъ, припрятала бы его подальше, знаешь, домъ такой есть каменный....

Страшный крикъ раздался въ комнатѣ, Варинька вскочила на ноги.

— А теперь, продолжалъ Волынкинъ: — рада, что есть средства, какъ принца водишь своего Николашку.

— Это слишкомъ! вскрикнула Варинька: —теперь я вижу, что ты не любишь ребенка. Богъ съ тобой, ступай, оставь меня.

— Я дома! крикнулъ онъ: — какъ ты смѣешь выгонять меня?

— Я купила все, что имѣю, страшною цѣною, сказала она: —твои послѣднія слова стоятъ чего-нибудь. Ты за нихъ заплатилъ мнѣ—мы квиты.

— Все мое! крикнулъ онъ: —я здѣсь хозяинъ, я тебя могу выгнать на улицу, да не одну еще....

— Что же, сказала она: — оставайся, я уйду, позволь мнѣ только взять ребенка.

И она сдѣлала было нѣсколько шаговъ къ двери, но силы ей измѣнили, и она упала бы навзничь на коверъ, если бы опомнившійся Волынкинъ не поддержалъ ея. Она, съ его помощью, опустилась на диванъ и лишилась чувствъ.

— Доктора! крикнулъ Волынкинъ: —скорѣе доктора!

И Варвара, накинувъ платокъ на голову, опрометью бросилась за частнымъ докторомъ. Съ этого обморока Варинька уже не приходила въ себя: у ней открылась горячка и перешла въ тифъ; докторъ за-

претилъ Волынкину посѣщать больную. Онъ только присылалъ ежедневно узнавать о ея здоровьи. Афиша между тѣмъ извѣщала любителей, что объявленная драма: «Юпитеръ громовержецъ» отложена по внезапной болѣзни г-жи Мордкиной. Ей стало лучше однакожъ. «Петруша!» было первое слово, которое она произнесла съ сознаніемъ: что съ нимъ? Гдѣ онъ?» Но его уже не было. Удостовѣрившись въ безопасности положенія Вариньки, онъ уѣхалъ. Куда? люди не знали. Варинька осиротѣла.

ЭПИЛОГЪ.

Оставя Волынкина въ гостиной и уйдя къ себѣ, Вѣра впала въ такую апатію, что, молча, вперивъ безъучастный, безсмысленный взглядъ на одинъ и тотъ же предметъ, просидѣла, какъ статуя, нѣсколько часовъ кряду. Она даже не плакала, слезы изсякли.... только когда Сила Савичъ сталъ отбирать отъ нея всѣ вещи, подаренныя Волынкинымъ, она долго и внимательно разсматривала каждую, какъ бы стараясь запомнить ихъ наружный видъ и потомъ уже залилась горькими слезами. Когда сняли со стѣны портретъ Волынкина, на обояхъ образовался едва замѣтный овальный слѣдъ. Вѣра долго

на него смотрѣла, невольно сравнивая его съ тѣмъ, который на вѣки оставитъ по себѣ любовь къ неблагодарному въ ея сердцѣ. Завѣтный молитвенникъ, первый подарокъ жениха, она облила слезами и дрожащей рукой вписала въ немъ подъ именемъ матери Волынкина свое собственное. Уѣзжая, Волынкинъ взялъ этотъ молитвенникъ. На письменномъ столѣ его опустѣвшей квартиры осталось письмо на имя Вариньки. Вотъ что она прочла по выздоровленіи:

«Прости меня, Варинька, я былъ жестокъ къ тебѣ. Помнишь ли ты послѣднее наше свиданіе? у тебя начиналась горячка — забудь его. Я извиняю твой поступокъ: ты молода, неопытна, могла усомниться во мнѣ, тебѣ наговорили, заставили поступить не хорошо, но ты меня любила, а ребенка еще болѣе. Много ли, мало ли ты любила меня, но любила— вотъ твое оправданіе, и я тебя прощаю, тѣмъ болѣе, что, видно, Самъ Богъ внушилъ тебѣ мысль открыть глаза Вѣрѣ и

спасти ее отъ несчастія быть связанною со мною на цѣлую жизнь, потому что кто знаетъ, любила ли она меня достаточно? Если припомнить все прошлое, то окажется, что вся наша любовь съ нею была основана на одной мечтательности, на одной поэзіи. Кто изъ насъ съ нею ошибался—Богъ знаетъ. Я долго думалъ, цѣлыя ночи, — можно было посѣдѣть отъ горя и страданія — и что же я вынесъ изъ этихъ размышленій? Одно сомнѣніе, — сомнѣніе не только въ ней, но даже и въ самомъ себѣ. Она холодно и спокойно отказала мнѣ—гдѣ же любовь? Я просилъ ее, умолялъ,—она не сжалилась,—а любовь все прощаетъ. Нѣтъ, она слабое созданіе, способное подчиняться, но теряющееся окончательно въ сильныхъ случаяхъ жизни. И кто знаетъ, соединясь съ нею, былъ ли бы я счастливъ? Время обнажило бы передо мною всю неполноту ея характера, отсутствіе всякой воли... она была бы рабою моихъ желаній и мыслей, не прекословила бы, спо-

тыкаясь о каждую преграду, которую поставила бы ей жизнь, или воля судьбы, обстоятельствъ. Не все ли къ лучшему? Право, въ настоящую минуту я не умѣю рѣшить: ее ли я точно любилъ, или другую? Не увлекался ли я ею только, любя иное существо, игривое, бойкое, полное жизни, огня, силы воли, способное покорить себѣ мужчину, а не создать себѣ изъ него какаго-то кумира и молиться на него до поры до времени, а потомъ, когда кумиръ окажется простымъ смертнымъ, утративъ въ ея понятіи половину чистоты своей, оттолкнуть его отъ себя, разбить, уничтожить. Прости мнѣ, Варинька, но мнѣ нужно высказаться — я буду говорить откровенно, тѣмъ болѣе, что такъ или иначе, между нами все кончено; мы слишкомъ заставили страдать другъ друга, чтобы снова, забывъ всю горечь старыхъ ранъ, залечивать ихъ новыми порывами подогрѣтой и потому непрочной страсти. Ты умна, ты поймешь меня. Сначала зимы мнѣ нравилась дѣ-

вушка до того оригинальная, до того пропитанная умомъ и кокетствомъ, что я, испугавшись зарождавшагося чувства, отошелъ ксторонкѣ, тѣмъ болѣе, что обхожденіе этого созданія съ другой прелестной дѣвушкой казалось до того деспотическимъ, что становилось жаль ее бѣдную. Въ этомъ вся моя ошибка. Состраданіе увлекло меня. Мнѣ стало жаль бѣдную дѣвушку, робкую, застѣнчивую, подчиняющуюся другой, бойкой, живой, острой.... и я взялъ первую подъ свою защиту, обвинивъ несправедливо вторую и объявивъ ей войну. Она была ей не подъ силу, разумѣется, и она смирилась. Ты понимаешь, что гонимая, какъ мнѣ казалось, дѣвушка была Вѣра, другая же.... но зачѣмъ называть ее? Ты ее не знаешь. И что же? Я ошибался. Сознавая всю слабость характера Вѣры, желая ей добра и вмѣстѣ видя мое къ ней расположеніе, это удивительное созданье нарочно придумало такую систему гоненія, чтобы окончательно привлечь меня на сторону

гонимой. Она успѣла, но тоже ошиблась. Она сама любила меня, но, сознавъ это слишкомъ поздно, отказалась отъ собственнаго своего чувства, затаила его, пожертвовала собою.... Однакожъ это чувство сказалось само собою, оно проявилось во всемъ своемъ блескѣ въ одномъ изъ тѣхъ поступковъ, которые не забываются. Помнишь маску, съ которой я говорилъ въ собраньи, помнишь записку, которую она мнѣ показывала, и твою ревность? Эта маска была—она; эта записка была моя, писанная къ тебѣ и случайно ей попавшаяся. Кѣмъ была она прислана — не знаю; можетъ быть, и даже навѣрное, тобою. Маска предупредила меня, желая мнѣ счастья, зная мою любовь къ Вѣрѣ, любовь признанную и раздѣленную, и скрывая свою собственную, безнадежную. И послѣ всего этого скажи сама, Варинька: не стоитъ ли эта дѣвушка уваженія, если не любви моей? Кто знаетъ, можетъ быть Самъ Богъ, видя ея незаслуженныя страданія, пожелалъ прекратить ихъ: внушивъ

тебѣ столько любви ко мнѣ и ребенку, онъ избралъ это чувство средствомъ къ разрыву между мной и Вѣрой. Кто знаетъ, можетъ быть сама судьба указываетъ на эту дѣвушку, которую я не хотѣлъ было, но долженъ бы былъ избрать въ подруги цѣлой жизни. Кто поручится, что случай не сведетъ меня опять съ нею, хоть я и уѣзжаю, бѣгу изъ Москвы; — куда, и на долго ли — самъ того не знаю. Прощай же, милый другъ мой, выздоравливай скорѣе, а главное: не ищи счастья — оно должно само постучаться: тогда отопри ему дверь и то не вдругъ, осторожно, съ оглядкой, безъ особенной радости. Чѣмъ мы равнодушнѣе встрѣчаемъ счастье, тѣмъ оно дольше въ насъ или около. Постарайся пристроиться. Кстати: Воздвиженскій безъ ума отъ тебя, говорилъ съ такимъ восторгомъ и въ такихъ книжныхъ выраженіяхъ. Мнѣ кажется, что онъ не способенъ оцѣнить красоты твоей и не лишенъ корыстолюбія; впрочемъ, онъ честенъ и, кажется, не золъ. Но ты не думай: я не

только не сватаю, но даже и не помышляю о возможности такой свадьбы.... одно только скажу тебѣ: бойся посторонняго вліянія, живи всегда согласно съ внушеніями твоего собственнаго разсудка; будь самостоятельна, тверда, непреклонна, и ты будешь счастлива. Тебѣ примѣръ—Вѣра: она всю жизнь была подъ вліяніемъ матери, этого стараго шута, который у нихъ проживаетъ и зовутъ-то его Сила Савичъ, подъ моимъ наконецъ, даже подъ вліяніемъ толковъ, слуховъ, вѣстей, доказательствъ. Измельчали люди: нѣтъ сильныхъ характеровъ, борьба воли съ обстоятельствами имъ не подъ-силу. И я благодарю Бога, что до сихъ поръ былъ чуждъ всякаго посторонняго вліянія и прожилъ 30 лѣтъ согласно съ своими убѣжденіями. Но какъ грустно, если бы ты знала, видѣть, что гибнутъ люди сами отъ себя, отъ своей слабости. Жаль Вѣры, жаль и тебя, вы обѣ разбились, какъ волны объ утесъ, отъ столкновенія вашего безсилія съ моею непреклонною твер-

достію. Только она одна, эта дѣвушка, которую я не назвалъ, умѣла остаться вѣрною себѣ. Съ нею можно помѣряться силами, но врядъ ли выйдешь побѣдителемъ? Прощай, Варинька, не поминай меня лихомъ.»

Волынкинъ.

Но Варинька не поняла письма его, гдѣ весь характеръ человѣка говорилъ самъ за себя, и готова была вѣрить и приписывать ему всѣ тѣ небывалыя качества, которыми онъ самъ себя надѣлялъ. Она еще любила его, а любовь слѣпа постоянно. Попадись это письмо другому лицу—оно оцѣнило бы его по достоинству и пожалѣло бы въ лицѣ Волынкина всѣхъ, ему подобныхъ, которыми полно современное общество. И въ самомъ дѣлѣ — не жалки ли люди, одаренные умомъ, не лишенные образованія, люди съ душой и сердцемъ, не умѣющіе даже при самой блестящей обстановкѣ идти твердо и прямо по пути жизни и позволяющіе добровольно водить себя на помочахъ; эти люди не умѣютъ

быть счастливыми, сами позволяя другимъ указывать себѣ счастье тамъ, гдѣ имъ угодно, и принимаютъ указаніе, не замѣчая, что, погибая, они губятъ другихъ, увлекая ихъ за собою въ своемъ моральномъ паденіи. Такъ и Волынкинъ, поскользнувшись, увлекъ за собою трехъ женщинъ; двумъ суждено было больно ушибиться и долго залечивать свои раны, только третья удержалась на ногахъ: она не упала, потому что сама толкнула остальныхъ, и, связанная съ ними, только оступилась.

Послѣднее время, когда драма между Волынкинымъ, Вѣрой и Варинькой разъигралась и занавѣсъ опускался, отдѣляя навсегда ихъ прошедше отъ будущаго, Настенька не выѣзжала никуда по причинѣ болѣзни Аграфены Павловны, вторично простудившейся, и никого не принимала. А Москва между тѣмъ, довольная, что есть новая пища толкамъ и пересудамъ, трубила повсюду и вездѣ иначе исторію Волынкина. Въ салонѣ княгини

Рогожской громко осуждали Волынкина, возставая противъ безнравственнаго направленія современной молодежи, предпочитающей эѳемерныя связи прочнымъ узамъ супружеской жизни. Княгиня казалась оскорбленною въ лицѣ Вѣры за всѣхъ женщинъ вообще и за нее въ особенности. Однимъ словомъ, она истощила весь запасъ изящныхъ французскихъ, заранѣе обдуманныхъ фразъ въ похвалу добродѣтели и въ порицаніе пороковъ. Княгиня никогда не умѣла вовремя оглянуться. Между тѣмъ прошла недѣля. Волынкинъ успѣлъ уѣхать, Варинька выздоровѣть, а Вѣра смириться и покорная волѣ провидѣнія, снова войти въ колею своей прежней, въ себѣ самой сосредоточенной теперь болѣе, нежели когда-нибудь жизни.

Въ одно прекраное утро, Сермягинъ вбѣжалъ въ гостиную Дебелиныхъ. Настенька работала у окна; Аграфена Павловна спала въ своей комнатѣ.

— Это вы? сказала дѣвушка: —гдѣ порхаете? Давно не видались. Впрочемъ вы

были, я знаю, я не приняла васъ—не до того было. Съ вами надо болтать и болтать легко, доступно .... а я была такъ грустна все это время: когда maman бываетъ больна, я всегда глупѣю. Ну, скажите, что новаго въ городѣ—просвѣтите затворницу.

— А вы не знаете?

— Знала бы—не спросила. Когда вы будете менѣе наивны, наконецъ?

— Неужто вы не знаете ничего?

— То-есть я многое знаю....

— Значитъ нечего и говорить?

— Напротивъ. Вы можете иногда знать одно, а я другое.

— Это всѣ знаютъ, вся Москва....

— Новая сплетня. Говорите, cousin, я ужасно люблю сплетни.

— Къ несчастію, слухъ справедливъ.

— Можетъ ли быть? Всегда всѣ слухи бывали нелѣпы. Говорили, что княгиня васъ любитъ, напримѣръ....

— Полноте, кузина. Это старая исторія.

— Да, завѣтная, cousin, исторія.

— Вы все также умны.

— А вы все также молоды. Voyons, однакожъ, объ чемъ говорятъ?

— Готовьтесь прыгать.

— На мнѣ теплыя ботинки, я озябла.

— Это васъ согрѣетъ.

— Не женитесь ли вы на какой-нибудь старушкѣ, лѣтъ въ тридцать?

— Нѣтъ, это васъ унесетъ на седьмое небо.

— Высоко. На аэростаты еще нѣтъ акцій.

— Это брызги ума?

— Это волны, заливающія вашъ огонь.

— А между тѣмъ вы сами?

— Огонь хотите вы сказать? Нѣтъ, мои угольки подернуты пепломъ.

— Я ихъ раздую.

— Какими мѣхами? ужъ не влюбились ли вы въ меня въ это время, по воспоминанію, заочно? Вотъ было бы забавно? Нѣтъ. Но моя исторія...

— Съ княгиней? Я ее знаю.

— Исторія цѣлой Москвы....

— Я давно жду ее.

— Не упадите въ обморокъ....

— Я не имѣю этой дурной привычки.

— Не бросьтесь ко мнѣ на шею....

— Молоды, не стоитъ того.

— Не разорвите платка, не разбейте чего-нибудь.... я не знаю, какъ проявляется ваша радость.

— Я умѣю обуздать всякое чувство. Вѣдь, я не вы.... впрочемъ это въ скобкахъ. Не бойтесь же за меня, говорите.

— Вѣра Струйская....

— Ну?

— Отказала Волынкину. Что же вы такъ спокойны?

— Нѣтъ ли чего-нибудь другаго у васъ— а это пустяки. Могла отказать, но ему не отказано. Я сама ихъ видѣла au mieux вмѣстѣ.

— Когда?

— До болѣзни маменьки.

— Я не знаю, что было тогда.

— Да я-то знаю,

— Но теперь....

— Вы бредите....

— Значитъ, вся Москва бредитъ.

— Пустые слухи. На чемъ ихъ основываютъ?

— На отъѣздѣ Волынкина.

— Что? вскрикнула Настенька, вставая: — Волынкинъ уѣхалъ? Куда?

— Туда! сказалъ Сермягинъ: — неизвѣстно куда!

— Отчего, почему?

— Отъ того, что ему отказано. Да еще бы и не отказать! Если правда, что говорятъ, это ужасно. Представьте, кто бы могъ подумать, онъ самый безнравственный человѣкъ: у него было три любовницы, и отъ каждой по три человѣка дѣтей. Всѣ эти барыни, узнавъ о его женидьбѣ, взбѣленились и точно сговорясь, а можетъ быть дѣйствительно сговорясь, каждая съ своими птенцами, сбѣжались всѣ къ невѣстѣ, требуя Волынкина, доказывая свои права на него, плача и сте-

ная. Представьте вы себѣ положенiе бѣдной дѣвушки, когда три матери и девять штукъ дѣтей, всего двѣнадцать человѣкъ, окружили ее со всѣхъ сторонъ и каждый, по своему, требовали Волынкина. Скандалъ, да и только.

— И вамъ не стыдно повторять чужiя нелѣпости?

— Какiя нелѣпости?

— Это ложь. А если и было у Волынкина что-то такое, кто же на это обращаетъ вниманiе. Кому до этого какое дѣло?

— Но если она, положимъ, что у него была только одна, если она пришла?

— Ее слѣдовало выгнать.

— Ее выгоняли, но она вошла насильно, представила доказательства.

— Надо было осмѣять ее.

— Да доказательство-то было живое, даже говорящее, кузина.

— Его пристраиваютъ.

— Но мать не отдаетъ.

— И съ матерью вмѣстѣ.

— Она не можетъ оставить Москвы: она служитъ.

— Въ такомъ случаѣ ее подкупаютъ.

— А если только сулятъ, да не исполняютъ? Если молчаніе и было куплено, да не заплачено?

— Это ложь; онъ такъ богатъ—что ему стоитъ бросить нѣсколько тысячъ.

— Говорятъ: чужая душа потемки; въ наше время слѣдовало бы говорить: чужой карманъ—потемки.

— Только не его. Нѣтъ, cousin, тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе, чей-нибудь тайный умыселъ.

— Да не вашъ ли, кузина?

— Нѣтъ, cousin. Лестное ваше обо мнѣ мнѣніе неудачно на этотъ разъ: я истощила было арсеналъ и положила оружіе. Другіе постарались. Видно судьба Волынкина такая.

— Напримѣръ?

— Куда онъ уѣхалъ?

— Не знаю.

— Однакожъ?

— Не слыхалъ. Не знаю.

— На долго ли по крайней мѣрѣ?

— Это я еще менѣе знаю.

— Впрочемъ это все равно. Узнайте мнѣ только одно: гдѣ онъ? и тогда....

— Тогда,... повторилъ Сермягинъ.

— Тогда, много, если черезъ годъ я буду за нимъ.

— Вы, кузина?

— Я, **cousin**. А вы между тѣмъ подумайте о возможности такого событія, по крайней мѣрѣ занятіе будетъ, а то праздность—мать всѣхъ пороковъ, какъ гласятъ всѣ возможныя прописи, на пользу юношества сочиняемыя. Я зову васъ заранѣе на нашу свадьбу.

— Это не возможно; все другое, но не это. Этому я не повѣрю.

— Хотите пари?

— Кузина! вскрикнулъ Сермягинъ.

— Хотите? переспорила она.

— Мнѣ страшно, кузина.

— А мнѣ очень весело.

— Я удивляюсь вамъ.

— А я вамъ не удивляюсь. Новость ваша—прекрасная новость; пойду сообщить ее маменькѣ.

И Настенька выбѣжала изъ комнаты.

— Что жъ? сказала Аграфена Павловна подъ вліяніемъ разсказа дочери, переданнаго по своему:—я ничему не удивляюсь; оно естественно. Насказали дѣвочкѣ чертъ знаетъ что про жениха: гдѣ же ей понять, что нынче они всѣ такіе—она и отказала. Я матери дивлюсь, какъ допустить до этого? Узнай раньше, переговори съ женихомъ: такъ и такъ, молъ, вотъ что слышно, дойдетъ до дочери моей, Боже сохрани, она дитя невинное. Не велѣть бы пускать къ себѣ въ домъ всякую сволочь. Нѣтъ, она слабая, безхарактерная женщина!

На другой же день Настенька поѣхала къ Вѣрѣ въ надеждѣ выразить ей свое сожалѣніе и тѣмъ ее уничтожить, но та рѣшительно не приняла ее. Въ послѣдствіи не только дружба, даже знакомство ихъ рушилось.

Прошелъ мѣсяцъ — пахнуло весной. Солнце ярко блистало; мутные ручьи грязной воды, журча, текли вдоль троттуаровъ; снѣгу уже не было; блѣднозеленая почка вербы открывала свою чашечку, чтобы пропустить навстрѣчу дня свою сѣрую мохнатую головку. Насталъ и Свѣтлый день. Чувства примирительныя ощутилъ смертный, какая-то отрада проникла въ самыя мрачныя души, даже Вѣра въ этотъ день улыбнулась. Сила Савичъ былъ въ бѣломъ галстукѣ и новомъ сюртукѣ. Варинька впервые выѣхала послѣ тяжкой продолжительной болѣзни. Сермягинъ, вмѣсто краснаго яичка, привезъ Настенькѣ извѣстіе, что Волынкинъ въ Петербургѣ, проѣздомъ за границу, но что этотъ проѣздъ длится уже два мѣсяца и что, какъ слышно, имъ сильно завладѣла какая-то старушка-графиня, дальная родственница, извѣстная въ городѣ сваха.

— Не проиграйте пари, прибавилъ онъ.

— Оно не состоялось, отвѣтила она: —

впрочемъ съ моей стороны было бы безчестно держать его: я такъ увѣрена въ успѣхѣ.

И дѣйствительно она убѣдила Аграфену Павловну, что въ Москвѣ воздухъ слишкомъ сухъ для ея сырой комплекціи, а что петербургскій напротивъ ей долженъ сдѣлать большую пользу. Старушка повѣрила, и онѣ уѣхали. Лѣто было во всемъ разгарѣ, когда Настенька случайно встрѣтила Волынкина на извѣстномъ сборномъ пунктѣ петербургской аристократіи, пріѣзжающей постоянно всю жизнь на одно и то же мѣсто посмотрѣть другъ на друга и на закатъ солнца. Точно, картина была поразительная: какъ зарево горѣло небо, какъ сталь синѣли воды.... тихо было въ природѣ: ни вѣтерка, ни звука. И въ эту тихую минуту они встрѣтились: мгновенная радость смѣнилась оттѣнкомъ грусти на лицѣ Настеньки; она поддѣлывалась подъ грустный ладъ Волынкина. Подойдя къ ней, онъ вспомнилъ Вѣру. Настенька звала его къ себѣ, онъ пріѣхалъ. Участіе Настеньки

тронуло его, она говорила о ней, ни слова о себѣ. Какое самоотверженіе! Ему стало жаль ее. Цѣлый годъ жалѣлъ онъ ее, пріѣзжая часто сначала, потомъ чрезъ день, потомъ каждый день. Аграфена Павловна находила, что ей давно слѣдовало переѣхать въ Петербургъ, гдѣ здоровье ея видимо поправляется.

Снова пришла весна, пора любви, первыхъ цвѣтовъ, первыхъ благоуханій. Настенька была такъ наивна, такъ граціозна, умна, привлекательна; Волынкинъ такъ грустенъ, такъ одинокъ въ мірѣ. Что же ему оставалось дѣлать? Грѣшно было не оцѣнить такой постоянной, святой, испытанной страсти. Она казалась ему вѣрнымъ залогомъ за счастье, и онъ предложилъ Настенькѣ тихое, прочное чувство. Долго не соглашалась она, но онъ побѣдилъ ея упорство, и даже въ этомъ согласіи видѣлъ жертву.

Этимъ временемъ умеръ князь Рогожскій. Москва любовалась его похоронами и молодою вдовой въ траурномъ платьѣ.

Она нашила на него безчисленное множество плёрезъ и, надѣвая въ день похоронъ передъ зеркаломъ, сдѣлала модисткѣ замѣчаніе, что талія нѣсколько укорочена. Сермягинъ, которому суждено было всю жизнь все дѣлать не впопадъ, пріѣхалъ на похороны князя въ глубочайшемъ траурѣ, съ крепомъ на шляпѣ и плерезахъ на фракѣ, не смотря даже на то, что не получилъ траурнаго билета. Юноша хотѣлъ покрасноречивѣе выразить свое сочувствіе къ утратѣ, понесенной молодою вдовой. Присутствующіе на похоронахъ князя обратили вниманіе на Сермягина и, конечно, не скрыли удивленія. Княгиня была поражена. «Что онъ хочетъ этимъ доказать? думала она: —надѣть такой трауръ по постороннемъ человѣкѣ значитъ публично доказать свою радость. Если-бъ онъ былъ наслѣдникомъ моего мужа, я бы поняла эту утрировку, но если онъ что и наслѣдуетъ послѣ покойнаго, то это одно мое къ себѣ равнодушіе.» Москва заговорила о поступкѣ Сер-

мягина. До него дошли слухи, что княгиня обижена, огорчена и компрометирована. «Поправлю дѣло», подумалъ онъ; далъ пройти шести недѣлямъ и сдѣлалъ княгинѣ формальное предложенiе. Въ одно прекрасное утро онъ получилъ два письма, одно по городской почтѣ, а другое изъ Петербурга.

«Вы не годились въ любовники, а въ мужья и подавно», писала княгиня. Сермягинъ гнѣвно разорвалъ это краткое посланiе. Во второмъ пакетѣ онъ нашелъ визитную карточку; на ней мелкимъ шрифтомъ было напечатано: «Настасья Ивановна Волынкина, рожденная Дебелина.»

— Поставила на своемъ! вскрикнулъ онъ и бросилъ карточку:—даже на свадьбу не позвала, а я для нея много дѣлалъ въ жизни.

Сермягинъ не измѣнялъ никогда высокому о себѣ самомъ понятiю.

Въ это самое утро вереница каретъ. тихо слѣдовавшая за чьей-то печальной колесницой до кладбища, быстро и шум-

но, обгоняя другъ друга, покидала жилище смерти и наконецъ исчезла, разбрелась по разнымъ направленіямъ. Каждый спѣшилъ домой, точно дѣло сдѣлалъ: пріѣхалъ, посмотрѣлъ и уѣхалъ. Были и такіе, которые даже эту поѣздку помѣщали въ число городскихъ развлеченій. Опустѣло кладбище. Всѣ покинули свѣжую, рыхлую, не совсѣмъ еще завершенную могилу. Только какая-то женщина ничкомъ лежала на ней, какъ будто нашептывая умершей свое послѣднее: «прости». Мужчина въ старенькой шинелькѣ, безъ картуза на обнаженной головѣ, поднималъ несчастную, рыдавшую женщину. Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, стояла поодаль и тоже плакала, хорошенькіе глазки ея были красны. Но она плакала увлеченная общимъ горемъ, не своими, а вынужденными слезами: могила была ей чужая. Дѣвочка плакала по обязанности.

— Полно вамъ, сударыня, говорилъ старикъ, стараясь поднять плакавшую дѣвушку: —слезами не поможете, извѣстное дѣло.

Не гнѣвите Бога, Его была воля. Отнялъ у васъ ее, меня оставилъ, я не для сравненія; что я такое? Мужчина, извѣстное дѣло. Но люблю то я васъ, какъ отецъ словно. Полноте, не убивайте вы меня, пожалѣйте старика.

Но Вѣра не слушала Силу Савича.

— Поѣдемте продолжалъ онъ: — завтра опять пріѣдемъ, вы привезете маменькѣ цвѣтовъ, а теперь поплакали и будетъ. Ну, полноте же, не тревожьте ея праха. Ей хорошо тамъ, извѣстное дѣло, она была достойна. Молитесь за нее, но не убивайте себя—грѣхъ, сударыня.

Однакожъ ничто не дѣйствовало на Вѣру, и Сила Савичъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ насилію: двое лакеевъ, по его приказанію, взяли ее подъ руки и, насильно поднявъ, повели къ каретѣ. Страшный крикъ вырвался изъ груди осиротѣвшей дочери: точно съ нимъ вмѣстѣ ея собственная душа порывалась въ погоню за душой отлетѣвшей. По счастію карета стояла близко, Вѣру усадили и увезли.

«Вотъ, думала Дорхенъ дорогой: — теперь меня, вѣрно, опять отдадутъ къ папенькѣ съ маменькой.» Воздухъ освѣжилъ красное, заплаканное и опухшее личико Вѣры. Она больше не жаловалась и только изрѣдка улыбалась, но такою горкою, раздиравшею душу улыбкою, что она была тяжеле всякихъ слезъ, всякаго отчаянія. Когда дѣвушка вернулась домой, въ этотъ домъ, гдѣ все ей напоминало прошлое, каждый предметъ говорилъ ей о милыхъ и утраченныхъ навсегда людяхъ, о несбывшихся надеждахъ, напрасныхъ вѣрованіяхъ, тяжелое сиротство ея предстало передъ ней во всемъ своемъ ужасающемъ величіи.

— Одна! сказала дѣвушка: —всѣми покинута, на всю жизнь одна!

— А я-то, спросилъ Сила Савичъ: —я-то развѣ не съ вами? Не надолго извѣстное дѣло, но все-таки на первое-то время хоть какое-нибудь развлеченіе, а доставлю.

— Сила Савичъ! вскрикнула дѣвушка: —

вы были долго нашимъ другомъ, ея не стало—будьте же отцомъ моимъ.

И она бросилась въ его объятія.

— Ишь, сказала Панкратьевна, робко выглядывая въ дверь: — нѣтъ, чтобъ няню старую приласкать — его обнимаетъ. а ужъ ему такъ любить ее, какъ я, и въ носъ не кинется, потому мужчина.

Черезъ шесть недѣль Вѣра съ Силой Савичемъ, Панкратьевной и Дорхенъ, уѣхали на годъ въ деревню. Дорхенъ обняла свою свѣжую, молодую мать, успѣвшую въ это время пріобрѣсти еще дочку Линхенъ. Дорхенъ восхищалась ею, какъ живою куклою. Пасмурный Карлъ Иванычъ на первыхъ порахъ чаще улыбался, гладя курчавую головку старшей дочери. Онъ даже въ ея отсутствіе сочинилъ пѣсенку, которою развлекалъ скуку деревенской жизни:

Миръ истъ хиръ цу вѝдеръ,
Тòхтеръ òне диръ,
Кòмъ дохъ Дòрхенъ вѝдеръ
Рашеръ комъ цу миръ,

пѣлъ Карлъ Иванычъ, и Дорхенъ вернулась.

А въ Москвѣ въ это время, по обычаю, принятому съ незапамятныхъ временъ, сливки общества встрѣчали весну, сидя на лавочкахъ, тѣснившихся другъ къ другу, вдоль одной узкой дорожки Петровскаго парка. Менѣе избранное общество, такъ называемая публика или масса, каталась взадъ и впередъ мимо аристократической дорожки на потѣху сливокъ. Могучая пара сѣрыхъ пронесла, какъ вихрь, разрисованную въ клѣтку подъ плетеный камышъ колясочку и въ ней молодую женщину поразительной красоты. Она небрежно лежала въ коляскѣ, закрывая личико бѣлымъ кружевнымъ зонтикомъ на изящной, оправленной въ золото ручкѣ. Кисейныя бѣлыя, подложенные голубымъ воланы ея воздушнаго платья, уносимые вѣтромъ, какъ волны кружились въ предѣлахъ коляски, густое облоко пыли летѣло за нею. Эта очаровательница была Варинька. Скакавшій ей на встрѣчу на

кровной Англійской лошади офицеръ кивнулъ ей головой. Молодость взяла свое: она снова любила. По счастію, любимый былъ еще богаче Волынкина. Варинька была счастлива, по-своему, разумѣется, любовью и сыномъ, который уже ходилъ одѣтый, какъ кукла и даже напѣвалъ, картавя, водевильные куплеты.

Княгиня Рогожская, въ полутраурѣ, сидѣла на скамейкѣ, когда проѣхала Варинька.

— **Charmante créature**! сказала княгиня.

— **Qui est ce**? небрежно спросилъ ее пустѣйшій левъ, котораго она старалась ввести въ моду и вывести въ люди.

— Танцовщица; а вотъ и графъ, прибавила она, указывая на офицера на англійской лошади.

—Кстати слышали вы новость? Волынкинъ женился на Дебелиной. Я за нее очень рада, она его такъ искренне, такъ глубоко любила, не то что Струйская, которая расчитывала на одно состояніе и никогда

не умѣла оцѣнить человѣка C'est un bon enfant, Волынкинъ.

Разговоръ продолжался въ томъ же родѣ, когда на другомъ концѣ Парка, около полуразвалившагося строенія, составляющаго одно отдѣленіе чего-то цѣлаго, пестрая толпа второстепенныхъ цыганъ пѣла пѣсни, а буйная ватага неизвѣстной молодежи, крича, куря и обступая цыганокъ, опустошала запасъ спиртуозныхъ напитковъ, заготовленный отдѣленіемъ.

Анна Антоновна подъ руку съ какой-то несчастной, но довольно смазливой дѣвушкой, взятой, вѣроятно, изъ состраданія, очень важно прогуливалась около строенія и даже два-три раза прошла по центру гулянья въ надеждѣ на какое-нибудь случайное знакомство, нечаянное угощеніе и произвольное приращеніе доходовъ.

— Вотъ, душечка, обратилась она къ смазливой дѣвочкѣ, указывая на порхнувшую Вариньку: — посмотрите, какъ раскатываетъ, а кто устроилъ? я. Побогаче

прежняго живетъ. Вотъ и васъ, душечка, тотъ же блескъ ожидаетъ, только будьте поразвязнѣе. Надо же это когда-нибудь кончить.

Дѣвочка молчала: она любила юношу, а ей предлагали стараго, лысаго, но богатаго селадона.

«За то коляска будетъ, думала она: — «задамъ форсу, убью Мордкину. А жаль Володю... »

Одна Акулька, эта послѣдняя спица въ колесницѣ романа, всегда вѣрная себѣ, крѣпчайшимъ сномъ спала въ отсутствіи хозяйки на однажды избранномъ диванѣ. Но и тутъ звонокъ прервалъ ея сладкія грезы.

— Эка жизнь какая! вскрикнула она, идя къ двери: нѣтъ человѣку покоя....

КОНЕЦЪ.

